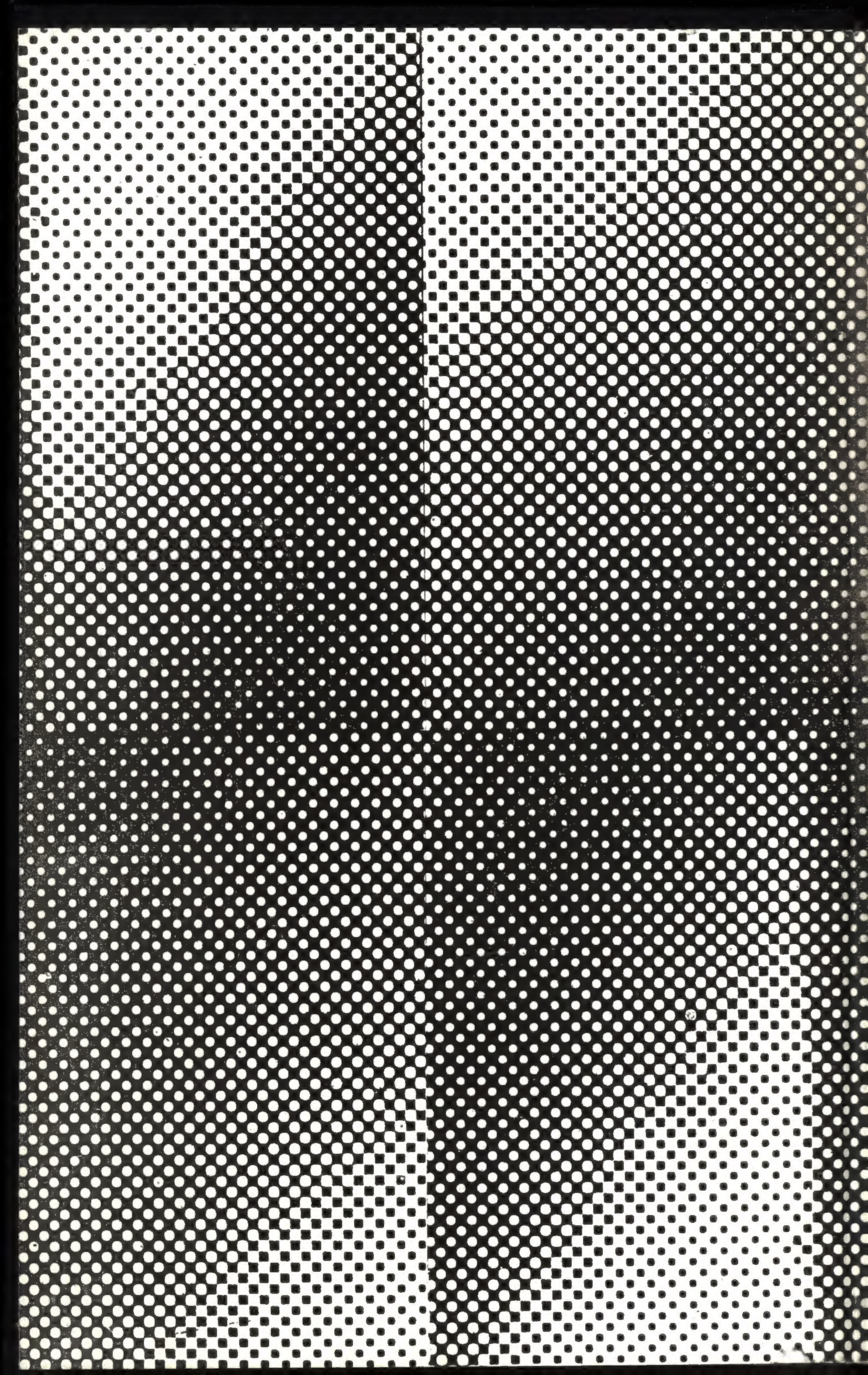
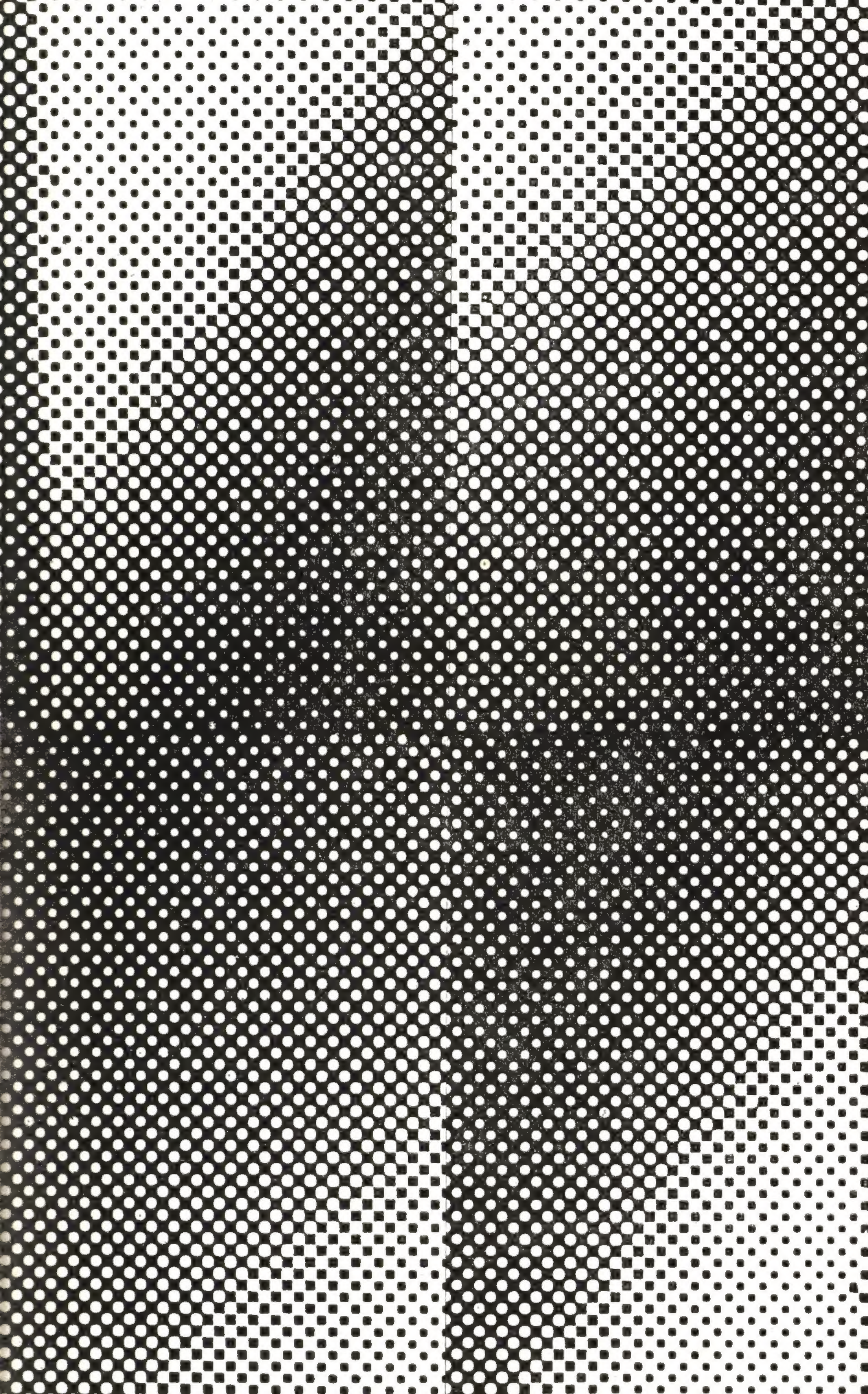
# Юрий Жуков

# НИЩИЕ ДУХОМ





Юрий Жуков

# НИЩИЕ ДУХОМ

ЗАПИСКИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

Москва
Издательство «Правда»
1985

Р 7
85

Ж $\frac{4702010200-1056}{080\ (02)-85}$ 1056–85

# ОТ АВТОРА

Эта книга выходит в свет в знаменательную пору, когда все явственнее вырисовывается перспектива вступления человечества в третье тысячелетие нашей эры. Всего пятнадцать лет отделяют нас от двадцать первого века. И чем дальше, тем чаще люди задумываются о том, что сулит нам будущее.

Когда-то, вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда наши враги пытались всеми силами задушить молодое, тогда еще единственное в мире, социалистическое государство, наш пламенный революционный поэт Маяковский вдохновенно писал: «Верю, не десятую,— сотую встретим годовщину!»

С тех пор прошло много лет. Не за горами уже семидесятая годовщина Октября. Сотую его годовщину наш народ встретит уже в двадцать первом веке. Первое в мире социалистическое государство стало великой державой, которая, что называется, на равных разговаривает с крупнейшей в мире капиталистической державой. Рядом с Советским Союзом возникло целое созвездие более молодых социалистических государств. Идея социалистической ориентации воодушевляет многие народы, освободившиеся от колониального угнетения.

СССР и братские страны накануне двадцать первого века продолжают всемирно-историческое соревнование с капиталистическими государствами. Сделано уже многое. Перед лицом отжившего свой век, но все еще яростно цепляющегося за жизнь старого мира встает во весь свой богатырский рост новый мир — мир социализма.

И сейчас, на пороге двадцать первого века буквально повсюду в мире люди труда не только восхищаются мужеством революционеров, свергнувших гнет капитала и построивших социализм на одной шестой части земной суши, но и соизмеряют неудержимый рост нового мира со все усиливающимся упадком мира старого.

Наши враги буквально рычат от злобы, нещадно ругают нас, льют на нашу державу и на содружество социалистических стран потоки клеветы, но со

скрежетом зубовным вынуждены признавать его мощь.

Мы вступаем уже в двенадцатую пятилетку развития социалистической экономики. Одиннадцать пятилеток, оставшихся позади,— это одиннадцать крутых ступеней, по которым мы шагаем к вершине века, и чем выше подъем, тем круче эти ступени.

Вспомним: до революции на долю России приходилось лишь немногим более четырех процентов мировой промышленной продукции, а в 1983 году — уже одна пятая часть. Сейчас в Советском Союзе выпускается промышленной продукции больше, чем ее производилось во всем мире в 1950 году. Мы пока еще не сравнялись по ее объему с крупнейшей индустриальной державой в мире — Соединенными Штатами,— и нам предстоит еще приложить огромные усилия, чтобы решить эту историческую задачу, но все-таки, все-таки... Если в 1950 году продукция нашей промышленности составляла менее 30 процентов к промышленной продукции США, то в 1984 году она составила уже более 80 процентов, а продукция сельского хозяйства в среднем за год достигла в период 1981—1984 годов примерно 85 процентов к американскому уровню за те же годы.

Мы отнюдь не успокаиваемся на этих достижениях. Напротив, мы подвергаем суровой критике свои недостатки, мешающие еще больше усилить нашу экономику и поднять благосостояние нашего народа. Но кто может сомневаться, что наши достижения были бы неизмеримо больше, если бы нам не довелось пережить две разрушительные войны — войну гражданскую и войну против гитлеровских захватчиков и их союзников? Кто может сомневаться в том, что мы жили бы неизмеримо лучше, если бы нам не приходилось постоянно расходовать огромные средства на обеспечение нашей безопасности, чтобы уберечь нашу страну от угрозы нападения наших врагов, ведущих безудержную гонку вооружений и не скрывающих, что ставка на первый ядерный удар по Советскому Союзу была и остается основой их военной стратегии?

А что принес двадцатый век тем, кто в октябре 1917 года считали себя властителями мира и самона-

деянно заявляли, что они способны «задушить русскую революцию в колыбели»? Словно сказочная шагреневая кожа в известной всем философской повести Бальзака, их сила и власть над миром сокращаются из десятилетия в десятилетие, а вся их духовная жизнь чем дальше, тем больше и явственнее обретает приметы вырождения.

Заметно обострились социальные противоречия. Неуклонно возрастала безработица. Попытки снизить накал классовой борьбы путем кое-каких социальных реформ не имели успеха.

За время, прошедшее после XXVI партийного съезда, все эти явления в капиталистических странах стали еще более явственными, чему способствовало огромное усиление гонки вооружений, предпринятое нынешней американской администрацией. Так сама жизнь подтвердила анализ положения в мире капитализма, который дала наша партия еще в 1977 году, когда мы праздновали шестидесятилетие нашей революции. Выступая 2 ноября 1977 года с докладом, Л. И. Брежнев с полным основанием констатировал тогда, что *«капитализм все нагляднее проявляет себя как общество без будущего»*.

«Его экономику хронически лихорадит,— говорилось в этом докладе.— Технический прогресс выбрасывает за ворота предприятий такие массы рабочих, что это угрожает потрясением всей социально-политической системе. Беспрерывно растут цены, проблемой номер один остается инфляция. Скандальные разоблачения темных политических махинаций, продажности, злоупотреблений властью, грубых нарушений закона со стороны наиболее высокопоставленных деятелей взрываются, как бомбы, то в одной, то в другой стране, демонстрируя разложение правящего класса. Рекордный рост преступности дополняет картину. Все это означает, что объективные экономические и социально-политические предпосылки для перехода к социализму достигли высокой степени зрелости. В капиталистических странах растет стремление к коренным переменам» [1].

С новой силой звучат сегодня гневные слова В. И. Ленина, обличающие капитализм. «Куда ни

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 6, с. 392.

кинь,— писал он еще в 1913 году,— на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно.* Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства... Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо»[1]. Весь облик капиталистического общества сегодня, как и тогда, свидетельствует о том, сколь справедлива эта убийственная ленинская оценка.

Наша партия предупреждает, что все это, конечно, еще отнюдь не означает, что возможен автоматический крах капитализма. У него есть еще немалые резервы. К тому же, буржуазия противник опытный. Она меняет тактику, маневрирует. Методами частичных реформ она пытается укрепить свои позиции, ослабить тягу масс к социализму.

И все же сама жизнь вновь и вновь подтверждает, что *капитализм — это общество, лишенное будущего*! Такова реальная действительность мирового развития в последние годы XX века. И не случайно политические, экономические и социальные прогнозы пресловутых футурологов реакции, этих знахарей современного капиталистического мира, становятся все более мрачными и пессимистическими.

В этой книге автор попытался изобразить на широком фактическом материале, почерпнутом как из личных впечатлений, так и из литературы, принадлежащей перьям защитников капитализма, как неприглядно выглядит сегодня буржуазное общество, как нищ и убог его идейный арсенал, как мрачна и безнадежна его психология.

Если фактический материал, собранный в этой книге, поможет читателю наглядно представить себе конкретные проявления глубокого и поистине неизлечимого духовного кризиса, охватившего нынче безнадежно больной мир капитализма, и хоть в какой-то степени разобраться в сложной политической механике мертвящего воздействия идеологов буржуазии на умы людей, остающихся в зоне их влияния, автор будет считать свою задачу выполненной.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 17.

# НИЩИЕ ДУХОМ

# ИХ ГОРЬКИЕ РАЗДУМЬЯ

Чем ближе порог двадцать первого века, тем угрюмее и, я бы сказал, безнадежнее становятся раздумья апологетов капитализма, которые еще не так давно обещали буржуазному обществу долгие годы процветания.

Канули в вечность времена самоуверенных и хвастливых пророчеств, суливших новые и новые успехи «системе частной инициативы», которая якобы куда эффективнее «коллективизма». Испарился энтузиазм футурологов, пророчивших безоблачное небо капитализму в третьем тысячелетии нашей эры. Все реже и все неувереннее звучат голоса тех, кто еще двадцать — тридцать лет назад твердил, будто возникновение социализма носит временный характер и будто он либо каким-то образом исчезнет, либо сольется с капитализмом, растворившись в волнах конвергенции.

Теперь только немногие твердолобые политики Запада позволяют себе — рассудку вопреки! — оспаривать тот факт, что победа социалистической революции в России осенью 1917 года представляет собою главное событие двадцатого века, оно коренным образом изменило ход развития всего человечества, открыв новую эпоху в истории — эпоху перехода человечества от капитализма к социализму, эпоху борьбы за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм. Минувшие с той поры десятилетия внесли поистине исторические перемены в жизнь народов и государств. Эти перемены, естественно, радуют людей труда и в то же время поро-

ждают страх и глубокую тревогу в стане эксплуататоров.

Невеселыми, нет, совсем не веселыми, а мрачными и горькими стали в последние годы выступления лидеров капиталистического мира, посвященные международному и внутреннему положению их государств. И с каждым годом они становятся все тревожнее.

### «История — пастью гроба»

Вспомним хотя бы, как отмечали в мире вступление человечества в последнюю четверть двадцатого века. Президент Соединенных Штатов Америки и премьер-министр ее величества королевы Великобритании, президент Французской Республики и премьер-министр японского императора, президент Швейцарской Конфедерации и многие, многие другие виднейшие деятели капиталистического мира не скупились на самые резкие слова, говоря о состоянии руководимых ими стран на пороге одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

«Положение нашей страны — неудовлетворительно»; «1975 год обещает быть очень и очень трудным годом»; «Уходящий год был тяжелым, но и новый вряд ли будет легче»; «1974 год разрушил некоторые иллюзии, потряс жизненные привычки и глубокие убеждения»; «Надо решить в кратчайший срок проблемы, которые повергают нацию в безнадежность» — я мог бы бесконечно цитировать драматические заявления лидеров капиталистического мира, с которыми они выступали в те дни.

Одна тысяча девятьсот семьдесят пятый год промчался удивительно быстро, буквально с космической скоростью. Мы проводили его с теплым чувством — это был сложный, бурный, во многом трудный отрезок нашего жизненного пути, но как много поистине захватывающих событий он принес! Советские люди с успехом завершили девятую пятилетку, поднявшись еще на одну крутую ступень к коммунизму; во Вьетнаме была одержана великая победа над силами агрессии и войны; еще и еще многие миллионы людей освободились от колониального ига в Мозамбике, Анголе, Гвинее-Бисау, на многих островах, разбросан-

ных в океанах; в Хельсинки главы 35 государств подписали уже вошедший в историю Заключительный акт общеевропейского совещания, эту подлинную хартию мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам; целый ряд важнейших решений, нацеленных на упрочение мира, свободы и независимости народов, приняла на своей сессии подавляющим большинством голосов Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций; в Стокгольме всемирное движение сторонников мира подняло знамя нового большого похода против гонки вооружений, за разоружение...

А как восприняли эти итоги в старом мире, которому, как писал Владимир Маяковский, «история — пастью гроба»? Вот лежит сейчас передо мною успевший малость пожелтеть с той поры пухлый, как обычно, пестроватый предновогодний номер газеты «Нью-Йорк таймс», претендующей на роль одного из ведущих органов прессы старого мира. И в нем статья одного из самых авторитетных политических обозревателей Америки Джеймса Рестона, озаглавленная «Прощай, 1975 год». Что же в ней было написано?

«Через несколько дней,— писал Рестон,— 1975 год кончится. Пройден еще один рубеж, и большинство американцев, по-видимому, говорят: «И слава богу». Это был главным образом год приведения американских дел в порядок после старых ошибок и нелепостей; год высоких цен, безработицы и инфляции; год проветривания, чтобы избавиться от зловония Вьетнама (автор имеет в виду, понятно, агрессию США во Вьетнаме.— *Ю. Ж.*)...»

Удалось ли проветрить американский дом? Приведены ли в нем дела в порядок? И что впереди? Рестон уклонился от прямого ответа на эти вопросы. Он предпочел констатировать факты. И вот какой вывод сделал он, прибегая к нарочито витиеватой манере:

«У лет есть более трудные задачи, чем прислушиваться к шепотам и вздыхать»,— писал в «Золотом трупе» Стивен Бенет, но 1975 год главным образом прислушивался к шепотам и вздыхал. Как и многие прежние годы, он знал, чего он не хочет, но он не знал, чего он хочет, и он не дал ни одной памятной

речи и не нарисовал ни единой волнующей картины будущего...

Рестон вспоминал, что в первый же день 1975 года американский суд присяжных признал виновным четырех бывших сотрудников правительства Никсона — Дж. Митчелла, Г. Холдемана, Дж. Эрлихмана и Р. Мардиана — по всем пунктам обвинения на уотергейтском процессе,— «это был символ прошлого, которое уходило, но никто не знал, что идет ему на смену».

Прояснилась ли атмосфера на берегах Потомака хотя бы к концу года? Увы, нет. Рестон отметил, что «в 1975 году не случилось ничего катастрофического», но экономика капиталистических стран (обозреватель «Нью-Йорк таймс» продолжал по инерции называть их «свободными странами») «была так подорвана инфляцией и безработицей, что многие мыслящие люди публично задавались вопросом, может ли демократическая (читай — буржуазная! — *Ю. Ж.*) система выдержать этот нажим».

Кое-какие светлые проблески на горизонте Рестон, конечно, не мог не заметить. Он вспомнил, например, о том, что «Соединенные Штаты, Канада, Европа и Советский Союз (стало быть, по Рестону выходит, что наша страна к Европе не относится? — *Ю. Ж.*) собрались в Хельсинки и подписали декларацию». Правда, он пока что скептически относился к Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанному в Хельсинки (Рестон именовал его декларацией.— *Ю. Ж.*), но все же согласился, что этот документ «может по крайней мере послужить ориентиром для политического суждения в будущем».

Утешало его в какой-то мере и то обстоятельство, что третья четверть нашего века «по сравнению с другими, была не так плоха; она была по крайней мере лучше, чем первая четверть, когда разразилась первая мировая война, или вторая четверть, на которую приходились великая депрессия (речь идет об экономическом кризисе, охватившем капиталистический мир в тридцатые годы.— *Ю. Ж.*) и вторая мировая война».

И все же окончательный вывод обозревателя «Нью-Йорк таймс» был черен, как небосвод в глухую декабрьскую ночь. «Поговорите в эти дни,— пишет он,— со знакомыми вам мыслящими людьми, молодыми или старыми, о семье, о церкви, о школах, о печати или о политике и вы увидите, что они встревожены и в то же время заняты поисками». Но что дают эти поиски, обсуждения и споры? «Они породили большие сомнения,— заявляет Рестон.— Они подточили наш оптимизм и даже наше доверие к своей политической системе и друг к другу».

Я привел эти обширные выписки из опубликованной 19 декабря 1975 года статьи Джеймса Рестона потому, что она была и остается типичной для удушливого морально-политического климата старого мира. Я не знаком с трудами Стивена Винсента Бенета, на которого ссылается Рестон, и не читал его произведение под названием «Золотой труп», поэтому мне неясно, какие там ставились задачи перед эпохой, кроме как «прислушиваться к шепотам и вздыхать». Но почти все современные политологи Запада только тем и занимаются, что «прислушиваются к шепотам и вздыхают».

**Тяжкие раздумья академика Жана д'Ормессона**

Канули в вечность слащавые панегирики сегодняшнему дню капитализма и самоуверенные прогнозы на будущее, которые когда-то публиковала из года в год буржуазная пресса. Нынче не до похвальбы, и от газетных страниц старого мира веет смертным холодом. И не случайно, к примеру, французский академик Жан д'Ормессон, тогдашний главный редактор парижской газеты «Фигаро», счел нужным примерно через полгода после выступления Рестона опубликовать большую серию статей и интервью, подкрепленных данными опроса общественного мнения, под многозначительным общим заголовком «Недомогания либерального (читай — *капиталистического! — Ю. Ж.*) общества».

Весной 1976 года, вскоре после крупной победы левых сил на кантональных выборах, напугавшей

французскую буржуазию, парижская консервативная газета «Фигаро» в целом ряде номеров опубликовала большую серию статей и интервью, подкрепленных опросом общественного мнения, под многозначительным общим заголовком «Недомогание либерального общества».

О чем шла речь в этих материалах рупора французской крупной буржуазии? Газета показала и доказала, что так называемые «средние классы» Франции, то есть мелкая и средняя буржуазия и высокооплачиваемые руководящие кадры администрации и экономики, утратили веру в способность капиталистической системы справиться с переживаемым ею кризисом и могут вверить судьбы страны левым силам, руководствуясь таким соображением: хуже не будет, а быть может, станет даже легче!

«Фигаро» била тревогу: те слои населения, которые около двухсот лет безоговорочно служили опорой капитализма, теперь могут капитулировать перед теми, кто провозглашает идеи социализма! В статье «Недомогание», которой газета открывала эту поистине необычную для нее серию выступлений, все тот же академик Жан д'Ормессон писал в газете «Фигаро»:

«Мы открываем сегодня взрывчатое (!) досье: досье, в котором запечатлены тревоги и глухое недовольство средних классов, кадров руководителей предприятий. Каждый знает об этой тревоге и об этом недовольстве, каждый их ощущает. И все о них говорят. Кадры нации больше не счастливы. Нарастающее скольжение к угрюмости представляет собой одну из основных особенностей сегодняшней французской ситуации...»

Главный редактор «Фигаро» писал, что редакции удалось снять «своеобразный рентгеновский снимок с несчастливой (!) буржуазии». «Итог суров,— предупреждал он,— следует ли удивляться этому? Повседневные разговоры, зондажи общественного мнения, политический анализ давали основания для того, чтобы предвидеть именно такой итог... Быть может, нас будут упрекать в том, что мы усилим состояние тревоги, сообщая о нем. Такое замечание небезосновательно. Французы часто вносят инфекцию в свои раны, слишком яростно расцарапывая их. Но есть и

другие соображения, заслуживающие внимания. Месяц спустя после сурового предупреждения, полученного в итоге кантональных выборов, невозможно преуменьшить явление упадка духа, уныния у французской буржуазии.

Зло распространилось слишком широко и стало слишком глубоким, чтобы о нем можно было говорить с пренебрежением... Закрыть на эти настроения глаза — значит умереть. Температуру больного не снизишь, разбивая градусник. У среднего класса лихорадка. И лучше начать его усиленно лечить, чем похлопывать по плечу, говоря ему, что все идет хорошо».

«Что же происходит? — спрашивал д'Ормессон.— Этот вопрос мы ставили перед директорами предприятий, перед их руководящими работниками, перед теми, кто несет ответственность, перед представителями свободных профессий, перед матерями семейств, которые не в состоянии сладить со своими детьми. Их ответы вызовут у вас шок... А между тем они не представляют собой сюрприза: то, что они говорят, в сущности, известно всем уже давно, да вы и сами высказываетесь в этом же духе».

И далее главный редактор «Фигаро» уточнил, что именно «вызовет шок» у читателей этой газеты, когда они познакомятся с настроениями, господствующими в рядах пресловутого «среднего класса»: «Первая очевидность: обстановка меняется. Правда, она всегда менялась,— нет вечной цивилизации, вечной культуры или общества. Но сейчас обстановка меняется так быстро, что значительная часть общества испытывает головокружение. Люди помоложе хорошо переносят головокружение и иногда даже стремятся искусственно вызвать его. Но те, кто постарше, ощущают при головокружении тошноту. В этом меняющемся и зачастую испытывающем упадок мире у них появляется ощущение, что все идет к чертям».

«Все идет к чертям,— повторил д'Ормессон и продолжал: — Эти слова немного грубовато, но достаточно хорошо передают ту тревогу, которая распространяется в правящем классе. Семья, мораль, уважение, власть, патриотизм, любовь к труду — все идет к чертям. Порядок был одним из божеств у французского

среднего класса. Его подорвали, взорвали, высмеяли, разрушили. И вот своего рода мучительный парадокс: не является невозможным, что семья, мораль, уважение, власть, любовь к труду живут по ту сторону [границы между двумя противоположными социальными системами] — в том мире, который был объектом ненависти,— в коммунистических странах... Надо признаться, что есть от чего упасть в обморок. Нет ничего более ужасного, чем завидовать (!) своим врагам. Буржуазия больна, ее моральные ценности рушатся. Ее святыни растоптаны, отравлены».

Но и это не все. Д'Ормессон бил тревогу еще и потому, что рушится не только идейная основа мировоззрения буржуазии — дают перебои пришедшие в расстройство экономический и социальный механизмы капитализма. «Дух инициативы,— вещал он,— умирает, так как он не поощряется... Нужно быть малость сумасшедшим, чтобы желать руководить сегодня предприятием. И нужно быть совершенно безумным человеком, чтобы задумать строить новый завод... Все разладилось. В результате руководящий класс, в свою очередь, охватывает чувство безразличия ко всему... Это похоже на то, как больной, уставший страдать, начинает мечтать о смерти».

Что и говорить, сказано сильно. Даже чересчур сильно. Испытавший шок в столкновении с реальной действительностью общего кризиса капитализма главный редактор «Фигаро» явно хватил через край: больной капитализм отнюдь не «начинает мечтать о смерти». О нет, скорее он мечтает о том, как бы удушить всех тех, кто выходит у него из повиновения,— социальная борьба в странах капитала все обостряется.

И все же признание, сделанное академиком д'Ормессоном, дорогого стоит. Не так уж часто со страниц крупнейшей буржуазной газеты звучат столь откровенные признания банкротства капиталистической системы. Не эта ли серия статей послужила толчком к тому, что владелец «Фигаро» Эрсан некоторое время спустя после этой публикации добился ухода д'Ормессона с поста главного редактора газеты?

Но обратимся к содержанию той большой серии статей о «недомогании либерального общества», кото-

рую все же д'Ормессону удалось опубликовать, пока он редактировал газету. Первая из них была посвящена анализу настроений руководящих работников промышленности — директоров, главных инженеров, конструкторов и т. д., которые, между прочим, 18 декабря 1975 года не поколебались провести забастовку (!), единственную в своем роде, чтобы заявить о недовольстве ухудшением своего материального положения в результате экономического кризиса, падения стоимости валюты, роста цен и даже безработицы,— она начала затрагивать даже эту привилегированную часть общества.

О, конечно же, ее трудности далеко не те, какие испытывает рабочий люд. Но и эта публика недовольна. Вот послушайте-ка. Говорит некий «Ж. М.», 45 лет, руководящий работник высшей категории, отец троих детей, который живет хорошо и этого не скрывает, как представляет его «Фигаро»:

— В 1974 году мои расходы на питание составляли 2 тысячи франков в месяц. Сейчас не хватает и 3 тысяч... Летом мы снимали раньше резиденцию на курорте на месяц, теперь приходится довольствоваться пятнадцатью днями. Десять лет тому назад я покупал новый автомобиль каждые два года. Но сегодня машины невероятно подорожали, и мне приходится ездить на автомобиле, который уже прошел 120 тысяч километров. Я давно собирался пристроить к своей даче террасу. Три года назад с меня запрашивали за это 10 тысяч франков, два года назад — 20 тысяч, а в нынешнем году — уже более 40 тысяч франков. Пришлось перечеркнуть этот проект...

Пока кризис наносил удары только по рабочим, эти господа молчали, считая, что это в порядке вещей: так было, так будет! Но когда он затрагивает их самих, они встают на дыбы и начинают проклинать все на свете, в том числе и собственное правительство. которое поставлено к власти, чтобы оберегать интересы привилегированных классов.

«Недовольные, обеспокоенные тем, что их авторитет поколеблен на предприятиях, которые являются источником их власти, класс буржуазии и средние классы,— писала «Фигаро» 21 апреля 1976 года,— располагают лишь одним способом выразить свое не-

одобрение: они лишают политического доверия людей, которых сами выбирали. Но что же дальше, куда им идти? Они этого не знают...»

И вот еще одно интервью, подтверждавшее опасения редакции «Фигаро». Говорит директор предприятия, на котором заняты 5 тысяч рабочих: «Я спрашивал себя: будет ли социализм Миттерана хуже того, что мы имеем сейчас? Если он скажет французам: капитализм оставил нам катастрофическое наследие, нам нужно засучить рукава и работать,— так почему бы мне не закричать в таком случае: да здравствует Миттеран!..»

Корреспондент «Фигаро», кажется, был ошеломлен такой ересью, прозвучавшей из уст «патрона». Он осторожно переспросил: «Вы говорите это искренне?» И тот ответил, криво улыбаясь: «Я встревожен, но мой темперамент требует действий. Быть может, еще не все потеряно, но если драться, то нужно драться сейчас...»

В газете был опубликован еще целый ряд интервью с представителями буржуазии в том же духе. И каждое из них было проникнуто горьким ощущением того, что земля горит под ногами у капитализма, что шансы его на выживание все уменьшаются и что даже воля к защите этой отживающей свой век системы у многих представителей класса собственников сокращается все больше. Я приведу здесь еще одну из этих драматических исповедей, быть может, наиболее характерную.

Репортер «Фигаро» отправился на беседу с хозяином крупного предприятия: это огромная типография в районе города Тура; ее цеха занимают целых два гектара. Хозяин — «гигант с белой шевелюрой» — пустился в откровенный разговор:

— Я буржуа, и вы это знаете. Принадлежу к одной из знатных семей нашего района. Я настоящий буржуа, подлинный аристократ. Но перейдем к серьезным вещам. Нам говорят: вы должны защищать либеральное общество. Но как мы можем это делать? Либеральная система больше не существует. И что ж, мсье, революция — это такая ситуация, когда люди вроде меня начинают подумывать, не пора ли создать правительство из социалистов..

О. этот господин хорошо знал, чего он хочет. «Революция» в его понимании — это лишь шведский или австрийский вариант смены кабинетов, когда к власти на время приходят социал-демократы, чтобы «выпустить пар» из закипающего социального котла. Впрочем, и во Франции были такие прецеденты — во времена Леона Блюма или Ги Молле. Ведь не кто иной, как Леон Блюм, говорил, что социалисты должны стать «лояльными управляющими капитализма».

Как известно, в начале восьмидесятых годов произошло то, что предсказывали представители французской буржуазии, беседуя с журналистами «Фигаро» весной 1976 года: президентом стал социалист Миттеран, причем в Национальном собрании социалисты получили большинство мест. Разумеется, это не было простым повторением того, что происходило во Франции в тридцатые и сороковые годы,— на сей раз победу одержал союз левых сил и в правительство вошли коммунисты.

Программа союза левых сил давала реальную возможность осуществить глубокие перемены в жизни страны, решить важные социальные проблемы. Но эта программа не была претворена в жизнь социалистами, возглавлявшими правительство. Поэтому коммунисты из него вышли. В широких народных массах возникло естественное и понятное разочарование, престиж социалистов понизился, и французская буржуазия начала подыскивать новых «лояльных управляющих».

Но вернемся к 1976 году, к нашумевшей тогда серии статей, опубликованных газетой «Фигаро». Как и следовало ожидать, этот откровенный до предела разговор об упадке капитализма вызвал самую настоящую бурю в среде читателей этой газеты, представляющих собой наиболее консервативную часть французского общества. Редакция «Фигаро» была вынуждена опубликовать целую страницу откликов — в редакцию было прислано более тысячи писем,— случай не частый в буржуазной прессе!

Наиболее упорные защитники капитализма яростно обрушились на газету: как она смела приподнять покров, скрывавший столь страшные язвы?

Но были и другие письма, подтверждавшие пессимистический анализ морально-политического состояния буржуазного общества в последнюю четверть XX века. И характерной чертой всех этих откликов было ощущение растерянности.

Прошло еще несколько месяцев, и тот же академик д'Ормессон в своей очередной предновогодней статье, напечатанной в «Фигаро» 31 декабря 1976 года, написал:

«...Времена улыбок и грациозных жестов миновали. 1977 год будет трудным годом, быть может, еще труднее уходящего».

В унисон с этими мрачными писаниями французского академика Жана д'Ормессона звучали и высказывания обозревателя «Нью-Йорк таймс» Леонарда Силка, который так высказался в своей статье, напечатанной три дня спустя:

«Мы наконец вступили в первый деловой день 1977 года. Туманный предрассветный час для правительства Картера. Первые шаги в третье столетие существования нашей страны... В каком же направлении движемся теперь мы? Все хотят получить ответ на этот вопрос и сомневаются в его возможности, но при этом стремятся скрыть свое неверие».

Да, и на пороге 1977 года крупнейшие обозреватели буржуазной прессы не видели ни единого просвета в тяжелых черных тучах, нависших над капиталистическим миром. Не принесли облегчения этой отживающей свой век социальной системе и последующие годы.

## «Долгое жалобное стенание»

Просматриваю папки своего рабочего досье, в которых собраны ежегодные аналитические материалы зарубежных газет и журналов, по традиции публикуемые в рождественских и новогодних номерах, и вижу: пессимизм этих аналитиков стал хроническим. Он не только не рассеивается, а еще больше сгущается год от года, как ни пытается новая американская администрация, пришедшая к власти в 1980 году и переизбранная четыре года спустя, на-

саждать казенный оптимизм, густо замешенный на шовинизме. Судите сами...

Наступал 1978 год. Тот же академик д'Ормессон — но уже не как главный редактор «Фигаро», а всего лишь как ее обозреватель — выступил в канун этого нового года с очередным предновогодним обзором, и вновь в его голосе прозвучала тоска:

«Как хотелось бы сегодня, в этот последний день 1977 года, стряхнуть с себя ветхое былое и оставить позади все то, что прилипло к нашей шкуре: угрозу инфляции, безработицу, страх перед будущим, раздоры между французами. Но будущее, увы — а быть может, и к счастью? — неотделимо от прошлого; будущее вытекает из прошлого; оно порождается им, оно представляет собой его следствие и необходимое продолжение... Все наши ошибки, все наши недочеты, все наши слабости, все наше безумие остаются при нас. Мы не избавимся от них лишь потому, что год заканчивается. Завтра, как и сегодня, мы будем и в общественной и в частной жизни нести на себе их бремя».

И, бросая очередной ретроспективный взгляд на 1977 год, почтенный академик снова видел перед собой тяжкое зрелище: в ушах у него звучало, как он выразился, «долгое жалобное стенание» соотечественников. «Когда-то французы слыли,— писал он,— легкими и беззаботными, всегда остроумными и очаровательными людьми. Теперь они стали брюзжащими ворчунами, недоверчивыми людьми — их слишком долго обманывали! — неприятными в обращении, ипохондриками».

Д'Ормессон призывал своих соотечественников перестать «ненавидеть и бояться», «сопротивляться смятению, сопротивляться насилию», проявлять «терпение» в ожидании лучших времен. Но эти призывы звучали бледно и неубедительно на фоне все ухудшавшегося экономического положения и вытекающего отсюда обострения внутриполитической обстановки.

Гораздо более содержательный и убедительный анализ итогов года дала парижская газета «Монд», посвятившая 20 декабря 1977 года этой теме четыре страницы статистических выкладок и комментариев

к ним. Общий аншлаг гласил: *«Итог года 1977 — оцепенение».* И вводная статья к этому разделу газеты начиналась такими горькими словами:

«Четвертый год кризиса, переживаемого западным миром, заканчивается без каких-либо признаков, возвещающих лучшую зарю. Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития, которые в 1977 году дважды исправляли свои прогнозы, снижая их, сейчас настроены чрезвычайно осторожно. По правде говоря, никто не предвидит, что 1978 год выведет экономику капиталистических стран из того оцепенения, которое охватило их почти все».

Мир вступил в новое десятилетие — начались восьмидесятые годы. Мы встречали новый, 1981 год, начинавший отсчет предпоследнего десятилетия XX века, занятые подготовкой к XXVI съезду нашей партии. В стране широко развернулось обсуждение разработанных Центральным Комитетом нашей партии «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

В предсъездовском проекте ЦК было сказано ясно и твердо: «В восьмидесятые годы Коммунистическая партия будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей».

А как выглядели перспективы восьмидесятых годов на Западе?

Руководители крупнейших капиталистических держав, делая хорошую мину при плохой игре, успокаивали своих граждан, публикуя традиционные елейные рождественские и новогодние послания.

— Я считаю, что рождество — этот праздник любви — указывает нам правильный путь, путь к ближнему, к другому человеку,— говорил тогдашний президент ФРГ Карл Карстенс, обращаясь к своим соотечественникам по телевидению.— Мне хочется попро-

сить вас, дорогие сограждане, подумать о тех, кто нуждается в вашей помощи. Оглянитесь вокруг себя. Может быть, найдется старый человек, который в вас нуждается? Может быть, вы поможете инвалиду?

Президент ФРГ заявил, что ему хочется прежде всего обратиться к молодому поколению, которому «нелегко найти свое место», поскольку «нелегко найти свое место в быстро меняющемся мире». «Многое зависит от того, будете ли вы здоровы или больны,— проникновенно говорил он.— Поэтому я от души прошу вас: проявляйте умеренность при потреблении алкоголя и никотина! Занимайтесь спортом! Избегайте наркотиков!»

Примерно в том же духе было составлено новогоднее обращение тогдашнего президента Франции Жискара д'Эстэна. «Я верю в прогресс Франции,— заявил он.— Меня упрекают порой за мой оптимизм. Однако это не оптимизм, а вера в страну». Он пожелал всем французам, «чтобы новый год стал годом исполнения их надежд и желаний», пожелал счастья детям «с их милой невинной улыбкой», одиноким «менее жестокого одиночества», больным «облегчения их страданий», самым обездоленным «смягчения их повседневных трудностей».

И даже незадолго до этого избранный президентом США, но еще не вступивший в исполнение своих обязанностей бывший губернатор Калифорнии Рональд Рейган не счел нужным излагать свои планы на восьмидесятые годы и ограничился теми же благими пожеланиями: «Дух рождества, как ничто другое, напоминает нам о том, что мы представляем собой единую нацию под богом и что мы действительно благословенный народ. Мы с Нэнси надеемся на то, что рождество вызовет у всех теплое чувство и что оно принесет с собой все блага, которые дает нам бог».

Но слушателям президентов было не до этих благостных рассуждений. Передо мной сейчас лежит «экономическое приложение» к номеру парижской газеты «Матэн» от 6 января 1981 года, тревожные аншлаги которого красноречиво показывают, какими мыслями

были охвачены люди на Западе в преддверии восьмидесятых годов:

*«1981 — критический год. Темпы прироста будут равны нулю. Два миллиона безработных. Сохранение инфляции. Усиление бюджетного дефицита».*

Газета сообщала: «1980 год закончился плохо... Инфляция составила 13,5 процента, объем промышленной продукции сократился примерно на 6 процентов, торговый дефицит составил 60 миллиардов франков, число официально зарегистрированных безработных достигает 1,6 миллиона. Перспективы 1981 года еще хуже. В экономике обозначается явный спад. Это повлечет за собой, в частности, значительное увеличение безработицы».

Такие же сигналы бедствия публиковала пресса всех капиталистических стран, в том числе и американская, причем говорилось в открытую, что корень всех бед в том, что экономика США, подорванная все усиливающейся гонкой вооружений, переживает кризис, а его последствия руководство этой крупнейшей империалистической державы перекладывает на своих союзников.

«Когда Америка чихает, у остального мира начинается простуда,— писал, неуклюже пытаясь острить, 15 декабря 1980 года американский журнал «Ньюсуик».— Спад в США вызвал в значительной части Западной Европы замедление темпов роста, а повышение цен в США способствовало увеличению показателей инфляции во всем мире... Правительство Рейгана унаследует больную экономику. Последние оценки свидетельствуют о незначительном росте в текущем квартале или об отсутствии такового и о сокращении капиталовложений в годовом исчислении на пять процентов... Рынок труда остается источником неприятностей. Безработица в США превышает семь процентов от рабочей силы (в одной только автомобильной промышленности почти четверть миллиона человек не имеет работы), и число безработных неизбежно будет расти».

Все это вызывало законную тревогу не только в широких народных массах, которые реагировали на резкое ухудшение своего положения забастовками, демонстрациями и усилением антивоенной борьбы, но

и в кругах трезвомыслящих политиков капиталистических стран. Так, председатель социал-демократической партии ФРГ бывший канцлер Вилли Брандт в своем интервью еженедельнику «Вельт дер арбайт», опубликованном 31 декабря 1980 года, так ответил на вопрос о том, считает ли он международный мир обеспеченным на восьмидесятые годы, или он будет более жестким, нежели был в семидесятых годах:

«Неизвестно, что станется в восьмидесятые годы с международным миром и тем самым с человечеством. Но это не освобождает нас от нашей обязанности продумать свои задачи. Подумать о возможностях, которые у нас есть — у каждого в отдельности, у правительства, у партии или профсоюза,— для предотвращения опасностей, грозящих уничтожением человечества.

80-е годы ставят перед нами ясную альтернативу: один путь характеризуется безжалостным противоборством и разнузданной конкуренцией в международных отношениях. Пойти этим путем — значит продолжить гонку вооружений, обострить конфликт между Востоком и Западом, довести отношения между Севером и Югом до взрыва. А кончается все это хаосом.

Противопоставить этому, прежде всего в интересах молодого поколения, мы должны упорные усилия, направленные на разумное выравнивание интересов, стремление к мирному сосуществованию, деловое сотрудничество, осознание и учет общих интересов».

**«Капитализм: работает ли он?»**

Размышляя о причинах становящихся хроническими бедствий, о которых столь откровенно сказал свое слово Вилли Брандт, правый американский еженедельник «Тайм», редакторов которого никак нельзя упрекнуть в приверженности к идеям социализма, счел тем не менее необходимым коснуться самой сокровенной сути дела. *«Капитализм: работает ли он?»* — так называлась опубликованная им в конце 1980 года статья, в которой говорилось:

«Эта (кризисная.— *Ю. Ж.)* ситуация является общей почти для всех западных наций... Даже страны,

которые лучше всего приспособились к нынешним экономическим проблемам, а именно Западная Германия и Япония, страдают от инфляции и замедленного роста. Мировая денежная система, которая функционировала точно, как швейцарские часы, в течение четверти века, стала бить тревогу. Золото превратилось в убежище для мира, охваченного страхом перед возвращением в экономические джунгли... Капитализму ныне брошен такой вызов, которого не было со времен Великой депрессии (то есть кризиса 1929—1933 годов. — *Ю. Ж.*). Со всех сторон его осаждают вопросами: работает ли капитализм достаточно хорошо? Может ли он пострадать, но выжить? Можно ли систему отремонтировать или она смертельно повреждена?».

Шли годы. И каждый раз, когда бил час подведения итогов, эти вопросы вставали перед Западом все с большей остротой.

Подводя итоги 1981 года, политический обозреватель парижской газеты «Монд» Андре Фонтэн (сейчас, когда пишутся эти строки, он является уже руководителем газеты) писал: «Мировой экономический кризис ширится все больше: осенью 1981 года в семи наиболее развитых [капиталистических] странах насчитывалось 18 миллионов безработных против 15,5 в 1980-м и 13 в 1979-м. Вопреки обещаниям Рональда Рейгана поднять экономику там налицо спад. Нет больше ни «германского чуда», ни «шведской модели»...» («Монд», 1.1.82).

Когда заканчивался 1982 год, авторитетная экономическая организация капиталистических стран ОЭСР опубликовала предельно мрачный доклад об итогах этого и перспективах на 1983—1984 годы. «1983 год будет страшным годом для Европы» — так резюмировала этот доклад французская газета «Котидьен де Пари». «Будущий год представляется самым «черным» для западного мира со времен окончания второй мировой войны»,— вторила ей газета «Матэн», подчеркивая, что, согласно прогнозу ОЭСР, в Западной Европе к концу 1983 года будет на 2 миллиона безработных больше, чем их было в 1982-м.

Закончился 1983 год. И снова в западной прессе замелькали пессимистические заголовки: «1983 — се-

рый год» («Фигаро», 31 декабря 1983 г.), «Неспокойный мир на пороге 1984 года» («Ньюсуик», 2 января 1984 г.), «Где возникнут очередные очаги волнений в мире?» («Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 2 января 1984 г.) и так далее и так далее. И хотя в этот период в США обозначился наконец выход из затяжного циклического кризиса, но общее состояние американской экономики все еще было крайне тревожным, безработица оставалась на высоком уровне, бюджетный дефицит и государственный долг страны достигли поистине чудовищных размеров, а в странах — союзниках США по НАТО кризис не ослабевал.

Наконец, наступил год 1985-й. И хотя на всем протяжении 1984 года представители правительств западных стран обещали, что вот-вот там начнется долгожданное изменение к лучшему, неумолимая статистика показала, что эти расчеты не оправдались. Парижская «Фигаро» в номере от 9 января 1985 г. опубликовала крайне пессимистический экономический обзор, озаглавленный так: *«1984 — год разочарований».*

Опрос общественного мнения во Франции, проведенный в канун Нового года, показал, что 69 процентов французов считают, что для них минувший год был «плохим», и только 4 процента заявили, что он был для них «хорошим». Затем их спросили: «Думаете ли вы, что 1985 год будет лучшим для вас, или худшим, или таким же, какими были другие годы?» 52 процента опрошенных ответили: «Скорее всего, он будет еще хуже», 29 процентов сказали, что они не ждут перемен, и только 9 процентов выразили надежду на улучшение, а 11 процентов просто пожали плечами: «Не знаем».

И еще один вопрос был задан этим людям: «Как вы думаете, сколько безработных будет во Франции в 1985 году?» 46 процентов опрошенных сказали: «Между двумя с половиной и тремя миллионами». 26 процентов высказали еще более пессимистический прогноз: «Более трех миллионов». И только один процент участников опроса осмелился предположить, что число безработных будет ниже двух миллионов...

Столь же невеселыми были и на сей раз предновогодние раздумья во всех капиталистических странах, в том числе и в США, хотя вновь избранный незадолго до этого на пост президента Р. Рейган, всячески ободряя своих соотечественников, вновь сулил им молочные реки в кисельных берегах.

Размышляя о причинах ставших хроническими бедствий капиталистического мира, уже упомянутый мною видный американский политический обозреватель Джеймс Рестон однажды обронил весьма знаменательное признание. «Суть проблемы,— заявил он,— заключается в том, что Запад перестал играть ту роль, которая ему принадлежала в мире вчера и позавчера».

**Суть дела**

Да, суть дела именно в этом: «Запад», а точнее говоря, капиталистический мир навсегда утратил командные позиции на земном шаре. Он уже не может безнаказанно грабить целые континенты, как это делалось до 7 ноября 1917 года. Его вселенская вотчина из десятилетия в десятилетие, из года в год сокращается. Одним из первых это открыто признал тогдашний президент США Ричард Никсон в послании «Внешняя политика США в семидесятые годы», которое он направил в конгресс 18 февраля 1970 года. Вот что он заявил:

«В последние двадцать пять лет произошли важные изменения в соотношениях стратегического могущества. В период с 1945 по 1949 год мы были единственной страной в мире, имевшей арсенал атомного оружия. В период с 1950 по 1966 год мы обладали подавляющим превосходством в стратегическом вооружении. С 1967 по 1969 год мы сохраняли значительное превосходство. Сегодня Советский Союз обладает могущественными и совершенными стратегическими силами, приближающимися по своему уровню к нашим собственным». И далее тогдашний президент США писал: «В 70-х годах русские, вероятно, будут обладать такими стратегическими силами, которые будут приближаться к нашим, а по некоторым категориям будут превосходить их».

Примечательные признания насчет коренного изменения военно-стратегического положения США можно было прочесть в ту пору и в одной из статей реакционнейшего американского журналиста Дж. Олсопа.

«С 1776 по 1957 год,— писал Олсоп,— географическое положение обеспечивало нам свободу действий. Два океана делали нас недосягаемыми для всех других великих держав. Все другие страны в нашем полушарии были небольшими государствами по сравнению с нами. Мы имели возможность пользоваться, как нам заблагорассудится, всей землей и всеми ресурсами на 75 процентах территории континента, не имея других противников, кроме несчастных индейцев. Именно это подразумевал Бисмарк, когда пошутил: «Бог всемогущий заботится о младенцах, пьяницах и американцах». Этот счастливый период закончился в последних месяцах 1957 года, когда Советский Союз запустил свой первый спутник в космос... Спутник, для которого океаны не являются преградой, кроме того, означал, что вскоре технические достижения аннулируют все наши остальные географические возможности безнаказанно делать ошибки. Теперь мы должны сами о себе заботиться».

В этих условиях претензии на роль «мирового жандарма», которые в 40-х и 50-х годах столь часто и столь активно выдвигались Соединенными Штатами, утратили свою основу, которой в ту пору являлась их мощь. И чем дальше, тем яснее становилось, что осуществлять подобные претензии становится все труднее.

28 октября 1976 года об этом со всей откровенностью заявил видный американский общественный деятель, бывший представитель США в Организации Объединенных Наций, ныне уже покойный, Чарльз Йост. В статье под заголовком «Померкший облик Америки» он писал, цитируя вывод, сделанный американским информационным агентством (ЮСИА): «Хотя в Западной Европе по-прежнему существует значительный запас доброжелательства к Соединенным Штатам, сейчас это доброжелательство находится на самом низком уровне за все 22 года истории опросов ЮСИА».

И далее он писал: «Какая это отрезвляющая и печальная мысль, что... «хорошее мнение» о Соединенных Штатах в Великобритании, Франции, Италии и Западной Германии — на самом низком уровне: его придерживаются менее 40 процентов опрошенных в первых двух странах, 41 процент — в Италии, 57 процентов — в Западной Германии».

Напомнив о том, что в прошлом престиж США среди их союзников был неизмеримо выше, Йост заявил, что «упадок репутации Америки объясняется чем-то гораздо большим, чем просто течение времени». «Хотя Соединенные Штаты постоянно расточают риторические комплименты по адресу демократии,— писал он далее,— самую последовательную поддержку — причем настолько упорную, что ее нельзя считать случайной,— они, судя по всему, оказывают многим самым деспотическим режимам во всем мире просто потому, что те придерживаются антикоммунистических настроений. Называть эти режимы частью «свободного мира» — значит лишить всякого смысла концепцию, которая должна была бы быть сердцем и душой внешней политики Соединенных Штатов. Это «прагматическое» искажение действительности завело нас в трясину Вьетнама, которая опасно ослабила нас в нашей стране и за границей...»

До поры до времени, пока США обладали превосходящей грубой силой, их союзники как-то терпели все это. Но нынче времена уже не те, какими они были в 40-х и 50-х годах, когда в Вашингтоне действовали по методу «что хочу, то и ворочу». Теперь попытки действовать в том же духе приводят к ослаблению собственных позиций США да и всего капиталистического мира в целом.

И не случайно чем дальше, тем чаще — и притом уже открыто, публично — руководящие деятели капиталистического мира с тоской и тревогой обсуждают «проклятый вопрос», который еще недавно они позволяли задавать себе лишь в бессонные ночи шепотом наедине с собой: что их ждет в обозримом будущем?

Первым позволил себе вынести этот вопрос на публичное обсуждение один из крупнейших деятелей мирового капитализма — тогдашний председатель

правления «Чейз Манхэттен бэнк» Дэвид Рокфеллер. В марте 1973 года, когда очередной циклический кризис еще не наступил, он опубликовал в «Нью-Йорк таймс» статью, которая называлась «Капитализм: хорошо это или плохо? Необходимы поиски среднего пути».

Предупреждая, что в ближайшие годы потребуется применить «гибкость», «чтобы капитализм не отставал от жизни», Рокфеллер в этой статье писал: «Нам особенно необходимо срочно найти средства, чтобы преодолеть отчуждение, которое чувствуют многие люди, между нашим экономическим прогрессом и достижением социальных целей... Чтобы американский капитализм сохранил и увеличил свою жизнеспособность, он должен лучше увязывать свои экономические и социальные функции».

Два года спустя, во время своего визита в США, эту тему затронул тогдашний президент ФРГ Вальтер Шеель. В речи, с которой он обратился к американскому конгрессу, президент ФРГ, признав, что «коммунистическая идеология эффективна в Европе и в странах «третьего мира», подчеркнул, что «коммунизм достигает успехов там, где господствуют несправедливость и нищета» и что «политическая свобода превратится в фарс без материальных возможностей».

«Мы предадим наши старые основные идеалы демократии,— заявил Вальтер Шеель,— если всегда будем находиться там, где состояние и привилегии защищаются в ущерб социальным требованиям, которые порождены нищетой и голодом». Он призвал «найти эволюционное решение», но признал, что «так или иначе это нелегко».

Такого рода рассуждений, окрашенных нескрываемыми пессимистическими нотками, в последние годы на Западе становится все больше. На самых различных уровнях там проводятся десятки и сотни международных и национальных конференций, семинаров, симпозиумов, участники которых упорно ищут ответ все на тот же «проклятый вопрос»: как найти некое «эволюционное решение», которое излечило бы капитализм и предотвратило опасные для него социальные волнения?

В конце мая 1975 года в древнем японском городе Киото состоялась важная сессия влиятельной «трехсторонней комиссии», в которую входят виднейшие американские, западноевропейские и японские политические деятели, бизнесмены и ученые. Ее готовил небезызвестный американский специалист по такого рода вопросам Збигнев Бжезинский[1]. На эту встречу прибыли, как писал 16 июня 1975 года еженедельник «Ньюсуик», «сливки» высшего общества США, Западной Европы и Японии. Там были американские сенаторы, западноевропейские парламентарии, академики, представители деловых кругов, тот же Дэвид Рокфеллер, бывший губернатор штата Джорджия Джеймс Картер, который полтора года спустя стал президентом США; сенатор Мондейл, ставший впоследствии вице-президентом, а в 1984 году претендовавший на пост президента, но потерпевший провал на выборах; руководитель итальянской компании «Фиат» Джиованни Аньелли; руководитель бельгийского банка барон Ламберт и многие лидеры японского финансового и промышленного мира.

Участники встречи обсуждали весьма деликатный вопрос о том, как должны складываться в дальнейшем отношения между «богатыми» капиталистическими государствами и «бедными» странами в условиях тех огромных социальных перемен, какие происходят на нашей планете. «Снова и снова,— говорилось в статье «Ньюсуик»,— ораторы, представлявшие дюжину наций, возвращались все к тому же пункту: в нынешней международной системе что-то должно быть изменено, чтобы приспособиться к непрерывно растущим требованиям бедных наций, требующих большей доли мирового богатства и власти».

Небезынтересно отметить, что специальная исследовательская группа, созданная комиссией, заявила в своем докладе, что «коммунистические партии, которые все более и более утверждают свою репутацию

---

[1] Как известно, Збигнев Бжезинский был советником по национальной безопасности у президента США Дж. Картера, а сейчас государственных постов не занимает, но ведет весьма активную пропагандистскую деятельность антисоветского толка, подыгрывая нынешней администрации США.

партий порядка и которые доказали свое организационное превосходство, могут стать грозной альтернативой капиталистической системе».

«Трехсторонняя комиссия» так и не нашла ключа к решению проблем, волнующих ее организаторов. Как иронически заявил, подводя итоги встречи в Киото, профессор Франсуа Дюшен из британского университета в Сассексе, «было выявлено полное согласие о необходимости улучшить мир и полное разногласие насчет того, как это сделать».

Комиссия все же решила продолжать свою деятельность. Но вот вопрос: удастся ли им найти искомое лекарство, способное укрепить (или хотя бы сохранить!) позиции капитализма в современном мире?

В октябре 1977 года, в канун 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, «трехсторонняя комиссия» собралась вновь, на сей раз в Бонне. Ее создатель и вдохновитель Збигнев Бжезинский, оставив срочные дела в Белом доме, прилетел туда, чтобы вместе со своими коллегами обсудить вопрос о том, что же надо делать, чтобы добиться, как он выразился, «достижения отдаленной и трудной цели — придания определенной формы миру, который внезапно (?) пробудился в политическом отношении и стал беспокойным (!) в социальном плане».

Бжезинский выступил там с пространной речью, в которой попытался воодушевить своих единомышленников, уверяя их, что дела обстоят не так уж плохо, как это представляется многим апологетам «постиндустриального общества»,— так он предпочитает именовать современный капитализм. И тем не менее он не мог не признать, что в мире происходят позитивные перемены, которые все больше затрудняют защиту старой социальной системы.

«Начиная с 1945 года,— говорил Бжезинский,— Соединенные Штаты вместе с нашими союзниками постоянно предпринимают усилия ради создания международной среды, более благоприятной с точки зрения наших ценностей, наших интересов и нашего будущего. Но мы делаем это в обстановке, когда международная политическая система ощущает на себе воздействие двух одновременных тенденций: интен-

сивного идеологического конфликта и столкновения влияний, с одной стороны, и весьма примечательного расширения участников этого конфликта в результате заката [колониальных] империй и увеличения вследствие этого втрое числа государств-наций — с другой. Это соединение конфликта, уходящего корнями в идеологию, и национальных устремлений, сопровождавшееся неожиданным расширением участия в международных делах, привело к чрезвычайно резким сдвигам в мировых делах».

Напомнив о том, что «сейчас одна треть человечества живет в государствах с коммунистическим строем», Бжезинский признал, что в изменившейся обстановке Соединенные Штаты уже не в состоянии в одиночку осуществлять роль всемирного полицейского, который защищал бы интересы капитализма на нашей планете. Мечта об «американском веке», которая столь усердно рекламировалась в 40-х годах, рухнула.

«Если мы исполнены решимости вновь утвердить руководящую роль Соединенных Штатов в мировых делах,— сказал Бжезинский,— то мы представляем ее себе как коллективное руководство. Ни одна страна сегодня не может иметь монополию или хотя бы рассчитывать на превосходство в том, что касается мудрости, инициативы или ответственности».

О каком же «коллективном руководстве» он повел речь? Все о том же: о сотрудничестве трех бастионов капитализма, сохраняющихся в современном мире,— Соединенных Штатов, Западной Европы и Японии. Но вот что особенно знаменательно: говоря об основных целях, которые ставит перед собой администрация Соединенных Штатов, и корректируя старый тезис об их «руководящей роли», на первое место Бжезинский поставил задачу «преодоления кризиса духа».

Да, именно духовный кризис капиталистического мира, его безверие, упадок душевных сил, утрата уверенности в завтрашнем дне больше всего тревожат сейчас защитников этой отжившей свой век социальной системы.

«В некоторых отношениях,— продолжал Бжезинский, выступая на заседании «трехсторонней комиссии» в Бонне,— кризис духа последних лет — спе-

цифически американское явление; в более широком смысле он составляет часть более распространенной болезни, поразившей Запад; в некоторых отношениях он увязан с политическим пробуждением человечества, которое породило узкий (?) взгляд на западные (читай: буржуазные! — *Ю. Ж.)* [духовные] ценности, которые до того казались универсальными...»

И далее, признав, что в капиталистическом мире возник «кризис исторической веры в собственные силы», он отметил, что наиболее глубоко этот кризис сказывается в трех наиболее крупных бастионах капитализма, представленных в «трехсторонней комиссии»: «В своем специфически американском варианте кризис духа стал результатом вьетнамской войны и конституционного и нравственного кризиса, известного под названием Уотергейта [1]. В Западной Европе и Японии свою роль, вполне возможно, сыграли сами темпы усилий по преодолению болезненного наследия второй мировой войны».

О чем свидетельствует такое горькое признание? О том, что нынче стало уже невозможно поддерживать на страницах печати показной фальшивый оптимизм, как это делалось в прошлом, когда буржуазная пресса, делая хорошую мину при плохой игре, пыталась начисто отвергать анализ состояния системы капитализма, который был дан еще в 1971 году XXIV съездом нашей партии: «Общий кризис капитализма продолжает углубляться. Государственно-монополистическое развитие ведет к обострению всех

[1] Любопытно, что впоследствии тогдашний президент США Картер подтвердил этот анализ. 4 декабря 1977 года в беседе с политическим обозревателем газеты «Нью-Йорк таймс» Рестоном он сказал: «За последние пятьдесят лет Соединенные Штаты прошли тяжелые испытания: Вьетнам, [злоупотребления] ЦРУ, Уотергейт. Эти испытания действительно потрясли американцев и пошатнули их доверие к правительству. Я не думаю, что это доверие удастся полностью восстановить, пока не будет предоставлено не только полное доказательство [того, что это не повторится], но и пока оно не будет представлено в течение какого-то продолжительного времени. Поэтому я пытаюсь сделать все, что в моих силах, чтобы восстановить это доверие. По-моему, нам придется подвергнуться довольно длительному испытательному периоду в сознании и умах американцев, прежде чем американцы смогут признать, что они могут снова доверять американскому правительству».

противоречий капитализма, к подъему антимонополистической борьбы» [1].

Когда в Москве были опубликованы этот доклад и резолюция съезда, содержавшая только что процитированные мною строки, буржуазная пресса бурно реагировала в свойственном ей бездоказательном стиле: «Этого не может быть потому, что не может быть».

Ну что ж, прошли годы, и даже те, кто пытался опровергнуть наш партийный тезис о неуклонном развитии общего кризиса капитализма, вынуждены были заговорить совсем по-иному.

Помнится, во второй половине семидесятых годов японская газета «Майнити» осмелилась обратиться с вопросом о том, «способен ли выжить капитализм», к самому Дэвиду Рокфеллеру.

Предпринимая этот демарш, редакция «Майнити» сознавала, конечно, что еще каких-нибудь десять лет назад сама постановка такого вопроса была бы воспринята в мире бизнеса как неслыханное оскорбление, а уж если углубиться дальше в прошлое, то основатель своей финансово-экономической империи, дед Дэвида Джон Д. Рокфеллер, славившийся своим крутым характером, наверняка спустил бы с лестницы нахального репортера, который осмелился бы прийти к нему с таким вопросом. Но времена меняются, и в редакции «Майнити» помнили, что внук основателя этой династии уже с 1973 года сам всерьез обдумывает проблемы будущего капиталистической системы. И вот японский журналист, интересующийся вопросом о том, в состоянии ли капитализм выжить, был весьма спокойно принят в служебных апартаментах могущественного лидера Уолл-стрита, украшенных ультрамодернистской живописью и скульптурой.

— Сейчас,— начал специальный корреспондент «Майнити» Кэн Кондо,— когда Соединенные Штаты вступили в свое третье столетие, как вы оцениваете нынешние американские настроения после таких событий минувшего десятилетия, как вьетнамская война и «уотергейтское дело»? Нет ли в Соединенных Штатах какого-то рода самокритики, настроений про-

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, с. 193.

тив Вашингтона, настроений против мира политики вообще?

— Мне думается,— осторожно ответил Дэвид Рокфеллер,— что сейчас мы переживаем определенный период самооценки и обращаемся сами к себе с вопросами и вновь обдумываем наши мотивы. Вероятно, в конечном счете это может оказаться весьма полезным. Полезно время от времени взглянуть на себя и посмотреть, куда ты идешь...

— Считаете ли вы здоровыми, например, движения против многонациональных корпораций? — уточнил свой вопрос японский журналист.

— Я полагаю, что всем должно быть разрешено высказывать свои точки зрения,— с той же кротостью и осторожностью продолжал Рокфеллер.— Из всесторонней и даже подчас горячей дискуссии рождаются решения. Я настолько верю в нашу систему и в тот вклад, который многонациональные корпорации внесли не только в нашей стране, но и во всем мире, что считаю, что, даже если они, возможно, в той или иной мере изменятся, они выживут...

— В каком же, по вашему мнению, направлении будет меняться экономика США в следующие сто лет?

Рокфеллер попробовал отшутиться:

— Ну, по крайней мере меня тогда не будет. Быть может, вы еще достаточно молоды и...

Корреспондент его перебил и спросил напрямик:

— Тогда я хотел бы, чтобы вы высказали свое мнение о том, выживет ли капитализм?

И тут Рокфеллер вдруг, оставляя шуточный тон, серьезно сказал:

— Мне думается, что на это следует ответить так: мы этого, в сущности, не знаем. Нет сомнения в том, что марксизм имеет большую привлекательность для народа...

Марксизм имеет большую привлекательность для народа! Мы-то это знаем давно и знаем хорошо. Но тот факт, что с таким признанием теперь выступает один из самых могущественных капиталистов нашего времени, дорого стоит. И хотя Дэвид Рокфеллер, конечно, является противником марксизма и считает его «противным человеческой природе» и хотя его

не оставляет надежда на то, что будет найдено решение острых и трудных проблем капиталистической системы, «которое позволит, возможно (Рокфеллер не случайно использует осторожное словечко «возможно»; стало быть, твердой уверенности даже у него в этом нет! — *Ю. Ж.*), в какой-то измененной форме сохранить систему свободного предпринимательства, противостоящую марксистской системе»,— он не берет на себя смелость выразить твердую уверенность в том, что система, упрочению которой Рокфеллеры и весь их класс посвятили многие десятилетия, выдержит соревнование с социализмом.

И вовсе не случайно, видимо, по мере приближения к рубежу XXI века в капиталистических странах нарастает, подобно водяному валу цунами, волна пессимистических прогнозов, сетований, мрачных пророчеств.

Даже штатные оптимисты из пропагандистского аппарата капиталистического мира, которым платят деньги за то, что они убаюкивают общественное сознание, признают сегодня, что речь идет о гораздо более серьезных вещах, нежели преходящий «спад» в экономике капиталистических стран. Речь идет о кризисе самой системы, которая породила то, что сейчас происходит.

Правда, об этом в кругах благонамеренных политиков, экономистов и философов капиталистического мира пока еще не принято говорить вслух. Но они все чаще подходят к грани такого признания, заговаривая о «кризисе цивилизации» и даже об угрозе «гибели цивилизации», созданной буржуазией. Чего стоит хотя бы вот этот «разговор по душам» того же Джеймса Рестона с тогдашним государственным секретарем США Генри Киссинджером, опубликованный еще 13 октября 1974 года в «Нью-Йорк таймс» и вызвавший в ту пору много шума на Западе:

«*Рестон.* Когда читаешь то, что написано вами, возникает впечатление, что все это проникнуто пессимизмом и даже предчувствием трагедии. Согласны ли вы, оглядываясь назад, на последние два поколения, что ваши мысли в основном печальны?

*Киссинджер.* Я считаю себя не столько государственным деятелем, сколько историком. Историк дол-

жен отдавать себе отчет в том факте, что все цивилизации, когда-либо существовавшие, в конечном счете гибли. История — это рассказ о напрасных усилиях, о неосуществившихся чаяниях, о желаниях, которые исполнялись, а потом оказывалось, что это не то, на что надеялись. Таким образом, историку приходится жить с чувством неизбежности трагедии...»

Как бы откликаясь на проникнутый черным пессимизмом реквием Генри Киссинджера по «напрасным усилиям» и «неосуществившимся чаяниям» капитализма, французский еженедельник «Пуэн», ревностно защищающий, что называется до последнего, интересы капитализма, с укоризной писал в своей передовой статье 16 декабря 1974 года: «Нынешнюю сильную волну пессимизма лучше всего объясняет страх перед неизвестностью» и «неспособность общественных установлений поставить простые и мужественные цели».

Бросаясь в отчаянную контратаку на «пессимистов», редакция журнала «Пуэн» обвинила их в «пораженчестве». «Неумелые лекари,— заявила она,— с пафосом ставят диагноз: Запад заражен неизлечимой вирусной болезнью... Поскольку об этой болезни они ничего не знают (?), этот диагноз остается гипотезой интеллектуалов, не больше. Но больной требует ясной терапевтики и понятной политики».

Чудес, однако, на свете не бывает, и защитникам «Запада, зараженного неизлечимой вирусной болезнью», никак не удается доказать недоказуемое: будто капитализм еще не отжил свой век и способен выздороветь.

В том, что болезнь эта неизлечима, наглядно убедился пожаловавший в конце семидесятых годов в Западную Европу из Соединенных Штатов Джозеф Фромм, заместитель редактора американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», известного своими связями с американским военно-промышленным комплексом. Перед ним была поставлена деликатная задача — так сказать, измерить политическую температуру больного западноевропейского капитализма. Вернувшись в США, он опубликовал большую статью, проникнутую духом величайшей тревоги.

«Во время моей недавней поездки по столицам стран — союзниц США в Европе,— писал Джозеф Фромм,— я отчетливо увидел, что в этих странах наступил кризис доверия. Во всех без исключения (!) крупных государствах НАТО политическое положение неустойчивое. Ни одно (!) из правительств не пользуется поддержкой твердого большинства. Большую часть правительств поддерживают слабые коалиции, или же они удерживаются у власти благодаря негласному содействию оппозиционных партий. Повсюду люди поглощены серьезными внутренними проблемами. Они все больше разочаровываются в находящемся у власти политическом руководстве, которое, видимо, неспособно справиться с трудностями, стоящими на пути европейских демократий (читай: западноевропейских капиталистических государств! — *Ю. Ж.*), в особенности с острым экономическим кризисом, который вызвал стремительную инфляцию, безработицу, равной которой не знали со времени «великой депрессии» 30-х годов, и экономический застой».

Один «высокопоставленный официальный деятель», которого Фромм не назвал по имени, откровенно сказал ему: «Мы страдаем от кризиса веры в будущее. Никто не готов вкладывать капитал в завтрашний день».

### Сказочка о «единой цивилизации»

Но было бы величайшей ошибкой предположить на основании этой своеобразной самокритики идеологов капитализма, будто они утратили веру в свои возможности и готовы искать пути к мирному сосуществованию своей системы с социалистической системой. Напротив, чем более шаткими становятся их позиции, тем яростнее они нас ненавидят. Тем изощреннее и опаснее становятся их действия, направленные на вмешательство во внутренние дела социалистических стран и на подавление национально-освободительных движений. Тем больше усиливают они гонку вооружений, мечтая о военном превосходстве, которое позволило бы им развернуть военные авантюры против государств, социальная система которых их не устраивает.

На протяжении минувших десяти — пятнадцати лет они испробовали различные средства борьбы против сил нового мира. Вначале были испробованы замыслы осуществления так называемой «конвергенции», постепенного усиления влияния на социалистические страны путем развития экономического, научного и культурного сотрудничества, так называемого «строительства мостов», по которым они хотели втащить в эти страны свой гнилой идеологический товар и добиться постепенного «соединения» двух систем, а точнее говоря, поглощения нового мира старым.

Была придумана сказочка о «единой цивилизации». В ход пошла фальшивая идейка, будто нынешнее «недомогание» капитализма является вовсе не проявлением болезни, присущей обществу, построенному на эксплуатации трудящихся, а ...любому развитому индустриальному обществу, в том числе и социалистическому!

Политические шулеры в тысячу первый раз пытались передернуть карты в своей игре: подменить всем очевидный социальный кризис отжившей свой век капиталистической системы мнимым кризисом цивилизации вообще и индустриальной цивилизации в частности, и при этом не просто закамуфлировать свою эксплуататорскую систему, а как-то прицепить ее к нашей, социалистической системе, не знающей эксплуатации человека человеком. Они пытались заключить эти различные, как небо и земля, миры, противостоящие друг другу в непримиримой классовой борьбе, в общие скобки, представив их как якобы единую «машинную цивилизацию».

Смысл этого камуфляжа был, казалось, очевиден: людей, эксплуатируемых капитализмом, убеждали, будто их враг не хозяин средств производства, отнимающий у них плоды их труда, а эти средства производства сами по себе. А заодно предпринимались отчаянные попытки бросить тень на мир социализма, сама природа которого исключает всякую возможность эксплуатации человека человеком.

И что же вы думаете? Эта, в общем, нехитрая и — больше того — грубая шулерская комбинация воздействовала на иные умы! Я с горечью прочел, например, в августе 1974 года в американском журнале

«Ньюсуик» и французском журнале «Пари-матч» два интервью с ныне уже покойным французским писателем Андре Мальро, который попался на удочку теоретиков, проповедовавших вред «машинной цивилизации», и встал на защиту их насквозь фальшивой философской концепции.

Да, представьте себе, Мальро с пафосом атаковал «цивилизацию, рожденную машиной», видя в ней причину всех бед человечества! «В сущности,— заявлял Мальро в этих интервью,— машина стала хозяйкой мира. С помощью машин зарабатывают много денег. Но что вы делаете с заработанными деньгами? Либо вы на эти деньги делаете другие машины, либо вы вкладываете свои деньги в банки. Но это чисто символический жест, поскольку банк, в свою очередь, вкладывает деньги в машины... У вас власть, основанная на машине. Значит, происходит борьба между вами и машинами. Эта цивилизация, начавшаяся во времена Наполеона, находится в состоянии кризиса. В этом нет сомнения...»

Что сказать на это? Все увидел Мальро: и машины, и деньги, заработанные с помощью машин, и вложения в банки. Не увидел только того, кому все это принадлежит, кто приводит в действие этот цикл и в чьих интересах, по чьей вине страдают люди, угнетаемые системой, сложившейся еще «во времена Наполеона». Так что же делать? Бороться против машин, как предлагали когда-то на заре капитализма луддиты, а сейчас на его закате предлагал Мальро?

Нет, господа, ваши антинаучные рассуждения о вреде «машинной цивилизации вообще», цель которых состоит в том, чтобы как-то замаскировать коренные пороки капиталистической системы, лживы с начала и до конца. Технический прогресс не зло, а благо для человечества, и опыт социалистических стран, в которых создан широчайший простор для его развития, убедительно подтверждает это: у нас он является неисчерпаемым источником повышения благосостояния людей труда.

И если в мире капитализма развитие техники используется для еще большего усиления эксплуатации рабочих, то виноваты в этом не машины, не автоматика, не новые станки, а та социальная система, ко-

торая построена на наживе эксплуататоров за счет эксплуатируемых. Но вот — поди ж ты! — в буржуазной литературе вновь и вновь предпринимаются упорнейшие попытки доказать нечто прямо противоположное!

В свое время на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения» был опубликован интересный обзор Г. Хозина, который, анализируя писания видных американских социологов Д. Белла, Г. Кана, З. Бжезинского, Э. Тоффлера и других американских политологов, убедительно показал, сколь упорно предпринимаются вновь и вновь попытки изобразить экономические кризисы, инфляцию, безработицу и прочие врожденные болезни капиталистической системы как специфические черты некой абстракции — «эпохи индустриализации».

В лучшем случае эти теоретики сулили, что такие пороки будут устранены на следующем этапе экономического развития — в некоем «постиндустриальном обществе», а в худшем пророчили всеобщую гибель цивилизации. Особенно широко на Западе рекламировались посвященные этой теме книги Э. Тоффлера «Столкновение с будущим» и «Доклад об экоспазме». («Понятие экоспазма, или спазматической экономики,— пояснял автор,— относится к экономике, находящейся на грани катастрофы, что обусловлено воздействием на нее критических ситуаций, которые пока еще не обрушились одновременно, но только пока».)

Предлагая капитализму свою «стратегию выживания», этот западный социолог с упорством, заслуживающим лучшего применения, пытался доказать, будто кризис капиталистической системы объясняется вовсе не глубокими ее социальными пороками, а всего лишь побочными процессами индустриализации производства. «Мы находимся,— утверждал он,— в стадии кризиса... индустриального общества безотносительно к его политическим формам (!). Мы являемся свидетелями революции молодежи, сексуальной, расовой революций, крушения колониальной системы и все более быстрой и глубокой технологической революции. Мы вступили в период кризиса индустриализации. Короче говоря, мы переживаем «сверхиндустриальную революцию».

Э. Тоффлер был не в состоянии скрыть бурного развития социальных противоречий в современном буржуазном обществе. Более того, он видел серьезную опасность, которой чреваты кризисные явления экономического, политического, социального и морального характера. «Мы наблюдаем сегодня не просто экономический кризис, а нечто значительно более глубокое, чего нельзя понять в рамках традиционной экономики»,— предупреждал он. Но тут же, подменяя одно понятие другим, уверял, будто все дело в технологических проблемах, якобы общих для любого индустриального государства — будь то капиталистического или социалистического.

Отсюда делался фальшивый вывод: выход из нынешнего кризиса откроет-де переход к «сверхиндустриальному капитализму», или «постиндустриальному обществу», как предпочитает выражаться Збигнев Бжезинский, его «улучшению» путем перевода экономики на «супернациональный», «транснациональный» уровень. Вот и замыкается круг: да здравствуют многонациональные капиталистические монополии, вся власть им!..

Эти же мотивы слышались в изданной в Париже книге Мишеля Альберта, генерального директора компании «Юникреди», в прошлом директора Европейского инвестиционного банка в Брюсселе, и Жана Ферньо, известного французского публициста, автора многих книг. Свой труд они назвали весьма красноречиво — «Тощие коровы» (в напоминание о библейском мифе, повествовавшем о длительном экономическом несчастье — периоде «тощих коров», который пришел на смену периоду «тучных коров»).

И в этой книге было немало выразительных признаний. Куда денешься от неумолимой реальности глубокого кризиса, охватившего капиталистический мир? Авторы писали, что людьми там овладел «страх перед завтрашним днем». «Мы входим,— смятенно заявляли они,— в полосу беспокойства и неуверенности. Мы больше не знаем, ни что мы собой представляем, ни куда мы идем, ни чему служит то, что мы делаем. Дорога света превратилась в путь тьмы». И далее: «Все наши планы развития в течение целого поколения вдруг предстали как планы развития бес-

хозяйственности. Само понятие экономического прогресса превращается в синоним разрушения. И это сегодня означает не только глупость, зряшный труд, заблуждение, а скорее провинность, аморальную деятельность, прегрешения по отношению к живым существам и вещам».

Что и говорить, Альберт и Ферньо не скупились на крепкие выражения, характеризуя нынешнее время «тощих коров» капитализма. Чувствовалось, что страх перед будущим холодит их жилы. Но тут же, вслед за Тоффлером, они проделывают тот же курбет, подменяя одно понятие другим: «провинность, аморальную деятельность, прегрешения по отношению к живым существам и вещам», за которые несет ответственность капиталистическая система, они перекладывали опять-таки на «индустриальное общество вообще». Тщетно было бы искать в их труде какие-либо упоминания о классовых категориях,— они подменяют их туманными понятиями некоего «общества роста» или «индустриальной системы».

Публицисты буржуазной прессы в наше время нередко вспоминают горькие слова П. Верлена: «Мы познали, что наша цивилизация смертна». Но при этом умышленно затемняется главный вопрос: о какой цивилизации идет речь и, больше того, что надо понимать под цивилизацией вообще?

Развитие человеческого общества происходит по восходящей линии, и на каждом новом этапе люди, созидая новое, используют все то лучшее, что было накоплено предыдущими поколениями в области науки, культуры, общественного развития. Цивилизация социалистического общества, которая сложилась в мире в XX веке, является поистине венцом человеческой культуры. Но как можно утверждать, будто эта цивилизация и цивилизация буржуазного общества — *одно и то же,* ссылаясь на то, что и там и здесь используются машины?

Одряхлевшая цивилизация буржуазного общества действительно обречена, ибо она отравлена трупным ядом своекорыстия, жаждой наживы, зиждется на эксплуатации человека человеком. Молодая и полная сил цивилизация социалистического общества свободна от этих пороков, и потому ей принадлежит буду-

щее. И как тут не вспомнить гордые и сильные слова А. М. Горького, сказанные им еще на рубеже 20—30-х годов, когда теория мнимого единства «машинной культуры» начинала пускать первые ростки за океаном. Отвечая на анкету одного американского журнала, он писал: «Лично я держусь, разумеется, того мнения, что истинная цивилизация и быстрый рост культуры возможны только при условии, если политическая власть всецело принадлежит трудовому народу, а не паразитам, живущим за счет чужого труда».

Вот так-то!

Все эти хитроумные идеологические диверсии остаются на вооружении американских служб психологической войны, которые работают с полным напряжением всех своих сил. А тем временем нынешняя американская администрация, пришедшая к руководству страной в 1981 году после победы кандидата республиканской партии, бывшего губернатора Калифорнии Рональда Рейгана, разрабатывает и пытается осуществить другой вариант борьбы против сил социализма—путь неприкрытых военных авантюр.

Бесцеремонно разрывая все международные соглашения, заключенные предшественниками этой администрации, развивая безудержную гонку вооружений, провозгласив в открытую «крестовый поход» против нас и похваляясь «отправить социализм на пепелище истории», Р. Рейган и его министры возродили выработанную в годы «холодной войны» тогдашним государственным секретарем США Даллесом поистине самоубийственную стратегию «балансирования на грани пропасти».

Этот крутой поворот в политике Соединенных Штатов вызвал бурные протесты общественности во всем мире, в том числе и в США, и замешательство в лагере американских союзников. Поэтому в последние годы в идеологических штабах этой главной империалистической державы были предприняты срочные меры для камуфлирования агрессивной политики нынешней американской администрации.

В ход пошли лицемерные фразы о том, что будто нынешнее руководство Соединенных Штатов выступает против ядерной войны и даже за полную лик-

видацию ядерного оружия, заботится о нормализации отношений с социалистическими странами, а гонку вооружений ведет лишь для того, чтобы «убедить» Советский Союз вести переговоры о разоружении, дабы спасти цивилизацию от разрушения...

## Как они морочат головы людям

Но уж коль скоро речь зашла о цивилизации последней четверти XX века, то тут уместен такой вопрос: ну а что же представляет собой та духовная пища, которую эти господа предлагают сейчас своим народам, в чем суть тех идейных концепций, которые они стараются привить людям?

О, конечно же, было бы немыслимо перечислить все те рецепты в идеологической области, которые рекомендуют современные буржуазные философы, экономисты, социологи, политологи, писатели, деятели искусства. Да в этом и нет необходимости, поскольку эти темы сравнительно широко освещаются в нашей прессе. Но выделить главные закономерности в этой области можно и должно.

Чем пристальнее приглядываешься к разносторонней лихорадочной деятельности наших противников на идеологическом фронте, тем яснее становится, что они используют постулаты, отработанные еще более тысячи лет тому назад философами христианской религии, истово служившей на протяжении многих столетий правящим классам, удерживая эксплуатируемую массу в страхе божьем.

Я имею в виду, например, христианский тезис о необходимости быть «кротким» и послушным, проявлять «долготерпение». Кстати, нынешний президент США Р. Рейган любит цитировать «священное писание» и ратовать за соблюдение библейских заповедей, хотя в своей деятельности он и его министры отнюдь не следуют им. Они предпочитают пользоваться благами реальной жизни, не рассчитывая на получение райского блаженства на небесах. И уж вовсе они не намерены уступать земные богатства «кротким» и «плачущим». В наши дни на Западе все более открыто и цинично провозглашается мнимая закономерность деления общества на так называемую эли-

ту, призванную хозяйничать и править, и массу, призванную безропотно подчиняться и трудиться.

Кто же эта элита? Корпорации богатейших людей, отвечает американский экономист Милтон Фридман, который, по определению газеты «Уолл-стрит джорнэл», «отражает точку зрения большого бизнеса». Их смысл жизни и цель всей их деятельности, по определению Милтона Фридмана,— это «обеспечение максимальной прибыли при любых (!) социальных правилах поведения, устанавливаемых в каждый данный момент».

А кто состоит в подчинении у «элиты»? Трудовой люд, те, кто производит материальные ценности; им-то и надлежит быть «кроткими», согласно евангельскому тексту. И вот что знаменательно: те, кто проповедует эти идеи, уделяют особое внимание идеологической обработке человеческой массы, часто именуемой «молчаливым большинством». Их задача состоит в том, чтобы заглушить у этого «молчаливого большинства» классовое самосознание, превратить его в безликую толпу, толпу одиноких, разрозненных людей, пассивных и аполитичных.

В. И. Ленин писал, что без масс капиталистам не обойтись, а вести их за собой они не могут без разветвленной «прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,— лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии» [1].

В последнее время буржуазная социальная наука открыто и без стеснений обсуждает пути и методы манипулирования сознанием этих масс,— да-да, в ход пущен совершенно открыто термин «манипулирование»! Разработана доктрина так называемого «массового общества», суть которой сводится к изучению способов держать «молчаливое большинство» в повиновении, формировать их образ мышления и поведение. Здесь и тенденциозная буржуазная пропаганда, представляющая, по выражению Ленина, гигантский аппарат «лжи и обмана, массового надувания рабо-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 176.

чих и крестьян...» [1], и влияние церкви, и индустрия дешевых развлечений, оглупляющих человека, и многое другое.

А тем временем американские и английские футурологи, вынашивающие долгосрочные планы воздействия на массы, все более активно разрабатывают средства, с помощью которых можно было бы влиять на развитие человеческого мозга, заранее программируя создание касты послушных рабов. Писал же сотрудник известной американской исследовательской корпорации РЭНД Б. Хэйвен в книге «Двухтысячный год», что элита планирует добиться «тотального манипулирования» личностью с помощью электронного контроля и применения лекарственных средств, воздействующих на психику. В том же духе высказывался в беседе со мной другой видный американский футуролог Герман Кан, о чем я подробно рассказал в книге «Отравители».

Эти зловещие замыслы попахивают фантастикой, но мы ошиблись бы, если бы недооценили действия тех, кто их вынашивает. Борясь за спасение своего давшего течь корабля, буржуазия способна на все. Об этом напомнил товарищ Л. И. Брежнев, выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году:

«...Ежечасно, и днем и ночью трудовой народ почти всего земного шара подвергается в той или иной мере воздействию буржуазной пропаганды, буржуазной идеологии. Наемные идеологи империалистов создали специальную псевдокультуру, рассчитанную на оглупление масс, на притупление их общественного сознания. Борьба против ее развращающего влияния на трудящихся — важный участок работы коммунистов» [2].

Эта борьба является актуальнейшей задачей, от успешного решения которой во многом будет зависеть конечный успех всемирно-исторического противоборства двух антагонистических социальных систем — капитализма и социализма. И как ни стараются буржуазные идеологи изобрести новые «модели» старого

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 15.

[2] Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 401.

общества и как ни напрягают свое воображение американские футурологи в поисках эффективных способов манипулирования человеческой личностью, можно не сомневаться, что в конечном счете мир насилия и угнетения рухнет под тяжестью своих преступлений.

Еще Маркс говорил, что капитализм порождает своего могильщика в лице рабочего класса. Капиталисты могут продлить на какой-то срок существование своей бесчеловечной общественной системы одурманивания трудящихся, отвлекая их от борьбы за освобождение хитроумными идейками «классового сотрудничества», пресловутой «массовой культурой» и низводя личность до роли марионетки, поведение которой «запрограммировано» хозяевами. Но у системы, которая построена на эксплуатации человека человеком, на ограблении капиталистами миллионов и миллионов людей, нет и не может быть будущего. Ее элита, адресуя классам трудящихся свое лицемерное послание «Блаженны нищие духом, блаженны кроткие, блаженны плачущие», забывает о том, что, как бы она ни пыталась одурманить их, классовое сознание у людей труда растет.

В последней четверти XX века трудящиеся выступают во всеоружии опыта классовой борьбы, накопленного их дедами, отцами и ими самими. Они не нищие духом, нет, и они отказываются быть кроткими. Их дух богат сознанием правоты своего дела и опытом мудрой повседневной борьбы за это правое дело, унаследованным от Маркса и Ленина и обогащенным коммунистическими партиями за последние полвека.

Нищи духом сегодня не они, а сами господа капиталисты и их наемные идеологи, тоскующие по былому, боящиеся взглянуть в лицо будущему. Все их фальшивые рассуждения о том, будто капитализм сегодня перестал быть капитализмом, а превратился в «общество всеобщего благоденствия», будто современный мир — это некая единая «машинная цивилизация», говорят об одном: капитализм страшится быть разоблаченным до конца, ему нечего сказать в свое оправдание.

Вот почему даже в стане буржуазии все чаще и все громче раздаются голоса об обреченности этой

системы, поистине нищей духом. «Весь Запад болен одним и тем же недугом,— писал известный французский публицист, директор журнала «Монд дипломатик» Клод Жюльен в своей книге «Самоубийство демократии»,— независимо от того, идет ли речь о малых и больших странах, имеющих устойчивые правительства, опирающиеся на прочное большинство, или шаткие коалиционные правительства, о странах, имеющих централизованную или весьма децентрализованную систему... Затронута, таким образом, сама западная (читай: капиталистическая! — *Ю. Ж.*) система. В различной степени, с различной силой все западные демократии (точнее, весь капиталистический мир.— *Ю. Ж.*) поражены недугом, который достиг, кажется, пароксизма в Соединенных Штатах».

Все больше людей отдает себе отчет в том, что капитализм с его эксплуатацией человека человеком, с его шовинистической и расистской идеологией, с бесправием миллионов людей труда, с глубочайшим моральным кризисом, разгулом преступности разлагается заживо, отравляя все вокруг себя.

«Разумеется, капиталистам есть за что бороться»,— саркастически писал М. Горький в 1931 году. Они защищают свои установления, действующие «в целях защиты и оправдания ничем не ограниченной власти паразитивного меньшинства над трудовым большинством, над рабочими, крестьянами и мелкой буржуазией, живущей дрянненькой работой на крупную. Их культура — школа, где лгут, церковь, где лгут, парламент, где тоже лгут, пресса, где лгут и клевещут, их культура — полиция, которой предоставлено право бить и убивать рабочих».

И как бы ни хитрили идеологи капитализма, как бы ни пытались они замаскировать его неизлечимые болезни, как бы ни скрывали они его вопиющую нищету духа, неприглядное и грязное занятие их заведомо обречено на провал.

Будущее принадлежит социализму, который в эпоху всеобщего одичания, озверения и отчаяния буржуазии выступает перед всем миром как самый передовой и прогрессивный общественный строй, как носитель высших духовных ценностей и гарант подлинного расцвета человеческой личности в мире, свободном от эксплуатации!

# МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТ ЖИВОГО

Все углубляющийся общий кризис капитализма затрагивает самые глубокие основы буржуазного общества, делает людей глубоко несчастными, отравляет их мораль, калечит человеческие души. Особенно остро это ощущается опять-таки в США — крупнейшей капиталистической державе.

То, что там происходит, заставляет снова вспомнить меткое определение Фридрихом Энгельсом буржуазии, которая «не знает иного блаженства, кроме быстрого обогащения, не знает иных страданий, кроме денежных потерь. При такой алчности, при такой жадности к деньгам ни одно движение души человеческой не может оставаться незапятнанным»[1]. И, пожалуй, страшнее всего в этом бесчеловечном мире судьба детей.

**«Больше гробов, чем колыбелей»**

Американские специалисты по изучению проблем семьи бьют тревогу, заявляя, что ослабление моральных устоев в Соединенных Штатах привело к тому, что, как писал однажды журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», «многие дети живут сейчас в моральном и эмоциональном вакууме, без целей, к которым можно было бы стремиться».

И вот по сути страшная, по-американски обстоятельная и внешне бесстрастная статистика:

— Свыше 30 процентов детей школьного возраста живет с родителями, которые были разведены хотя бы (!) один раз.

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 496.

— Не менее миллиона американских подростков, в большинстве своем из среднего класса, ежегодно убегает из дома.

— Самоубийство — вторая по количеству жертв причина смерти молодых американцев в возрасте от пятнадцати до двадцати четырех лет.

— Один из каждых девяти подростков к восемнадцати годам попадает в суд для несовершеннолетних.

— Примерно 10 процентов всех детей школьного возраста страдает от душевных и эмоциональных расстройств различной остроты, от умеренных до острых. Злоупотребления наркотиками и алкоголизм превращаются в серьезные проблемы, угрожающие здоровью населения...

Мудрено ли, что в этом удушливом моральном климате у миллионов людей все чаще появляется горькая мысль: а стоит ли вообще иметь детей? И вот рождается еще одна острая проблема...

Листаю парижскую газету «Монд», обычно щеголяющую спокойной, неброской, с претензией на солидность манерой подачи материалов, и вдруг в разделе «Мир сегодня» наталкиваюсь на драматический, поистине сенсационный заголовок большой статьи: *«Больше гробов, чем колыбелей»*. В чем дело, что случилось?

Оказывается, газета бьет тревогу, размышляя о настоящем и будущем. Ее встревожили прогнозы экспертов Организации Объединенных Наций, анализирующих данные о рождаемости и смертности в современном мире.

Всесторонне изучив данные, эксперты ООН пришли к выводу: если в целом численность людей на нашей планете растет все быстрее [1], то в странах Западной Европы такой прирост замедляется и, больше того, возникает реальная перспектива сокращения населения.

Что же будет? Если, к примеру, французы сейчас составляют свыше 1,4 процента мирового населения,

---

[1] По расчетам этих экспертов, к 2075 году общая численность населения на земном шаре достигнет примерно 9,5 миллиарда, а возможно, и значительно большей цифры (в 1983 году она составляла 4 685 000 000).

то к концу века, как утверждают эксперты, они составят 0,6 процента.

Возможно, специалисты ошибаются в своих расчетах, хотя «демография» (наука о народонаселении) относительно точна, замечает газета «Монд». Но даже если взять сегодняшние данные, то «и в случае ошибки ученых в долгосрочных прогнозах упадок рождаемости в Европе отчетливо виден... Спад усиливается, и что касается нашей страны (т. е. Франции),— констатирует газета,— то если бы не было детей иммигрантов, число смертей уже превысило бы число рождений. У нас больше гробов, чем колыбелей».

Такое положение не может не беспокоить людей, размышляющих о будущем своих наций. «Страна, в которой резко падает рождаемость,— заявил бывший премьер-министр в правительстве де Голля Мишель Дебре,— не может рассчитывать ни на безопасность, ни на экономический рост, ни на социальный прогресс».

Проблема, которой заинтересовалась газета «Монд», конечно, непроста. Нельзя не учитывать, что в промышленно развитых странах, когда женская половина человечества все активнее вовлекается в производственную деятельность и общественную жизнь, семьи с десятью — двенадцатью детьми стали большой редкостью, тогда как в прошлом веке и даже в начале нынешнего они были весьма распространенным явлением. Определенное уменьшение численности детей в семьях наблюдается и в социалистических странах.

Тем не менее статистические данные, публикуемые демографами, касающиеся Западной Европы, наталкивают газету «Монд» на весьма грустные размышления. Речь идет уже не о падении рождаемости в тех пределах, какие, быть может, определяются общими тенденциями, свойственными современному этапу экономического развития, а об угрозе самому существованию тех наций, у которых, по выражению этого публициста, гробов становится больше, чем колыбелей.

Этот же тревожный факт констатировал итальянский журнал «Эспрессо»:

— Италия приближается к нулевому приросту населения. Рождаемость упала до такого уровня, какой еще ни разу не наблюдался. Уменьшилось число браков, и прирост населения остановился на цифре — 4,2 рождения на тысячу жителей. Что происходит? Куда девалась молодая, динамичная в демографическом отношении Италия, страна многодетных семей, как можно было думать на основании статистических данных? Согласно последним данным, со временем Италия превратится в «приют для престарелых», в страну, где молодое поколение не в состоянии заменить старое поколение. В двадцати семи итальянских провинциях смертность уже превышает рождаемость. Это относится почти ко всем провинциям Пьемонта, Павии, Кремоне и Мантуе в Ломбардии, многим провинциям в области Фриули, ко всем провинциям Лигурии, к большинству провинций Эмилии и Тосканы.

Итальянский журнал подчеркнул, что такое явление характерно для всех западноевропейских государств, о чем свидетельствуют специалисты-демографы. «Кое-кто из пессимистов,— писал он,— предсказывает даже исчезновение [Западной] Европы — в Федеративной Республике Германии уже сейчас рождаемость сокращается на 250 тысяч человек в год, что станет прелюдией гибели всей западной цивилизации, включая Соединенные Штаты. Следовательно, согласно распространенному пессимистическому мнению, нас ждет своего рода апокалипсис, вроде того, который стер с политической карты мира Римскую империю».

Что же делать? Газета «Монд» отмечает, что специалисты не дают четкого ответа на этот вопрос. Они винят во всем «либерализацию нравов» (свободу абортов, свободу применения противозачаточных средств), упрощение процедуры разводов, пресловутую «вседозволенность», деградацию авторитета родителей и распад семей, утрату моральных основ общества. Другие объясняют уменьшение рождаемости тем, что малы пособия на воспитание детей, не хватает яслей и детских садов, мест для летнего отдыха детей, жилья и т. д.

— Все это так, все это правильно,— пишет «Монд»,— но достаточно ли полны эти оценки? Послушайте, что говорят вокруг нас...

И далее газета приводит аргументацию совершенно иного плана. Дело не только и не столько в том, что в странах Западной Европы разрешены аборты и что не хватает детских садов. Дело в том, что люди в этих странах утрачивают веру в моральные ценности капиталистического общества, в стабильность существующего там строя, в завтрашний день. Наряду с этим антикоммунистическая и антисоветская пропаганда приводит к неожиданному для ее организаторов результату: она запугивает далеких от политики людей, которые под влиянием этой демагогии начинают думать, что снова усиливается угроза мировой войны, а значит, ядерной катастрофы,— так стоит ли иметь детей?

Вот высказывания, приведенные газетой «Монд».

— Дети? Их у нас не будет,— заявляет молодая женщина, хотя она и ее муж хорошо материально обеспечены.— Зачем умножать число жертв неизбежной ядерной войны? Нам постоянно и упорно твердят, что «мир несчастен потому, что он не знает, куда он идет, и потому, что он догадывается, что если бы он это узнал, то увидел бы, что идет к катастрофе...» И после этого хотят, чтобы мы рожали дедей, чтобы их постигла горькая судьба?

— Дети?.. Да что вы!.. Мы и вдвоем-то едва сводим концы с концами. А что будет, если нас станет трое, четверо, пятеро?.. Безработица, кризис, инфляция, постоянная неуверенность в завтрашнем дне, тревога, тоска. А что будет через двадцать лет?.. Нет, пусть уж не рассчитывают на нас, когда думают об увеличении численности населения!

И «Монд» делает вывод: «Вот подлинные причины! Бесполезно ссылаться на «вседозволенность» и даже на недостатки в оказании помощи семьям. Конечно, небесполезно добиваться новых субсидий, дополнительных льгот многосемейным, поощрять развитие материнства. Но все это означало бы, что мы обращаем внимание на последствия, а не на причины явления».

В падении рождаемости в капиталистических странах газета «Монд» видит «ясный и резкий ответ на политику, порождающую сумятицу в умах, на политику несправедливости. Это забастовка, которая, как всякая другая, является ответом на принуждения и выражает определенные требования».

«Конечно, французы далеко не самые несчастные люди,— заключает «Монд».— Но вот уже пятьдесят лет во Франции политика обеспечения людей жильем терпит один провал за другим; вот уже тридцать лет французы периодически страдают от инфляции; вот уже двадцать лет они испытывают бремя спекуляции землей и беспорядочной, всепожирающей урбанизации; вот уже десять лет не без причины жалуются на серость повседневной жизни, на растущую грубость в социальных отношениях, на усталость. Они полны тревоги за своих детей, поскольку наша система образования каждый год претерпевает «бурные» изменения и, кроме всего прочего, образование не готовит людей к жизни: дипломы, которые она дает, никакой ценности не имеют. Вдобавок ко всему — кризис и безработица. И после этого от французов хотят, чтобы они считали, что с ними обращаются вполне справедливо и их будущее достаточно обеспечено, чтобы в их семьях было много детей? Нет, так дело не пойдет!»

Я уверен, что благонамеренная парижская газета вовсе не собиралась разоблачать сущность капиталистической системы, когда решила высказать тревогу по поводу катастрофического снижения рождаемости в Западной Европе. Неумолимая логика фактов привела к тому, что она вплотную подошла к разоблачению общественной и социальной системы капитализма.

Как видим, факты — упрямая вещь!

**В ожидании страшного суда**

Экономическая несостоятельность и духовное банкротство капиталистической системы становятся все более очевидными. И даже буржуазные ученые, средства массовой информации Запада вынуждены все чаще признавать это. Но вот что любопытно: буржуаз-

ные идеологи и пропагандистских дел мастера пытаются упадок своего класса выдать за упадок всего человечества.

Иными словами, «мертвый хватает живого»...

Чтобы пояснить это, начну почти с анекдотического случая. В конце 1975 года солидное парижское издательство «Галлимар» опубликовало сборник «Год 2000-й», его подготовил некий Андре-Клеман Декуфле, руководитель учреждения, именуемого «Лабораторией прикладных изысканий». В сборнике были приведены наиболее пессимистичные прогнозы футурологов, политиков низкого пошиба, писателей, а также вошедших в моду на Западе астрологов, прорицателей, гадалок.

Большая часть этих пророков пришла к выводу, будто 2000-й год — крайний срок существования человечества, которое либо само уничтожит себя в каком-либо мировом конфликте, либо в лучшем случае одичает и «вернется в пещерный век». И вот газета «Котидьен де Пари» сочла необходимым опубликовать интеревью с Андре-Клеманом Декуфле, предоставив ему почти целую страницу. Аншлаг гласил: «Приговор астрологов: год 2000-й будет концом мира».

— Почему предсказатели отождествляют 2000 год с концом мира? — спросил журналист Стефан Хемп.

— Иудейско-христианская культура характеризуется ритмикой истории,— ответил Декуфле.— Нулевым годом был год рождения Христа. С ним связан отпечатавшийся в коллективной памяти текст Апокалипсиса: «И увидел я сходящего с неба ангела, который держал в руках ключ от бездны и огромную цепь. Он обуздал сатану и заковал его на две тысячи лет». Когда минует 2000-й год, сатана выйдет, чтобы обольщать народы и ввергнуть их в войну.

— На каких же знамениях строят прорицатели свои предсказания близости светопреставления?

— Имеются три категории знамений: 1) космические и земные, появление комет и землетрясения; 2) биологическая разнузданность; 3) духовная разнузданность, особенно символизированная событиями мая 1968 года...

— Но год 2000-й, как вы утверждаете, будет также годом надежды; он обещает стать праздником, возвещающим наступление золотого века! — воскликнул пораженный корреспондент «Котидьен де Пари».

И Декуфле с прежней невозмутимостью ответил: «Это правда, Джерри Рубин (представитель левацких ультра в США, шумевших на авансцене американской политической жизни во второй половине 60-х годов.— *Ю. Ж.*) в своей книге «Сделай это» рисует этот грядущий праздник в неподражаемой манере: «Все школы и университеты будут закрыты бунтовщиками. Миллионы молодых людей захватят улицы во всех городах, они будут танцевать, петь, совокупляться на шоссе, принимать наркотики. Вертолеты йиппи (так сокращенно Рубин назвал свою микроскопическую «международную молодежную партию».— *Ю. Ж.*) будут сбрасывать на полицейских бомбы с наркотическим газом. Белый дом превратится в коммунальный постоялый двор для проезжих, которым негде провести ночь. Все часы будут уничтожены».

Что это? Бред сумасшедшего? Желание пощекотать нервы читателя? Безответственная выходка сотрудников издательства «Галлимар», заказавших «Лаборатории прикладных изысканий» сей «научный труд»? Можно сделать любое предположение. Но факт остается фактом: эта бредовая, на взгляд здравомыслящего человека, книга лежала в витринах книжных магазинов Парижа с заманчивой этикеткой «новинка», я сам ее видел и держал в руках.

Почти одновременно с книгой Декуфле, содержащей столь страшные прогнозы на 2000 год, в Париже вышел в свет еще один псевдонаучный труд подобного жанра — «Тысячный год» Жоржа Дюби. Можно предположить, что синхронная публикация этих мрачных сочинений была задумана специально: знакомясь с ними, читатель должен поверить, что великие кризисы, угрожающие самому существованию человечества, повторяются через каждую тысячу лет.

Жорж Дюби напоминал о том, что на исходе первого и на пороге второго тысячелетия нашей эры христианский мир также был охвачен смятением: лю-

ди жили паническим ожиданием страшного суда — «две звезды тогда боролись между собой всю осень», «появилась комета в форме меча», «было очень долгое затмение солнца», и вот «страх проник в души людей, ибо эти знаки предвещали пришествие орд Антихриста, который должен был объединить народы Гога и Магога». Вот и ныне, заявляет автор книги, на исходе второго и на подступах к третьему тысячелетию, человечество вновь охватывает та же апокалиптическая лихорадка.

Правда, лжепророков, возвещавших скорое светопреставление, и прежде находилось немало: во Франции предвещали конец света — в 1260 году монах Иоахим де Флор, в 1645-м — прорицатель Франсуа Давенн, в 1873-м — аббат де Ноэ, в 1913-м — священник из Тулузы Гуаз. Но все это мелочи по сравнению с нынешним мощным потоком мрачных пророчеств, звучание которых в миллион раз усиливают современные средства информации, услужливо предоставляемые в распоряжение такого рода футурологов.

Вот как рисовал картину XXI века американский журнал «Ньюсуик» в номере от 31 октября 1983 года в пространной статье, озаглавленной «Кошмарные города будущего».

«Знойный день 2000 года в крупнейшем городе из всех, которые когда-либо существовали на Земле. Двадцать восемь миллионов человек ютятся в дымных трущобах, окружающих островки высотных зданий, в которых сосредоточены власть и богатство. Половина рабочей силы города лишена возможности трудиться. Многие богачи бежали, а многие бедняки никогда даже не бывали в деловой части города. В безымянном трущобном районе с открытой канализационной системой медленной смертью умирают жертвы очередной эпидемии холеры, не получая никакой медицинской помощи. В другой район города уже третий день подряд не приходят цистерны с водой; полиция применяет слезоточивый газ, чтобы подавить еще один стихийный бунт. А на десятках пыльных площадей переполненные автобусы выгружают новые тысячи голодных крестьян, которые считают город обителью надежды...» (БПИ № 231, 28.XI.83, стр. 51).

## Эхо средневековья

В начале восьмидесятых годов в Париже был поднят превеликий шум вокруг вышедшей в свет книги «Нострадамус: историк и пророк», написанной неким фармацевтом из провинциального городка Сен-Реми-де-Прованс, укрывшимся под псевдонимом де Фонбрюн. Тем читателям, которые не знают, кто такой Нострадамус, я сразу же поясню — это был средневековый астролог и медик (родился в 1503 году, скончался в 1566-м). Изучавшие его пророчества современные французские психиатры пришли к выводу, что это был человек, страдавший тяжелым заболеванием психики — паранойей, которая к тому же осложнялась манией величия.

Нострадамус, родившийся, кстати сказать, в том же провинциальном городке, сочинил свою «Астрологическую летопись грядущих столетий» в виде четверостиший, составленных чрезвычайно туманно и двусмысленно. В последующие столетия многие шарлатаны обращались к этому более чем сомнительному сочинению, произвольно толкуя его применительно к современным им эпохам. В разное время им было посвящено около четырехсот разных толкований, многие из которых представляли собой сочинения самого вульгарного пошиба.

Чего стоит хотя бы вот такая книга, изданная в 1911 году неким «научно-психологическим издательством в Москве с отделением в Саратове» под названием «Астрономия(?) и гороскоп Нострадамуса. Полное подробное руководство к определению будущего по звездам». Авторы, некие Люке и Дальф, уверяли, будто любой человек, изучив это «руководство», будет способен найти в нем ответ на такие вопросы: «Приобрету ли я богатство? Когда я получу наследство? Что означает виденный мною сон? Каких людей мне нужно остерегаться? Найду ли я украденное у меня имущество или нет? Одолею ли я своих соперников? Достигну ли я высоких почестей? От какой болезни я умру? В котором часу я умру?»

Но сочинения Нострадамуса были пособием не только для разного рода базарных прорицателей и гадалок. На протяжении минувших четырехсот лет они не раз использовались политическими авантюристами

для того, чтобы вводить в заблуждение легковерных людей, верящих в предсказания шарлатанов. Пользовался писаниями Нострадамуса и Гитлер — к услугам астрологов прибегало по его указанию пропагандистское ведомство Геббельса.

В мае 1940 года, например, фашистская авиация сбрасывала над Францией листовки, в которых приводились непонятные предсказания Нострадамуса, а рядом размещался якобы «перевод» их на современный язык, гласивший, что Германия вот-вот одержит победу, но юг Франции не будет подвергнут разгрому. Французам таким образом подсказывали, что они должны бежать туда, оставляя вермахту свободными дороги, ведущие к Парижу и портам Ла-Манша.

Кстати, потом, уже в 1943 году, британская служба психологической войны ответила Геббельсу тем же: английские самолеты, в свою очередь, сбрасывали на территорию Германии свои «толкования» четверостиший Нострадамуса, якобы сулившие разгром вермахта.

И вот в августе 1981 года никому неведомый фармацевт из Прованса издал очередной вариант модернизации пророчеств этого средневекового предсказателя, пытаясь повернуть их на сей раз против Советского Союза. Поначалу на его книжонку никто не обратил внимания, но вот издающийся большим тиражом журнал «Пари-матч», специализирующийся на скандальных сенсациях, опубликовал большую статью, в которой разрекламировал новое толкование предсказаний Нострадамуса.

Вслед за этим и другие журналы и газеты, что называется, подняли на щит эти предсказания. Более того, некий «Центр по изучению стратегических вопросов» провел в Сен-Реми-де-Прованс военный симпозиум (!), посвященный книге Фонбрюна. Сия шумиха вызвала повышенный интерес к этому сочинению, и оно разошлось тиражом в миллион экземпляров.

Дальше — больше. Тот же журнал «Пари-матч» 15 октября 1982 года опубликовал новую сенсацию: некий сотрудник американской организации НАСА, ведающей освоением космоса, француз по национальности, Морис Шатлен, выпустил свою книгу, назван-

ную «Конец света», в которой сообщил, что он «пропустил через компьютер» предсказания Нострадамуса и вслед за ним пришел к таким выводам:

— В период между 1982 и 1988 годами во Франции возникнут революционные волнения, особенно на юго-западе, в районе Тулузы. На Среднем Востоке вспыхнет война с Израилем. Вторжение русских и арабов вынудит Папу покинуть Рим и обосноваться во Франции. Но армии вторжения оккупируют Германию, Англию, Францию, Швейцарию, Италию и Испанию. Папа будет убит. Война, развязанная русскими и арабами, будет длиться три года и семь месяцев, и вся Европа будет оставаться оккупированной русской армией в течение двух лет. Но затем американцы освободят Францию. Они высадятся в Португалии и отбросят русских с помощью французских и испанских вооруженных сил, которые будут воссозданы в эмиграции. Их возглавит французский король (!) Генрих Пятый (французская республика к тому времени уже будет заменена монархией). Наступит период успокоения и процветания, который продлится десять лет, но затем война возобновится. На этот раз это будет война «желтой расы» против «белой расы» — она разгорится на советской территории либо в районе Тихого океана. Нострадамус якобы предсказывает, что эта война — война антихриста — начнется в 1997 году и будет длиться двадцать семь лет. Кончится все это тем, что американцы вторично спасут Европу, уничтожив «полностью и окончательно» новым «фантастическим» оружием русские, китайские и мусульманские армии, «без уничтожения которых никогда не удалось бы обеспечить мир во всем мире». И только тогда начнется «золотой век»...

— Это же бред сумасшедших! — воскликнет читатель. Согласен — это бред. Но сочиняют такие пророчества, приписывая их средневековому магу, отнюдь не сумасшедшие люди. Они совершенно сознательно морочат людям головы, пытаясь убедить их в том, будто средневековый маг каким-то чудом предвидел «красную угрозу». Тот же Фонбрюн без стыда и совести позволяет себе так излагать пророчества Нострадамуса:

«Кремль развернет гигантское наступление клеща-

ми на двух военных театрах: один — Европа, другой — Юг: Персидский залив, Ближний Восток, Африка... На европейском театре СССР введет в сражение огромные наземные и воздушные силы — приблизительно 120 танковых и механизированных дивизий, три тысячи единиц тактической авиации с атомными бомбами на борту...»

Разумеется, ничего подобного Нострадамус в своих четверостишиях не писал и писать не мог. Но что до этого его толкователям? Ими движет единственное соображение: надо во что бы то ни стало ошеломить читателей, сбить их с толку, запугать! За это толкователям и платят. За это их и прославляют...

Астрологи нынче, как и в средние века, вошли в моду на Западе. Как писал 26 декабря 1983 года парижский журнал «Пуэн», во Франции действуют 30 000 прорицателей, гадалок, звездочетов. Они в общей сложности проводят шесть миллионов «консультаций» в год, получая за это несколько десятков миллионов франков в год. В США астрологов еще больше: там их насчитывается сто тысяч, причем они зарабатывают три миллиарда долларов в год (эта цифра заимствована из официальных данных о доходах, подлежащих налоговому обложению)...

Вот что писал не без иронии по этому поводу парижский журнал «Нувель обсерватер»: «Теперь эсхатология (толкование библейских текстов о светопреставлении и страшном суде.— *Ю. Ж.)* покинула область мистики и перешла в область научных исследований, но ее мифологический характер остался неизменным. Еще в 20-е годы некий Филипп Жирарде предлагал создать в Коллеж де Франс «кафедру пророческих наук». Ну что ж, это почти что сделано: футурология существует. Но хотя эти современные пророки, вооружившиеся разного рода индексами, экстраполяциями, и заняли позиции на перекрестке возможностей, вероятностей и допустимых правдоподобностей, они тем не менее остаются пленниками старой манеры предсказателей катаклизмов. Эта манера — сенсации... Со всех сторон на все лады нам твердят, что конец близится,— похоже на то, что история сошла с ума и что наша планета погибает. Жизнь вот-вот исчезнет с лица земли...»

Между прочим, сам «Нувель обсерватер» грешит публикацией подобных пророчеств. Еще в июне 1972 года этот журнал выпустил специальный номер под названием «Последний шанс планеты Земля». Там приводился прогноз группы английских футурологов, которые писали: «Скоро последний человек использует последние капли нефти, чтобы сварить последнюю щепотку травы и поджарить последнюю крысу».

Напоминая об этом своем зловещем пророчестве, тот же журнал впоследствии писал о книге Декуфле «Год 2000-й»: «Со времени Хиросимы и спутников магические кометы напоминают по своей форме уже не меч, а ракету или чудовищный гриб. Люди научились сами чертить в заоблачных высях знаки, возвещающие их гибель. Как если бы требовалось воскресить древние пророчества, возвещавшие, что в день страшного суда с неба польются дожди огня и крови! Мы вступаем в ночь времен, остается ждать недолго». И журнал настоятельно рекомендовал своим читателям: «Эту книгу надо читать, как документацию, необходимую каждому, кто хочет что-то понять в мифологии нашего времени».

**Зачем же они пугают?**

Но только ли в мифологии тут дело? Футурологи, которые выступают со столь мрачными пророчествами, сочиняют их отнюдь не ради того, чтобы пощекотать нервы читателям. Они выполняют социальный заказ своего класса — класса капиталистов, встревоженных необратимыми социальными изменениями, происходящими в современном мире. Запугивая народ подобными сказками, стремятся внушить, что если они не хотят такой перспективы, то должны мириться с гонкой вооружений, с усилением военно-промышленного комплекса и с вытекающими отсюда новыми лишениями трудового люда; иначе, дескать, не сдержишь «нового антихриста» — коммунизм!

Обо всем этом можно было бы не упоминать, если бы эксплуатация темы о якобы близком конце цивилизации не усилилась нынче на Западе во много раз,— не счесть книг, журнальных и газетных статей,

кинофильмов, телевизионных передач, где на все лады рассусоливается «модная» тема. Вспоминаю, к примеру, как несколько лет тому назад эту тему одновременно, словно сговорившись, подняли сразу три крупнейших французских еженедельника.

Журнал «Экспресс» к рассмотрению вопроса о конце цивилизации призвал пятерых американских ученых. Интервью с ними было названо: «Атомная война в 1999 году?». «Но вопросительный знак здесь был поставлен лишь для чистой формы,— заметила тогда же газета «Монд».— Если верить экспертам, мнение которых излагает «Экспресс», ядерный апокалипсис в конце нашего века гарантирован (!)».

Вышедший почти одновременно журнал «Пуэн» счел нужным избрать в качестве ударной публикации выдержки из книги Жан-Клода Лорана и Раймона Ласьерра «Пытки в чистом виде», в которой на десятках страниц подробно живописалось варварство конца XX века.

Не желавший отстать от своих конкурентов журнал «Ожурдюи» («Сегодня») тоже посвятил очередной номер описанию неизбежности самых ужасных бед, какие якобы навлекает на себя человечество, развивая индустриализацию: «Прогресс — это мистификация; нам скоро не станет хватать воды; воздух уже отравлен; наш образ жизни обрекает нас на гибель; все наши дети будут ненормальными, это неизбежно... Через двадцать—тридцать лет, быть может, вся жизнь на нашей планете исчезнет». (Как видит читатель, авторы журнала «Ожурдюи», по сути дела, списали у журнала «Нувель обсерватер» кликушеские пророчества, опубликованные еще в 1972 году!)

А что творится в кино? Один за другим выходят фильмы, живописующие самые ужасные катастрофы, якобы ожидающие человечество. Еще в середине 70-х годов в прокат вышел фильм Дугласа Тромболла «Молчаливое движение». Он начинался с идиллических кадров: человек купается в реке, берега которой обрамлены прелестным лесом. Оказывается, это последний крохотный кусочек нашей планеты, сохраненный под огромным искусственным куполом и блуждающий в космосе, а самой Земли уже не существует — ее уничтожили.

Дело происходит в XXI веке. Последний человек на последнем клочке спасенной Земли общается лишь с электронными роботами, которые расхаживают по этому необыкновенному космическому кораблю, тяжело раскачиваясь на своих утиных лапах. Человек, угнетенный одиночеством, пытается установить с ними дружеские отношения, но терпит неудачу, ибо человеческие чувства чужды машине, у которой нет души. В конце концов он погибает, оставляя в космосе сохраненный им кусочек земной красоты, как когда-то потерпевшие кораблекрушение путники бросали в океан бутылку с запечатанной в ней запиской со слабой надеждой, что ее где-то когда-то кто-то найдет...

В октябре 1984 года мне довелось увидеть в Нью-Йорке широко разрекламированный фильм известного в США режиссера Джеймса Камерона «The Terminator»,— его название можно было бы перевести на русский язык по смыслу так: «Тот, кто производит окончательный расчет».

«Окончательный расчет» с остатками человечества после ядерной войны, которая, как уверяет автор фильма, может разразиться в 2029 году, производит в этом фильме восставшая армия «думающих» роботов — механических убийц, использовавшихся в войне. Радиоактивные излучения на них не воздействуют, а механические повреждения «думающим» роботам не страшны — они сами себя ремонтируют.

Когда же одному из немногих уцелевших людей удается организовать партизанскую борьбу против всесильных механических убийц, роботы, владея секретом перемещения во времени, командируют своего посланца из 2029-го в 1984 год с заданием — убить женщину, у которой должен родиться будущий организатор партизанской борьбы против всесильных роботов: если он убьет мать, ее сын не родится, и тогда ликвидация человечества будет облегчена...

— Бред! И чего только не придумают в Голливуде,— скажет, пожимая плечами, советский читатель.— Неужели такая чепуха может заинтересовать зрителя?

Увы, поставлен фильм весьма лихо, он изобилует отлично сработанными трюками, главный герой, изо-

бражающий робота, командированного из XXI века в XX,— популярный в Калифорнии мускулистый гигант Арнольд Шварценеггер, весьма натурально расстреливает, душит, терзает всех встречных и поперечных, и вот налицо немалый кассовый успех.

Волна черного пессимизма и отчаяния пришла в Западную Европу из-за океана. Именно там под влиянием охватившего Соединенные Штаты кризиса возник «бум уныния» (gloom boom), как его назвали американские социологи.

Наиболее здравомыслящие люди на Западе высказывают понятную тревогу по поводу столь странного «бума». Политический обозреватель газеты «Монд» Пьер Виансон-Понте — ныне уже покойный — выступил со статьей «Вкус к катастрофе». В ней он выразил свое возмущение проповедью мнимой неизбежности конца цивилизации...

Да, пророчества в стиле Кассандры вошли в моду. Наступил сезон рекламы катастроф. Но не следует забывать, что Кассандра, предсказывавшая падение Трои, сама явилась одной из первых жертв этой катастрофы».

Виансон-Понте видел опасность, которой чреват «бум уныния». Его страшило зрелище того, как «мертвый хватает живого», как изуверившиеся во всем идеологи капитализма отравляют пессимизмом души молодого поколения. Но он, сказав «а», оказался не в состоянии сказать «б», то есть признать, что во всем виновна отжившая свой век социальная система, что коренные интересы человечества требуют ее замены новым, более гуманным и жизнеспособным социальным строем.

Необходимость такой замены доказал еще Маркс. Ленин указал путь к ней. До недавнего времени только коммунисты мужественно и энергично доказывали, что капитализм отжил свой век и что опыт первой в мире страны социализма — Советского Союза, а затем и других братских социалистических стран демонстрирует реальную возможность и необходимость построить новое, действительно свободное общество со здоровой экономической системой и оптимистической идеологией.

**Подлинное знамение времени**

Истинным знамением времени, возвещающим будущее, являются, разумеется, не те «земные» и «космические знаки», которыми жонглируют шарлатаны, а точные сводки фактов и цифр, публикуемые в итоге выполнения очередных пятилетних планов социалистическими государствами.

Неуклонное поступательное движение развитого социалистического общества к высотам коммунизма, расцвет культуры и науки, поражающее мир духовное здоровье молодого поколения на той части земного шара, которая уже освободилась от скверны старого строя, становятся все более очевидными.

Вот почему можно считать закономерным постепенное распространение в капиталистическом мире понимания того факта, что все беды народа проистекают не из некоего кризиса цивилизации, а из кризиса бесчеловечной социальной системы — капитализма.

Подтверждение этой истины иной раз приходит из самых неожиданных источников. Читатель, возможно, помнит опубликованную в свое время в «Правде» информацию о том, что епископ Саутуэркский доктор Стоквуд опубликовал в коммунистической газете «Морнинг стар» смелую статью, озаглавленную «Корни порока заключены в обществе». Полемизируя с пастырским посланием архиепископа Кентерберийского доктора Коггэна, который сетовал на упадок нравов в Англии, но не называл его причины, Стоквуд писал:

«Экономическая система, которая основана на своекорыстии и алчности, которая ведет к классовой разобщенности, несправедливости и безработице, неизбежно порождает социальный хаос. Именно эта система в большей степени, чем что-либо другое, порождает те проявления зла, о которых скорбит архиепископ. Если он вправе полагать, что Британия движется к катастрофе, ему следовало бы привлечь внимание нации именно к системе, которая в наибольшей мере повинна в этом».

Ну что ж, на сей раз можно сказать, что устами этого епископа глаголет сама истина. Его выступление на страницах коммунистической газеты с разобла-

чением системы капитализма, как и следовало ожидать, вызвало скандал в правящих кругах Великобритании, которые были шокированы тем, что высокопоставленный деятель церкви позволил себе такое. Но его выступление встретило благожелательные отклики даже среди читателей благоверной газеты «Таймс», которая всегда считалась незыблемым столпом консерватизма, и она была вынуждена опубликовать письмо одного из них — Дэвида Фоу, который, ставя точку над «i», писал: «Мы должны быть благодарны доктору Стоквуду за его слова. Мы — больное общество, и бог наш — деньги!»

Но мы допустили бы близорукость, если бы не заметили еще одну сторону того «бума уныния», о котором так много и охотно пишет в последние годы западная печать.

Как это нередко бывает, ловкие пропагандисты старого мира, спекулируя на тоске и тревоге, которыми охвачено общество Запада, пытаются использовать даже это состояние умов, близкое к панике, в целях своей политической стратегии. Они говорят перепуганному обывателю: не хочешь всемирной катастрофы, подчинись силе, власть имущей, не ропщи, склонись перед властью капитала, примирись с нарушением элементарных человеческих прав и свобод! И поистине достойны удивления лицемерие и наглость тех деятелей старого мира, которые в то же самое время позволяют себе становиться в позу защитников свобод и прав человека в... социалистических странах — там, где этим свободам и правам ничто не угрожает.

В середине семидесятых годов в западной печати были опубликованы сообщения о том, что группа американских специалистов во главе с уже упоминавшимся выше футурологом Германом Каном закончила «исследование» о том, какова будет жизнь на нашей планете в ближайшие двести лет. «Авторы доклада,— писал обозреватель Рассел Уоррен Хау, комментируя этот доклад,— полагают, что в непосредственном будущем (!) надо ждать международных и национальных потрясений, которые будут сопровождаться насилием и угрозой политической свободе, а также усилением авторитарности, более широкого

вмешательства правительств в жизнь граждан, учащения случаев шпионажа с помощью компьютеров. Возрастет безработица среди неквалифицированных или малоквалифицированных рабочих. В области медицины будут шире производиться эксперименты с медикаментами и попытки целенаправленного вмешательства в генетическую структуру».

Герман Кан и его сотрудники сулили, что «мир станет более механистическим... Жизнь станет более безличной и менее коммунальной. К насилию будут относиться более терпимо». И конечный вывод гласил: «Мир станет более управляемым и поэтому может сделаться легкой добычей тоталитаризма».

**Генерал Хейг: «Смерть подстерегает нас!»**

Не только ученые футурологи Запада играют нынче в такие мрачные игры. Тон их писаниям задают куда более ответственные лица, занимающие самые ответственные посты в правительствах капиталистических стран. Приведу конкретный пример. Читатель, вероятно, помнит имя американского генерала Хейга, который был государственным секретарем в первом правительстве, сформированном Р. Рейганом после прихода к власти в итоге выборов 1980 года,— он приобрел скандальную известность в мировом масштабе своим заявлением: «Есть вещи поважнее, чем мир», и президенту пришлось скрепя сердце вскоре убрать его с этого поста.

Но все ли помнят, что еще задолго до этого Хейг не только проповедовал, что «лучше быть мертвым, чем красным», но и на практике следовал этой заповеди бешеных антикоммунистов? Он начинал свою карьеру во Вьетнаме, где вместе со своими коллегами пытался утопить коммунизм в крови, затем использовался на ответственной работе в аппарате Белого дома, далее был назначен на пост главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО.

И вот уже тогда Хейг с присущей ему солдафонской откровенностью заявил в своей речи 22 февраля

1975 года, выступая в Мюнхене на очередном коллоквиуме, организованном западногерманской ассоциацией Веркунде, которая специализируется на разработке военных проблем:

— Дальнейшее распространение идей коммунизма смерти подобно. Нельзя останавливаться ни перед чем, лишь бы преградить им путь!

Хейг не скрыл от своих слушателей, что он страшится усиления позиций «левых». Говоря об «угрозе» участия коммунистов в правительствах Западной Европы, этот воинственный генерал нервно воскликнул:

— Нет! Это вызов, которому мы должны противостоять. Нам нужно дисциплинироваться. Смерть подстерегает нас внутри союза, как и вовне его... Я не соглашусь(!) на присутствие таких партий у власти.

Многие политические деятели тогда справедливо расценили выступление его как грубый шантаж и запугивание. В Вашингтон из Западной Европы полетели протесты не только от прогрессивных организаций, но и от некоторых представителей правящих кругов.

В этих условиях новая американская администрация признала на словах, что решение вопроса о том, какие партии могут и должны участвовать в управлении государствами, является суверенным правом народов этих государств. Но при всем том она ясно дала понять, что США пересмотрят свои отношения с союзными государствами, если там к руководству придут коммунисты. Но как только к власти в Вашингтоне пришла «калифорнийская группировка», являющаяся ставленницей военно-промышленного комплекса, новый президент, вспомнив о воинственном генерале, своем единомышленнике, сделал его государственным секретарем. И хотя Рейгану довольно скоро пришлось убрать его с этого поста, идеи, высказывавшиеся Хейгом, остались на вооружении нынешней администрации США. И министры Рейгана и он сам много раз похвалялись намерениями «отправить коммунизм на пепелище истории», пытаясь оправдать свои агрессивные замыслы ссылками на мнимую «советскую угрозу».

Знаменательная деталь: крича о «смертельной опасности», якобы нависшей над капиталистическим миром, эти господа, как обычно, тщатся подменить реальность вымыслом. Не желая признать, что капиталистическую систему разъедают изнутри острейшие социальные противоречия, они вопят, будто СССР и другие социалистические страны угрожают США и их союзникам по НАТО. Тут же делается и соответствующий вывод: перед лицом такой угрозы надо превратить военный блок капиталистических государств в укрепленный лагерь, беспощадно подавляя «внутренних врагов», еще больше усиливая гонку вооружений и заставляя трудовой люд все туже затягивать пояса.

Несколько лет тому назад американский журнал «Тайм» опубликовал статью «Счет: Рим — 1500, США — 200». О чем шла речь? А вот послушайте: «Американцы настолько были заняты празднованием своего юбилея (речь идет о 200-летии США.— *Ю. Ж.*), что даже не заметили годовщины другого, столь же важного исторического события. Следовало бы отметить не только дату рождения одного великого государства, но и дату гибели другого. Полторы тысячи лет тому назад, 28 августа 476 года н. э., последний император Рима уступил трон вождю варваров. Это было падение Римской империи».

С чего бы это «Тайм» вдруг поставил в один ряд 200-летие рождения Соединенных Штатов и 1500-летие падения Римской империи? Журнал спешил предупредить своих читателей: как бы и с США не случилось того же, если американцы расслабятся и не будут проявлять должной жестокости в защите своих имперских интересов. Он ссылался на известного английского историка Арнольда Тойнби, который, сравнивая исторические судьбы США и Римской империи, проводил Рим и Америку через сходные циклы триумфа, распада и упадка; так же, как империя Августа и Тиберия, указывал он, имперская Америка может закончить свой исторический путь развития в результате «раскола души».

Имперская Америка!.. Правящие круги Соединенных Штатов, действуя в интересах мощных монополий, которым стало тесно в рамках национальных

границ, уже давно направляли свои усилия на завоевание мировых рынков и подавление западноевропейских и японских конкурентов. Об этом вновь напомнил французский публицист Амори де Риенкур в своей книге «Американская империя». Подчеркнув, что руководители правительства и многонациональных монополий США ведут себя, как цезари, и что американская внешняя политика преследует цель установить «имперскую опеку в Европе, Азии и Африке», де Риенкур сравнивает «нынешнюю американизацию западного мира с тем, что делал Рим, когда известная в ту эпоху вселенная ограничивалась рубежами Средиземноморья и римское гражданство предоставлялось всем людям, жившим в пределах империи».

В 40-е годы, когда американский империализм был в зените могущества и наиболее агрессивные его деятели подумывали даже о том, нельзя ли еще больше раздвинуть границы господства США путем «отбрасывания коммунизма», сравнение с Древним Римом эпохи последних цезарей, когда Рим переживал падение и гибель,— эти исторические параллели вызывают там все возрастающую тревогу...

Продолжая опасные для американского духа аналогии, «Тайм» напомнил, что уже в 1968 году журнал «Нью рипаблик» поставил на одну доску убийство братьев Гракхов с убийством Джона и Роберта Кеннеди и напомнил, что в дальнейшем Никсон за год до «уотергейтского дела» говорил, обращаясь к журналистам, что «великие цивилизации рушились», и предупреждал: «Соединенные Штаты сейчас вступают в такой период».

Все эти драматические сравнения и напоминания понадобились для того, чтобы снова и снова попытаться воскресить у защитников капитализма боевой дух и принять «вызов событий», к чему и призывал в заключение своей многозначительной статьи журнал «Тайм».

Такие тревоги и опасения характерны не только для правящих кругов США — их испытывают и в других ведущих капиталистических государствах. И не случайно буржуазные идеологи все чаще призывают бороться с упадком веры в будущее капитализма и грудью встать на его защиту.

## «Белая чума» равнодушия

Во Франции наделала немало шума книга, написанная преданными капитализму главным редактором журнала «Пуэн» Жоржем Сюффером и историком Пьером Шоню, под красноречивым названием «Белая чума». О чем идет речь? Все о том же: «белая чума», заявляют авторы,— это все более ширящееся отчаяние, безразличие, эгоизм, упадок сил, нежелание или неспособность предотвратить роковое для капитализма развитие событий, «эгоизм, который представляется как самое утонченное искусство».

И снова тот же рефрен слышится и по ту сторону океана: происходит-де нечто подобное происходившему в Древнем Риме в период его падения. Римская империя оказалась неспособной отразить нашествие варваров,— окажется ли способным современный капитализм дать отпор коммунизму?

Книга была написана в форме диалога журналиста и историка. Вот характерный отрывок из этого диалога. Сюффер предлагает Шоню поразмыслить над прецедентами, поговорить о тех периодах истории, которые были «периодами потрясающих крушений».

— Наиболее потрясающий пример,— говорит Шоню,— это, конечно, пример Римской империи. Он гипнотизирует всех историков. Но учтите: во-первых, мы не знаем всего. Нам известно очень немногое. По мере того, как империя распадалась, по мере того, как этот огромный корабль шел ко дну, информация о том, что происходит, становилась все более скудной — число записей все уменьшалось, поскольку сокращалось и число людей, способных прочесть написанное. Между прочим, и в этом самый бесспорный признак упадка...

— Но чувствовали ли современники, что они переживают историческую трагедию? — спрашивает Сюффер. Шоню отвечает:

— Абсолютно не чувствовали!

И далее он поясняет:

— Живущие редко ощущают наступление катастрофы. Я, конечно, не касаюсь тех случаев, когда захватчики поджигают ваш дом или ваш город. Но когда упадок происходит постепенно, подметить его почти невозможно... В конце-то концов жизнь продолжа-

ется — пусть скрюченная, ограниченная,— сохраняется правопорядок: аристократия по-прежнему пользуется своими привилегиями; в V веке нашей эры в Колизее продолжаются бои гладиаторов со зверями. Публика, как и прежде, теснится вокруг арены,— меняются лишь лица: среди римлян появляются варвары...

Сюффер настаивает: когда же началось падение Римской империи? Шоню говорит, что у историков нет единого мнения на сей счет, но, по мнению наиболее авторитетного из них — Гиббона, трещины появились уже при Марке Аврелии и Коммоде, то есть в последней трети второго столетия.

— Но ведь империя тогда была на вершине своего могущества! — бросает реплику Сюффер. И Шоню подхватывает:

— Без всякого сомнения. Со времени Августа она представляла собой в бассейне Средиземного моря конфедерацию площадью 3 миллиона квадратных километров с населением численностью 60 миллионов человек. Такого величия еще никто не достигал... Средиземное море стало римским озером...

— Почему же империя рухнула?

— Рим треснул изнутри,— поясняет Шоню.— Внутренние трещины были опаснее внешних. Точнее говоря, разрушение внутри империи началось раньше, нежели разрушение ее внешними силами. То же произошло десять столетий спустя в Византии.

— Я вижу, куда вы клоните,— замечает Сюффер.

Да, догадаться, куда клонят этот историк и его собеседник—журналист, совсем нетрудно. Им хочется доказать, будто «белая чума», которой страдают буржуазия и те, кто ее поддерживает, излечима, стоит только встряхнуться, покончить с «безразличием», «инертностью» и начать более решительно бороться с «варварами» — то бишь с коммунистами,— и современная мировая империя капитализма будет упрочена.

Но надо спешить, предупреждают авторы книги, иначе будет поздно. Именно таков смысл многозначительного напоминания Шоню о том, что Римская империя начала рушиться изнутри в то время, когда она, как казалось, была на вершине своего могущества.

И обращаясь к реальности последней четверти XX

века с тем, чтобы призвать защитников капитализма «создать комплекс сил, который, быть может, позволит вырваться из цикла «новой фатальности», авторы драматически заявляют:

«Конечно, речь идет не просто о кризисе,— мы вовлечены в процесс, порожденный упадком. Однако наша судьба еще не окончательно решена. До полуночи еще остается четверть часа. Нам остается примерно лет десять — самое большое десять лет! — чтобы восстановить положение. Потом, очевидно, это уже будет невозможно».

Подхватывая этот вывод, парижская газета «Фигаро» в статье «Отступление Запада» писала: «Таким образом, нам угрожает «белая чума». Эта утрата желания выжить или, точнее, безразличие к тому, чтобы выжить, это нежелание защищаться представляет собой, как заявляют Пьер Шоню и Жорж Сюффер, столь же серьезную угрозу для существования нашей цивилизации, какой была черная чума для обитателей Марселя во времена Людовика XIV... Авторы не считают, что наша цивилизация обречена на смерть, но она, во всяком случае, может заболеть. Она уже больна. И она может умереть от этой болезни».

Пытаясь бороться с «белой чумой» апатии и безразличия в своих рядах, идеологи капитализма пытаются вновь и вновь сплотить население капиталистических стран под обветшалым знаменем борьбы с коммунизмом. Используется старый рецепт: людей уверяют, будто «режим частной инициативы» гарантирует свободу, демократию и защиту прав человека, а «коллективистский режим» будто бы несет в себе тоталитарное угнетение человеческой личности.

### Многозначительные признания

На эту тему нынче изо дня в день на Западе произносятся тысячи пылких речей и публикуются десятки тысяч трескучих лживых статей. Громче всех кричат о своей решимости уничтожить коммунизм нынешние руководители Соединенных Штатов во главе со своим президентом, который именует его «аномалией истории». Правда, в 1984 году, ведя борьбу за свое переизбрание на второй срок,

Р. Рейган малость приглушил эту кампанию и заговорил, что ежели ему дадут возможность остаться в Белом доме еще на четыре года, то он постарается наладить нормальные отношения с Советским Союзом. Но выборы пришли и прошли, а реальных шагов к нормализации отношений с нами в Вашингтоне не предпринимают.

Более того, президент США теперь заявляет, что он по-прежнему считает СССР — «империей зла» и что от этих своих слов он не намерен отказываться, а тем временем практические действия его администрации не оставляют сомнения в том, что провозглашенные им ранее планы искоренения коммунистических идей остаются в силе.

Все это начинает пугать союзников США, отдающих себе отчет в том, какими опасностями для всего человечества чреваты такие планы. Связанные жесткой классовой дисциплиной, они вынуждены следовать установкам, которые исходят из столицы самой мощной капиталистической державы, присвоившей себе право командовать ими. Но чем дальше, тем чаще из западноевропейских столиц доносится недовольный ропот. И не случайно даже такая консервативная газета, как английская «Таймс», сочла своим долгом еще 7 октября 1976 года опубликовать проникнутую глубоким скептицизмом статью, в которой говорилось: «В своих попытках оказать сопротивление коммунистическим настроениям... добродетельные защитники свободного (!) мира проявляют неразборчивость в выборе методов и союзников. Само слово — «свобода» — теряет почти весь свой блеск в результате применения напалма, или грязных делишек ЦРУ, или использования во имя служения этой свободе какого-нибудь Франко, Пиночета, Стресснера, либо ближневосточных монархов, либо тех, кто пользовался щедростью компании «Локхид» [1].

Отсюда тревога интеллигенции... Отсюда скептицизм, который можно обнаружить в высших кругах существующей системы. Отсюда расширяющийся раз-

---

[1] Это прозрачный намек на разразившийся тогда грандиозный скандал: выяснилось, что американская компания «Локхид» подкупила руководителей ряда стран, в том числе премьер-министра Японии и других высокопоставленных деятелей.

рыв, особенно во Франции и Италии, но также и в других странах, между политическими руководителями и простым народом... Трудно не заметить, что именно в этом заключается подлинная проблема обороны Запада. С помощью самого лучшего оружия в мире никогда еще не удавалось спасти общество, лишенное решимости защищать себя».

Ну что ж, это один из тех редчайших случаев, когда мы можем согласиться с мнением лондонской «Таймс». Действительно, даже с помощью самого лучшего оружия в мире еще не удавалось и, добавим, никогда не удастся спасти общественный строй, лишенный решимости защищать самого себя!

О, конечно же, «Таймс» и ее хозяева всей душой хотели бы преодолеть эту смертельную болезнь своей системы, столь метко названную французскими авторами «белой чумой». Но как? «Если западные правительства желают спасти себя,— писала газета «Таймс»,— то они должны вначале привести свои действия в соответствие со своими словами. Они должны показать, что они не просто прагматики, интересующиеся тем, что скрывается за углом, но люди решительные и дальновидные, творцы политики, направленной на устранение несправедливости, обеспечение безопасности, процветание и строительство лучшего мира».

Уф! Переведем на мгновение дух — от страниц «Таймс» повеяло густым церковным ладаном и елеем. Этой поповской проповеди всех мыслимых благ явно не хватает искренности и уверенности в осуществимости сказанного. Ведь капитализм — живое воплощение несправедливости, и сама система его, построенная на корысти и алчности, на угнетении трудового люда, на вечной погоне за сверхприбылями, исключает возможность того, что она окажется в состоянии обеспечить «устранение несправедливости, безопасность, процветание и строительство лучшего мира»! Так, дав правильный диагноз болезни, духовные лекари капитализма оказываются не в состоянии найти способ ее излечения.

Прочел я статью «Таймс» и невольно вспомнил, что писали еще раньше, когда капитализм не чувствовал столь остро, как сейчас, симптомов своей смер-

тельной болезни, авторы изданной в 1960 году в Нью-Йорке книги «Национальные цели. Америка в состоянии кризиса: срочная проблема». Это был сборник статей видных американских деятелей той поры, опубликованных в процветавшем тогда журнале «Лайф». Некоторые из них уже ушли, как говорится, «в мир иной», но книга сохранилась, и то, что в ней было написано тогда, звучит сегодня не менее, а, пожалуй, еще более злободневно. Судите сами, я цитирую:

*Дж. Джессэп.* «Слабость нашего общества состоит в том, что в настоящее время у нашего народа нет великих целей, в стремлении достигнуть которые он мог бы объединиться (стр. 1)... Многим начинает казаться, что главная цель Америки — это просто разбогатеть (стр. 9)».

*Э. Стивенсон.* «Распространению принципов, которыми руководствуется американское общество, на весь мир мешают противоречия между общественными и частными аспектами жизни американского общества (стр. 23)... Чрезвычайная бедность, болезни, которые могут быть излечимы, расовое унижение, психические заболевания и страдания престарелых ложатся позорным пятном на окружающую эти явления роскошь и привилегии (стр. 31—32)».

*А. Маклиш.* «Во внешней политике Соединенные Штаты допустили ряд серьезных ошибок, совершенно неоправданно объявляя русских виновниками всех своих неудач (стр. 38)... Не коммунизм породил новые нации Азии и Африки или новые националистические тенденции в Южной Америке и Карибском бассейне (стр. 41)... Если для недавно освободившихся народов мира цели русских кажутся более привлекательными, чем американские, тогда мы действительно проиграли «битву за умы людей», о которой мы так много говорим (стр. 46)».

*Д. Сарнофф.* «Советские успехи носят не военный а политический и психологический характер. Я имею в виду, что время, когда Америка могла по инерции вдохновлять другие нации, прошло (стр. 52)».

*Б. Грэхэм.* «Несмотря на внешнее процветание, Америку разъедает моральный и духовный рак (стр. 61)».

*Дж. Рестон.* «Америка утратила свои национальные цели... Советская экономическая система пользуется авторитетом у слаборазвитых стран. Это должно беспокоить нас больше, чем угроза ядерной войны (стр. 118)».

И так далее, и так далее. Для того чтобы полностью отдать себе отчет в важности столь многозначительных признаний, следует учесть, что деятели, статьи которых были сведены в эту книгу, отнюдь не являлись прокоммунистически настроенными людьми. Напротив, все они были душой и телом преданы капиталистической системе и являлись убежденными противниками идей Маркса и Ленина. Больше того, многие из них, как, например, покойный Д. Сарнофф, быв-

ший председатель правления «Рэдио корпорейшн оф Америка», яростно выступали за самое активное развитие «холодной войны» против социалистических стран и горячо приветствовали и активно поддерживали доктрину Даллеса об «отбрасывании коммунизма».

Тем многозначительнее звучали тогда и звучат сегодня их горестные признания о «моральном и духовном раке, разъедающем Америку», или о том, что «время, когда Америка могла по инерции вдохновлять другие нации, прошло». С тех пор, как были сделаны эти признания, прошло уже много лет, но звучат они так, словно произносятся сегодня,— до такой степени они корреспондируют сегодняшним раздумьям идеологов капитализма о «белой чуме», которой болеет буржуазное общество.

Мудрено ли, что попытки апологетов капитализма как-то гальванизировать куцые идейки «общества частной инициативы», рекламируя прелести конкуренции, сулящие тому, кто в ней будет наиболее активно и удачливо участвовать, возможность стать богатым, скользят мимо ушей тех, кому они предназначены, и оставляют их равнодушными? В то время как прогрессивные силы, и прежде всего коммунисты, самоотверженно и сплоченно борются за интересы трудового люда, охотников выступать в защиту капиталистической системы становится все меньше, а рекламируемое наемной прессой пресловутое «молчаливое большинство», якобы сочувствующее ее идеалам, в лучшем для этой системы случае замыкается в себе, провозглашая лозунг: «Каждый за себя».

**«Каждый за себя»**

«Каждый за себя» — именно так назвал опубликованную в парижской газете «Монд» статью, излагающую раздумья на сей счет, уже знакомый читателю обозреватель этой газеты Пьер Виансон-Понте, ныне уже покойный. Я позволю себе подробно изложить его статью, поскольку она убедительно показывает, как сильна апатия, охватывающая в наше время те общественные слои, на поддержку которых еще недавно могли рассчитывать защитники капитализма.

Один учитель из Парижского района написал Пьеру Виансон-Понте письмо, в котором рассказал любопытную историю. В лицее, где он преподает, рядом с буфетом установили телевизор. Завтрак для учащихся старших классов заканчивается в 12.30. После еды все собираются перед голубым экраном. Активно реагируют на то, что видят, комментируют, шутят, спорят. Но каждый день, ровно в 13 часов, когда парижское телевидение начинает передачу новостей, зал пустеет,— в мгновение ока учащиеся разлетаются, как стая ласточек. «Какого черта слушать эту чушь!» — объяснил один из них. «Это не для нас»,— сказал другой. «У нас дома по вечерам, когда передают информацию, отец выключает звук»,— сказал третий...

Через два года, напоминал обозреватель «Монд», юноши и девушки, закончившие лицей, станут избирателями. Какую же политическую позицию они займут? Лицеисты, по словам учителя, не читают ни одной газеты, лишь просматривают ленты комиксов, и большая часть из них не раскрывает ни одной книги, кроме тех, которые нужны для учебы. «Кстати, существуют учебные заведения, где чтение газет рассматривается, как проступок, подлежащий немедленной санкции»,— писал тот учитель обозревателю газеты «Монд».

— Учащиеся,— заключал Виансон-Понте,— лишь отражают поведение своих родителей, которые также считают, что информация — это «политика», скука и к тому же вещь подозрительная. За редкими исключениями, когда начинается передача новостей, они переключают телевизор на другую, развлекательную, программу. Это лишь один среди многих других небольшой признак более широкого явления; речь идет о все более явственно дающей о себе знать сейчас тенденции: каждый за себя, каждому, как улитке, своя раковина...

Сразу же замечу, что картина, нарисованная учителем в письме в редакцию «Монд», отнюдь не носит всеобщего характера; я много раз бывал во Франции и видел, что вышедшие из трудовых семей лицеисты старших классов, как и студенчество, активно участвуют в политической борьбе, выходят на демонстра-

ции против безработицы, за коренные перемены в социальной системе, против гонки вооружений, за разрядку.

Но настроения, обрисованные автором письма, характерны для сынков и дочек мелкой и средней буржуазии и подкармливаемой ею рабочей аристократии. Именно эта молодежь, как правило, отказывается участвовать в борьбе на стороне прогрессивных сил. Но у нее нет и желания бороться против них! И идеологов капитализма, естественно, тревожит распространение концепции «каждый за себя, каждому, как улитке, своя раковина».

Вот почему Виансон-Понте, заинтересовавшись полученным им письмом, начал размышлять о том, чем же навеяно распространение среди молодежи таких настроений, которые порождены вирусом той самой «белой чумы», возникновение которой так встревожило двух других идеологов буржуазного общества — Шоню и Сюффера.

— Что это? Безразличие? — спрашивал себя Виансон-Понте и отвечал: — Возможно. Люди рассуждают так: Ангола далеко, Чили еще дальше, Ливан, правда, поближе, но разве он не сам навлек на себя несчастье? Все это нас не касается...

— Усталость? — задавался вопросом обозреватель «Монд» и отвечал: — Она играет, конечно, свою роль. Озабоченность своими делами — еще больше. Столько опасностей и риска давят на каждого из нас! Начиная со штрафа, который вам приходится платить за то, что вы поставили свою машину не там, где находится стоянка автомобилей, вплоть до какой-нибудь аварии или серьезной болезни, которая вдруг перевернет и вашу жизнь и жизнь ваших близких. А забота о деньгах, угроза безработицы... Невозможно защититься, предохранить себя от тяжких ударов, от провалов. Где уж тут найти время и энергию, чтобы заинтересоваться бедами других — тех, к которым мы не имеем никакого отношения?

— Так что же,— продолжал размышлять Виансон-Понте,— этих людей интересуют лишь судьбы Франции? — И озабоченно констатировал: — Даже этого нет! Во Франции, как и повсюду, хватают заложников, похищают людей, насилуют, но эти события вос-

принимаются, как эпизоды из полицейского, приключенческого фильма. Ставшие привычными, они уже не волнуют. Это — как дорожная авария,— люди рассуждают так: подобные вещи случаются только с другими, но не со мной. А если и случится, что поделаешь? Остается надеяться, что вам повезет...

«Нет,— заявлял обозреватель «Монд»,— не только усталость и чувство бессилия объясняют и оправдывают эту философию «каждый за себя». И не только эгоизм, черствость сердца, которые проявляются у некоторых. Существуют же, к счастью, мужчины и женщины, а также молодежь, которые не отказываются видеть мир таким, каким он является. Они интересуются, подчас даже страстно, общими для людей проблемами, которые стараются быть как можно лучше информированными, размышляют, действуют, если могут. Но такие люди редки, они в меньшинстве.

А вот другие — многие! — упрямо отказываются слышать о том, что их непосредственно не касается, не затрагивает их повседневного существования... Своего рода забота о самосохранении слишком часто приводит к тому, что люди, сознательно или бессознательно, отбрасывают все то, что географически далеко от них, что не касается их социальной принадлежности, материального положения... Рассуждают так: что поделаешь? Так уж устроен мир, попытаемся остаться в стороне, избежать того, чтобы это отозвалось на нас, и пусть сосед сам справится со своими проблемами. Если это ему удастся — тем лучше, но меня это не касается. Меня интересуют моя безопасность, моя семья, мое благосостояние, и ничего больше. И пусть мне не говорят о заботах других — я не хочу о них ничего знать...»

В другой статье, возвращаясь к этой же «проклятой» теме, Виансон-Понте озабоченно писал: «У тех, кто барахтается в трудностях, велико искушение переложить ответственность за свои трудности на другие, более высокие инстанции — мы-де переживаем трудности потому, что кризисом охвачено все общество, все государство, весь континент. Стало быть, каждый в отдельности может спокойно умыть руки: ничего не поделаешь, так уж устроен мир...»

Что и говорить, невеселый вывод!

# СКАЗКА О „ПЛЮРАЛИЗМЕ" И РЕАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Прошло уже восемь лет с тех пор, как Верховный Совет СССР принял новую Конституцию нашей социалистической державы. Восемь лет мы живем, руководствуясь этим Основным Законом, четко и ясно определяющим права и обязанности каждого советского гражданина.

Даже самые лютые наши враги не смогли оспорить тот очевидный факт, что сама разработка нашей Конституции, осуществленная методом всенародного обсуждения, в котором участвовало в общей сложности свыше ста сорока миллионов человек, то есть более четырех пятых взрослого населения страны, явилась выразительным примером демократии в действии. Напомню в этой связи, что Верховный Совет СССР с учетом всех мнений, высказанных в ходе всенародных дискуссий, внес поправки в 118 из 173 статей проекта Конституции и добавил одну новую статью.

Главный политический итог всенародного обсуждения состоял в том, что советский народ сказал: да, это тот Основной Закон, которого мы ждали. Он правильно отражает наши завоевания, наши чаяния и надежды, правильно определяет наши права и обязанности. Закрепляя достигнутое, он открыл перспективу дальнейшего развертывания коммунистического строительства.

Вместе с тем всенародное обсуждение, в ходе которого было внесено около 400 тысяч предложений с поправками к тем или иным статьям с целью уточнения, улучшения и дополнения формулировок проекта, позволило заметно улучшить его.

Теперь, восемь лет спустя, мы вправе с гордостью сказать: во всеоружии накопленного опыта наша Конституция является надежным фундаментом построения общества развитого социализма. Она обеспечивает дальнейшее развитие демократии в нашей стране, неуклонное расширение прав граждан и общественных организаций, рост их влияния на общегосударственную политику.

### Наша Конституция и ее критики

Это вынуждены признавать даже многие буржуазные средства информации. Так, американская газета «Балтимор сан» заявила, что наш Основной Закон предусматривает для советских граждан «более полные права по сравнению с любыми западными конституциями: право на труд, отдых, выбор профессии, социальное обеспечение, обеспечение жильем, образование, бесплатную медицинскую помощь».

Да и как могло быть иначе, если в нашей стране сам народ является хозяином своей судьбы? По этому поводу очень метко высказалась в письме в редакцию «Правды» простая советская женщина, мать семейства из Саратова Клавдия Викторовна Карпова, которую до глубины души возмутила упорно продолжающаяся на Западе клеветническая кампания, цель которой заключается в том, чтобы внушить народам капиталистических стран, будто в СССР люди лишены «человеческих прав».

— Почитайте нашу новую Конституцию,— написала эта женщина, обращаясь к непрошеным «защитникам прав советских людей»,— и вы увидите, как примитивна и жалка ваша пропаганда. Лучшей, чем наша, политической системы на свете нет. Свои права мы создаем и обеспечиваем сами. Замолчите и перестаньте смешить людей болтовней о каком-то выдуманном вами ущемлении наших прав! Хотите вы того или не хотите, влияние нашей Конституции распространяется не только на народы, уже добившиеся независимости, но и на народы ваших стран, борющиеся за свои права!..

Да, если для нас Конституция — это, как говорил В. И. Ленин, «запись итогов борьбы» [1], то для народов капиталистических стран она — великая программа борьбы. Для них наша Конституция — яркий документ, показывающий, что все то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы тружеников в мире капитализма, уже достигнуто в Советском Союзе и вполне может быть осуществлено в их собственных странах, когда там победит социализм.

Весной 1917 года, вскоре после свержения царского самодержавия, Ленин, размышляя о том, какой в новых условиях должна быть партийная программа, писал, что «перед партией пролетариата встает непосредственная задача борьбы за государственное устройство, наилучше обеспечивающее как экономическое развитие и права народа вообще, так и возможность наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности».

И он подчеркивал, что будущая конституция должна обеспечить «самодержавие народа» [2].

«Самодержавие народа»! Какой яркий, образный и вместе с тем научно точный образ дал Владимир Ильич, намечая перспективу развития революционной России. Путь к «самодержавию народа», к его суверенной власти лежал через жестокие классовые битвы, через диктатуру пролетариата, явившуюся победоносным ответом на власть капиталистов и помещиков, через государство рабочих и крестьян к социалистическому общенародному государству, выражающему волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны.

Поистине огромное международное значение нашего Основного Закона заключается в том, что он наглядно показывает всему миру, как развивается наше государство, все прочнее и глубже утверждая социалистическую демократию, какова сама социалистическая демократия, в чем ее суть. Наша Конституция демонстрирует трудящимся всех стран разнообразные формы и огромный размах постоянно

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 372.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 152—153.

растущего реального участия широких народных масс в управлении делами государства и общества, чего не знают буржуазные страны, где вся реальная власть — в руках капиталистов. Изучив нашу Конституцию, люди во всем мире могут убедиться в том, насколько широки и многообразны права и свободы граждан социалистического общества.

Наконец, наша новая Конституция показывает всему миру, что высшим принципом внешней политики государства зрелого социализма является неуклонная борьба за мир и международное сотрудничество, за прекращение гонки вооружений и за разоружение. Советский Союз первым в мире включил в свою Конституцию главу о внешней политике, в которой сформулированы обязательства нашего государства в осуществлении такого внешнеполитического курса!

Достижения победившего социализма, отраженные в нашей Конституции, послужат воодушевляющим примером для народов стран, недавно избравших путь социалистического развития. Они умножат силы трудящихся стран капитала в их борьбе за свои права, за избавление от гнета эксплуатации.

И все же наши идеологические противники не унимаются. Они снова и снова бросаются в атаку на нашу политическую систему, на наш образ жизни. Это и понятно: ведь революционизирующее влияние нашего примера «самодержавия народа» в действии все возрастает.

Весьма знаменательно, что наиболее остервенелая атака предпринимается против тех статей, где говорится о роли Коммунистической партии Советского Союза в жизни советского общества. Ведь они, я бы сказал, представляют собой сердцевину нашей политической системы. В них ее сила!

Наши политические враги лицемерно сетуют на монолитность социалистической системы, утверждая, будто не может быть демократии в обществе, где существует единство мнений по принципиальным вопросам. Нашей социалистической демократии, свойственной обществу развитого социализма, уже сложившегося общенародного государства, в котором сплотились рабочие, крестьяне и интеллигенция и в котором нет и не может быть классовых противоречий, они

всячески пытаются противопоставить свою систему пресловутой «чистой демократии», служащую прикрытием жестокой диктатуры капитала.

### Деньги и власть

Изо дня в день тысячи буржуазных газет, радиостанций, телевизионных компаний восхваляют мнимые блага капиталистической системы управления — «плюрализма». Так ныне любят выражаться деятели, смекнувшие, что термин «буржуазная демократия» вконец дискредитирован, как и все, что связано с буржуазией.

Вошедшее в моду слово «плюрализм» образовано от английского «plurality», что одновременно означает «множественность» и «большинство голосов». Стремясь реабилитировать подмоченный авторитет капиталистической системы, буржуазные пропагандисты рекламируют этот якобы новый, а на самом деле старый как мир принцип мнимой «множественности», дающий людям возможность свободно выбирать своих руководителей.

Как выглядит на практике этот «плюрализм», показывают подготовка и проведение выборов в США, ФРГ и в других капиталистических странах. Формально там каждый имеет свободу выбора: хочешь — голосуй за коммуниста, хочешь — выбирай защитника капиталистической системы. Но для проведения выборов, аренды телевизионных передач, оплаты помещений для собраний и прочего требуются огромные суммы. Как писал хорошо осведомленный западногерманский журнал «Виртшафтсвохе» еще 28 апреля 1972 года в статье под красноречивым заголовком «Долларовая битва за Белый дом», «для того, чтобы стать президентом Соединенных Штатов, нужны, между прочим, три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги».

Претенденты в борьбе за кресло в Белом доме пускают в ход политические аргументы, но при всем том «большие деньги», говоря словами журнала «Ньюсуик», могут без особого труда заглушить разрозненные голоса большинства. В соответствии с логикой этой «теории» расходы кандидатов в президенты за последние восемь лет удвоились. Наибольшую

выгоду партиям и кандидатам там приносят богатые сборщики средств, известные в американском политическом лексиконе как «жирные коты».

Кандидаты Республиканской и Демократической партий всегда могут рассчитывать на пожертвования богатых семей. Республиканцев ссужают деньгами Дюпон, Форд, Меллон, Пью, Уитни, демократов — Форд, Леман, Ласкер. Обе партии, кроме того, почти в одинаковой мере пользуются финансовой поддержкой фирмы «Макдонэлл-Дуглас корпорейшн», «Нортроп корпорейшн», «Юнион ойл оф Калифорния» и фондами автомобильных концернов Детройта.

Даже привычным к гигантомании в денежных делах американцам эта игра миллионами в прошлые годы кажется несколько чрезмерной. «Единственный порядочный человек в сенате» (именно так сказал Роберт Кеннеди о Джордже Макговерне, который в 1972 году выставлял свою кандидатуру на пост президента, но потерпел провал, так как монополистический капитал не поддержал его) признал: «Система финансирования предвыборных кампаний за счет частных пожертвований превращает всех нас в настоящих правонарушителей».

Уже во время избирательной кампании в США в 1975 году только на оказание помощи кандидатам в президенты, по данным федеральной избирательной комиссии, было израсходовано в общей сложности 77,9 миллиона долларов. Из этой суммы на долю кандидатов Демократической партии пришлось 42,8 миллиона [1], а на долю кандидатов Республиканской партии — 30 миллионов долларов. В эти суммы входила дотация из казны, предоставившей каждой из партий по 21,8 миллиона долларов. Остальные средства поступили, как принято деликатно выражаться на Западе, «из частных источников».

Что же касается коммунистов, то их избирательный фонд, как сообщил Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, составил тогда лишь 500 тысяч долларов,— ведь и такие деньги про-

---

[1] Казначей избирательной кампании партии 17 ноября 1976 года назвал меньшую цифру — 34,9 миллиона долларов, но и она значительна. Только за выступления и рекламные передачи по телевидению было уплачено 7,8 миллиона долларов.

грессивно мыслящим рабочим людям, особенно в условиях кризиса и безработицы, собрать было нелегко. Но что означает эта сумма в сравнении с десятками миллионов долларов, с помощью которых буржуазные партии подняли подлинный рекламный ураган на своих кандидатов?

Приведенные мною цифры огромны. Надо сказать, однако, что в дальнейшем расходы на проведение выборов в США продолжали расти с неимоверной быстротой. Уже состоявшиеся 2 ноября 1982 года так называемые промежуточные выборы[1] обошлись тогда в несколько сотен миллионов долларов. Половину кандидатов в сенат составляли миллионеры, они и их друзья денег не жалели!

«Это была безумная предвыборная кампания, когда грязные трюки играли доминирующую роль» — так охарактеризовала «промежуточные выборы 1982 года» газета «Нью-Йорк таймс». А журнал «Тайм» добавил к этому: «Деньги и низость (!) — вот основные черты этой кампании».

По данным, опубликованным в американской прессе, 10 сенаторов-республиканцев потратили тогда на свою рекламу в среднем по 1,7 миллиона долларов каждый — в пять раз больше, чем они расходовали в период предшествовавших выборов 1976 года. 18 сенаторов-демократов, в свою очередь, потратили на проведение избирательной кампании в среднем по 1,4 миллиона каждый.

Но и эти рекордные цифры бледнеют перед поистине колоссальными денежными суммами, которые были израсходованы в США на проведение президентских выборов в 1980 г., когда калифорнийский военно-промышленный комплекс втащил в Белый дом своего ставленника Рональда Рейгана, и в 1984 году, когда Рейган был переизбран.

Вот сообщение, которое было опубликовано агентством Ассошиэйтед Пресс 7 ноября 1984 года: «По оценкам федеральной комиссии по выборам, стоимость предвыборной кампании кандидатов на посты прези-

[1] В ходе этих выборов переизбирались одна треть сенаторов, все 435 членов палаты представителей и 36 из 50 губернаторов, а также многие законодательные собрания штатов, муниципальные и окружные органы власти.

дента и вице-президента США, а также на места в палате представителей и сенате превысит миллиард (миллиард! — *Ю. Ж.*) долларов. Эта сумма превышает затраты на предвыборную кампанию в конгресс в 1982 году, а также на предвыборные кампании кандидатов на посты президента и вице-президента и на места в конгрессе 1980 года.

Профессор политических наук Южнокалифорнийского университета Герберт Александер считает, что стоимость всех выборов этого года в стране — от Белого дома до местных судов — составит 1,8 миллиарда долларов. Только на предвыборную кампанию кандидатов в президенты и вице-президенты было израсходовано более 200 миллионов долларов...»

Иной знаток американского законодательства, быть может, поставит под сомнение эти цифры, напомнив, что в 1974 году в США был принят закон, предусматривающий ограничения на размеры вкладов в избирательные кампании президентов и членов конгресса. Этим законом была установлена система государственного финансирования президентских выборов — после утверждения кандидатов съездами основных партий США правительство вручает им определенную сумму денег (в 1980 году, например, эта сумма составляла «всего» 29,4 миллиона долларов каждому — Картеру и Рейгану — поровну).

«Другие взносы» ограничивались одной тысячью долларов от каждого «болельщика». Но, как писал журнал «Ньюйоркер» еще осенью 1983 года, «законы, регулирующие взносы и расходы в ходе президентских выборов, полны лазеек, которые достаточно велики, чтобы протащить президента». И богатейшие корпорации, заинтересованные в победе своих ставленников, весьма ловко пользуются этими лазейками, имея в виду, что если к власти придет тот, на кого они делают ставку, то их расходы с лихвой окупятся.

Большими средствами для проведения избирательных кампаний буржуазные партии располагают и в других капиталистических странах.

Огромную роль в борьбе за голоса избирателей, как известно, играют находящиеся в руках правящего класса средства массовой информации. Об этом хорошо сказал французский академик Жан Гиттон в ста-

тье, опубликованной 16 марта 1977 года в газете «Фигаро»:

«Мы думаем, что мы нейтральны, мы хотим найти беспристрастную правду. Все газеты изображают себя правдивыми, все информации преподносятся как правдивые, все умолчания — как умолчания, отражающие правдивое восприятие действительности. Но не следует забывать, что любая информация оказывает на нас воздействие; ничто из того, что воспринимает мой разум, не остается без воздействия на мою волю. То, что я познаю, определяет мою волю; моя воля никогда не застывает в безразличии. Надо занимать ту или иную позицию, и вот уже мы вовлечены в определенное течение».

Особенно велико воздействие телевидения. Когда-то, замечает академик Ж. Гиттон, народ редко видел даже королей. Теперь же «телезритель часто видит тех, кому он вверит свою судьбу. Он слушает деятеля, выступающего по телевидению, причем судит о нем не столько по аргументам, которые тот выдвигает, сколько по тому, насколько выигрышно смотрится его лоб, как выразителен взор, насколько загадочна его улыбка, сколько теплоты и спокойствия в его голосе». Это часто оказывается решающим, когда избиратель делает выбор между кандидатами соперничающих буржуазных партий. Что же касается кандидатов, представляющих интересы трудящихся, то им доступ к голубому экрану, как к радио и прессе, чаще всего бывает закрыт.

В конце октября 1984 года, буквально накануне очередных президентских выборов, мне довелось быть в Нью-Йорке,— меня пригласил туда Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Перес де Куэльяр для участия в форуме представителей неправительственных организаций, посвященном их участию во всемирной кампании за разоружение, проводимой ООН. И вот, находясь там, я получил возможность увидеть собственными глазами, как выглядит на практике хваленая американская демократия в действии.

Правда, побеседовать с организаторами предвыборных кампаний республиканцев и демократов, да и с рядовыми избирателями мне не удалось. Дело в том,

что сразу же после посадки самолета в аэропорту мне была вручена грозная бумага министерства юстиции США, в которой было сказано, что мне надлежало — я цитирую — «направиться прямо из пункта прибытия в район штаб-квартиры Организации Объединенных Наций и постоянно (!) оставаться в этом районе во время пребывания в Соединенных Штатах». Далее министерство юстиции строго предупреждало меня, что я «не должен проявлять никакой активности за пределами официальной миссии».

Но все же в моем распоряжении оставались телевизор и газеты, и в свободные от встреч и бесед с деятелями секретариата ООН часы я имел неплохую возможность наблюдать за тем, как шла в эти последние предвыборные дни избирательная кампания. С утра до вечера на экранах телевизоров мелькали кадры, показывавшие, как соперники — Рейган и Мондейл — состязаются между собой.

Над толпами «болельщиков», поддерживавших того или иного претендента, развевались сотни звездно-полосатых флагов, взлетали связки разноцветных воздушных шариков, тщательно причесанные и выбритые кандидаты и их жены ослепительно улыбались, целовали детей, пожимали руки их родителям, что-то говорили с трибуны,— что именно, телезритель чаще всего не успевал расслышать.

В своем рабочем дневнике я записал тогда:

«Немногие политические обозреватели, еще не утратившие в этой лихорадочной атмосфере способность рассуждать более или менее здраво, предпочитают публиковать свои статьи под заголовками, сопровожденными вопросительными знаками. «Куда мы идем?» — спрашивает обозреватель «Нью-Йорк таймс» Энтони Льюис. «Бомбить или не бомбить?» — так озаглавила свою редакционную статью та же газета, комментируя нашумевшую здесь речь государственного секретаря Шульца, который призвал без лишних колебаний использовать вооруженные силы ради достижения политических целей Вашингтона.

Анализируя итоги только что завершившейся избирательной кампании, которая была, пожалуй, самой длительной, самой шумной за многие годы, специали-

сты приходят к выводу, что ни республиканцы, ни демократы в своих бесчисленных речах и статьях так и не дали ответа на самые острые и злободневные вопросы, волнующие американцев.

В большой статье по сему поводу, опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс», подчеркивается, что в условиях, когда решающая роль в политической обработке избирателей принадлежит телевидению, «картинки важнее слов». «Учитывая это,— пишет газета,— республиканцы и выдвинули вновь своим кандидатом бывшего киноактера, который является мастером мелких жестов, важных для телевидения: умеет выразительно повести бровью, эффектно склонить или поднять голову, произнести слова мягким, доверительным тоном, создать таким образом атмосферу интимного обращения к зрителям».

Что же касается существа вопросов, ответы на которые ждут избиратели, то от него в век телевидения можно уйти. «Вы можете говорить все, что вам угодно (!), и 80 миллионов телезрителей будут вас слушать. А если какой-либо журналист потом и напишет, что кандидат сказал неправду,— то это уже не будет иметь значения,— сказал пресс-секретарь вице-президента Буша Питер Тили,— ведь его статью прочтут какие-нибудь двести или две тысячи, пусть даже двадцать тысяч человек,— ну и что из этого?»

Руководитель службы по связям с общественностью комитета за избрание Рейгана и Буша Джеймс Лейк, в свою очередь, заявил в недавнем интервью, что теперь «картинки важнее слов». «Около 60 процентов публики,— сказал он,— пользуются информацией телевидения, и не так уж важно, какие слова, сказанные оратором, запишут корреспонденты. Важнее слов изобразительный ряд, показывающий Рейгана,— позитивный изобразительный ряд!»

Вот почему в эти дни мы то и дело видели на экране телевизоров, как Рейган ослепительно улыбается, как бодро и весело он машет рукой снимающим его операторам телевидения, как быстро и легко он вместе с женой сбегает по трапу, прибыв на самолете на очередную встречу со своими сторонниками, и... почти не слышали его речей.

Мондейл, отмечает «Нью-Йорк таймс», попробовал действовать иначе. Вначале он положил в основу своей кампании обсуждение таких проблем, как дефицит бюджета, контроль над ядерными вооружениями, сохранение программ социального обеспечения. Однако опросы показывали, что хотя люди и соглашаются с доводами Мондейла, но «картинки Рейгана» им все же нравились, и они продолжали отдавать ему свое предпочтение. Поэтому в самые последние дни Мондейл усвоил некоторые уроки, преподанные Рейганом, и начал уделять больше внимания привлекательным визуальным моментам.

Прибыв в Чикаго, он вышел из самолета в маске из пластика, изображавшей его собственное улыбающееся лицо, а встречали его 150 человек, одетых в такие же точно маски. Эта буффонада вызвала восторг у публики.

Так важнейшая политическая акция — подготовка к решению вопроса о том, кто будет руководить страной в следующие четыре года и как он будет действовать, все больше превращается в некое театральное представление, а избиратели — в зрителей этого представления. «Мы стали нацией театральных критиков,— с горечью заявил на днях профессор Дьюкского университета Джеймс Барбер,— мы не преуспели даже в установлении элементарной основы для серьезного обсуждения проблем. Я нахожу это тревожным».

Тревогу профессора Барбера разделяет немало американцев, ожидавших, что избирательная кампания послужит поводом для глубокой и серьезной дискуссии по ключевым проблемам современности. 1 ноября в ряде газет был опубликован в виде платного объявления волнующий человеческий документ, озаглавленный так: «Мольба отца, обращенная ко всем родителям». Это объявление составил и напечатал за свои деньги 72-летний зубной врач Уильям Лорэн из калифорнийского городка Тибурон.

В его послании, в частности, говорится: «Все согласны с тем, что безумная гонка ядерных и других вооружений представляет собой самую большую угрозу. Всего лишь одного процента уже созданных бомб достаточно, чтобы уничтожить в несколько минут все живое на нашей планете. Крайне необходимо, чтобы

ядерные державы согласились уничтожить это оружие. Но администрация Рейгана несерьезно относится к переговорам... Выборы, которые произойдут на следующей неделе, чрезвычайно важны для моей жизни и для жизни моих детей, да и всех детей. Поэтому я счел себя обязанным потребовать смены администрации в Вашингтоне».

Уильям Лорэн сопроводил эту необычную публикацию таким немаловажным уточнением: «Я небогатый человек и смог опубликовать это заявление лишь потому, что получил страховое пособие после того, как меня сбил автомобиль и я был ранен».

Вряд ли, конечно, публикация этого заявления, затерявшегося на тринадцатой странице «Нью-Йорк таймс», сможет оказать существенное влияние на результаты предстоящего голосования. Где уж престарелому врачу, израсходовавшему свое страховое пособие на эту публикацию, тягаться с могучими корпорациями, расходующими колоссальные средства на политическую рекламу своих кандидатов.

Невозможно пробиться с пустым кошельком и в конгресс. Все рекорды тут побили представитель крайне правых сил Джесс Хелмс, собравший в свой фонд 14 144 047 долларов, и решивший стать сенатором губернатор штата Западная Вирджиния Джон Рокфеллер, фонд которого составил 8 010 636 долларов (из них 6,5 миллиона он внес из собственных средств).

Сейчас, когда я дописываю эти строки, над Нью-Йорком уже спустилась черная осенняя ночь. Погасли огни в окнах небоскребов. Опустели тротуары — кому захочется встретиться один на один с отчаявшимся наркоманом, готовым убить человека, лишь бы добыть доллары на понюшку кокаина? Даже на фешенебельной 5-й авеню устраиваются на ночлег прямо у витрин роскошных магазинов бездомные люди. Кстати, 410 из них зарегистрировались в избирательных участках, обозначив свои адреса так: «Центральный парк», «Скамья на 3-й авеню» и т. д.

Все это привычные картины. Мы видели их и в 60-е и в 70-е годы. Но от того, что видишь все это вновь и вновь, они не становятся менее драматичными. А ведь как легко было бы сделать жизнь в этом огромном и богатом городе куда более человечной для

всех его жителей, если бы те огромные средства, которые сейчас уходят на создание чудовищных средств массового уничтожения, были переключены на мирные цели...

### Воры в Белом доме

Огромное значение в США имеют передающиеся по телевидению незадолго до дня выборов телевизионные «дуэли» кандидатов в президенты,— за ними следят многие десятки миллионов избирателей, которым предстоит решить: кому же отдать голоса? Эти передачи, как показывает опыт, имеют решающее значение для исхода выборов.

Каждый из претендентов на пост президента должен продемонстрировать перед избирателями свои познания в области экономики и политики, показать находчивость, умение вести полемику, хладнокровие и выдержку — ведь такие «дуэли» передаются непосредственно в эфир, и если оратор допустил какую-то оговорку, в чем-то ошибся, проявил растерянность, неточно изложил свою позицию, избиратели, сидящие у своих телевизоров, тут же сделают вывод: такому человеку нельзя доверять управление страной.

Зная об этом, претенденты на пост президента заранее готовятся к этим «дуэлям», проводят репетиции с участием своих ближайших советников, придумывают «ловушки» для конкурента, заучивают наизусть огромное количество цифр, эффектных цитат и так далее.

Как известно, 28 октября 1980 года Рейган сумел «переиграть» Картера: все телезрители были поражены тем, как ловко он разгадывал хитрые политические ходы, придуманные советниками Картера, и как умело он вел дискуссию. Картер вначале кое-как сопротивлялся натиску своего противника, а потом пал духом и был сражен. Выборы он проиграл. Что же произошло? Ответ на этот вопрос стал известен лишь несколько лет спустя, в 1983 году, когда начиналась подготовка к следующим президентским выборам.

О эта свободная, свободная, свободная Америка! О эта демократическая, демократическая, демократическая страна! С раннего утра и до поздней ночи про-

пагандистские ведомства Вашингтона до хрипоты твердят, будто весь мир (и прежде всего «коммунистические страны»!) должен непременно воспринять политическую систему, существующую в США, поскольку-де во всей Вселенной не найти ничего лучше. Эта небывалая, рассчитанная на двадцать лет (!) пропагандистская кампания под названием «Программа демократии и публичной дипломатии», на проведение которой только в 1983—1984 годах планируется израсходовать 65—80 миллионов долларов, является важным звеном задуманного Рейганом «крестового похода против коммунизма».

И вдруг такой конфуз: там же, в Вашингтоне, вдруг ударил фонтан политической грязи, запятнавший белоснежные непорочные одеяния, в которые вырядились крестоносцы XX века, отправляясь в свой поход. Выяснилось — о ужас! — что эти патентованные защитники свободы и демократии во всем мире оказались вульгарными мошенниками, не остановившимися перед преступными кражами документов Белого дома, когда там обитал президент Картер, чтобы обеспечить победу над ним лихого голливудского ковбоя Рейгана.

Фактическая сторона дела такова — я цитирую сообщение газеты «Вашингтон пост», поддерживавшей демократическую партию против республиканской: «Лица из аппарата Рейгана получали документы от надежного (!) агента, находящегося в Белом доме. Эта информация включала меморандумы Белого дома по вопросам экономической политики, документы бюджетного управления, экономического совета [при президенте], а также расписание предвыборных поездок Картера по стране».

Как явствует из публикаций в США, сведущие люди узнали об этих кражах документов еще в октябре 1980 года. Тогда эту грязную историю замяли, и только в преддверии новых президентских выборов политические противники администрации Рейгана вытащили ее на свет.

Скандал, разыгравшийся вокруг этого разоблачения, красноречиво подтвердил слова В. И. Ленина о том, что вся система буржуазной демократии представляет собой «...одно из главных поприщ неслыхан-

ных мошенничеств, финансовых и политических обманов народа, карьеризма, лицемерия, угнетения трудящихся».

Приведу лишь одну деталь, которая говорит о многом. В памятный для американцев вечер 28 октября 1980 года на глазах у десятков миллионов телезрителей происходил решающий политический поединок Картера и Рейгана, исход которого должен был во многом предрешить результаты предстоявшего голосования. Всех поражала та уверенность, с которой Рейган отражал критические атаки Картера, а тот терялся все больше, не представляя себе, как мог его противник предугадать ловкие ходы, тщательно продуманные штабом советников президента, и запастись необходимой аргументацией, статистическими данными, убийственными контрдоводами.

Неискушенные в политике избиратели не могли и подумать о том, что Рейган разыгрывает спектакль, подготовленный на тайных репетициях, которые происходили на протяжении четырех дней в арендованном для этой цели гараже. Эти репетиции велись столь же дотошно, как они ведутся в Голливуде, где Рейган был актером.

Как сообщил впоследствии корреспондент американской телевизионной компании Сэрафин, были даже сделаны видеозаписи, которые затем критически анализировались. Отшлифовывалась каждая фраза, каждый жест, каждая улыбка и каждая гримаса, которой Рейган должен был реагировать на замечания Картера (эти видеозаписи сохранились в государственном архиве).

Роль Картера на этих репетициях играл конгрессмен Дэвид Стокмэн, располагавший выкраденным в Белом доме пухлым томом, представлявшим собой, как впоследствии сообщила газета «Вашингтон пост», «детальный сборник стратегических доктрин, ответов и вопросов», которые должен был использовать тогдашний президент в телевизионном поединке с Рейганом. (Когда Рейган был избран президентом, он предоставил Стокмэну один из высоких постов в своей администрации.)

За несколько часов до этой — повторяю, решающей! — телевизионной передачи Стокмэн, выступая

перед своими сторонниками в клубе бизнесменов «Оптимист» в городе Касополисе (штат Мичиган), будучи уверен, что теперь победа Рейгана обеспечена, позволил себе поделиться с присутствовавшими сенсационной информацией, сохранявшейся до этого в тайне. «Весь минувший конец недели я изображал Картера»,— сказал он и далее поведал, что именно ему довелось сыграть ключевую роль в подготовке Рейгана к телевизионной дуэли. Аудитория приветствовала это сообщение аплодисментами и одобрительным хохотом.

Подогретый приветствиями, Стокмэн добавил: «Я могу предсказать все, о чем будет говорить Картер сегодня вечером». Он привел несколько примеров того, что тот скажет, и процитировал заранее подготовленные ответы Рейгана. И тут же Стокмэн пояснил, что на репетициях он пользовался «похищенной копией инструктивных материалов», подготовленных для Картера.

Присутствовавший в клубе «Оптимист» корреспондент местной газеты «Элкарт трус» Ди Бурдон все это записал, а вечером, когда «дуэль» Картера и Рейгана передавалась по телевидению, сопоставил свои записи с тем, что они говорили. Все сошлось. Ди Бурдон опрометью бросился в редакцию: в руках у него была сенсация крупнейшего калибра, перед которой бледнела история с памятной всем попыткой агентов президента Никсона установить подслушивающую аппаратуру в штаб-квартире его конкурентов из демократической партии, находившейся в гостинице «Уотергейт». Тогда эти агенты были схвачены, а Никсон в августе 1974 года изгнан из Белого дома.

Но ведь то была только неудавшаяся попытка путем подслушивания украсть информацию у политических противников. Теперь же налицо была уже совершенная кража документов. И куда забрались воры Рейгана? В Белый дом, новым хозяином которого он хотел стать!

К удивлению дотошного репортера, в редакции его встретили холодно. Там уже знали результаты «телевизионной дуэли», в которой Картер был побежден, и теперь было ясно, что президентом станет Рейган. Информация Ди Бурдона была погребена на пятнадцатой полосе газеты, и на нее никто из читателей не об-

ратил внимания, а «большая пресса», сотрудники которой внимательно следят за каждой строкой, имеющей отношение к подобным сенсациям, на сей раз прикинулась слепой.

Лишь один журналист так называемой «большой прессы» — корреспондент журнала «Тайм» Лоуренс Баррет, прослышав об откровениях Стокмэна, попытался было пустить эту сенсацию в ход, но и ему не повезло: его заметка, подготовленная для одного из февральских номеров журнала за 1981 год, была снята под каким-то предлогом и света не увидела.

Так лишний раз была доказана несостоятельность мифа о свободе печати в свободной Америке. Подтвердился тот бесспорный факт, что самая сенсационная новость там может появиться в печати лишь в том случае, если руководители того или иного могучего клана монополий сочтут это выгодным или по крайней мере безвредным для себя.

Но вот теперь, в 1983 году, в преддверии новых президентских выборов, клан монополий, поддерживавший в 1980 году Картера и потерпевший поражение в борьбе с калифорнийским военно-промышленным кланом, который выдвинул Рейгана, попытался взять реванш. Нашлись люди, которые помогли тому же Баррету опубликовать книгу «Азартная игра с историей. Рональд Рейган в Белом доме», в которой он рассказал о преступных проделках, сопутствовавших избранию нынешнего президента. Это было подобно взрыву бомбы — разгорелся очередной грандиозный скандал.

Новости посыпались со всех сторон. Белый дом был вынужден предать гласности целые кипы документов (многие сотни страниц), выкраденных в 1980 году из Белого дома и теперь обнаруженных в «архивах» ближайших сподвижников президента. Выяснилось, что воры отнюдь не ограничивались похищением материалов, имевших отношение к «телевизионной дуэли» Картера и Рейгана. Они тащили из Белого дома конфиденциальные, секретные документы Совета национальной безопасности.

Как заявил бывший президент Картер, «документы, о которых идет речь, были очень важными». А его бывший пресс-секретарь Дж. Пауэлл добавил: «Как

представляется, к участникам предвыборной кампании Рейгана постоянным потоком (!) текла информация из картеровского Белого дома».

Такова была политическая сторона «нового Уотергейта» или «Рейгангейта», как окрестили сей скандал американские газетчики. Теперь об этической и моральной его стороне. Начну с того, как оценил происшедшие события сам президент. Когда все эти позорные дела стали достоянием гласности, он созвал журналистов на очередную пресс-конференцию, собираясь заглушить неблагоприятные для него известия рассуждениями о том, что США вступают в период оздоровления экономики и что впереди — обещанное им уже давно снижение налогов. Но журналисты к предложенной им теме никакого интереса не проявили, и, когда Рейган закончил свое сообщение, обрушили на него бурный шквал вопросов о «новом Уотергейте».

Вначале президент неуклюже отбивался:

«Я даже не знал, что кто-то из организаторов нашей кампании имел такие материалы,— говорил он.— Я никогда ничего подобного не видел». Потом он согласился, что надо заняться расследованием:

«Многие вольно (?) используют слово «украл», говоря, что кто-то что-то «украл» в Белом доме,— недовольно сказал Рейган, отвечая журналисту, который в упор спросил его: «Что вы думаете по поводу этики?» — По-моему, очень глупо (!) пытаться утверждать это, но нужно все выяснить. Сделал ли это какой-то недовольный сотрудник, участвовавший в предвыборной кампании Картера? Надо выяснить, кто это сделал. Было ли (!) это неправильно или незаконно».

Тут шквал вопросов перерос в шторм. Вот что гласит стенограмма:

*Вопрос:* ...Я хочу продолжить.

*Ответ:* Все хотят продолжить. *(Смех)*.

*Вопрос*: Даже если это не было незаконным, как вы считаете, было ли это этичным? И как вы относитесь к тому, что из всех участников именно ваш директор ЦРУ (Кейси, который руководил предвыборной кампанией Рейгана) оказался единственным человеком, который абсолютно ничего не помнит. А ведь он руководил всем...

*Ответ:* Поэтому-то он и передал их (очевидно, документы.— *Ю. Ж.)* другим, как только они попали (!) к нему. Я тоже иногда так поступаю с некоторыми бумагами. *(Смех)*. Я в них не заглядываю, но знаю, что их можно передать кому-то другому.

*Вопрос:* А этическая сторона дела?

*Ответ:* Что?

*Вопрос:* Этическая сторона дела, сэр!

*Ответ:* Вопрос этики? Мне думается, что, по сложившемуся мнению, предвыборная кампания всегда допускает двойные критерии...

*Вопрос:* Если вы позволите, я хочу спросить: важно ли, были ли эти бумаги украдены, были ли они секретными?

*Ответ:* Можно ли сказать, что что-то украдено, если кто-то передает (!) вам материал,— какой-то недовольный человек передает его своему коллеге, тоже участвующему в организации предвыборной кампании? Мы не знаем, как их удалось достать...

Вот так-то! Поистине поразительна этика, которой следует нынешний президент США, любящий учить морали всех на свете, кроме своих соратников. И следует ли удивляться тому, что эти бравые соратники послушно следуют его установке на «двойные критерии» — этично и морально то, что им выгодно, а то, что им невыгодно, неэтично и аморально!

«С точки зрения политики, тут нет ничего нового,— заявил по сему поводу представитель Белого дома Лэрри Спикс.— Ведь политика именно так и делается». В ответ на вопрос, можно ли, оставляя в стороне юридические тонкости, счесть неправомерным использование похищенных материалов, он цинично заявил, что это «зависит от качественной стороны этих материалов».

Умри Спикс — откровеннее не скажешь! — по логике его хозяина, да и его самого, воровать секретные правительственные документы можно и нужно при единственном условии: чтобы игра стоила свеч — все, видите ли, «зависит от качественной стороны» этих документов.

Да что там Спикс, эта мелкая сошка Белого дома! Послушайте-ка, что говорили на сей счет куда более высокопоставленные деятели обеих (!) партий, которые попеременно становятся у власти в США на протяжении двух с лишним столетий:

«Хотя некоторые демократы считают, что всякое хищение документов может стать предметом уголовного преследования за нарушение федеральных законов о краже,— писала газета «Нью-Йорк таймс»,— специалисты расходятся во мнениях относительно того, подпадает ли «кража» (при чем тут кавычки? — *Ю. Ж.)* конфиденциальной информации под эти законы. Сторонники Картера и Рейгана сходятся во мнениях (!), что утечка огромного коли-

чества документов по тайным и другим каналам — типичная черта всех кампаний по выборам президента, более того, обычное явление в Вашингтоне».

Обычное явление — вы слышите? И эти господа еще смеют учить нас жить, пытаясь навязать нам и всем народам планеты в качестве образца свою прогнившую вконец политическую систему!

Как ни хорохорились пойманные за руку высокопоставленные воры, они были не в силах скрыть своей озабоченности: ведь не за горами были выборы! Как сообщил 18 июля 1984 года «Ньюсуик», опрос общественного мнения, проведенный институтом Гэллапа по просьбе редакции этого журнала, показал: почти две трети американцев считали, что предвыборная организация Рейгана виновна в правонарушениях. 85 процентов опрошенных американцев пошли еще дальше и заявили, что «тайный сбор информации имеет место регулярно или эпизодически во время избирательных кампаний».

Отсюда «Ньюсуик» сделал резонный вывод, что разоблачения грязной деятельности «команды Рейгана» не только «подпортили столь ценную (для кого? — *Ю. Ж.*) репутацию президента», но и поставили серьезные вопросы по поводу этики предвыборных кампаний вообще. В Белом доме воцарились неуверенность и уныние.

Английская газета «Санди таймс», невольно выдавая злорадство западноевропейских союзников Рейгана, которые хотя и исправно тянут лямку НАТО, но начинают уставать от бесцеремонного обращения заокеанского «большого брата» с ними, язвительно писала по сему поводу:

«Поведение администрации Р. Рейгана напоминает ситуацию на охваченном пожаром корабле, которым командует неопытный капитан... В то время как команда спускает шлюпки, чтобы спастись бегством, старшие офицеры пытаются свалить вину друг на друга за чью-то оплошность, а командир корабля внешне сохраняет невозмутимость и делает вид, что все происходящее вокруг его не касается».

Корреспондент американской телевизионной компании Си-би-эс Л. Столл высказалась на сей счет более конкретно, назвав по именам «старших офицеров» этого «охваченного пожаром корабля».

«Проблема осложняется тем,— сообщила она,— что окружение Рейгана вступило в острую междоусобную борьбу. Помощник президента по национальной безопасности Кларк и директор ЦРУ Кейси ведут открытую войну с руководителем аппарата сотрудников Белого дома Бейкером, директором административно-бюджетного управления Стокмэном (тем самым, который готовил Рейгана к пресловутой «телевизионной дуэли» с Картером, пользуясь крадеными документами.— *Ю. Ж.)* и директором отдела связей Белого дома Гергеном. Стороны обвиняют друг друга в причастности к похищению документов, ошибочных заявлениях относительно бумаг Картера и неправильных суждениях».

К этому газета «Вашингтон пост» добавила 13 июля: «Остающиеся без ответа вопросы о том, каким образом документы и информация из картеровского Белого дома в конечном счете попали в руки людей Рейгана, занимавшихся проведением его предвыборной кампании, вдребезги разнесли показную уверенность администрации и практически парализовали высшие эшелоны Белого дома».

«Один официальный деятель», как всегда, попросивший не называть его по имени, даже счел возможным заявить представителю этой газеты: «Если бы вы меня сейчас попросили честно сказать, кто, по моему мнению, руководит сейчас Белым домом, мне пришлось бы ответить: «Никто».

Однако все эти сенсационные утверждения следовало воспринимать с известной долей трезвого скептицизма. «Команда», которая держала тогда и сейчас держит в руках бразды правления в Белом доме, и ее хозяева, находящиеся за кулисами, вовсе не такие растерянные простаки, какими их изображала западная пресса. Это циничные, хладнокровные и расчетливые люди, готовые на все ради осуществления тех целей, которые перед ними поставлены.

Чтобы, как говорится, «выпустить пар» накопившегося в народе с 1980 года недовольства, газетам было дозволено малость пошуметь. Более того, президент Рейган, заявлявший вначале, что нынешний скандал — «много шума из ничего», затем неожиданно объявил, что он поручает министру юстиции (его личному другу и ставленнику!) провести расследование, а вскоре после этого распорядился подключить к нему и ФБР. «Все, в том числе и я, будут готовы ответить на вопросы»,— заявил Рейган.

Сведущие политические обозреватели в Вашингтоне, однако, не питали иллюзий: эти «расследователи» сделали все, чтобы «утопить рыбу в воде». Особо при этом подчеркивалось, что конгресс, который в памятные дни «первого Уотергейта» взял следствие в свои руки и использовал его для разоблачения и изгнания Никсона из Белого дома, на сей раз проявлял поистине невероятную застенчивость.

Сенат вообще не заинтересовался всей этой историей, а в палате представителей одна лишь подкомиссия по людским ресурсам при комиссии по делам почт и государственных служащих, возглавляемая малоизвестным конгрессменом Доном Элбостой, который имел в своем распоряжении всего четырех сотрудников, рискнула начать расследование. «Будь, что будет»,— сказал, по словам «Нью-Йорк таймс», Элбоста, принимая это решение вопреки желанию спикера палаты представителей Томаса О'Нила и лидера большинства палаты Джима Райта.

К этому надо добавить, что, как сообщила 22 июля «Вашингтон пост», «в четверг (21 июля) потерпели крах переговоры между Белым домом и подкомиссией Д. Элбосты после того, как администрация заявила, что она не обеспечит (!) членам подкомиссии полного доступа к документам предвыборной кампании Рейгана». Всяк сверчок знай свой шесток!

В Вашингтоне все чаще поговаривали о том, что вся эта история может закончиться тем, что Рейган уберет из Белого дома некоторых деятелей, ставших ему и его хозяевам неугодными, взвалив на них ответственность за те преступления, которые стали достоянием общественности, а сам выставит свою кандидатуру в президенты на новый срок, разыграв роль ревнителя правосудия.

Как и следовало ожидать, развитие этой скандальной истории было, что называется, спущено на тормозах. 24 декабря 1983 года американские средства информации сообщили, что расследование сообщений о краже избирательным комитетом Рейгана в 1980 году документов Картера зашло в тупик.— «Следователи палаты представителей,— сообщили журналисты Б. Вудворт и Гуртц,— оказались полностью неспособными (!) обнаружить, каким образом Рейган в ходе

кампании 1980 года получил документы из Белого дома Картера... В ходе парламентского следствия, проводимого Федеральным бюро расследования, также не удалось определить, кто передал материалы избирательному комитету Рейгана».

Министерство юстиции, в свою очередь, заявило 23 февраля 1984 года, что оно «не нашло убедительных доказательств того, что передача этих документов являлась нарушением уголовного законодательства», и прекращает расследование, длившееся восемь месяцев.

Комиссия Д. Элбосты некоторое время пыталась предпринять какие-то новые усилия, чтобы довести расследование до конца, но затем призналась в своем бессилии найти и наказать виновных в краже государственных документов.

Воры республиканской партии, орудовавшие в Белом доме в 1980 году, когда президентом был демократ Картер, остались безнаказанными...

**«Продажа» кандидатов избирателям**

Как писал еще 14 марта 1977 года парижский еженедельник «Пуэн», американские приемы «продажи» избирателям кандидатов на выборные посты все шире распространяются и в союзных с США странах. Буржуазные партии охотно используют в этих целях самые низменные уловки.

Пример тому — нашумевшая в свое время кампания по выборам в мэрию Парижа, которая в силу особых обстоятельств приобрела тогда большое политическое значение, выходящее за рамки интереса к обычным муниципальным выборам. Дело в том, что в Париже происходило, так сказать, двойное испытание сил в предвидении парламентских выборов 1978 года: во-первых, шла ставшая уже традиционной борьба между правящим блоком партий и союзом левых сил, а во-вторых, столкнулись между собой две главные партии правительственного большинства: претендовавшие на пост мэра Парижа лидер Объединения в поддержку республики, бывший премьер-министр Жак Ширак и представитель так называемой Национальной федерации независимых республиканцев

граф д'Орнано, которого называли ставленником премьер-министра Р. Барра и даже самого президента республики Жискар д'Эстэна (как известно, победителем из этой схватки вышел Жак Ширак, который до сих пор остается мэром Парижа).

По утверждению газеты «Монд» от 10 марта 1977 года, конкурировавшие между собой депутаты большинства в общей сложности затратили на проведение избирательной кампании 15 миллионов франков,— почти столько же, сколько стоила общенациональная кампания выборов в президенты в 1969 году сторонникам Помпиду. (Сторонники Ширака израсходовали 9 миллионов, а сторонники д'Орнано — 6 миллионов.) Кандидаты левых партий смогли мобилизовать на проведение избирательной кампании лишь 1,3 миллиона — в 10 с лишним раз меньше. Победил на выборах, как я уже упоминал, Ширак.

Как тут не вспомнить саркастические слова В. И. Ленина о том, что соперничество между буржуазными партиями на практике сводится к «эффектным и бессодержательным дуэлям»[1], к тому, чтобы «вывеской демократизма обмануть массы», «отвадить их от действительно демократической теории и действительно демократической практики»[2].

В действительности подлинной сутью политической борьбы в условиях буржуазного общества является противоборство антагонистических классов, причем в авангарде эксплуатируемых идут коммунистические и рабочие партии, а власть денег защищает конгломерат буржуазных партий, выступающих под различными этикетками, но по сути своей не имеющих существенных различий.

Вот так и получается, что на практике пресловутый «плюрализм» буржуазных партий сводится, как иронически выражаются французы, к выбору между «белым чепчиком» и «чепчиком белым»,— от перемены мест смысл слов, как известно, не меняется...

Я уже слышу наигранные, произносимые осипшими голосами провинциальных трагиков протесты моих оппонентов «с той стороны»: «Как вы можете позволять себе стричь всех нас под одну гребенку? Разве

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.
[2] Там же, с. 63.

вы не знаете, что лидеры главных партий, оспаривающих друг у друга право на руководство государствами, где существует сменная система власти, обращаются к избирателю, как к арбитру, с различными предвыборными программами? Как же можно утверждать, что это-де «белый чепчик» и «чепчик белый»?»

Ну что ж, господа, позвольте мне поставить вам только один встречный воспрос: ежели ваши предвыборные программы содержат серьезные, принципиальные различия по коренным вопросам, то почему же в таком случае «его препохабие капитал» и находящаяся под его контролем государственная машина с одинаковой заинтересованностью кладут золотые яйца в гнездышки «противоборствующих» буржуазных партий, лишая в то же время левые силы материальных средств, без которых невозможно информировать избирателей об их программе?

И сколько бы красивых слов о «свободе выбора» в капиталистических странах вы ни произносили, вам никуда не уйти от реальных фактов, которые вновь и вновь убедительно подтверждают, что мудрое ленинское определение политической демократии в условиях капитализма как «более свободной, широкой и ясной формы классового гнета и классовой борьбы» [1] звучит особенно злободневно.

Об этом невольно вспоминаешь, например, перелистывая вышедшую в свет в Париже книгу Андре Кампана «Секретные деньги». Ее автор исследует вопрос о финансировании партий и их избирательных кампаний. Андре Кампана — буржуазный журналист, не скрывающий своей антипатии к коммунизму. Но собранные им фактические данные говорят сами за себя и, быть может, даже против его воли показывают неприглядную изнанку показной буржуазной демократии.

Кампана вынужден признать, что во Франции только коммунистическая партия, что называется, прочно стоит на своих собственных ногах: ее бюджет складывается из членских взносов коммунистов, отчислений от зарплаты депутатов, сенаторов, генеральных советников, мэров, являющихся членами ФКП, из

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 254.

добровольных сборов пожертвований, из доходов кооперативов, которыми руководят коммунисты, и т. д. Что же касается буржуазных партий, то они живут либо за счет государственных секретных фондов, либо за счет субсидий монополий.

В этой связи газета «Котидьен де Пари» писала: «Всем известно, что деньги не дают даром. Тот, кто дает, должен что-то получать взамен... Поскольку политические партии «покупаются», то зачем же возмущаться тем или иным делом, которое время от времени привлекает внимание газет, становясь их главной темой? Ведь хорошо известно, что деньги, необходимые для деятельности партий и их избирательных кампаний, должны откуда-то поступать».

Тот же Кампана в своей книге показывает, что именно деньги являются «главным орудием в политической битве». Для того чтобы стать сенатором в США, заявляет он, надо израсходовать сумму, равную десяти миллионам франков. Недешево обходится проведение избирательных кампаний и во Франции. Даже для того чтобы стать мэром города Нанси, небезызвестный делец Жан-Жак Серван-Шрейбер израсходовал 1,6 миллиона франков. Еще 2 миллиона он потратил в борьбе за пост мэра в Бордо, где, впрочем, потерпел поражение.

«Это — царство секретных денег,— заявила, комментируя книгу Кампана, газета «Котидьен де Пари».— И публичный скандал разражается только тогда, когда в связи с каким-нибудь делом, которое возбуждают перед органами правосудия, неожиданно раскрывается происхождение тех или иных источников финансирования. Но, по правде говоря, кричать о скандале можно повсюду, потому что группы, оказывающие давление, дают деньги только в обмен на что-то, и эта будущая компенсация может принять самые различные формы».

Важную роль в этой закулисной деятельности играет объединение французских промышленников — патронат. Именно он «кладет основные средства в протянутые кошельки,— писал в газете «Котидьен де Пари» Жан-Клод Важу, откликаясь на книгу Андре Кампана.— Предприниматели щедро финансируют избирательные кампании, не скупятся, когда речь

идет об обычной деятельности партий. Мы имеем дело с тайным финансированием».

Без этого тайного финансирования игра в «плюрализм» просто невозможна, и это отлично показал уже неоднократно упоминавшийся выше покойный обозреватель парижской газеты «Монд» Пьер Виансон-Понте в опубликованной 23 октября 1977 года статье под ироническим заголовком «Почему бы не помечтать?». Вот что он написал:

«Еще два рекламных проспекта в сегодняшней утренней почте. Поистине эта лавина не прерывается ни на миг,— все эти роскошные, дорогостоящие, отлично отпечатанные брошюры перегружают почту, а затем и службу городской уборки: их выбрасывают, даже не читая. Но о чем все же говорится в этих двух проспектах? Что в них рекламируется: автомобили, телевизоры, магнитофоны, книги, кастрюли или диван-кровати? Перелистаем их на сей раз...

Сюрприз, двойной сюрприз! Передо мною «Памятка на 1978 год». Что же она сулит нам? Ах да — выборы! И вот этот восхитительный проспект предлагает полный набор услуг, которыми может и должен воспользоваться кандидат в депутаты.

Ну что ж, войдем в игру. Предположим, что я стану кандидатом. Прежде всего мне понадобится «координатор избирательной кампании», строго аполитичный «профессиональный технический режиссер». Сверходаренный: «Он живое воплощение хладнокровия, стойкости, умелый организатор, специалист по общественным связям, без которых невозможно надеяться на успех». Конечно, его услуги будут стоить дорого: 62 тысячи франков в месяц плюс 150 франков в день на текущие расходы и оплата транспортных расходов. Месяца, пожалуй, хватит... Ну что ж, придется ему уплатить за услуги примерно 70 тысяч франков. Такое чудо этого стоит.

Пойдем дальше. Первая статья расходов — избирательный «маркетинг» (изучение «рынка» выборов в целях его завоевания). Прежде всего мне рекомендуют провести исследование «ансамбля факторов, определяющих поведение потребителя», то бишь избирателя; затем — создать углубленный психо-социологический образ кандидата, отвечающий его запросам; исследовать политические течения, существующие в данном избирательном округе. Все это, конечно, необходимо.

Далее — «анализ почвы» в моем округе. Ну что ж, надо же знать, куда суешься! Каждое из этих исследований обойдется по 19 933 франка... Ах, конечно же, еще надо добавить зондаж общественного мнения недели за три-четыре до выборов — опрос шестисот человек. Черт побери, это будет стоить 28 753 франка! К счастью, если я закажу одной фирме все три мероприятия: исследование, анализ и зондаж, я получу право на скидку. За все с меня возьмут 68 208 франков. Даю!

Дальше — «тренаж». В этом я очень нуждаюсь: научиться выступать перед публикой, полемизировать, выступать по телевидению, писать в журналистском стиле... Предлагаются четыре

учебных сеанса по три часа каждый — групповые, по десять человек, и один заключительный сеанс «под руководством журналиста, ведущего крупнейшие актуальные передачи по телевидению». О ком же идет речь? За свои 6398 франков имею я право узнать, с кем буду иметь дело?

Дальше — больше... Проявим умеренность: обойдемся без «учебного митинга, симулирующего встречу с избирателями» — «электронного чуда, точно воспроизводящего все параметры, которые могут возникнуть на предвыборном собрании». Документация... Все ж таки надо что-то узнать о проблемах самолета «Конкорд», инфляции, безработицы, положения рабочих-иммигрантов, национализации, реформы образования. За 1665 франков я получу все эти сведения. Что касается «картотеки по ключевым вопросам», я без нее обойдусь, но вот информация о моем избирательном округе может понадобиться. За нее придется заплатить 2587 франков. И, конечно же, мне потребуются обзоры печати сроком на пять месяцев: 3800 франков.

Моя собственная газета... Это очень важно — иметь собственную газету на период выборов! Важно, но очень дорого. Обойдемся без безумств: пусть это будет ежедневная восьмистраничная газета малого формата, в одну краску, тиражом 25 тысяч экземпляров. Это мне обойдется в 60 165 франков. Безделица!

Мое фото... Нужен хороший портрет, нужны клише, которые будут рассылаться в дружественные органы печати,— сто восемьдесят цветных диапозитивов плюс столько же черно-белых плюс тридцать клише большого формата. На все это неизбежно придется затратить 8820 франков.

Нужны еще афиши, но постараемся уложиться в минимальные расходы: напечатаем пять тысяч афиш форматом 80 на 120 сантиметров в четыре краски, столько же листовок меньшего формата — 40 на 60 сантиметров и десять тысяч ленточных плакатов размером 80 на 30 сантиметров. Общая стоимость — 23 431 франк, это — минимальный расход.

Сувениры... Нет, обойдемся без дорогих подарков! Не будем дарить избирателям ни шарфов, ни рубашек, ни шапочек, ни курток. Обойдемся тысячью значков, призывающих голосовать за меня, пятью тысячами коробок спичек с моим избирательным лозунгом на этикетке, тысячью шариковых ручек для местной знати. На все это затратим 22 975 франков. Хватит и этого.

И все же остается еще большая статья расходов: личные послания избирателям! Придется разослать десять тысяч писем коммерсантам, ремесленникам, рабочим и служащим, рантье, пенсионерам, чиновникам и т. д.— в них будет идти речь обо мне и об их особых проблемах. Вся эта операция — сбор адресов, изготовление писем и их рассылка — обойдется в 42 100 франков.

В заключение понадобится приобрести подарок себе самому: установку для усиления звука моего голоса, она будет нужна на митингах. Это обойдется в 2962 франка. Мелочь!

Теперь сложим все эти цифры. Получается 313 254 франка. Добавим расходы на распространение газеты, расклейку афиш, почтовые марки и прочие расходы. Округлим сумму. Получится 350 тысяч франков — стоимость хорошего загородного дома. И это при том, что я не намерен делать чрезмерных расходов!

Агентство обещает «не оказывать услуг другим кандидатам в избирательном округе», если я стану его клиентом. Но не может ли оно гарантировать мне, что я буду избран?

Много денег будет выброшено на ветер»,— заключил меланхолически Пьер Виансон-Понте...

Иной недоверчивый читатель подметит, что Виансон-Понте не назвал ни автора этой «памятки», ни фирмы, которая ищет кандидатов в депутаты, желая подзаработать на их избирательной кампании, пожмет плечами и скажет: «Не может быть! Это просто фельетонный трюк, памфлетная затея, сатира на буржуазную демократию...»

Ан нет, дорогой читатель, прошло всего лишь несколько месяцев, и в предвидении уже приближавшихся выборов во французский парламент не названная обозревателем газеты «Монд» фирма, охотясь за клиентами, вышла на политическую арену с открытым забралом. Речь шла о фирме «Альфа коммюникасьон», принадлежавшей Ришару Беранже, который сделал головокружительную карьеру, организовав избирательные кампании кандидатам, которые стали видными фигурами во французской политике.

«Двенадцать лет тому назад Ришар Беранже,— писала 22 ноября 1977 года газета «Котидьен де Пари» в огромной рекламной статье, занявшей целую страницу,— входил в команду, которая за 37 дней вывела на орбиту Жана Леканюэ [1],— это было крупнейшее событие в предыстории политического маркетинга».

Репортаж «Котидьен де Пари», посвященный карьере Ришара Беранже и его соратников и конкурентов, представляет немалый интерес: он показывает невидимые широкой публике рычаги, с помощью которых «вы-

---

[1] Жан Леканюэ, лидер центристов, выступил в декабре 1965 года на президентских выборах против генерала де Голля, В первом туре голосования он набрал 3770 тысяч голосов. Перед вторым туром голосования он снял свою кандидатуру в пользу де Голля, чтобы преградить путь Миттерану — кандидату левых сил. До президентских выборов 1965 года Леканюэ возглавлял пришедшую в упадок католическую партию (МРП). Участие в президентских выборах в известной мере повысило престиж этого деятеля, и он в 1966 году создал новую партию Демократический центр, поглотившую ряд мелких политических группировок. Однако и она не стала крупной политической силой. Тем не менее Леканюэ и его сторонники играют довольно значительную роль в нынешней правящей группировке Франции. Леканюэ неоднократно занимал министерские посты. В 1978 году он был избран депутатом Национального собрания Франции. Ныне он стал сенатором.

водятся на орбиту» политические деятели. Озаглавлен этот репортаж достаточно красноречиво: *«Рекламные фирмы на военной тропе избирательной кампании. Несколько миллиардов за один процент голосов».*

Изложив вначале содержание рекламного проспекта фирмы «Альфа коммюникасьон», автор этой статьи Жан-Доминик Боби рассказывал далее о своей беседе с главой фирмы, «делателем депутатов» Ришаром Беранже:

— Нынче избирательную кампанию уже невозможно проводить так, как ее проводили ранее, к примеру, в 60-е годы,— заявил этот делец, намекая на то, что кандидаты должны запастись немалыми финансовыми средствами.— Было бы лицемерием замалчивать, что в течение нескольких месяцев придется израсходовать много, чрезвычайно много денег. Будет отпечатано тридцать пять миллионов экземпляров плакатов, специально издаваемые для избирателей газеты кандидатов также будут печататься большими тиражами. Мы поможем кандидатам — одному в каждом избирательном округе — освободиться от всех организационных проблем. У нас есть надежные контакты с поставщиками и специалистами. Все цены рассчитаны справедливо...

Ришар Беранже сообщил, что около пятидесяти кандидатов в депутаты уже вошли в контакт с его фирмой,— это члены Республиканской партии, радикалы, близкие к Жан-Жаку Серван-Шрейберу, левые радикалы. «Мы не делаем предпочтения той или иной политической семье,— сказал он,— мы готовы оказать услуги кандидату от любой партии, который в данном избирательном округе согласится воспользоваться нашими услугами».

Но фирма «Альфа коммюникасьон» отнюдь не единственная в своем роде. У Ришара Беранже есть могущественные и куда более солидные конкуренты, например, Мишель Бонгран, с помощью которого в 1965 году был выведен на политическую орбиту тот же Леканюэ (Беранже, как я уже сказал, тогда входил в состав «команды», которая обеспечила успех этой операции).

— Леканюэ был тогда никому не известным деятелем,— заявил Бонгран корреспонденту «Котидьен

де Пари».— За три недели он стал знаменитым и сумел поставить де Голля в трудное положение: в первом туре генерал не набрал абсолютного большинства голосов, и понадобился второй тур голосования, чтобы де Голль одержал победу...

Критикуя своего бывшего сотрудника, а ныне конкурента Беранже, Бонгран упрекал его в пристрастии к дешевым рекламным трюкам:

— Это не «политический маркетинг», а реклама бакалейной торговли,— пренебрежительно отзывался он о приемах Беранже.— Нужна глубокая работа. Чтобы делать важные дела, надо ухитряться быть невидимкой...

С этим мастером закулисных дел не соглашался третий «продавец кандидатов на выборах», Жак Сегели, руководитель одной из крупных рекламных контор. Он решительно заявил тому же корреспонденту:

— Нет большой разницы между человеком и мылом; политический деятель — это такой же товар, как и любой другой,— он нуждается в рекламе...

Сегели гордился тем, что это он создал в свое время броский предвыборный плакат для находившейся тогда в оппозиции Социалистической партии Франции на тему «Социализм — идея, прокладывающая себе дорогу». Теперь он работал на партию республиканцев (в 1978 году она была преобразована в так называемый Союз за французскую демократию), входившую в правящее большинство, и похвалялся: «Я уверен, что мы побьем социалистов». Сегели считал неотразимым лозунг, изобретенный им для своих новых клиентов из Республиканской партии: «Большинство получит большинство голосов». «С этой фразой мы победим»,— сказал он корреспонденту «Котидьен де Пари».

— У меня нет политических убеждений,— заявил он, поясняя готовность обслуживать любого клиента, будь то представитель правительства или представитель оппозиции.— Сам я никогда не ходил голосовать и никогда не пойду...

«Во что же обойдется политическим партиям Франции предвыборная борьба в марте 1978 года?» — спрашивала газета «Котидьен де Пари» и отвечала: «Речь пойдет об очень больших суммах». Издание од-

ного лишь плаката «Социализм — идея, прокладывающая себе дорогу» обошлось Социалистической партии в 400 тысяч франков. Республиканская партия уже в ноябре 1977 года затратила на рекламу полмиллиона франков, а партия Объединение в поддержку республики — 2 миллиона...

И только Французская коммунистическая партия, как признала та же газета «Котидьен де Пари» 23 ноября 1977 года, как всегда, решила обойтись без помощи специалистов «политического маркетинга», рекламирующих кандидатов избирателям теми же приемами, какими рекламируют мыло, прохладительные напитки или сигареты...

И если в 1981 году Французская социалистическая и коммунистическая партии, образовав союз левых сил, одержали победу на президентских и парламентских выборах, то это произошло лишь потому, что народные массы, убедившись на своем печальном жизненном опыте, что обманные рекламные трюки буржуазных партий, с помощью которых они так долго оставались у власти, проголосовали в своем большинстве за радикальную смену режима.

Тогда президентом был избран лидер французских социалистов Ф. Миттеран, а в Национальном собрании силы распределились так: Социалистическая партия и Движение левых радикалов получили 285 мест, коммунисты — 44, Объединение в поддержку республики — 88, Союз за французскую демократию — 63. Таким образом, буржуазные партии неожиданно для них оказались в меньшинстве, и им пришлось в дальнейшем выступать в непривычной для них роли оппозиции.

Однако руководство социалистов постепенно отреклось от предвыборных обещаний, отвечавших программе союза левых сил. В этой связи коммунисты, занимавшие министерские посты, в ответ вышли из состава правительства, и уникальная возможность прогрессивных государственных реформ, открывшаяся в результате победы социалистов и коммунистов на выборах, одержанной вопреки всем махинациям правых партий, была упущена. Значительная часть разочаровавшихся избирателей вновь качнулась вправо, поддаваясь на удочку лживой рекламы бур-

жуазных политиков. Таким образом, то, что произошло во Франции в 1981 году, явилось исключением из практики буржуазной демократии, причем это исключение лишь подтвердило ее правило, которое гласит: кто богаче, тот и имеет больше шансов на победу.

Да, «свободные выборы» в мире, хвастающемся своим «плюрализмом», а тем более победа на них — дело дорогостоящее, и в борьбе за нее немалую роль играет вопрос о том, насколько туго набита мошна кандидата...

Возвращаясь к этой теме, парижская газета «Фигаро» в большой статье «Маркетинг и политика. Как стать депутатом» писала: «Масса избирателей превращается в «рынок», а кандидат становится «товаром потребления». Тот, кто хочет добиться победы на выборах, должен, входя в игру, подчиниться правилам, с помощью которых он превращается в политического деятеля».

В Западной Европе «политический маркетинг» распространяется по примеру Соединенных Штатов. Но техника «политического маркетинга» в США еще больше совершенствуется, и исход выборов там, как об этом открыто пишет американская пресса, в значительной мере зависит от деятельности прытких бизнесменов, обеспечивающих политическую рекламу кандидатов.

21 ноября 1977 года нью-йоркский журнал «Тайм» опубликовал статью об одном из таких «делателей принцев» — удачливом Дэвиде Гарте, который добился в том году «рекордного результата: из его шести клиентов пять победили на выборах». Сам Гарт рекламировался как «либеральный демократ», но это не мешало ему «делать принцев» и из числа республиканцев,— ведь деньги не пахнут! Себя он считал учеником Макиавелли.

В 1976 году Гарт обеспечил победу на выборах Эду Коху, Брендану Бирну, Кэролу Беллами, Толу Брэдли, Джону Хейнцу. Кох стал мэром Нью-Йорка. Брэдли — мэром Лос-Анджелеса, Хейнц — сенатором от штата Пенсильвания, и так далее. Фирма Дэвида Гарта работала в национальном масштабе — от Атлантики до Тихого океана, собирая богатую долларовую жатву,— услуги его фирмы обходятся кандидатам

на выборные должности в десятки и даже сотни тысяч долларов...

Между прочим, в Соединенных Штатах в отличие от Западной Европы даже не считают нужным скрывать, что политику делают деньги. Вот что писал об этом западногерманский журнал «Шпигель»:

«Приехавший на «Линкольн-континентале» молодой человек выступал перед гражданами Западной Вирджинии, одного из самых бедных штатов Америки. «Мне действительно незачем красть у кого-либо хотя бы один цент,— агитировал он их.— Я устою перед любым соблазном. Люди! У меня есть все, что надо, и даже больше». Так говорил Джон Д. Рокфеллер IV, правнук основателя концерна «Стандард ойл». В ходе первичных выборов Джон Д. Рокфеллер выложил 1,7 миллиона долларов и еще 800 тысяч истратил на заключительный этап кампании. После этого демократ Джон Д. Рокфеллер стал губернатором Западной Вирджинии, получив почти в два раза больше голосов, чем его соперник» [1].

И далее «Шпигель» добавил: «Рокфеллеры находятся в зените своей власти, их клан стал некоронованной династией американского государственно-монополитического капитализма». Но только ли к семье Рокфеллеров относится эта оценка? Эта семья далеко не одинока — реальная власть в США принадлежит классу, который составляют те, кому принадлежат заводы, фабрики, земли, банки — вся экономика этой огромной страны. У них деньги, у них и власть!

Западногерманский литератор Рольф Винтер в нашумевшей книге «Кошмары Америки», вышедшей в свет в мюнхенском издательстве «Шнееклут», привел весьма красочные высказывания самих американцев, подтверждающих этот тезис.

Так, один из самых искушенных наблюдателей политической жизни в США, Теодор Уайт, заявил, выступив по телевидению, что «в Америке голоса избирате-

---

[1] Впрочем, и в Западной Европе такие повадки богатых кандидатов на выборные посты распространяются все шире. Во время выборов в Национальное собрание Франции миллиардер Дассо, поставивший своей целью стать депутатом, буквально сорил деньгами, выставляя напоказ свое богатство. Как писала 4 апреля 1978 года газета «Матэн», на избирательную кампанию он израсходовал 30 миллионов франков, раздавая «подарки» направо и налево. Итог: Дассо был избран тогда в Национальное собрание и как старейшина открыл своей речью его первую сессию!

лей всегда можно было покупать оптом. Еще не проходило ни одних президентских выборов,— уточнил он,— где бы дело обходилось без мошенничества».

Ральф Салерно, один из старейших чиновников управления нью-йоркской полиции, утверждал, что деньги, которые жертвуют на избирательную кампанию разного рода закулисные деятели, являются главным средством для коррумпирования американской политики. «Вначале дают деньги, затем шантажируют, и оказывается, что расчет оправдался»,— говорил Салерно.

«С первых дней республики голоса депутатов покупались,— писали известные американские обозреватели Дрю Пирсон и Джек Андерсон в своей книге «Факты против конгресса».— Например, член конгресса Виктор Уикерсхэм, когда он был избран в 1940 году депутатом от Оклахомы, появился в Вашингтоне со словами: «Я бедный человек». А в 1966 году он сообщил, что его состояние исчисляется уже в 1 579 789 долларов. Уикерсхэм сколотил это богатство в конгрессе и вне его».

Необыкновенную ловкость проявлял также сенатор от Луизианы Рассел Лонг. В Луизиане он активно участвовал в приносящих крупные доходы сделках с нефтью и одновременно в Вашингтоне следил за тем, чтобы оставались в силе выгодные для нефтяных концернов условия отчисления прибылей, которые позволяют даже мультимиллионерам уклоняться от уплаты налогов.

Сенатор Роберт Керр, как и Уикерсхэм из Оклахомы,— исключительно богатый человек,— обычно говорил, что сидит в сенате для того, чтобы защищать собственные финансовые интересы...

У Линдона Б. Джонсона почти не было денег, когда он пришел в политику. Лишь его жена получила в приданое небольшую сумму, на которую они купили радиостанцию в Остине, в штате Техас. И тогда Линдон Джонсон, используя эту радиостанцию, развернул политическую деятельность. Он стал членом конгресса, затем лидером демократов в сенате, потом вице-президентом, а после убийства Дж. Кеннеди в Далласе — президентом. И когда он холодным январским днем 1969 года вернулся в Техас, оказалось, что он

владеет не только роскошным ранчо на берегу реки Педерналес, но и 30 миллионами долларов.

Гарри С. Трумэн, до того как он посвятил себя государственным делам и в конце концов отдал приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, безуспешно пытался добиться успеха в неполитической сфере. Нефтяная концессия, на которой он надеялся сколотить состояние, ничего ему не дала. Магазин по продаже галстуков, открытый им на 12-й улице в Канзас-Сити, после двух неудачных лет был продан с молотка за 25 тысяч долларов. И только в 35 лет Трумэн подался в политику. В то время политической жизнью в Канзас-Сити заправлял некий Том Пендергаст, настоящий король города. Он-то и позаботился о неудачливом до тех пор новичке в политике Гарри Трумэне. Пендергаст «назначил» Трумэна судьей, и с этого началась его политическая карьера.

Поскольку Трумэн вел дела в угоду своему покровителю, он вскоре получил шанс стать депутатом парламента в Вашингтоне, а затем вице-президентом. При этом он никогда не забывал своего благодетеля.

Таковы весомые факты, собранные и обнародованные западногерманским публицистом Рольфом Винтером. Как же тут не вспомнить мудрые народные пословицы: «Когда деньги говорят, тогда правда молчит», «И правда тонет, когда золото всплывает». «Тот прав, за кого денежки молятся»?

И если говорить о подлинной сути политической борьбы, которая в капиталистических странах находит свое отражение и в шумных кампаниях по выборам президентов, парламентов и даже муниципальных органов, то она всегда и везде одна и та же: это классовая борьба, в ходе которой авангард трудящихся противостоит пестрому конгломерату партий, отстаивающих интересы капиталистической системы.

Там, где авангард трудящихся, обретя в длительной, многолетней борьбе необходимый опыт и опираясь на поддержку широких масс, уже завоевал прочные позиции в политической жизни, ему удается оказывать всевозрастающее влияние, хотя он и не располагает такими огромными финансовыми средствами, как его противники. Чем сильнее становятся эти позиции, тем больше шансов у него на конечный успех.

Но, к сожалению, пока еще таких примеров не так много, и в наиболее мощных капиталистических государствах, в частности в США, ФРГ, Англии, подлинная суть кампаний по выборам заслоняется создающим видимость борьбы соперничеством буржуазных партий — чаще всего двух, которые, сменяя друг друга, поочередно решают все ту же задачу: сохранение и упрочение режима эксплуатации человека человеком.

О, конечно же, в ходе подготовки к выборам они всячески подчеркивают несогласие между собой, обливая друг друга помоями, обвиняя своих конкурентов во всех смертных грехах и суля избирателям золотые горы благополучия в случае своей победы. Как правило, кандидаты от соперничающих партий наперебой обещают народу упрочение мира и материальное процветание, сокращение военных бюджетов и разоружение, ликвидацию безработицы и снижение цен — все, что угодно, лишь бы поймать на крючок избирателя.

Но выборы приходят и проходят, и, независимо от того, какая из соперничающих партий придет к власти на очередной срок, все остается по-прежнему. И как часто мне приходилось слышать от весьма видных политических деятелей Запада: «Ради бога, не принимайте всерьез то, что мы говорим на митингах избирателей! Все это имеет чисто внутреннее значение. Серьезный разговор в международном плане станет возможным только после выборов».

Да, подлинной властью в мире капитала была и остается власть денег. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. И «музыка» буржуазной демократии всегда звучит в точном соответствии с заказами тех, кто платит, идет ли речь о деятельности буржуазных партий, существующих на средства, предоставляемые монополиями, или о позициях деятелей, занявших высокие государственные и парламентские посты, благодаря мощной поддержке своих богатейших покровителей.

Долг платежом красен! Эту истину хорошо усвоили господа капиталисты, не жалеющие денег на подкуп тех, кому они помогают занять руководящие посты в своих странах.

### «Афера Флика»

В первой половине восьмидесятых годов всю мировую печать обошли поступившие из ФРГ сенсационные сообщения о так называемой «афере Флика». Это история о том, как военно-промышленный концерн Флика на протяжении ряда лет подкупал видных политических деятелей, министров, чиновников, от которых зависело распределение заказов на вооружение.

В свое время этот концерн, принадлежавший отцу нынешнего руководителя, вооружал вермахт Гитлера. Теперь он поставляет военную технику бундесверу ФРГ. И вот ради того, чтобы получать возможность залезать поглубже в карман государства и, более того, диктовать правительству такие экономические и политические решения, которые были бы ему выгодны, он не жалеет многих миллионов марок на взятки, именующиеся более респектабельным словом «субсидии».

Эта крупнейшая политическая афера, как писала западногерманская газета «Зюддойче цайтунг», началась пасмурным осенним утром в среду, 4 ноября 1981 года, когда в дюссельдорфской штаб-квартире Флика появились сотрудники боннской прокуратуры и чиновники налогового управления из пригорода Бонна Санкт-Аугустин. Они заявили, что им необходимо немедленно побеседовать с главным бухгалтером концерна Рудольфом Дилем: на него пало подозрение в уклонении от уплаты налогов. Следователи предъявили ордер на обыск и принялись за работу.

И тут вскрылось нечто неожиданное: струхнувший главный бухгалтер вдруг извлек из своего письменного стола черную папку, в которой лежали два белых конверта. В конвертах находились две пары ключей от сейфов, которые находились в отделении «Дрезднер банк» на Норд-штрассе. Когда следователи вместе с главным бухгалтером концерна открыли сейфы, то они были ошарашены. «Это было похоже на гробницу фараона»,— вспоминал позднее один из них.

Оказывается, главный бухгалтер концерна, который уже 20 лет служил в «доме Флика», добросовестно отражал в записях всю тайную практику «пожертвований» концерна. В тщательно составленные списки

партий и отдельных политиков, которым раздавали крупные суммы денег, входили многие представители высших эшелонов власти. И каждый раз Диль старательно записывал сумму и имя получателя.

«Случайная находка» взволновала следователей, которые намеревались всего лишь проверить деятельность бухгалтера. Через две недели, изучив найденный материал, они вновь вернулись в «дом Флика».

На этот раз следователи произвели обыск в бюро управляющего концерном Эберхарда фон Браухича. Вначале этот господин, входивший в узкий круг наиболее высокопоставленных промышленников ФРГ, реагировал чрезвычайно резко и угрожал им расправой. Но было уже поздно: находки в бюро шефа оказались такими же «богатыми», как и содержимое банковских сейфов: «секретные копии», которые дюссельдорфский наместник шефа концерна Фридриха Карла Флика хранил у себя, в сочетании со списками Диля привели следователей к выводу: через своих руководящих сотрудников самый богатый в ФРГ концерн подкупал важнейших политиков!

Из записей Эберхарда фон Браухича прокурору Мартину Деттманну удалось в начале 1982 года выудить поразительную историю, а именно: в течение шести лет концерн Флика с помощью «субсидированных» им деятелей уклонялся от уплаты налогов на миллиардные сделки.

Вскрытая следователями прокуратуры афера нарастала как снежный ком. Обыски, произведенные в 59 квартирах деятелей концерна и тех, кого они «субсидировали», а также допрос 191 свидетеля дали поразительные результаты. Материалы следствия, собранные в 21 томе и 36 дополнительных папках, изобличали во взяточничестве самых видных руководителей администрации ФРГ.

Журнал «Шпигель», основываясь на данных следствия, писал:

«Если дела пойдут так, как хотела бы их вести боннская прокуратура, то в 1984 году в большом зале суда присяжных в боннском окружном суде соберется не меньше видных политических деятелей, чем на любом официальном приеме в Годесбергском танцевальном зале.

На скамью подсудимых должны сесть два бывших руководителя концерна Флика и три руководящих политических деятеля

Свободной демократической партии — одни за то, что давали взятки, другие же за то, что их брали.

Обвинение выдвинуто против:

— министра хозяйства ФРГ Отто Ламбсдорфа, который, будучи министром, как утверждают, четыре раза получал деньги от Флика — в общей сложности 135 тысяч марок;

— председателя правления банка «Дрезднер банк» и бывшего министра хозяйства Ганса Фридерихса, который обвиняется в том, что с декабря 1975 года по май 1977 года он получил в общей сложности 375 тысяч марок;

— бывшего министра хозяйства и транспорта земли Северный Рейна-Вестфалия Хорста Людвига Римера, которому фирма Флика 9 раз тайком передавала деньги — всего около 145 тысяч марок;

— бывшего генерального директора концерна Флика Эберхарда фон Браухича, который за несколько лет передал министрам Фридерихсу, Ламбсдорфу и Римеру деньги наличными на сумму, выражавшуюся в пяти- и шестизначных цифрах, и

— предпринимателя Манфреда Немица, ныне председателя фирмы «Проектирунг хемише ферфаренстехник» (ПХФ), щедро снабжавшего деньгами члена Свободной демократической партии министра Римера и получившего за это, как утверждается, миллионные субсидии из программ земли Северный Рейн-Вестфалия по обеспечению энергоснабжения.

Список свидетелей, которых главный прокурор Бонна Ойленкамп перечисляет в своем обвинении, напоминает западногерманский политический справочник «Кто есть кто». Наряду с министром иностранных дел Гансом-Дитрихом Геншером, бывшим президентом ФРГ Вальтером Шеелем, премьер-министром Баварии Францем-Йозефом Штраусом и боннскими депутатами Альфредом Дреггером (ХДС), Хорстом Эмке (СДПГ) и Вольфгангом Мишником (СвДП) в нем под номером 25 в качестве свидетеля назван и федеральный канцлер Гельмут Коль.

Согласно обвинению, 17 сентября 1976 года фон Браухич получил от бухгалтера Диля 90 тысяч марок — 60 тысяч марок для обвиняемого Фридерихса и 30 тысяч марок для лидера христианско-демократической партии, нынешнего канцлера ФРГ Коля. Год спустя, когда Ламбсдорф уже стал министром хозяйства, фон Браухич вновь взял деньги у Диля — на этот раз 60 тысяч марок. Половина этой суммы была предназначена для Коля, половина — для Ламбсдорфа.

Во время допроса в прокуратуре 5 июля 1982 года председатель ХДС признал факт получения денег от Флика.

Через два с половиной месяца после этого допроса, за 9 дней до своего избрания на пост федерального канцлера председатель ХДС уточнил свои показания. В письме в прокуратуру он указал три суммы, полученные им наличными в 1977, 1979 и 1980 годах в размере в общей сложности 155 тысяч марок».

Судебное разбирательство этого скандального дела наконец началось. В этой связи западногерманская газета «Генераль-анцайгер» писала: «Впервые в истории ФРГ бывшие федеральные министры попадают

на скамью подсудимых по обвинению во взяточничестве». Но газета «Бильд» скептически добавляла, что процесс продлится по меньшей мере до конца 1985 года. Можно не сомневаться, что и это скандальное дело, как и многие другие, будет постепенно спущено на тормозах.

А пока суд да дело, западногерманские властители принесли в жертву одного из участников аферы — председателя бундестага Р. Барцеля, стремясь тем самым успокоить взволнованное разоблачениями общественное мнение. Дело в том, что Барцель в период с 1973 по 1979 год получил от концерна Флика взятки в общей сумме около 1 700 000 марок.

И вот 25 октября 1984 года изобличенный в этом Барцель по настоянию канцлера Коля ушел в отставку. Но это не успокоило общественное мнение ФРГ. Как писал 31 октября 1984 года западногерманский журнал «Штерн», уход Барцеля не решил проблемы. Переплетение политики и экономической власти, символом которого стало имя Флика, остается на повестке дня. 7 ноября канцлеру Колю пришлось объяснять следственной комиссии бундестага, что подразумевается под пометками «для Коля» в перечне пожертвований, составленном главным бухгалтером концерна Флика Дилем. Коль признал, что дважды или трижды он получал от управляющих Флика наличные деньги, «но отнюдь не для себя, а для партии», как он заявил, пытаясь оправдаться. В общей сложности под пометкой «для Коля» Диль записал «неофициальные платежи» из черной кассы концерна на сумму 665 тысяч марок.

Чтобы устранить брошенную на парламент тень, сами парламентские деятели стали требовать ясности. Все больше депутатов хотят знать, кто и кого оплачивает в парламенте и кто на кого оказывает в нем влияние. «Лоббизм» в бундестаге и в правительстве стал постоянным явлением, проявляясь то открыто, то тайно. Социологи подсчитали, что 69 процентов всех депутатов являются представителями определенных «заинтересованных групп».

«Афера Флика сохраняет свою взрывоопасность»,— писала 19 ноября 1984 года издающаяся в Париже американская газета «Интернэшнл геральд трибюн».

**А что творится в Вашингтоне?**

Не менее поразительные картины морального падения буржуазных деятелей мы наблюдаем в последние годы в Вашингтоне. Когда на пост президента там был избран ставленник военно-промышленного комплекса Р. Рейган, он привел с собой в столицу Соединенных Штатов многих своих калифорнийских друзей, которые зачастую очень плохо разбирались в государственных делах, но зато отличились в ходе избирательной кампании, помогая Р. Рейгану в его борьбе против Картера.

Эти деятели обосновались в Белом доме, заняли руководящие посты во всех министерствах. («Трудно припомнить другого президента, который назначил бы столько друзей на ключевые посты»,— заметил по этому поводу политический обозреватель «Нью-Йорк таймс» Дж. Рестон.) И вот мало того, что люди эти во многих случаях проявляли некомпетентность в делах, которые были им поручены,— многие из них поспешили заняться, как выразилась 2 октября 1984 года корреспондентка телевизионной компании Си-би-эс С. Спенсер, «сомнительными махинациями», а точнее говоря, начали использовать свое служебное положение для личного обогащения.

По словам той же С. Спенсер, в этом были уличены сорок (сорок!) высокопоставленных лиц [1]. Их действия приобрели настолько скандальный характер, что десяти из них пришлось поспешно уйти в отставку от греха подальше.

Внимательные читатели, следившие за развитием событий в Вашингтоне, происходивших после того, как Р. Рейган поселился в Белом доме, вероятно, обратили внимание на то, как часто менялись там помощники президента по национальной безопасности, хотя этот пост является одним из самых важных в вашингтонской иерархии.

---

[1] Газета «Нэшнл джорнэл» опубликовала полный список этих сорока высокопоставленных лиц из рейгановской администрации, замешанных в грязных делах. Но и это, видимо, еще не все. Сенатор-демократ Гэри Харт, участвовавший в предвыборной борьбе, опубликовал список 55 деятелей нынешней администрации США с основательно подмоченной репутацией.

Первым при Рейгане этот пост занял Ричард Аллен. Однако вскоре он попался на взятке в тысячу долларов — ее он получил от японских корреспондентов за помощь в организации интервью с женой президента. Его заменил другой близкий президенту человек — Кларк, но и тому вскоре пришлось уйти, будучи скомпрометированным. Потом этот пост занял бывший офицер морской пехоты Макфарлейн...

Нашумела в Вашингтоне скандальная история ответственного сотрудника Белого дома по вопросам национальной безопасности Т. Рида. Как деликатно выразился 2 апреля 1984 года журнал «Ньюсуик», он, «располагая акциями на сумму всего 3125 долларов, увеличил эту сумму до 427 000 долларов, незаконно пользуясь информацией осведомленного человека». Пришлось и ему уйти в отставку.

Вынуждены были покинуть свои посты после того, как выяснились их неблаговидные махинации, заместитель министра обороны Поль Тейер, видный деятель ЦРУ Макс Хьюджел (там же, стр. 10—11), занимавший «пост номер два» в министерстве торговли Гай Фиск. А вот самому министру торговли М. Болдриджу, обвиненному в том, что он получил от частных корпораций свыше миллиона долларов, повезло: его могущественные покровители погасили этот скандал.

Повезло и министру внутренних дел Дж. Уотту, который разбазарил большие деньги, принадлежавшие казне, и директору ЦРУ У. Кейси, заработавшему сотни тысяч долларов с помощью махинаций на бирже (там же),— оба они вышли сухими из воды.

Все же в Вашингтоне решили, что для успокоения общественности надо кого-то примерно наказать. В качестве жертвы правосудию была избрана некая Рита Лэвилл, помощник директора Агентства по охране окружающей среды. Как витиевато писал журнал «Ньюсуик», «Лэвилл была осуждена за лжесвидетельство и помехи расследованию конгрессом сокрытия ее роли в принятии агентством крутых мер против ее бывшего нанимателя — «Аэроджет дженерал корпорейшн»; ранее в этом году она была приговорена к шести месяцам тюремного заключения, штрафу в 10 тысяч долларов и пяти годам условного осуждения».

Однако весть о судебной расправе с второстепенной деятельницей администрации отнюдь не успокоила американское общественное мнение, на глазах у которого в Вашингтоне процветала все усиливающаяся коррупция. Как писал в апреле 1984 года тот же журнал «Ньюсуик», все видели, что «за последние три с половиной года десятки высокопоставленных и не очень высокопоставленных рейгановцев нарушили вашингтонские нормы порядочности в момент пребывания в должности (из сказанного выше ясно, что эти «нормы порядочности» не очень велики! — *Ю. Ж.*). Сами республиканцы не отрицают — в частном порядке,— что слишком много (!) людей, назначенных Рейганом, игнорируют этические нормы для федеральных служащих».

Люди все чаще задавали вопрос: что же делает министерство юстиции, призванное стоять на страже законности? На этот пост был назначен близкий друг Рейгана калифорнийский миллионер Уильям Ф. Смит. Однако в конгрессе к нему отнеслись с подозрением. Его кандидатура, как сообщалось в американской прессе, подверглась «тщательному изучению», когда выяснилось, что и этому миллионеру не чужды сомнительные способы обогащения: выяснилось, например, что он «списал крупную сумму налога на предприятие по бурению на нефть и газ», получил от фирмы, в которой был директором, незаконное «выходное пособие» в размере 50 тысяч долларов и т. д.

«Следователи по вопросам правительственной этики» все же сочли возможным заявить, что он годен к прохождению службы. Но сам Смит счел за благо потихоньку уйти и снова заняться бизнесом в Калифорнии. Тогда Р. Рейган предложил конгрессу назначить на пост министра юстиции другого своего друга, Эдвина Миза, приложившего много усилий для его избрания президентом и в награду за это получившего должность советника в Белом доме. Но тут выяснилось, что и у Миза не все в порядке с соблюдением законных норм финансовых операций. Вот что писала по сему поводу газета «Нью-Йорк таймс» 23 марта 1984 года:

«В один из последних дней, когда стало известно, что Эдвин Миз не сообщил о том, что его жена получила беспроцентный

заем в размере 15 тысяч долларов от друга, который позже был назначен на два поста в федеральном правительстве, один старший сотрудник министерства юстиции не мог скрыть своего возмущения. «Вы можете себе представить? — повторял своим коллегам этот обычно сдержанный юрист, жестами выражая свое возмущение.— Куда же дальше?» Этот вопрос очень волнует некоторых должностных лиц, когда они думают о будущем министерства. По мнению некоторых, вопросы, связанные с назначением советника президента Миза на пост министра юстиции, наносят удар десятилетним стараниям укрепить мораль после «Уотергейта».

Назначение Миза задержалось. Был назначен специальный прокурор, которому поручили расследовать финансовые операции этого советника президента. Выяснились, в частности, такие обстоятельства. Жена Миза 7 января 1981 года, всего за две недели до вступления Рейгана на пост президента, действительно получила от некоего Томаса 15.000 долларов и тут же купила на эти деньги акции. Томас проявил такую щедрость не случайно: он знал, что Миз займет важный пост в администрации и не забудет своего благодетеля.

Так оно и получилось: уже 29 февраля 1981 года этот заимодавец был назначен сотрудником советника президента с зарплатой 59.500 долларов — разумеется, за счет казны. Год спустя Томас пошел на повышение: был назначен региональным администратором управления по обслуживанию правительственных учреждений в Калифорнии[1] с зарплатой 69.600 долларов. Не была забыта и жена Томаса: 5 сентября 1982 года она получила правительственную должность в Совете по охране системы заслуг (есть там и такой совет!) в Сан-Франциско с зарплатой 30.402 доллара.

Но не только Томас давал деньги Мизу. Помогали ему улаживать его финансовые дела еще четверо дельцов в расчете на то, что тот, став «большим человеком» в администрации Рейгана, не забудет их щедрот. Джон Маккин в июне и декабре 1981 года одолжил Мизу 60 тысяч долларов и в награду за это получил должность члена Совета управляющих почтовой службы. Томас Бэррак летом 1982 года помог

[1] Следует иметь в виду, что в Калифорнии находится имение Рейгана, в котором он проводит много времени, как в своем «летнем Белом доме». Там же размещаются в это время его сотрудники.

ему найти покупателя на его дом в Калифорнии, израсходовав на оформление сделки собственные 70 тысяч долларов, и получил после этого важную должность в министерстве внутренних дел. Председатель правления небольшого банка в Сан-Диего Гордон Люс и бывший старший вице-президент этого банка Эдвин Грей позволили Мизу просрочить на 15 месяцев погашение кредитов по закладной на сумму более 400 тысяч долларов. В награду за это Люс в сентябре 1984 года получил должность непостоянного представителя при ООН, а Грей в мае 1983 года стал председателем правления Федерального банка кредитования жилья.

Тем не менее специальный прокурор Стейн, представивший в итоге расследования обширный доклад на 200 страницах, не нашел во всех этих и многих других делишках состава преступления, и президент Р. Рейган 20 сентября 1984 года выступил с таким заявлением:

— Всегда приятно, когда доказана (?) честность добропорядочного человека, и именно это обеспечено докладом специального прокурора, который занимался делом Эда Миза. Это особенно радостный для меня момент, поскольку я знаю Эда Миза и работаю с ним уже многие годы... В случае переизбрания я намерен вновь передать его назначение на утверждение в конгресс, как только конгресс возобновит работу в январе. Я уверен, что сенат утвердит его назначение, и я знаю, что Эдвин Миз будет по-настоящему достойным министром юстиции...[1].

Но не успели руководители администрации приглушить этот скандал, как тут же — уже в самый канун президентских выборов 1984 года — вспыхнул новый, еще более грандиозный: в Нью-Йорке началось слушание судебного дела министра труда Рея Донована,

---

[1] В конце февраля 1985 года сенат наконец большинством 63 голосов против 31 проголосовал за утверждение кандидатуры Миза на пост министра юстиции, закрыв глаза на все его неблаговидные финансовые махинации. Как сообщил в тот день ведущий телевизионной программы Си-би-эс Р. Шиффер, во время слушаний в сенате по этому вопросу: «Миз дал понять, что его симпатии будут на стороне прокуроров и деятелей, занимающих консервативные позиции по правовым вопросам».

обвинявшегося в мошенничестве, воровстве и связях с мафией.

24 сентября 1984 года Донован был вызван на допрос в суд нью-йоркского района Бронкс. В течение четырех часов министр был вынужден давать показания большому жюри, расследовавшему дело «о неправомерной передаче восьми миллионов долларов» фирмой «Шиавон констракшн» (ее вице-президентом был Донован до вхождения в правительство) фирме «Джопел», одним из совладельцев которой был гангстер Уильям Маселли, отбывавший в это время тюремное заключение.

Доновану и фирме, совладельцем которой он является и сейчас, был предъявлен обвинительный акт из 137 пунктов — одно обвинение в крупной краже, одиннадцать обвинений в представлении властям фальшивых документов о доходах и сто двадцать пять обвинений в составлении фальшивых отчетов о выполняемых фирмой подрядах.

Сведения о том, что Донован замешан в этих грязных делах, доходили до Вашингтона и ранее. Уже давно «некоторые высокопоставленные советники президента», как об этом напомнила 3 октября 1984 года газета «Нью-Йорк таймс», «выражали политические опасения по поводу Донована». Однако тогда, по словам этой газеты, Донована «лояльно поддержали консервативные помощники» президента, напомнившие, что он в начале предвыборной кампании Рейгана в 1980 году «был практически единственным представителем деловых кругов Северо-Востока, который поддерживал его», а такие заслуги не забываются.

Но теперь прилежный районный прокурор Бронкса Марио Мирола, упорно продолжавший расследование, изучив подслушанные и записанные Федеральным бюро расследований на магнитную пленку телефонные разговоры гангстера Маселли, начиная с 1979 года, установил, что есть все основания для обвинения Донована.

Весть о том, что министру труда предъявлено обвинение в уголовных преступлениях и связях с преступным миром, вызвала в США эффект разорвавшейся бомбы. Оно и понятно: как заявил профессор американской истории Йэльского университета Джон

Блюм, «в истории США до сих пор не было случая, чтобы члену кабинета министров был предъявлен обвинительный акт».

22 октября 1984 года ведущий телевизионной передачи компании Си-би-эс Д. Разер объявил: «Донован стал первым в истории страны членом кабинета министров, который обвинен в совершении уголовного преступления. У него уже сняты отпечатки пальцев».

Сообщая подробности этого скандального дела, корреспондент той же телевизионной компании Р. Брейбер передал из Нью-Йорка: «Донован и руководящие деятели строительной компании «Шиавон констракшн» обвиняются в присвоении государственных денег при сооружении линии метро. Донован утверждает, что выдвигавшиеся против него обвинения уже изучались в 1982 году специальным прокурором Л. Сильверманом, который не нашел в его действиях состава преступления. Однако, как заявил Си-би-эс Сильверман, он рассматривал это дело с точки зрения нарушений федерального законодательства, а не законов отдельных штатов». По словам этого корреспондента, «если Донован будет признан виновным по всем 137 пунктам обвинения, он может быть приговорен к 551 (!) году тюремного заключения».

В этих условиях Донован счел за благо скрыться на время в тени, пока шумиха уляжется. В тот же день, 2 октября 1984 года, газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что «Донован, проконсультировавшись со своими адвокатами, принял решение уйти в отпуск». По сему поводу одно, как всегда анонимное, «должностное лицо», беседуя с корреспондентом этой газеты, «выразило уверенность в том, что если бы Донован не принял такого решения сам, то все равно его заставили бы это сделать».

Правда, в официальных заявлениях по сему поводу были использованы более мягкие формулировки. Представитель Белого дома Л. Спикс счел нужным похвалить Донована за «быстрое принятие такого решения». «Донован поступил правильно,— сказал этот представитель.— Он сошел со сцены и сделал это быстро. Вопрос решается в суде, там он и останется. Донован будет находиться в отпуске, пока вопрос будет решен так или иначе».

Но «отсидеться в тени» Доновану не удалось. 16 марта 1985 года его имя снова замелькало в заголовках статей американских газет. Возвращаясь к скандальной истории этого министра, средства массовой информации сообщили, что верховный судья штата Нью-Йорк Дж. Коллинз отказался снять с него обвинения в воровстве и мошенничестве. Вскоре после того, как это постановление было оглашено в суде штата Нью-Йорк, Донован был вынужден объявить о своей отставке.

Президент Р. Рейган попытался, как говорится, сделать хорошую мину при плохой игре: была спешно организована «прощальная церемония», на которой он заявил, что он «по-прежнему верит своему другу». Адвокат Донована выразил надежду, что «жюри присяжных, изучив все материалы, оправдает его клиента».

Однако нью-йоркский прокурор М. Мирола заявил, что в его распоряжении имеются неопровержимые доказательства того, что фирма Донована, действуя совместно с мафией, присвоила 7,4 миллиона долларов, производя выплаты фиктивным субподрядчикам.

Теперь друзья и покровители Донована, как всегда в таких случаях, прилагают усилия к тому, чтобы как можно дольше затянуть ведение судебного дела и, если удастся, свести его на нет.

**Что такое «лоббизм»?**

Есть в американском политическом жаргоне такое словечко: «лоббизм». Происходит оно от слова «лобби», что значит кулуары, коридоры, помещения, в которых депутаты конгресса встречаются со своими гостями. Лоббизмом именуется деятельность узаконенных в США представительств частных, общественных и даже государственных организаций в Вашингтоне и главных городах штатов, которые созданы в целях воздействия на органы законодательной и исполнительной власти.

Деятельность лоббистов формально регулируется соответствующим законом. Однако на практике они оказывают самое циничное и ничем не прикрытое дав-

ление и на конгресс, и на правительственные органы, пуская в ход любые приемы, вплоть до прямого подкупа, ради соблюдения интересов тех, кто их содержит и кто представляет в их распоряжение поистине неограниченные средства.

Характерно, что своих лоббистов имеют в конгрессе не только американские, но и иностранные фирмы и даже государства. Вот что писала о деятельности этого удивительного аппарата, являющегося неотъемлемой частью американской политической системы, газета «Крисчен сайенс монитор» еще 19 мая 1977 года:

«Деятельность лоббистов, отстаивающих интересы самых различных групп, как внутренних, так и внешних, стала обычным явлением в Вашингтоне... Как следует из серии статей, опубликованных в «Конгрешнл куотерли», свыше 600 агентов иностранных правительств или каких-либо иностранных групп уже зарегистрированы в министерстве юстиции, а многие освобождены от необходимости регистрации существующими предписаниями. И это число все возрастает. Практически все крупнейшие страны мира и целый ряд небольших стран уже имеют своих лоббистов.

Это отнюдь не тайные агенты в духе Джеймса Бонда. Многие лоббисты, отстаивающие интересы других стран,— это американцы, в том числе хорошо известные адвокаты, консультанты по связи с общественностью, специалисты по опросу общественного мнения или бывшие конгрессмены — одним словом, люди, хорошо знакомые с подноготной всей деятельности в Вашингтоне и на Капитолийском холме. Они могут оказывать весьма существенное влияние, добиваясь принятия или, наоборот, непринятия тех или иных американских законопроектов. Они на законной основе проводят весьма интенсивные, часто закулисные кампании против, скажем, принятия Соединенными Штатами Америки протекционистских мер в области торговли. Их деятельность хорошо оплачивается. Помимо подобных лоббистов, представляющих интересы зарубежных стран, лицензии на деятельность такого рода, разумеется, имеют и внутренние лоббисты, а также различные общественные группы, оказывающие нажим или сильное влияние на характер законодательства, принимаемого в той или иной конкретной области».

Более чем сомнительная деятельность лоббистов в «коридорах власти» влечет за собой все возрастающую коррупцию. Как подсчитала группа юристов, которой было поручено расследовать положение дел в государственном аппарате Соединенных Штатов, американские должностные лица ежегодно берут взятки на сумму 20—30 миллиардов (!) долларов. Взятки берут все: и люди, состоящие на государственной службе, и конгрессмены, одной из задач которых дол-

жен был бы быть контроль над этими людьми. И все это сходит с рук!

Один из лоббистов — Роберт Уинтер-Берджер написал книгу, в которой он с циничной откровенностью поведал, как его коллеги подкупают конгрессменов. В этой книге он привел слова бывшего президента США Джеральда Форда, сказанные ему: «Деньги здесь решают все, без денег ты ничто». А бывший спикер палаты представителей Джон Маккормак в беседе с Уинтером-Берджером высказался еще откровеннее: «Придешь с пустыми руками — ничего не получишь». И лоббисты идут в конгресс не с пустыми руками...

Следует ли после всего этого удивляться тому, что в американском конгрессе то и дело вспыхивают скандалы, свидетельствующие о моральном разложении некоторых законодателей, столь любящих произносить речи о свободе, о правах человека, о борьбе за справедливость и демократию?

В декабре 1975 года в Вашингтоне наделала много шума история о лихих похождениях занимавшего ответственный пост председателя бюджетной комиссии палаты представителей конгрессмена от штата Арканзас Уилбора Миллса. Он в пьяном виде вдруг появился на сцене порнографического «театра» в компании своей любовницы — исполнительницы стриптиза Аннабель Батистеллы (по кличке «Аргентинская хлопушка»). Вскоре он в той же компании был задержан полицией в пьяном виде во время дебоша в Вашингтоне. Ему пришлось публично сделать такое многозначительное заявление: «После самокритичного анализа своего поведения я понимаю, что у меня весьма дурная привычка — пристрастие к спиртным напиткам, причем не как у человека, который ежедневно потребляет спиртные напитки, а как у человека, который периодически страдает тяжелыми запоями».

Прошло несколько месяцев, и в Вашингтоне разразился новый скандал: конгрессмен Уэйн Хейс от штата Огайо, председатель административной комиссии палаты представителей, который должен был строго следить за порядками в конгрессе, был изобличен в том, что он зачислил в штат сотрудников конгресса свою любовницу Элизабет Гей, положив ей «за

интимные услуги» зарплату за казенный счет 14 тысяч долларов в год. Эта девица весьма легкого поведения оказалась ловкой, падкой до рекламы и тут же сообщила журналистам, за что ей платят деньги. Она добавила, что может уличить в таких же грешках 10—15 других конгрессменов и что у нее есть несколько магнитофонных записей, подтверждающих, что «на Капитолийском холме любовные связи играют большую роль при найме на работу». Элизабет Гей даже опубликовала книгу «Побочные привилегии в Вашингтоне»...

А ведь Уэйн Хейс, как и Уилбер Миллс, был отнюдь не случайным человеком в конгрессе! Он 14 раз переизбирался и был членом палаты представителей на протяжении 28 лет. Больше того, он являлся председателем комиссии Демократической партии по проведению предвыборной кампании.

«Несмотря на его личное высокомерие, склонность к кумовству и злоупотреблению властью, ничто не могло свалить его»,— заметил в своей статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс», Джеймс Рестон. Выражая свое удовлетворение, что теперь наконец-то из-за скандала Хейс уходит, Рестон заявил: «Было бы преувеличением утверждать, что деньги, пьянство и секс играют доминирующую роль в политической жизни этого города, но вряд ли события, происходящие здесь в последнее время, можно как-то объяснить, не принимая все это во внимание».

Дальше — больше.

Суд в городе Солт-Лейк-Сити штата Юта признал третьего конгрессмена, Аллана Хау, виновным в «склонении к сожительству» двух женщин и приговорил его к 30 суткам тюрьмы и денежному штрафу [1].

Четвертый и пятый члены палаты представителей — республиканец Д. Крейн (штат Иллинойс) и демократ Дж. Стаддс (штат Массачусетс) были уличены в «аморальных связях с двумя несовершеннолетними сотрудниками» конгресса. С прискорбием изве-

---

[1] Любопытная деталь: Аллан Хау незадолго до этого яростно критиковал аморальное поведение Хейса, заявляя, что «как служебная, так и неслужебная деятельность выборного лица должна быть безукоризненной», и при этом подчеркивал, что «поведение Хейса непоказательно для конгресса».

щая об этом общественность, американское телевидение передавало 15 июля 1983 года:

— Комиссия палаты представителей по вопросам правил официального поведения большинством 11 голосов против одного рекомендовала выразить им порицание. «К огорчению палаты представителей,— сказал комментатор,— этот скандал еще далек от завершения. Палате предстоит в полном составе проголосовать за утверждение вынесенной комиссией рекомендации о порицании. Кроме того, до сих пор не закончено следствие по делу о торговле и употреблении конгрессменами наркотиков...

Шестой член палаты представителей, Хэнсен, был уличен властями в том, что он давал ложные сведения финансовым органам о своих доходах, а это, по американским понятиям, куда более тяжкое преступление, нежели, к примеру, растление несовершеннолетних курьеров конгресса, в чем были уличены конгрессмены Крейн и Стаддс. Поэтому федеральный судья приговорил Хэнсена к нескольким месяцам тюремного заключения и штрафу в 40.000 долларов.

И что же?

Как сообщило 20 июня 1984 года американское телевидение, комиссия палаты представителей по вопросам правил официального поведения решила не давать в обиду провинившегося конгрессмена, отвела приговор судьи и ограничилась вынесением ему «порицания». Она отказалась даже последовать рекомендации своего специального советника, который предлагал наложить на Хэнсена штраф в десять тысяч долларов...

Газета «Вашингтон пост» еще в 1976 году опубликовала серию статей «Кумовство на Капитолийском холме», в которых были разоблачены многие подобные этому некрасивые делишки целого ряда сенаторов и членов палаты представителей, причем в примечании к одной из этих статей была сделана многозначительная оговорка: «В драме правительства большинство конгрессменов, упомянутых в наших статьях, предстали в роли злодеев. Мы считаем необходимым, пользуясь случаем, напомнить нашим читателям, что такие проходимцы (!) привлекают больше внимания, чем порядочные законодатели».

Читая это примечание, я невольно вспомнил предпринятую известным обозревателем газеты «Крисчен сайенс монитор» Джозефом Харшем еще за полгода до этого попытку приглушить резонанс, вызванный в в США и во всем мире сообщениями о ширящемся разложении политических нравов в американском конгрессе. Харш пытался утешить американцев ссылками на то, что в XIX веке дела обстояли еще хуже.

— Пребывание на выборном посту,— писал он,— слишком редко считалось привилегией и слишком часто занятием для негодяев и подлецов. Эта система дошла до самой низкой точки при правительстве президента Гранта. Это было время, когда магнаты Уолл-стрита без зазрения совести покупали и продавали целиком (!) парламенты и кабинеты [министров]. В политической жизни царила коррупция. Те, кто должен был служить своей стране, в действительности использовали это для извлечения личных выгод. Оглядываясь на эти печальные дни, понимаешь, что постепенно и медленно уровень политической жизни в Соединенных Штатах повышается. В общем и целом (!) в конгрессе в Вашингтоне находятся честные люди. Большинство (!) из них не берет взяток.

Но эти робкие и не очень уверенные попытки обелить систему, при которой лоббистам предоставляется полная свобода подкупа конгрессменов, ведущего к их растлению, вряд ли кого-нибудь могли успокоить, и не случайно в ходе президентских выборов в США в 1976 году вопрос об аморальных действиях в Вашингтоне играл столь важную роль. И тем не менее вряд ли кто-нибудь там поручился бы, что подобные грязные аферы не повторятся. Деньги приводят нужных капитализму людей к власти. И деньги же их разлагают.

### Как южно-корейская разведка подкупала американских парламентариев

Во второй половине семидесятых годов вскрылась еще одна, поистине невероятная афера: оказалось, что иные деятели, занимающие высокопоставленные посты в Соединенных Штатах и любящие рекламировать американскую политическую систему как непревзойденный образец демократии, не гнушаются «субсидиями», поступающими даже из-за рубежа. И откуда бы вы думали? Представляете себе, из Южной Кореи!

15 октября 1976 года газета «Вашингтон пост» опубликовала статью, которая в американской столице произвела эффект разорвавшейся бомбы. Вот что было в ней сказано:

«ФБР и федеральное большое жюри в Вашингтоне расследуют утверждения, что находящийся в Вашингтоне южнокорейский предприниматель Пак Тон Сун [1] и южнокорейские агенты раздали наличные деньги и подарки больше чем двадцати членам американского конгресса с целью создать законодательный климат в Вашингтоне для южнокорейского правительства Пак Чжон Хи... Представитель правительства, весьма осведомленный об этом расследовании, сообщил, что оно связано с чрезвычайно широкими утверждениями о коррупции в конгрессе.

По словам другого хорошо осведомленного лица, расследование затронуло членов палаты представителей Джозефа Адабо (демократ от штата Нью-Йорк), Роберта Легита (демократ от штата Калифорния), Отто Пэсмана (демократ от штата Луизиана) и бывших членов палаты представителей Корнелиуса Галлахера (демократ от штата Нью-Джерси) и Ричарда Ханна (демократ от штата Калифорния).

Следователи изучают утверждения, что эти пять конгрессменов и еще семнадцать других нынешних и бывших конгрессменов — как демократов, так и республиканцев — получали большие суммы наличными деньгами или дорогие подарки (мебель, драгоценности, оплаченный отдых, билеты на самолеты) от Пак Тон Суна и других лиц, действовавших по поручению правительства Южной Кореи.

Следователи должны были установить, что деньги и подарки, которые якобы получили конгрессмены, связаны с их незаконны-

---

[1] В действительности, как это было вскоре установлено, Пак Тон Сун являлся агентом сеульской разведки. 4 июля 1977 года журнал «Тайм» написал о нем следующее: «Бизнесмен Пак был хитрым и влиятельным ставленником южнокорейского режима в Вашингтоне. Примерно 20 членов конгресса США считают его богатым и щедрым приятелем — во время предвыборной кампании он потратил на них тысячи долларов. Когда осенью 1977 года его тесные связи с конгрессменами приобрели скандальную известность, он улизнул от правосудия в Лондон. Федеральным юристам удалось лишь отчасти воссоздать картину двойной игры Пака, хотя копались они в этом деле полтора года. Одним из источников информации стал Ким Хен Ук, который возглавлял Центральное разведывательное управление Южной Кореи с 1963 по 1969 год. Ким признался, что в 1967 году передал Паку 3 миллиона долларов из средств южнокорейского правительства на содержание «джорджтаунского клуба», который Пак основал в 1966 году для «дружеских встреч» с высокопоставленными официальными лицами Соединенных Штатов. Мне остается добавить, что Ким Хен Ук, сбежавший из Южной Кореи в 1973 году, живет теперь в Нью-Джерси. Сеульское правительство охотится за ним.

ми действиями. Расследование осложнялось щекотливым дипломатическим вопросом, откуда поступала важная информация «весьма секретных разведывательных источников»... Сотрудники разведки считают, что эта информация настолько секретна, что они скорее предпочли бы ограничение расследования, чем раскрытие современных методов шпионажа и занимающихся ими лиц».

Как заявила «Вашингтон пост», ссылаясь на информацию, полученную от «хорошо осведомленных лиц», Пак Тон Сун использовал предоставленные в его распоряжение южнокорейским правительством деньги «для того, чтобы устраивать приемы для должностных лиц, вручать им наличные деньги и подарки с целью улучшить «законодательный климат» в Вашингтоне для правительства Южной Кореи. Южнокорейское правительство пыталось сохранить высокий уровень американской военной и экономической помощи режиму Пак Чжон Хи: присутствие 42 тысяч американских солдат, размещенных в настоящее время в Южной Корее, и прекратить здесь (то есть в Вашингтоне.— *Ю. Ж.*) критику методов контроля, применяемых внутри страны режимом Пак Чжон Хи и его южнокорейским Центральным разведывательным управлением».

Следователи узнали, что Пак Тон Сун израсходовал на подкуп американских парламентариев огромные средства. Только за один месяц он подписал чеки для получения «наличных денег» на сумму свыше 900 тысяч долларов. Операция эта, как писала 1 ноября 1977 года газета «Нью-Йорк таймс», носила кодовое название «Белый снег».

Газета «Вашингтон пост» заметила, что этот южнокорейский делец раздавал американским деятелям направо и налево тысячи долларов вовсе не потому, что их ему было некуда девать. Кто-кто, а бизнесмены умеют вести счет денежкам и зря никому денег не дают. Стало быть, американские конгрессмены должны были за эти деньги оказать ему и его стране, где правит фашистская диктатура, какие-то услуги...

Палата представителей проголосовала за резолюцию о проведении расследования: как могло такое случиться?! Некоторые конгрессмены, правда, заколебались. Они сочли, что «результаты расследования могут повлиять на отношение избирателей к кон-

грессу». Все же было решено расследование проводить.

Как это всегда случается с такими «деликатными» делами, расследование повели не спеша. К тому же юристы затеяли процедурный спор о том, кто же, собственно, должен заниматься следствием: сам конгресс или же министерство юстиции? Восемь с лишним месяцев спустя после того, как вспыхнул скандал, «Нью-Йорк таймс», в свою очередь, опубликовала статью, посвященную этому скандалу. Вчитайтесь в нее, и вы увидите, каких высот крючкотворства достигают те, кому хотелось бы утопить расследование в болоте процедуры:

«Министр юстиции Гриффин Белл заверил члена палаты представителей Джона Флинта, председателя комиссии палаты представителей, которая занимается вопросами этики, что министерство юстиции будет сотрудничать с этой комиссией в расследовании скандала с южнокорейским лобби, сообщил сегодня представитель министерства. Но это сотрудничество будет ограничиваться, говорится в осторожно сформулированном заявлении, «рамками наших прокурорских полномочий и ответственности». Другие должностные лица заявили, что, по их мнению, это означает, что министерство не будет делиться информацией и документами, имеющими отношение к слушанию большим жюри показаний по поводу того, что члены конгресса якобы (?) брали у корейцев взятки.

Это обещание представляет собой полный контраст тому обещанию, которое Белл дал ранее члену палаты представителей Дональду Фрейзеру, демократу от штата Миннесота, председателю одной из подкомиссий палаты, которая также расследует утверждения, касающиеся незаконных попыток корейцев оказывать влияние на американскую политику. Комиссии Фрейзера был обещан доступ к свидетелям и материалам, находящимся в ведении министерства и относящимся к теме расследования, проводимого подкомиссией.

Это несоответствие в позициях Белла, очевидно, объясняется различием в позициях этих двух комиссий. Министерство юстиции и комиссия по этике в основном имеют один и тот же мандат, предписывающий им выяснить, кто из членов конгресса брал взятки у корейцев или пользовался от них какими-либо другими незаконными услугами. Министерство юстиции опасается, как бы его делу в суде не был нанесен ущерб, если оно представит доказательства в комиссию по этике, официально именуемую комиссией по вопросам правил официального поведения...

Эти расследования все больше и больше подвергаются критике в основном со стороны новых членов конгресса, утверждающих, что они ведутся слишком медленно, слишком тайно и слишком разобщенно. Министерство юстиции, в частности, неоднократно подвергалось критике (иногда в частном порядке) за отказ

поделиться информацией с комиссиями палаты представителей, Советом управляющих федеральной резервной системы и с комиссией по контролю над операциями с ценными бумагами; все эти органы расследуют различные аспекты корейской кампании».

В довершение ко всему агент южнокорейской разведки Пак Тон Сун, сумевший завлечь в свои сети многих деятелей конгресса, укрылся под крылышком своих хозяев. Как сообщили 8 сентября 1977 года американские газеты, тогдашний президент США Картер «послал по крайней мере одно личное письмо и несколько посланий через американских дипломатов южнокорейскому президенту Пак Чжон Хи с просьбой выдать Соединенным Штатам южнокорейского бизнесмена Пак Тон Суна».

10 сентября 1977 года пять крупных газет, издающихся в Сеуле, опубликовали полный текст обвинительного акта, который американское федеральное большое жюри собралось предъявить Пак Тон Суну, сопроводив его заявлением, что «в правительственных кругах Южной Кореи считают, что обвинительный акт состряпан (!) неубедительно и содержащиеся в нем обвинения не подтверждены конкретными фактами».

Сеульские газеты сообщили также, что южнокорейское правительство «не может арестовать своего гражданина только из-за того, что иностранный суд предъявляет ему обвинительный акт». И только после того, как в Вашингтоне пригрозили, что конгресс США откажется утвердить американские программы помощи Сеулу, южнокорейское правительство милостиво согласилось прислать Пак Тон Суна в Вашингтон для дачи «свидетельских показаний» в конгрессе [1].

Тем временем в Вашингтоне была предпринята попытка изобразить дело так, что вся эта скандальная история лежит на ответственности предыдущей исполнительной и законодательной власти, за которую несет ответственность Республиканская партия, а адми-

---

[1] Как сообщила 5 апреля 1978 года французская газета «Матэн», этот «свидетель», согласившийся прибыть в США только при условии, что сам он не будет посажен на скамью подсудимых, заявил на заседании комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса: взятки брали тридцать конгрессменов, Пак Тон Сун назвал имена этих взяточников.

нистрация Демократической партии полна решимости искоренить коррупцию. 5 сентября 1977 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала сообщение, в котором говорилось:

«Конгрессмены, проводящие расследование, утверждают, что имеют документальное доказательство того, что Генри Киссинджер знал еще в 1972 году, когда был помощником президента Никсона по национальной безопасности, о неблаговидной деятельности корейских лоббистов. Лица, которые повели дальше эти расследования, заявили, что у них имеется аналогичное доказательство, что генерал Александр Хейг, бывший тогда помощником Киссинджера, а позже ставший начальником штата сотрудников Белого дома, также знал о тайных действиях корейцев».

Далее в газетах говорилось, что уже с осени 1976 года «имелись сообщения о том, что высокопоставленные чиновники администрации Никсона знали о корейских планах почти с момента их разработки в 1970 году». Так Мелвин Лэйрд, тогдашний министр обороны, заявил, что ему было известно о южнокорейских лоббистах, которые стремились изменить его решение о выводе от 20 до 60 тысяч американских солдат из Южной Кореи в 1971 году, и он предупредил об этом государственный департамент. Кроме того, бывший чиновник государственного департамента, заведовавший южнокорейским отделом, Дональд Ранард, утверждал, что тогдашний государственный секретарь Уильям Роджерс был уведомлен по крайней мере частично о существовании корейского лобби.

«Нью-Йорк таймс» утверждала, что администрация Никсона закрывала глаза на действия «лоббистов Сеула» потому, что «южнокорейские войска сражались во Вьетнаме по просьбе американцев» (в те годы Сеул по настоянию Вашингтона отправил на убой во Вьетнам целых две дивизии своих солдат!).

Скандал разгорался все больше. Политический обозреватель Стенли Карноу писал в журнале «Ньюсуик»: «Высокопоставленные представители администрации Картера выражают беспокойство, что скандал, в котором замешан Пак Тон Сун, может перерасти в международный кризис разрушительных масштабов». «Если правительство Южной Кореи откажется выдать Пака, конгресс не будет настроен

утвердить ассигнования на помощь Южной Корее,— добавил Карноу.— Но если Пак вернется и даст показания, которые разоблачат участие в этом деле южнокорейского центрального разведывательного агентства, результат будет тот же».

8 сентября 1977 года деликатный вопрос об этом скандале поставил в трудное положение представителя госдепартамента, когда журналисты потребовали от него прямого и ясного ответа: выступят ли США хотя бы с угрозой прекратить помощь Южной Корее, если она не выдаст Пак Тон Суна, участвовавшего в подкупе американских законодателей?

Представитель госдепартамента сказал, что он ничего об этом не слышал. «Я ничего не знаю о подобной угрозе,— заявил он.— По дипломатическим каналам мы ясно заявляем им, что хотим (!) возвращения Пак Тон Суна, но у нас нет с Южной Кореей договора о выдаче [преступников]. Имеются прецеденты с рядом других стран, с которыми также не существует такого договора». Далее он промямлил, что госдепартамент поддерживает по этому вопросу контакты с министерством юстиции и конгрессом.

«Мы будем озабочены, если разбирательство не завершится. Возвращение Пак Тон Суна отвечало бы интересам обеих стран»,— беспомощно лепетал представитель госдепартамента. И, намекая на то, что Пак Тон Суна заполучить, по-видимому, не удастся, он заключил свое выступление так: «Наши отношения с Южной Кореей основываются на ряде факторов, и одним из них являются наши интересы безопасности в этом районе». А раз так, дескать, то лучше опустить концы в воду и забыть об этой неприятной истории, ответственность за которую можно взвалить на предыдущую администрацию.

Расследование этой поистине поразительной истории, как всегда в таких случаях, тянулось очень долго, и в конце концов взяточники из конгресса отделались легким испугом, тем более что было объявлено, что их список... потерян.

Впрочем, даже тогда, когда судебные органы все же доводят дело до конца, и уличенным в преступлениях конгрессменам приходится на некоторое время отправиться в тюрьму, они там не особенно бедству-

ют. Вот что сообщил, к примеру, 8 июля 1983 года своим слушателям корреспондент телевизионной компании Эн-би-си Дж. Полк:

«— Группа бывших конгрессменов и других политических деятелей, осужденных по громкому делу о взяточничестве, начала отбывать тюремное заключение. Однако исправительное заведение с облегченным режимом, куда они явились, скорее напоминает загородный санаторий (!). Там нет традиционных заборов с колючей проволокой, но зато имеются теннисные корты, парки с оленями, пруды с дикими утками, а сами камеры по своей прекрасной обстановке весьма напоминают кабинеты конгресса. Согласно существующим сейчас законам, все они могут выйти на свободу уже через год вместо трех лет, к которым их приговорили...»

И наконец, несколько слов еще об одной, совершенно удивительной для человека, который не очень хорошо осведомлен об американских политических нравах, категории «лоббистов» — речь идет об агентуре мафии, то есть преступного мира. Передо мной известный американский журнал «Пэрэйд»; в нем статья «Тень мафии над нашим правительством». Я цитирую ее:

«По утверждениям федеральных юристов, многие конгрессмены поддерживают тайные связи с заправилами преступного мира, и это вызывает тревогу. Главари мафии финансируют предвыборные кампании политиков и обеспечивают им всевозможную поддержку, что весьма существенно для карьеры конгрессмена. Так возник нечестивый союз между теми, кто устанавливает законы, и теми, кто их нарушает...

Расследование, проведенное Главным счетным управлением США, заявило, что «борьба против организованной преступности пошла на убыль». Федеральные ударные силы по борьбе с преступностью, созданные для координации действий органов, наблюдающих за соблюдением законов, подвергаются ожесточенной критике. Согласно сведениям, полученным в ходе расследования Главным счетным управлением, «действия федеральных властей против организованной преступности осуществляются беспланово, хаотично и без должного руководства».

Предполагалось, что «ударные силы» будут получать 80 процентов информации о деятельности преступников с помощью тайных микрофонов и подслушивания телефонных разговоров. Но вокруг этого вопроса был поднят шум. Кампанию протеста против подобных мер возглавил в 60-х годах член палаты представителей Корнелиус Галлахер (демократ от штата Нью-Джерси) под предлогом «защиты права на неприкосновенность частной жизни».

Вскоре после этого имя Галлахера неожиданно появилось на страницах печати в другой связи. Его голос был записан на пленку при подслушивании телефонных разговоров гангстера из Нью-Джерси Джо Закарелли. Выяснилось, что Галлахер тесно связан с бандой преступников и участвовал в попытках помешать высылке из страны одного из главарей мафии. Таким образом, «крестовый поход» Галлахера «в защиту прав человека» оказался всего-навсего попыткой помочь заправилам мафии...

Головорезы, которые возглавляют банды, все больше сближаются с политическими деятелями, руководящими страной. Политический деятель не считает, что его может скомпрометировать близость с местными мошенниками и махинаторами. Ведь современный гангстер в конце концов вкладывает нечестно полученные барыши в легальный бизнес. Он выдает себя за бизнесмена или профсоюзного лидера и всячески опровергает как необоснованные слухи о связях с преступным миром или называет то, в чем его обвиняют, «грехами молодости». «Я не претендую на то, чтобы меня считали святым»,— с лукавой улыбкой говорит он своим политическим друзьям и заверяет их, что теперь действует в рамках законности. Нередко гангстеры пользуются в своей общине таким же уважением, как руководитель местного совета по делам школ.

Сенатор Барри Голдуотер (республиканец от штата Аризона) не отрицал дружбы с покойным главарем преступного мира Гэсом Гринбаумом, которого прикончили убийцы из соперничающей банды гангстеров. Сенатор присутствовал на похоронах друга. Имя Голдуотера связывали также и с другими гангстерами. Факт остается фактом: бывший кандидат в президенты на дружеской ноге с преступниками и бандитами.

Тут уж, как говорится, ехать дальше некуда. И после всего этого нас уверяют, что в Соединенных Штатах «чистая плюралистическая демократия» достигла таких высот, что ее примеру должен последовать весь мир! Нет, господа, избавьте нас от таких учителей...

**Те, кто действует за кулисами**

Картина неприглядных махинаций, творящихся на Капитолийском холме за широкими спинами рекламируемых в качестве вершителей судеб нации «избранников народа», была бы неполна, если бы я не напомнил еще об одной категории лиц, активно помогающих осуществлять власть денег без всяких полномочий от избирателей.

Я имею в виду поистине всесильных аппаратчиков конгресса — так называемых помощников сенаторов и конгрессменов. Их более чем сомнительная деятельность была довольно обстоятельно описана обозревателем еженедельника «Ньюсуик» Стенли Карноу в статье под выразительным названием «Люди за сценой». Начиналась она так:

«Имена Леона Биллингса, Кеннета Маклина и Бернарда Шапиро известны далеко не в каждом доме в Вашингтоне или где-либо еще. Но эти люди, а также другие, подобные им, входят в число самых влиятельных (!) лиц в столице США, а значит, и во всей стране. Это помощники конгрессменов, которые действуют за сценой на Капитолийском холме, и они, вероятно, имеют большее отношение к составлению американских законов, чем конгрессмены, у которых они работают. В самом деле, как сказал сенатор Роберт Морган из Северной Каролины в один из редких моментов искренности, «этой страной управляет главным образом персонал законодателей...»

Мне случалось не раз посещать огромные служебные корпуса, в которых размещены офисы американских сенаторов и конгрессменов,— там у каждого из них просторные служебные апартаменты: рабочий кабинет, канцелярия, помещение, где трудится помощник, в подчинении у которого, в свою очередь, находится довольно большой аппарат (у ста сенаторов и 435 членов палаты представителей насчитывается в общей сложности 11 тысяч сотрудников).

Там деятели конгресса и проводят большую часть своего рабочего времени в период сессий конгресса — зал заседаний обычно почти пуст. И только тогда, когда подходит минута голосования, во всех кабинетах раздаются оглушительные звонки, законодатели спускаются на лифтах в «мини-метро», как именуют небольшую подземную железную дорогу, связывающую эти служебные корпуса с Капитолием, где находится зал заседаний, и едут на голосование.

Надо сказать, что аппарат, щедро предоставляе-

мый в распоряжение сенаторов и конгрессменов, работает четко и слаженно: он исправно ведет переписку с избирателями, обеспечивает в прессе «паблисити» своим хозяевам, готовит для них необходимые справочные материалы и так далее. Помощники сенаторов и конгрессменов, возглавляющие аппарат, обслуживающий их,— это люди опытные, квалифицированные. Они знают не только то, что говорят и пишут их хозяева, но и то, что они думают. Я не раз убеждался в этом, когда тот или иной сенатор в разгаре беседы вдруг покидал свой кабинет, отправляясь голосовать, и помощник, включаясь на ходу в разговор, продолжал его легко и свободно и зачастую не с меньшей, а с еще большей компетенцией.

Но сейчас речь идет не о том, хорошо ли или плохо работают помощники деятелей конгресса. Речь идет о том, какое влияние они оказывают на принятие решений. И вот на поверку оказывается, что влияние этих «людей за сценой» часто является определяющим, хотя у них нет никаких полномочий от избирателей.

Стенли Карноу, описывая эту механику, процитировал «слишком откровенное (!)», с точки зрения его коллег, заявление того же сенатора Моргана: «Именно помощники дают нам советы, как голосовать, а затем мы голосуем по их рекомендациям». Вот уж действительно откровеннее не скажешь!

Пытаясь если не оправдать, то хотя бы как-то скрасить эту скандальную практику, Карноу пояснил, что, дескать, иначе сенаторы и конгрессмены и не могут поступать ввиду невероятного обилия законов, которые штампует конгресс. «Конгрессмен, который одновременно имеет дело с предложениями, касающимися безопасности автомобиля, отмены регулирования цен на природный газ, федеральных фондов на аборты и пересмотра договора о Панамском канале,— пишет он,— полностью растеряется, если он не будет полагаться на специалистов-советников или на руководителей персонала комиссий».

Но самую важную роль, указывал обозреватель «Ньюсуик», помощники конгрессменов играют в разработке законов, большинство из которых никогда не было бы сформулировано без них. Они организуют слушания в комиссиях по конкретным вопросам,

отбирают свидетелей, готовят вопросы, которые конгрессмены задают им. Они работают с «лоббистами». Они составляют законопроекты на предварительных заседаниях, на которых скорее они, чем их боссы, обсуждают окончательные компромиссные варианты, представляемые в конгрессе на одобрение, и они же пишут доклады, которые должны обосновывать предлагаемый закон. Часто они вступают в сговор со своими коллегами из исполнительных органов власти, поскольку хотят избежать президентского вето. Во многих случаях именно при их содействии отдельные подробности будущего закона становятся известны средствам массовой информации. Это делается для того, чтобы обеспечить поддержку законопроекту.

Некоторые из этих помощников приобретают такое влияние, что их выдвигают на самые важные посты на том уровне, на котором делается политика. Лоуренс Вудворт, много лет проработавший руководителем персонала объединенной комиссии палаты представителей по внутреннему налогообложению, занял важный пост помощника министра финансов. Ричард Мус, ветеран персонала сенатской комиссии по иностранным делам, стал помощником государственного секретаря по африканским делам. Майкл Перчук, бывший главный советник сенатской комиссии по торговле, стал председателем Федеральной торговой комиссии, а Дэвид Аарон, бывший когда-то помощником сенатора Уолтера Мондейла по вопросам законодательства — заместителем помощника председателя Совета национальной безопасности.

Многие из этих «закулисных законодателей» обладают громадным влиянием на политику правительства, даже оставаясь в тени. Классический пример — карьера Ричарда Перла, ловкого помощника реакционнейшего сенатора Генри Джексона, ныне уже покойного. Он активнейшим образом содействовал проведению «жесткой линии» по отношению к Советскому Союзу. Именно Перл сыграл ведущую роль в выработке пресловутой поправки к Закону о торговле 1974 года, которая подорвала американо-советское экономическое сотрудничество. Когда же к власти в Вашингтоне пришли Рональд Рейган и его единомышленники, Ричард Перл занял один из самых видных

постов в Пентагоне, став правой рукой министра обороны Каспара Уайнбергера.

Подобные истории можно было бы приводить без конца. Но и сказанного здесь достаточно, чтобы убедиться, сколь неприглядно выглядит политический механизм США, который американская пропаганда рекламирует как образец демократии, честности и неподкупности.

**Убедительное свидетельство**

Таковы неоспоримые факты, красноречиво подтверждающие, что чисто формальная буржуазная демократия представляет собой лишь ярко размалеванный фальшивый фасад, прикрывающий диктатуру капитала. Да, именно капитала! И как тут не вспомнить меткие ленинские слова, разоблачающие суть этой маскировки.

«...Ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала,— говорил В. И. Ленин в 1919 году, когда мировая буржуазия лицемерно восхваляла свои порядки и осуждала наши, оправдывая свою военную интервенцию против молодой Советской России болтовней о защите свободы и прав человека.— Вы мелочь забыли, господа цивилизованные. Забыли, что ваша свобода написана в конституции, которая узаконяет частную собственность. Вот в чем суть дела» [1].

Именно частная собственность является господом богом для апостолов капитализма. Именно ради нее, ради владения богатством и умножения его капиталисты готовы идти на любые преступления, на любые нарушения элементарнейших норм человеческого общежития. Именно этой системе служат буржуазные социологи, философы, политологи, состоящие в найме у «сильных мира того» и превозносящие до небес механику буржуазной демократии.

Но чем дальше, тем больше людей отдает себе отчет в несостоятельности мифа о мнимой демократичности капиталистической системы — его опровергает

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 348.

сама жизнь. И не случайно даже некоторые буржуазные издания в последнее время позволяют себе ставить под сомнение этот миф и пытаются найти какие-то запасные социальные решения, которые позволили бы спасти основную суть своей системы. Тут и болтовня о мнимой возможности участия трудящихся в управлении капиталистическими предприятиями, и эксперименты с государственным капитализмом, и даже разговоры о каких-то социальных реформах, заставляющие вспомнить о проектах «демократизации капитала», выдвигавшихся небезызвестным Эдуардом Бернштейном еще на рубеже XIX и XX веков и беспощадно разоблаченных и заклейменных тогда же Лениным. (Замечу попутно, что некоторые современные теоретики на Западе буквально слово в слово воспроизводят аргументы Бернштейна, утверждая, будто теория классовой борьбы неприменима к «строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства».)

Все эти более чем сомнительные политические лекарства невозможно принимать всерьез как нечто такое, что может оздоровить безнадежно больное буржуазное общество. Но те критические замечания, которые вынуждены делать — так сказать, в порядке самокритики — современные буржуазные деятели, не могут нас не заинтересовать. В самом деле, кому, как не им, знать пороки капитализма!

Я позволю себе привести сейчас довольно обширные выписки из весьма пространного обзора «Капитализм против демократии», опубликованного в свое время французским буржуазным ежемесячником «Монд дипломатик». Это весьма убедительное свидетельство глубокой и поистине неизлечимой антагонистичности самих понятий капитализма и демократии, тем более ценное, что оно исходит из уст людей, принадлежащих к элите буржуазного мира. Написал этот обзор Морис Машино, опираясь на исследования группы социологов, историков, экономистов и правоведов. Итак, я предоставляю слово журналу «Монд дипломатик».

«Капитализм и демократия — как они соотносятся?» Председатель Национального совета французских предпринимателей, к которому мы обратились с этим вопросом, сообщил, что он

«слишком занят, чтобы задумываться над подобными проблемами». Зато один из его коллег, генеральный директор комиссии по вопросам организации труда Октав Желинье, не уклонился от разговора и высказался вполне определенно: «Свобода предпринимательства в хозяйственной сфере обеспечивает свободу слова, печати и создания политических партий. Обе зиждутся на вере в способность и право человека, будь то бизнесмен или просто человек с улицы, выбирать то, что ему подходит».

...Эти люди обычно ссылаются на факты, кажущиеся им убедительными: «Рабочий завода «Рено» может читать газеты любых партий. У большинства людей есть телевизоры... Коль скоро народ имеет свое мнение, коль скоро он выражает это мнение — критикует, негодует,— значит, у нас демократия»...

Однако достаточно лишь «подтолкнуть» такого собеседника, чтобы он засомневался и признал, например, что лозунг «свобода выбора» сводится главным образом к «свободе» выбирать хозяина.

И так всегда: с одной стороны, бесспорные, в общем-то никем не оспариваемые цифры и факты, свидетельствующие, что демократия, равно как и богатство, распределены в нашем обществе, мягко говоря, не самым справедливым образом; с другой — обильные словеса, в которых правда тонет или забывается. Вот уже три века с поразительным упрямством буржуазные либералы твердят о «человеке вообще», о «свободе как таковой», о «демократии как отвлеченном понятии». Не случайно экономист Мишель Бео подчеркивает: «Нам, очевидно, легче верить в подобную демократию, поскольку мы принадлежим к средней буржуазии, пользующейся ее благами больше, чем рабочий класс».

Для либеральной мысли, которая не хочет рассматривать демократию с классовых позиций, существуют лишь просто граждане. А «гражданин»,— говорит профессор-правовед Парижского университета Жорж Бюрдо,— это понятие, остающееся лишь после того, как мы вынесем за скобки различия в социальном и материальном положении, образовании и т. д., то есть некое абстрактное существо».

Либеральная проповедь не нейтральна: вуалируя действительность, она спасает свои мифы. Относя за счет «известной человеческой природы» или таинственного «несходства устремлений» общественные несправедливости, она парализует у многих волю к борьбе за свои права. Не требуется быть «стопроцентным марксистом», чтобы распознать эти явные несоответствия. Характер взаимоотношений капитализма с демократией просматривается сквозь защитную дымовую завесу на протяжении всей истории.

В эпоху зарождения капитализма подъем рыночной экономики вызывал развал монархических режимов. Во Франции в конце XVIII века смена политических структур сопровождалась новыми устремлениями, и идеалы свободы утвердились в Декларации прав человека и гражданина. Однако демократическая мысль, родившаяся в недрах капиталистического общества, осталась его пленницей. Буржуазная демократия неизбежно ограничена и отмечена пороками породившей ее системы.

Нарождавшаяся демократия была ограничена вдвойне: она осуществлялась только в политической сфере — собрания, союзы,

выборы — и удовлетворяла лишь привилегированную часть третьего сословия — буржуазию. Те, кто ранее обладал богатством, но не имел политической власти, могли теперь обратить ее к своей выгоде: остальные — подавляющее большинство — не получили ничего: нищета и правовое бессилие как были, так и остались их уделом.

Вчера провозглашенные принципы были преданы забвению. «Их внесли в конституцию,— констатирует юрист Жан Коссон,— но никто, разумеется, их не соблюдал: право денег возобладало над гражданскими правами...»

Да, демократизация [буржуазного] общества осталась мертвой буквой. Неравенство заложено в самой природе капитализма, и сегодня оно чувствуется столь же сильно, как прежде. Неравенство в шансах на жизнь (предприниматель в среднем живет дольше рабочего), на образование (детей инженерно-административных работников среди студентов в 20 раз больше, чем детей рабочих и простых служащих), на получение работы. Наконец, неравенство доходов — самое вопиющее, ибо во Франции, например, «полюсовые» доходы соотносятся как 1 : 400. Ну, и как следствие — неравенство жилищных условий, средств передвижения, качества получаемых услуг, отдыха и т. д...

Эта система ведет к разбазариванию средств, множит потребности, однако удовлетворить их позволяет себе лишь ничтожная кучка богатеев. «Барьеры» не снимаются — они переносятся, запрещая доступ неимущим в заповедные места привилегированных. К тем, кого прогресс обходит стороной, относятся так называемые «новые бедные», которых капитализм «производит» каждодневно. Французский секретарь по вопросам труда подразделяет их следующим образом: половина престарелых в возрасте от 65 лет и выше (2 миллиона 600 тысяч человек), половина квалифицированных рабочих (1 миллион 300 тысяч), большинство разнорабочих (1 миллион 100 тысяч), две трети работников сферы обслуживания (800 тысяч), четверть мелких торговцев и ремесленников (800 тысяч), подавляющая часть сельскохозяйственных рабочих (600 тысяч). В общей сложности — 7 миллионов 200 тысяч французов, чьи доходы значительно ниже среднего уровня по стране.

Но вернемся снова к «политической демократии» при капитализме. Заслуживает ли она свое название? Можно ли представить, чтобы эта сфера жила по иным законам, нежели общество в целом? Какое чудо может заставить политическую власть идти наперекор главенствующим интересам капитализма?

Разговоры о демократии ведутся по-прежнему, но сейчас больше, чем когда-либо, они призваны закамуфлировать действительность, которая менее, чем когда-либо, подходит под «идеальный образ». Такие понятия, как независимость парламента, представительность политических партий, свободы (в частности свобода печати), превратились в насмешку над собой.

...Кто, однако, усомнился бы в существовании партий (речь идет, естественно, о буржуазных партиях.— *Ю. Ж.*), наблюдая их активность? Действительно, они существуют: для некоторых они — обязательный этап на пути к политической «карьере»; для других — самодовлеющие и удовлетворяющие их институты: там

делают карьеру, как в армии или административном аппарате. Идеологический вакуум медленно заполнило государство: заняв место, оно превратило его в крепость, а идеология — идеология государства — отныне занимает сторожевые посты. «Полиция, например,— уже не только репрессивный орган, она становится носительницей идеи,— констатирует профессор социологии Никос Пуланцас,— кто не помнит заявлений министра внутренних дел на тему «Полицейские вас охраняют» или его призывов к «массовым доносам»?»

Армия, судебное ведомство, школа, средства массовой информации — нет такого аппарата, который не распространял бы идеологию правительства, идеологию тем более эффективную, что она объявляет себя нейтральной и благожелательной.

Парламент целиком утратил свое значение представительного органа. От депутатов хотят, чтобы они вели себя не как избранники народа, а как назначенные чиновники. 90 процентов законопроектов исходят от исполнительной власти, которая просто передает их в палату на одобрение. Оппозиция критикует или отвергает закон? Это не имеет значения! В любой момент правящее большинство протащит его без всяких оговорок.

Если даже депутатам или сенаторам удается провести [прогрессивный] закон, у них нет никакой возможности проследить за его выполнением; их деятельность блокируется исполнительной властью и чиновниками.

Государство вырабатывает все решения при непременном участии представителей «денежного мешка». Трудящимся же остается только подсчитывать шишки, перебирать обрывки мифов о благосостоянии и прогрессе, о «равенстве возможностей». Иногда они получают право на занимательное зрелище: занавес ненадолго приоткрывается над очередным политико-финансовым скандалом. Но тотчас он вновь падает. Будет о чем поговорить несколько дней. Сам же скандал так и останется навечно погребенным во мраке тайны.

Реальная власть невидима. О ней дают знать чей-то телефонный разговор, сообщение, переданное кем-то по телексу, соглашение, заключенное в кулуарах конференции. Она может проявиться во время охоты, игры в бридж, встречи на зимнем курорте. Едва успеваешь ее заприметить, как власть уже где-то далеко. Она постоянно «перемещается».

Точно так же перемещаются люди, которые ее осуществляют. В конце концов теряешься: «кто есть кто» в этой поразительной чехарде? «Налицо,— констатирует экономист М. Бео,— теснейший союз частного капитала, руководства правых партий, чиновников государственного аппарата и управляющих капиталистических фирм. Последние не обязательно прямые выходцы из среды крупнейшей буржуазии, но связаны ею по рукам и ногам».

Любопытно проследить, листая их досье, как эти «повязанные» крупным капиталом люди переходят из частного банка в министерство, из правления домостроительной фирмы — на правительственную должность, а с этого поста — в генеральную дирекцию смешанного нефтяного концерна (часть акций принадлежит государству, часть — частным владельцам)...

Капитализму удавалось на протяжении довольно долгого

времени выдавать себя за так называемый плюралистский строй, собственнические интересы небольшой касты — за волю народа, насилие — за демократию. Подобного «успеха» режим добился неустанной штамповкой сознания граждан, приученных мыслить одинаковыми догмами и «хотеть» того, что им в действительности навязывают.

Как это ясно показывает американский социолог Финли в своей книге «Демократия античная и демократия современная», сущность американской — и вообще западной — демократии заключается в культивировании всеобщей апатии по отношению к политике. В конечном счете такая демократия сводится к свободе человека решать, в котором часу и какой машинкой он будет стричь свой газон.

Вот так-то, дорогие друзья. По-моему, это заключение парижского ежемесячника «Монд дипломатик» с полной убедительностью и доказательностью показывает полный крах попыток капитализма «выдавать себя за так называемый плюралистский строй, собственнические интересы небольшой касты — за волю народа, насилие — за демократию».

**Их самая большая тайна**

«Буржуазия, — писал В. И. Ленин,— вынуждена лицемерить и называть «общенародной властью» или «демократией» вообще, или чистой демократией (буржуазную) демократическую республику, на деле представляющую из себя диктатуру буржуазии, диктатуру эксплуататоров над трудящимися массами» [1]. Эта меткая и острая ленинская оценка сохраняет всю свою силу и сейчас — на словах «плюрализм» означает предоставление любой партии возможности «на равных» вести борьбу за политическое влияние на массы, а на деле решающей является власть денег, которыми капиталисты щедро снабжают тех, кто защищает их интересы. Вот вам и «чистая демократия»!

Но хотя сей нехитрый маскировочный маневр разоблачен давным-давно, к вопросу о том, кто же в действительности правит в капиталистическом мире, надо возвращаться вновь и вновь, поскольку нынче на Западе с утра до вечера твердят, будто капитализм изменился. Он стал, дескать, безликим и как бы растворился в человеческой массе: акции может купить

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 390.

каждый рабочий, а крупнейшими фирмами правят специалисты, а не хозяева. Но как обстоит дело в действительности?

Вот что писал по сему поводу такой бесспорный знаток закулисных дел капитализма, как бывший руководитель французского банка «Лионский кредит» генеральный инспектор финансов Франсуа Блок-Ленэ: «Как все то, что является священным, собственность у нас таинственна. С тех пор как буржуа свершили свою революцию в ее честь, она, конечно, не укрыта от словесных атак, но мишени этих атак остаются неуточненными, а всякое эффективное покушение на собственность (на наследство, на прибавочную стоимость и т. д.) воспринимается как кощунство».

Что касается «словесных атак», то их сейчас и впрямь хоть отбавляй. Даже бывший премьер-министр Англии консерватор Хит призывал разоблачать «черное, неприглядное лицо капитализма». Покойный обозреватель французской коммунистической газеты «Юманите» Андре Вюрмсер по сему поводу справедливо писал: «Мистер Хит говорил о «неприглядном лице капитализма» только для того, чтобы подчеркнуть, будто у него есть и другое, приглядное лицо».

В самом деле, в наше время, когда буквально каждый день вскрываются чудовищные скандалы вроде дела американской компании «Локхид» или английской компании «Лонро» (это в ее адрес метал свои молнии Хит), трудно скрыть «неприглядное лицо» капитализма. Напомню, что одна лишь компания «Локхид» в одной лишь Японии, сбывая свои самолеты, сумела подкупить премьер-министра, министра транспорта и его заместителя, восемнадцать депутатов парламента и ряд других деятелей. И вот Хит и его единомышленники лицемерно призывают «сделать капитализм более моральным».

Но разве есть на свете вещи, более несовместимые, нежели капитализм и мораль?

Нет, господа, капитализм остается капитализмом. У него на каждом долларе ком грязи, как писал В. И. Ленин, обращаясь к американским рабочим, и самая суть капиталистической системы была и остается грязной — это порабощение рабочего человека и его жестокая эксплуатация.

Французский еженедельник «Нувель обсерватер» однажды посвятил три специальных номера теме «Богатство французов». Исследование, проведенное этим еженедельником, как мне представляется, было предпринято не без задней мысли: сосредоточив внимание на держателях акций, на землевладельцах, домовладельцах и т. д., отвлечь внимание от «больших китов» — от крупных монополий.

Но цифры есть цифры, и они сами говорят за себя. Вот сведения, приведенные «Нувель обсерватер»:

*— Десяти процентам французов принадлежит половина национального богатства страны.*

*— От двух до четырех тысяч семей владеют богатством свыше 10 миллионов франков.*

*— От одной до полутора тысяч семей владеют богатством свыше 100 миллионов франков.*

*— От ста до двухсот семей владеют богатством свыше миллиарда франков.*

*— «Частные лица» во Франции держат в банках либо дома 6 тысяч (шесть тысяч!) тонн золота — это самый большой в мире «частный запас золота».*

Заметьте: цифры эти анонимны. Франсуа Блок-Ленэ неспроста писал, что собственность в капиталистическом мире «таинственна», точнее говоря, окружена глубочайшей тайной. О том, насколько велики богатства, которыми располагают их владельцы, можно лишь догадываться по внешним признакам — по замкам, в которых они обитают, по их лесным угодьям, где они охотятся, по яхтам, на которых они путешествуют развлекаясь,— да и то не всегда.

В журнале «Нувель обсерватер» были названы по именам лишь немногие люди, подвергшиеся опросу,— это одиннадцать государственных и политических деятелей. Почему именно они? Вероятно, опять-таки не без задней мысли: глядите, подсказывает еженедельник читателям, глядите, как демократична и открыта плюралистическая система — никто не уклоняется от общественного контроля. Но этот трюк неожиданно возымел обратное действие.

Во-первых, даже те уклончивые, с недомолвками ответы, которые были опубликованы, убедительно показали, что люди, власть имущие в том мире,— это плоть от плоти и кость от кости богатой буржуазии.

Во-вторых, ответы эти поражали своими увертками и плохо скрываемой боязнью гласности:

— Да, я живу в замке, но он принадлежит моему отцу...

— Да, нашей семье принадлежат леса, но ими владеет мой брат...

— Да, я руководил фирмой такой-то, но только как администратор: фирма принадлежит не мне, а моей жене...

Газета «Монд», откликаясь на эту публикацию, писала: «Искренни ли их ответы? Такой вопрос, конечно, поставит каждый». «Диву даешься,— иронически заметила она далее,— как силен семейный дух у некоторых... Компании, имения, видите ли, принадлежат не тому, кто отвечает [на вопросы журнала], а его отцу, его матери, его жене, его брату, его дяде или его тете. И к тому же все эти любезные родственники охотно избавляются от собственности, то отдавая одному из тех, кто отвечал на вопросы журнала, часть своих земель, то одалживая другому милому малышу деньги, позволяющие ему начать карьеру...»

В-третьих, как справедливо заметила газета «Монд», читая ответы «сильных мира того» на вопросы об их богатстве, поражаешься и тому, каким стеснительным тоном они изложены:

«Многие явно преуменьшают стоимость своего состояния, размеры своих доходов. В Соединенных Штатах такой опрос дал бы прямо противоположные результаты: там считается, что для того, чтобы внушить публике доверие и продемонстрировать, что ты сможешь хорошо справляться с ведением общественных дел, надо показать себя исключительно ловким дельцом, умеющим хорошо зарабатывать деньги, удачно вкладывать капитал, умело управлять фирмой. Среди американских политиков в подобном случае нашлись бы такие, которые даже преувеличили бы свои доходы, завысили бы стоимость своего имущества, раздули бы объем своих портфелей ценных бумаг. Фортуна Рокфеллеров или Кеннеди отнюдь не стесняла их, когда они поднимались на самые высокие посты. Наоборот, она подчас служила для них выгодным избирательным аргументом».

Да, в Западной Европе политический климат иной. Там, как отмечала «Монд», «на деньги смотрят с подозрением, когда делается политика». В самом деле, уровень сознания трудящихся масс здесь постоянно возрастает, и люди начинают все яснее отдавать себе отчет в том, какова подлинная природа буржуазного общества, которое выдает себя за «общество равных

возможностей», где каждый якобы может стать богатым, стоит только сильно этого захотеть.

Вот почему буржуазные средства массовой информации удваивают и утраивают свои усилия, чтобы снова и снова доказывать недоказуемое: будто бы в обществе, основой которого является эксплуатация человека человеком, есть место равенству прав между эксплуатируемым и эксплуататором.

Приступая к публикации данных своего обследования «богатства французов», журнал «Нувель обсерватер» писал: «Мы хотели показать фотографию богатств Франции и выявить, кому они принадлежат». И хотя эта «фотография» подверглась сильной ретуши, на ней явственно видна непреодолимая пропасть, разделяющая тех, кому принадлежат заводы, фабрики, земли и леса, и тех, кто, работая на хозяев, создает своим трудом для них прибавочную стоимость.

Буржуазная мораль весьма терпимо относится к любым махинациям «сильных мира», предпринимаемым ими ради умножения своего богатства. И чем богаче люди, занимающие ответственные государственные посты, тем активнее используют они представившиеся им возможности, чтобы любыми средствами обогатиться еще больше.

Во второй половине XX века в капиталистическом мире — и прежде всего в США — стало обычным делом выдвижение на государственные посты собственников крупного капитала, воротил крупнейших корпораций. Верша государственные дела, они проявляют неустанную заботу об интересах своих корпораций, особенно тогда, когда речь идет о распределении военных заказов. И чем лучше они справляются с этим неблаговидным делом, тем с большим энтузиазмом их принимают собратья, когда они оставляют свои государственные посты и возвращаются к бизнесу.

В результате такой практики коррупция, взяточничество, подкуп, исчисляемый миллионными суммами, достигли в государственном аппарате капиталистических стран невиданных размеров. Поскольку же в этом грязном политическом мире не утихает грызня конкурирующих монополий, всегда готовых поставить ножку друг другу, там все чаще вскрываются скандалы невиданных ранее размеров.

# ГАНГРЕНА СОВЕСТИ

Автору этих строк довелось много раз бывать в Соединенных Штатах начиная с 1946 года, когда там, близ Нью-Йорка, в маленьком городке Лейк-Саксесс, что значит в переводе «Озеро удачи», в наскоро переоборудованных помещениях бывшего военного завода работала первая сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. В последний раз я побывал в США в октябре 1984 года,— ездил в Нью-Йорк по приглашению генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра — докладывал ему о деятельности советского движения сторонников мира. Много раз встречался со своими коллегами в сенате и палате представителей конгресса Соединенных Штатов, обсуждал с ними широкий круг проблем современного международного положения и двусторонних советско-американских отношений.

Не раз довелось мне побывать и на востоке, и на западе, и на севере, и на юге Америки, я много ездил по великолепным восьмирядным дорогам Соединенных Штатов, летал над их бескрайними просторами, неоднократно пересекал их вдоль и поперек: от Нью-Йорка до мексиканской границы, от Атлантики до Тихого океана,— бродил по задымленным, мрачным каменным ущельям узких улиц больших городов, любовался просторами пока еще пустынных равнин Солнечного пояса страны, беседовал с губернаторами и студентами, бизнесменами и журналистами, искал ответа на вопрос о том, как живет и чем дышит эта страна.

**Пестрая Америка**

На этот вопрос не найдешь однозначного ответа: многое там меняется, а многое остается неизменным. Как-то я написал, что на вопрос: «Какова же Америка?» — можно ответить так: пестрая! Ну что ж, и теперь, в восьмидесятые годы, пестрый ее облик так же резко бросается в глаза, как и в сороковые. И речь идет не только о внешнем виде ее городов, где рядом с великолепнейшими небоскребами теснятся полузаброшенные кварталы лачуг с выбитыми стеклами в окнах, но и о ее политическом облике.

С одной стороны, многочисленные руководящие деятели Америки в своих речах, статьях, интервью проклинают разрядку и требуют возвращения к «жесткому курсу» в отношении социалистических стран. С другой — многие деятели столь же решительно выступают за восстановление разрядки.

Однажды в Нью-Йорке, на 5-й авеню, я видел очередную крикливую антисоветскую демонстрацию, а почти рядом у входа в крупнейший кинотеатр «Рэдио-сити мюзикхолл» с раннего утра стояли в очереди ньюйоркцы, желавшие посмотреть совместно поставленный американскими и советскими кинематографистами фильм «Синяя птица».

Газеты буквально захлебываются от злобы, печатая чудовищные клеветнические небылицы о советской действительности, а профессора и студенты университетов, с которыми я беседовал в Аризоне и Калифорнии, представители творческой интеллигенции, с которыми встречался в Голливуде, целый ряд сенаторов и конгрессменов, которые принимали меня в Вашингтоне, высказывались за расширение дружественного сотрудничества с Советским Союзом.

Вспоминается, как в связи с 200-летием США тогдашний вице-президент Нельсон Рокфеллер, совершая поездку по четырем континентам, произносил антисоветские речи, а его брат Дэвид Рокфеллер, который был тогда председателем правления «Чейз Манхэттен бэнк», подчеркивал в беседах со мной важность развития сотрудничества между нашими странами...

Было бы большой ошибкой, однако, считать, что эта пестрая картина остается неизменной. Нет,— следует признать, что из года в год, из десятилетия в

десятилетие морально-политический климат в Соединенных Штатах меняется, и притом отнюдь не в лучшую сторону. Когда перелистываешь сейчас свои рабочие дневники, в которых записаны впечатления от поездок туда в сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые и, наконец, в восьмидесятые годы, то явственно видишь, как постепенно усиливаются там тревожные тенденции. Это тенденции, которые свидетельствуют о неуклонном росте влияния реакционных сил.

Особенно опасные черты приобретают эти изменения в последние годы, когда к власти в Вашингтоне пришли ставленники военно-промышленного комплекса, возрождающие в стране нездоровую обстановку периода «холодной войны». Безудержная проповедь некой исключительности, якобы присущей Соединенным Штатам, их мнимого права на руководство всем миром, нагнетание шовинизма, назойливые претензии на безнаказанность,— американцу, дескать, все дозволено, коль он сильнее других,— все это в конечном счете оборачивается страшным бедствием для самой Америки,— в обществе начала быстро развиваться страшная болезнь, которую я бы назвал гангреной совести.

Первые симптомы этой болезни различил еще на заре XX века великий русский писатель Горький, описавший их в своих блестящих статьях о «Городе Желтого Дьявола», как он называл Нью-Йорк. Вспомним хотя бы вот эти строки из его диалога с американским «жрецом морали», написанные в 1906 году:

«Вы знаете, что наша страна,— говорил этот «жрец морали»,— живет только одним стремлением — делать деньги. Здесь все хотят быть богатыми, и человек для человека только материал, из которого всегда можно выжать несколько крупинок золота. И вся жизнь есть процесс выжимания золота из мяса и крови человека. Народ в этой стране — как и везде, я слышал — руда, из которой добывают желтый металл, прогресс — это концентрация физической энергии масс, то есть кристаллизация мяса, костей и нервов человека в золото. Жизнь построена очень просто...»

Ну, а коль скоро высшим идеалом становится «кристаллизация мяса, костей и нервов человека в золото», то к черту все сдерживающие элементы морали, даже старой, буржуазной, христианской, лицемер-

ной и ограниченной, но все же сохранившей какие-то рамки приличия морали,— и да здравствует пресловутый «закон джунглей» в отношениях между людьми!

Эта гангрена человеческой совести на протяжении нынешнего века неудержимо прогрессировала в капиталистическом мире, но особенно страшны ее проявления в Соединенных Штатах — главной державе того бесчеловечного мира. Моральный упадок, разгул спекуляции, коррупции, преступности там сказываются все сильнее, и можно по-человечески пожалеть одного из талантливейших писателей Америки Джона Стейнбека, который, ужасаясь происходящим там, написал:

— Мы не можем надеяться сделать наших детей хорошими и честными людьми, когда город, штат, правительство и корпорация — все сулят большую награду за интриги и обман, чем за честность и правду. Всюду мошенничество, на всех ступенях.

Для полноты картины добавлю, что и сам Стейнбек под конец жизни стал жертвой гангрены совести. Его сын был послан на войну во Вьетнам, и вот престарелый писатель ради того, чтобы начальство создало для его отпрыска безопасные условия, сам отправился во Вьетнам и в серии очерков воспел эту «грязную войну» как некий подвиг.

## «Военная идеология» и ее последствия

Надо сказать, что именно война во Вьетнаме, отравившая души американских солдат, прошедших через нее, в огромной степени содействовала распространению в американском обществе самого страшного цинизма, жестокости, крайнего падения нравственности и небывалого роста преступности.

В книге французского журналиста Клода Муази «Америка под ружьем» весьма убедительно показано, что американская военщина несет прямую ответственность за моральное разложение, которое все сильнее дает о себе знать в американском обществе.

«В Америке,— писал Муази,— невероятно почитают армию. Участие в двух мировых войнах, в войне в Корее и в нескольких

полуколониальных авантюрах привили американцам вкус к военному подвигу в то время, когда другие утрачивали его. Бронзовый, деревянный или пластмассовый орел служит украшением миллионов дверей и каминов. И когда движение протеста против войны во Вьетнаме и «конфликт поколений» повергли США в кризис сознания, «подлинные» американцы опомнились и овладели собой лишь благодаря тому, что нескольким патриотам пришла в голову мысль затопить страну звездными флажками, которые как знак единения вскоре были наклеены на миллионы ветровых стекол автомобилей, окна квартир и домов».

Выступавший против войны во Вьетнаме обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Том Уикер в своей статье под красноречивым заголовком «Идеология войны», опубликованной 2 мая 1972 года, писал:

«19 марта 1968 года, вскоре после большого наступления во Вьетнаме, президент Линдон Джонсон, выступая на семинаре по вопросам внешней политики в государственном департаменте, заявил: «Опасности и жертвы закалили нашу страну, и сейчас мы являемся страной номер один, и мы собираемся остаться страной номер один».

30 апреля 1972 года президент Ричард Никсон, приехав на техасское ранчо Джона Коннели, заявил своей аудитории, состоявшей сплошь из миллионеров, что во Вьетнаме «в конечном счете поставлено на карту положение США как мощнейшей державы мира». Там же Никсон заметил, что, если бы коммунисты одержали победу во Вьетнаме, мир утратил бы уважение к посту президента США...

Эти замечания насчет «уважения» напоминают о «Крестном отце» [1], еще одном твердокаменном главнокомандующем и «уважаемом» человеке. В мире «Крестного отца» поддержание «уважения» к себе тоже, как правило, означало готовность прибегнуть к силе».

«Это сравнение может шокировать,— заметил далее Том Уикер,— однако новая книга «Корни войны» Ричарда Барнета освещает вопрос в интересном аспекте. Как замечает Барнет, история не раз демонстрировала, что «люди получают медали, повышения по службе и другие почести, совершая во имя государства такие поступки, за которые в других обстоятельствах их бы повесили или заключили в тюрьму».

Я не раз вспоминал эти мужественные и горькие строки противников войны во Вьетнаме, читая бесчисленные сообщения американской печати о совершенных в США ветеранами этой войны страшных преступлениях. Такой рикошет давала идеология войны, о которой писал Том Уикер.

---

[1] «Крестный отец» — кличка главаря гангстерской мафии, которому посвящены популярные в США роман и фильм,

Воинствующий ура-патриотизм на протяжении многих десятилетий культивируется в США для прикрытия преступной сущности «полуколониальных авантюр», которые неоднократно затевала эта держава после второй мировой войны. Миллионы и миллиарды долларов были израсходованы на прославление более чем сомнительных «военных подвигов» американских интервентов в Корее, Вьетнаме, Камбодже, Лаосе,— им были посвящены многие книги и кинофильмы. И красной нитью во всей этой пропаганде проходит мысль о том, что американской военщине все дозволено во имя возвеличения Америки и ее вооруженных сил.

Все это, естественно, не может не оказывать своего воздействия на тех американцев, которых президент Никсон именовал «молчаливым большинством»,— на людей, не шибко разбирающихся в политике, которые привыкли верить на слово тому, что им говорят газеты и телевидение.

«Примечательно,— писал в своей книге Клод Муази,— что, несмотря на размах и силу движения протеста против войны во Вьетнаме, до конца 1969 года практически никто, даже либеральная интеллигенция, не осуждал преступные аспекты войны — прочесывания, систематическое уничтожение деревень, пытки пленных или подозрительных лиц. Критиковали политику, возлагали ответственность за нее на президента и тех, кто стоит у власти, но практически никогда не трогали армию. Армию рассматривали лишь как массу военнообязанных, безвинных исполнителей политики, о которой они не имеют права судить, а не как касту воинствующих военных».

Американского солдата, которого посылали убивать «цветных» людей, убеждали в том, что это люди второго сорта, с которыми можно не церемониться. И они с ними не церемонились, жгли деревни, убивали женщин и детей, зверски пытали захваченных в плен мужчин. Во всем мире вызвала негодующий протест ставшая достоянием гласности история зверской расправы американских военнослужащих с жителями вьетнамской деревни Сонгми. Власти США были вынуждены привлечь к судебной ответственности виновных. И что же? Все они вышли сухими из воды. В роли «козла отпущения» фигурировал перед

судом один-единственный лейтенант Колли, да и он отделался легким испугом.

Кстати, как отметил в своей книге тот же Клод Муази, «в первоначальном варианте обвинительного акта военная юстиция обвиняла лейтенанта Колли в «преднамеренном убийстве 109 *восточных* (подчеркнуто мною.— *Ю. Ж.*) человеческих существ», а это, несомненно, в глазах американских военных следователей было вовсе не одно и то же, что убийство «западных человеческих существ».

Этот густопсовый расизм, словно яд, отравил душу американской армии, он с неизбежностью распространился на всех «небелых человеческих существ» в самих Соединенных Штатах, хотя они являются теоретически такими же полноправными гражданами США, как и «белые человеческие существа». Это привело к острейшим расовым столкновениям внутри американских вооруженных сил.

20 июля 1969 года на военно-морской базе Кэмп Леджон в штате Северная Каролина произошло самое настоящее сражение между белокожими и чернокожими морскими пехотинцами, в результате которого был убит один капрал. Расследованием было установлено, что в этом лагере стычки на расовой основе происходили почти ежедневно. Месяц спустя в Форт-Брагге в том же штате двадцать пять военных попали в госпиталь в результате такой же схватки между белыми и черными. «Беспорядки» распространились на десятки лагерей и баз в США, затем перекинулись и во Вьетнам, где они происходили на базах в Дананге, Камране и в Сайгоне.

«Военная идеология», построенная на культе мнимой исключительности США, «державы номер один», и теория вседозволенности для белого американца сработали, как бумеранг, когда американские войска начали терпеть сильные поражения во Вьетнаме и солдаты увидели, что война, которую они вели семь лет в этой стране, завершается поражением вооруженных сил США.

Дисциплина резко упала. Началось массовое дезертирство[1]. Усилилась преступность. Многие искали

[1] «Более 160 тысяч американских солдат покидают ежегодно без разрешения свои части, более 70 тысяч дезертируют,— писал

забвение в дыму наркотиков. Иные из них, наиболее предприимчивые, занялись спекуляцией наркотиками, порою принимавшей поистине чудовищные формы,— гангрена совести быстро разрасталась.

**Трупы, начиненные наркотиками**

Обо всем этом уже написано и рассказано многое. Я напомню здесь наиболее разительный пример падения воинской чести в вооруженных силах США — расскажу о страшном преступлении, вскрывшемся в конце 1972 года.

Война во Вьетнаме в ту пору была в самом разгаре, и между западным побережьем Америки и Индокитайским полуостровом функционировал так называемый «воздушный мост». Пять тысяч миль в одну сторону, пять тысяч миль в другую, точно взмах огромного маятника: справа налево летели свежевыбритые солдаты и офицеры в новенькой, отлично выглаженной форме, а также одетые в цивильные костюмы «гражданские советники», отправлявшиеся на службу в Сайгон; слева направо — заросшие волосами солдаты и офицеры с мутным, бегающим взором, словно еще не верящие, что им повезло и что они возвращаются домой целыми и невредимыми, а с ними стонущие, гниющие от гангрены раненые и мечущиеся в лихорадке больные — им повезло меньше. И гробы. Прочно закрытые гробы, укрытые звездно-полосатыми флагами,— в них те, кому совсем не повезло...

Сотни тысяч молодых американцев совершили в ту пору этот круговорот: Калифорния — Индокитай, Индокитай — Калифорния. Сотни тысяч прошли сквозь зеленый ад джунглей. Сотни тысяч обучились там искусству убивать стариков и детей, пытать

---

в своей книге «Кошмары Америки», опубликованной в июне 1971 года в ФРГ, западногерманский журналист, корреспондент журнала «Штерн» Рольф Винтер.— Каждые три минуты один солдат принимает решение бежать от казарменной муштры, каждые десять минут один молодой солдат решает раз и навсегда сбросить военную форму и дезертировать. Число тех, кто скрывается, хотя бы временно, соответствует численности десяти боевых дивизий».

пленных, поджигать соломенные кровли хижин, накрывать «бомбовым ковром» — есть такой официальный термин у штурманов американской военной авиации! — многие квадратные мили чужой земли. Что сталось с их душами и сердцами? Какими возвращались они на родину? Что везли они домой, кроме бумажников, набитых долларами, заработанными на кровавой вьетнамской ниве?

Мы читали в то время в газетах о ветеранах, которые швыряли в грязь свои медали перед Капитолием. О ветеранах, которые мужественно дрались с полицией, разгонявшей антивоенные демонстрации. О ветеранах, которые говорили: «Никогда больше». Помнили и о летчике Изерли — он всю жизнь не мог простить себе своего участия в бомбежке Хиросимы в 1945 году. Но нашлись и другие американцы — те, которым на все наплевать, для которых главное — деньги, которые и во Вьетнам-то ехали не по принуждению, а добровольно. Еще бы! Ведь им говорили: если ты, парень, не очень-то чувствителен и ежели ты умеешь устраиваться, для тебя и этот чертов Сайгон может стать золотым дном. Пусть же все на свете провалится в тартарары, лишь бы ты смог разбогатеть. И — никаких сантиментов...

История, которую я хочу сейчас рассказать, может показаться поистине невероятной. Поэтому я сохранил вырезки из трех газет: американской «Геральд трибюн» и двух французских — «Монд» и «Франс-суар», в которых она была описана. Читатель может подумать, что речь идет не о реальных фактах из жизни, а о сюжете банального фантастического «фильма ужасов», которые стряпают на своем грязном конвейере третьесортные ремесленники Голливуда. Но нет, то, о чем я пишу, документально засвидетельствовано агентствами Ассошиэйтед Пресс, Рейтер и Франс Пресс и подтверждено американскими следственными органами.

Сначала заголовки. Прочтите их внимательно Вдумайтесь в них и перечитайте снова, не веря глазам своим:

*— Спекулянты использовали трупы солдат, убитых во Вьетнаме, для ввоза героина в Соединенные Штаты.*

*— Тела «джи-ай»*[1]*, возвращаемые из Вьетнама, на протяжении восьми лет служили «тайниками» для спекулянтов наркотиками.*

*— В Соединенных Штатах расследуются случаи контрабанды наркотиков в телах «джи-ай», убитых во Вьетнаме.*

А теперь слушайте...

В один из хмурых декабрьских дней 1972 года командир американского военно-транспортного самолета, направлявшегося из Таиланда на военно-воздушную базу Довер в штате Делавер с двумя гробами убитых во Вьетнаме «джи-ай» на борту, получил в воздухе радиограмму: «Курс изменить, садиться на центральной базе американских ВВС — Эндрюс, близ Вашингтона». Летчик тихонько ругнулся: с чего бы это? Но приказ есть приказ...

На базе Эндрюс самолет окружили агенты Федерального бюро расследований с собаками, которые громко лаяли и рвались с поводков. Это были псы, специально натренированные для поисков спрятанных наркотиков. С агентами были врачи — специалисты по вскрытию трупов. Гробы вытащили из самолетов. Трупы вынули, раздели... При первом же взгляде на них следователям стало все ясно: они опоздали. Живот одного из мертвых солдат был вспорот и потом заново зашит. Он был пуст.

Дело в том, что самолет останавливался на 24 часа в Гонолулу. Именно там американские таможенники узнали от своего тайного осведомителя, что в гробах не только мертвецы: в одном из трупов запрятано 20 килограммов героина, самого страшного наркотика, который в Соединенных Штатах ценится на вес золота. Как же быть? Вскрыть гробы и подвергнуть трупы осмотру в Гонолулу местные власти не решились: мог бы возникнуть скандал, и еще неизвестно, как на это реагировало бы размещенное там командование американских вооруженных сил на Тихом океане. Поэтому было принято секретное решение: посадить самолет на базе Эндрюс, а уж там заняться вскрытием трупов...

---

[1] «Джи-ай» — сокращенное наименование «казенного имущества». Так иронически еще со времен второй мировой войны в США именуют солдат.

Но у бандитов, использовавших столь необычайные тайники для перевозки наркотиков, действовала своя собственная контрразведка. И пока таможенники Гонолулу связывались с Вашингтоном, гробы были сняты с борта самолета и перенесены в ангар; там мертвого беднягу «джи-ай» выпотрошили, и, когда самолет полетел дальше, героина в животе убитого военнослужащего уже не было.

Разочарованные и разозленные следователи Федерального бюро расследований схватили человека, которому было поручено сопровождать мертвецов в их последнем путешествии на родину. Им оказался некий Томас К. Сэзерленд, бравый мужчина 31 года от роду, одетый в форму сержанта с боевыми нашивками и медалями. На допросе он заявил, что служил в армии 12 лет. Однако тут же было объявлено, что Сэзерленд не числился в составе вооруженных сил, действующих в Юго-Восточной Азии, а живет и работает водителем грузовика в американском городе Кастл Хейн в штате Северная Каролина.

Но как в таком случае он оказался в Таиланде? И почему именно ему было поручено сопровождать гробы с убитыми во Вьетнаме военнослужащими в США? Заместитель прокурора Балтимора Микаэл Е. Марр, которому было поручено расследование чудовищной аферы, растерянно пробормотал окружавшим его журналистам, которые пронюхали, что здесь пахнет сенсацией: «Это фантастично... Я никогда еще в своей практике не встречал лучшей подделки армейских удостоверений личности и приказов...»

Подделка ли это? А может быть, кое-кто попросту решил, что сия невероятная история еще больше испачкает и без того грязный облик американских воздушных сил и потому-де надо взвалить ответственность на некую анонимную цивильную банду? Кто знает! На всякий случай Сэзерленда упрятали в городскую тюрьму Балтимора — подальше от журналистов.

А что же с поруганными телами убитых в войне за грязное, неправое дело молодых американцев, чьих имен читатели газет так и не узнали до сих пор? Что ж, мертвые сраму не имут,— так, что ли? Просто до них никому нет дела! Кто-то пришел к их родите-

лям, пробормотал несколько стереотипных казенных фраз — парням не повезло, и их, выпотрошенных и посмертно опозоренных, превращенных в «тайники» (!) для перевозки наркотиков, закопали на каком-то кладбище.

Но ведь это был отнюдь не единичный, из ряда вон выходящий случай! В газете «Геральд трибюн» 18 декабря 1972 года я прочел вот эти многозначительные строки: «Федеральные агенты расследуют деятельность группы контрабандистов наркотиков, которые выдавали себя за американских военнослужащих, имея полное военное обмундирование, поддельные документы, военные приказы. В течение восьми лет (восьми лет! — *Ю. Ж.*) они переправляют в телах убитых в Юго-Восточной Азии военных наркотики. По сообщению следственной комиссии, героин, вшитый внутри тел и во внутренней обшивке гробов, переправлялся на военно-транспортных самолетах в США из Юго-Восточной Азии на военно-воздушную базу Довер в Делавере и на армейскую базу Форт-Льюис близ Сиэтла. Эти базы являлись приемными пунктами для убитых во Вьетнаме американских военнослужащих.

Размеры этой аферы, которую одно из официальных лиц назвало «нелегальной международной операцией большого масштаба», до конца остались неизвестны. Однако федеральные агенты, которые обыскивали военный транспортный самолет на базе Эндрюс, заявили, что на этом самолете находилось 20 килограммов героина. Его стоимость определяется суммой более 5 миллионов долларов».

Парижская газета «Монд» в этой связи тогда писала, что героин, который в Таиланде покупается по 1700 долларов за килограмм, затем перепродается в Соединенных Штатах по 20 тысяч долларов за килограмм. Такова была невероятная «норма прибыли», ради которой трупы убитых во Вьетнаме американских солдат и офицеров превращались в «тайники» для перевозки наркотиков.

А как же мораль, совесть, духовные ценности «стражей свободы и демократии», о которых так любили рассуждать те, кто в то время, по известному выражению американского генерала Лимэя, «вбивали

Вьетнам в каменный век», стремясь приобщить его к «сокровищам» западной цивилизации? Ну что вы, в самом деле, спрашиваете о таких отвлеченных вещах, когда открывается реальная возможность урвать миллионы!

**Реабилитация «грязной войны»**

Сейчас Америка пытается забыть о трагедии значительной части молодого поколения 60-х и начала 70-х годов, отравленного «грязной войной» во Вьетнаме, в которую оно было брошено волею тех, кто хотел создать на Индокитайском полуострове свой военный плацдарм. Более того, нынешняя американская администрация прилагает усилия к тому, чтобы прославить эту войну как героическую, а ее участников возвести на пьедестал победителей.

Когда я был в последний раз в Нью-Йорке в октябре 1984 года, американская пресса широко комментировала начавшийся тогда судебный процесс, который там расценивался как сенсация: бывший главнокомандующий американскими войсками в Южном Вьетнаме генерал Уэстморленд требовал по суду от крупнейшей американской телевизионной компании Си-би-эс возмещения за поруганную честь его мундира в размере 120 миллионов долларов!

В чем же суть этой сенсации? Видите ли, без малого три года тому назад, когда в Вашингтоне еще не считалось предосудительным говорить правду о скандально провалившейся агрессии США во Вьетнаме,— а точнее говоря, 23 января 1982 года,— телевизионная компания Си-би-эс провела длившуюся 90 минут телевизионную передачу, в ходе которой разбирался вопрос о том, кто же отвечает за этот скандальный провал.

«Цель этой передачи,— объявил тогда ее ведущий,— раскрыть одну из самых больших тайн той войны: почему наше правительство так долго верило и заставляло верить нас, что мы выиграем эту войну».

И вот на основании документальных данных и многочисленных свидетельств различных деятелей, принимавших участие в этой передаче, было установлено, в частности, что генерал Уэстморленд сознатель-

но извращал информацию о положении во Вьетнаме. Эту дезинформацию Пентагон передавал в прессу, чтобы хоть как-то ослабить бурно нараставшие протесты американской общественности, требовавшей прекращения «грязной войны» во Вьетнаме.

В ходе своей телевизионной передачи сотрудники компании Си-би-эс привели документальные данные, напомнившие, что в то время генерал Уэстморленд публично утверждал: «Война будет доведена до победы при должной решимости и при соответствующей поддержке внутри страны». Он заявлял это в конце 1967 года. А в самом начале 1968-го воинство Уэстморленда потерпело сокрушительное поражение, от которого оно так и не смогло оправиться.

Повторяю, обо всем этом телевизионная компания Си-би-эс напомнила 23 января 1982 года, и тогда генерал Уэстморленд, ушедший в отставку еще в 1972 году и тихо проживавший, всеми забытый, в своем фамильном особняке в городе Чарльстон, штат Южная Каролина, не рискнул протестовать. И только теперь, более двух лет спустя, он явно по чьей-то авторитетной для него подсказке затеял нынешний сенсационный процесс в защиту своей «генеральской чести». Кстати, судебные издержки этот генерал покрывал не сам, хотя он и жил безбедно,— за него платили доброхоты из одного «консервативного фонда», как туманно отмечала западная печать.

Что же случилось? А вот что: администрация президента Рейгана с некоторых пор начала предпринимать грандиозные усилия, пытаясь доказать, будто бы война во Вьетнаме вовсе не была постыдной для США, а в их военной истории даже стала доблестной страницей, и посему ее надо прославить.

Как известно, в Вашингтоне по инициативе президента был сооружен огромный монумент из черного гранита в честь этой войны, на котором выбиты имена 58 012 американцев, бессмысленно погибших во Вьетнаме (как заметил по сему поводу довольно язвительно 23 ноября 1984 года парижский еженедельник «Экспресс», к ним надо было бы добавить имена 60 тысяч ветеранов «грязной войны», которые по возвращении на родину покончили с собой самоубийством, будучи не в силах не только забыть о своем по-

зоре, но даже найти место в жизни). Памятник американцам, погибшим во Вьетнаме, был установлен также в Бостоне. На нем выбиты многозначительные слова: «Если я буду забыт, значит, я умер напрасно». И сам президент по случаю открытия этого памятника прислал свое приветствие.

Но и этого людям, решившим прославлять «грязную войну» во Вьетнаме, показалось мало. И вот в Вашингтоне был воздвигнут еще один памятник участникам этой войны — неподалеку от первого монумента дополнительно поставили бронзовые фигуры, изображающие трех «героев» этой агрессии — белого, черного и американца «испанского происхождения».

По сему поводу со всех концов страны были собраны 150 тысяч бывших участников войны во Вьетнаме, и президент произнес перед ними речь, преисполненную пафоса. Информируя телезрителей об этой пышной церемонии, корреспондент Си-би-эс констатировал: «В США идет процесс реабилитации вьетнамской войны». Во имя чего это делается?

Ответ на сей вопрос дают многочисленные сообщения о том, что в Соединенных Штатах сейчас ведется вербовка наемников для участия в необъявленной войне против Никарагуа. Поскольку конгресс не пожелал официально санкционировать эту войну, отказавшись предоставить средства на ее ведение, сейчас там предпринимаются маневры, имеющие целью изобразить дело так, будто не правительство, а некие, разумеется, анонимные «частные граждане» США финансируют банды, предназначенные для вторжения в Никарагуа, и, более того, вербуют американских наемников для участия в агрессии.

Конечно же, далеко не все ветераны этой «грязной войны» согласятся снова рисковать своей жизнью, превращаясь в «солдат удачи» (так именуют в США наемников), как бы ни была высока «плата за страх». Напротив, многие из них активно участвуют в антивоенной борьбе еще с тех пор, когда они, вернувшись из Вьетнама, швыряли на ступени Капитолия свои награды, полученные на этой преступной войне.

Но находятся, конечно, и такие, что, пройдя через страшный ад агрессивной войны, ожесточились, утратили человеческий облик, пристрастились к наркоти-

кам, спились и теперь готовы и дальше проливать чужую кровь, как воду. Вот они-то и нужны сейчас американским спецслужбам, занятым организацией необъявленных войн против тех стран, политический строй которых не по нраву Вашингтону.

Составной частью попыток «реабилитировать» войну во Вьетнаме являлся и шумный судебный процесс, вдруг учиненный отставным генералом Уэстморлендом против телевизионной компании Си-би-эс. Давая показания в суде 16 ноября 1984 года, он прямо обвинил средства массовой информации, и прежде всего телевидение, в том, будто «их освещение войны во Вьетнаме способствовало падению морального духа войск».

— Когда я заходил в Овальный кабинет Белого дома,— сказал Уэстморленд,— я видел, что президент Джонсон следит за передачами трех телевизионных компаний одновременно. У него даже в ванной комнате стоял телевизор...

По словам Уэстморленда, сенсационные телепередачи из Вьетнама оказывали на президента большее воздействие, чем его доклады. Он говорил о работниках телевидения с такой злобой, что один из журналистов, освещающих этот процесс, заявил: «Если бы сейчас этот старикан встретился с Кронкайтом, он бы его задушил» (Кронкайт в годы вьетнамской войны вел основные передачи компании Си-би-эс).

Выступая один за другим в суде, бывшие сослуживцы этого генерала всячески поддерживали его, утверждая, будто он не дезинформировал президента и страну о масштабах сопротивления вьетнамского народа. Разумеется, никто из них при этом не смел заикнуться о подлинной причине оглушительного и позорного поражения вооруженной до зубов армии агрессоров от руки сильного духом и полного решимости отстоять свою свободу и независимость вьетнамского народа.

Шумный судебный процесс длился несколько месяцев. Как и следовало ожидать, в конечном счете дело кончилось сговором между генералом и тележурналистами.

18 февраля 1985 года из Нью-Йорка поступило сообщение о том, что «адвокаты генерала Ч. Уэстмор-

ленда и телевизионной компании Си-би-эс начали переговоры с целью урегулировать вопрос об иске генерала на сумму 120 миллионов долларов, который был подан им против телекомпании. В соответствии с условиями проекта соглашения, который обсуждался в воскресенье, Си-би-эс не выплатит денег Уэстморленду. Си-би-эс, со своей стороны, не будет требовать от генерала оплаты судебных издержек».

На следующий день, 19 февраля, было объявлено, что судебный процесс «прекращается», и судья распустил жюри присяжных. «Война между генералом Уэстморлендом и телекомпанией Си-би-эс официально закончилась,— объявил ведущий телевизионной передачи другой компании — Эн-би-си.— Отставной генерал и Си-би-эс достигли компромисса, и федеральный судья подписал соглашение между ними. Тем не менее серьезные вопросы остались».

Да, серьезные вопросы остались. И прежде всего был оставлен в тени главный вопрос: почему воинство Уэстморленда, вооруженное до зубов самой современной техникой, потерпело поражение во Вьетнаме? Ни генерал, ни его бывшие сослуживцы, выступившие на суде в качестве свидетелей, ни телевизионная компания Си-би-эс, с которой судился Уэстморленд, отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы ответ был дан.

В течение нескольких месяцев в суде изучался только один вопрос: следовало или не следовало учитывать при подсчете численности вьетнамских бойцов местные силы самообороны и политических работников, которые действовали в подполье у оккупантов.

В газете «Нью-Йорк таймс» я прочел такой диалог представлявшего интересы компании Си-би-эс адвоката и одного из свидетелей:

«— Чем же занимались эти иррегулярные силы?

— Они собирали налоги (?) и произносили свои ужасные речи насчет Маркса и Ленина...

— Так что же, проводили митинги вроде того, как это делают функционеры республиканской и демократической партий во время избирательной кампании?

— О нет, ваша честь, я думаю, что они днем были политическими комиссарами, а ночью партизанами...»

В силу своей классовой ограниченности эти господа были не в состоянии понять, что нет в мире такой силы, которая могла бы удержать в рабстве народ, проникшийся твердой решимостью завоевать свободу и независимость. Теперь они твердили, будто победили бы во Вьетнаме, если бы в дополнение к их полумиллионной армии, пытавшейся огнем и мечом завоевать эту страну, президент Джонсон прислал бы еще сто — двести тысяч солдат. Какая тупая и близорукая позиция!

Наблюдая за этими неуклюжими попытками переписать заново историю провалившейся агрессии во Вьетнаме, цель которых — подготовить почву для новых авантюр этого рода, даже союзники США диву даются: неужели жизнь их ничему не научила?

«Как много времени потребовалось тогда (в начале 70-х годов), чтобы Америка пробудилась,— писала по этому поводу парижская газета «Монд»,— и поняла, что ей не удастся добиться победы! А ведь она ввела во Вьетнам более пятисот тысяч солдат, причем каждую неделю там погибало свыше пятисот ее сыновей, а ее гигантские бомбардировщики сбрасывали тысячи тонн бомб, охотясь на неуловимого врага».

Так что же? Забыть теперь все это, заявить, что война во Вьетнаме была доблестной, и начать новую военную авантюру где-нибудь в другом месте — скорее всего в Центральной Америке, которой уже дано название «заднего двора» Соединенных Штатов? Похоже на то, что именно об этом помышляют втайне те, кто сейчас в Вашингтоне публично именует бесславные действия их экспедиционного корпуса во Вьетнаме «великим образцом патриотизма».

И еще об одной стороне сенсационного процесса, продолжающегося в Нью-Йорке. Следует сказать: чем дальше, тем явственнее становится, что суть этого процесса заключается в том, чтобы надеть намордник на те американские средства массовой информации, которые до сих пор позволяли себе время от времени критиковать действия Пентагона. Как передавала телевизионная компания Эй-би-си, «если Уэстморленд выиграет дело, суды буквально захлестнет поток подобных исков, которые могут по рукам и ногам связать печать, телевидение и радио».

Знаменательно, что уже сейчас, как сообщил парижский еженедельник «Экспресс», американские суды завалены такими исками: за последние три года состоялось уже около ста судебных процессов против газет и журналов, причем каждый второй процесс заканчивался вынесением обвинительного приговора.

Так оборачивается на практике хваленая американская «свобода печати»...

**Профессиональные убийцы**

Но люди не механические куклы. Они не могут не вспоминать пережитого. Одни из них, ухитрившиеся сохранить в этом аду здравый рассудок, примыкают к антивоенному движению и борются за разрядку. Другие, утратившие во Вьетнаме человеческий облик, опускаются на дно американского общества и становятся самыми жестокими уголовными преступниками. Третьи, для которых война стала профессией, продают свои души любому черту или дьяволу, становясь их наемниками. Такие профессиональные убийцы воевали за доллары против народов, борющихся за свободу.

В январе — феврале 1976 года много шума наделала скандальная история посылки в Анголу сводного отряда наемников из США, Англии, Италии, Бразилии и других капиталистических стран. Этот отряд должен был помочь агенту ЦРУ Холдену Робертсу свергнуть законное правительство Анголы, возглавлявшееся Агостиньо Нето. Как писал 27 февраля 1976 года итальянский журнал «Эуропео», «сотни тысяч долларов, позволивших группе неудачников и уголовников организовать банду наемников, которые сражались несколько дней в Анголе против МПЛА и затем бесславно вернулись на родину, были предоставлены ЦРУ». Операция эта постыдно провалилась.

ЦРУ пробовало открещиваться от своих провалившихся наемников, но они сами без всякого стеснения говорили о том, кому служат. Еще до отъезда из Лондона один из организаторов этого бесславного похода, Теренс Хейнг, похваляясь мнимой «надежностью»

и «серьезностью» экспедиции, заявил: «Ни для кого не секрет, что доллары поступают из Соединенных Штатов». Норма Холл, бывший парашютист, изгнанный с позором из рядов английской армии за незаконную продажу оружия и нашедший прибежище в отряде наемников, даже показал журналистам сумку, полную долларов. Джон Бэнкс, также бывший парашютист английских вооруженных сил, с позором изгнанный оттуда за преступления и подобранный американской секретной службой (он руководил вербовкой наемников в Англии), уточнил, что «деньги поступали от ЦРУ через американское посольство в Лондоне».

Наемникам обещали золотые горы: 150 фунтов стерлингов «подъемных», оклад в размере 150 фунтов стерлингов в неделю, месяц оплаченного отпуска и бесплатный билет на самолет до любого пункта земного шара плюс «сдельная оплата»: «750 фунтов стерлингов за каждый подбитый танк, 250 фунтов стерлингов за каждого убитого солдата, 1200 фунтов стерлингов за каждого захваченного в плен офицера» (я цитирую итальянский журнал «Эуропео».— *Ю. Ж.*). Наемников искали повсюду, даже в Австралии и в Бразилии, откуда Рольф Стейнер отправил в Анголу для участия в боевых действиях на стороне банды УНИТА около тысячи человек.

Отряд, посланный в Анголу из Лондона, должен был сражаться на стороне руководителя другой банды под командованием «полковника» Питера Макэллиса, который в действительности дослужился в войсках особого назначения английских ВВС лишь до чина капрала, и «полковника Кэллена» (его подлинное имя Костас Георгиу) — кипрского грека по происхождению, бывшего английского парашютиста, уволенного из армии и приговоренного к пяти годам тюремного заключения за вооруженное ограбление. «Полковник Кэллен» «прославился» в Анголе своей садистской жестокостью.

Я видел по телевидению, как отправлялось в Заир это «воинство свободного мира»,— оно бежало к самолетам трусливой рысцой, закрывая лица от кинооператоров и фотографов — у каждого явно было что-то, что надо было скрывать от правосудия. А ведь эти мерзавцы претендовали на роль «спасителей сво-

бодного мира»! В итальянском журнале «Темпо» 22 февраля 1977 года я прочел такое сообщение о встрече журналистов с вербовавшим наемников в Италии «майором» Полем Дэниэлсом, который в действительности, как и Макэллис, дослужился в армии лишь до чина капрала:

— Дэниэлс убежден, что завербованные им люди — это те, кто, движимые настоятельной потребностью защищать «свободный мир», записались добровольцами. Твердо убежденный в том, что «предатели» проникают повсюду («в Великобритании они проникли в газеты, и даже в правительстве есть люди, работающие на них»), Дэниэлс объяснил корреспонденту журнала «Темпо», что если кто-то не поможет ему и его соратникам, то через восемь лет Советский Союз не только завоюет Европу, но и установит господство над самими Соединенными Штатами.

Как писали зарубежные газеты, ЦРУ удалось сколотить в помощь банде Холдена Робертса, пытавшейся свергнуть законное правительство Анголы, своего рода иностранный легион — в нем служили люди из Южно-Африканской Республики, Португалии, Австралии, США. Отряд, прибывший из Лондона, также был весьма пестр по составу. Американцы не ладили с англичанами, и с этого начались его бедствия.

В одном из первых боев патруль наемников принял автомашину «лендровер», в которой ехали английские наемники, за танк противника. Он открыл огонь из американского противотанкового орудия. Двое англичан были убиты, двое ранены. Разъяренный «полковник Кэллен» тут же казнил американца, который стрелял из пушки,—он всадил ему пули сначала в ноги, затем в плечи и, наконец, в голову. Остальные солдаты патруля начали возмущаться этой расправой. Тогда Кэллен заявил, что это мятеж, и приказал старшему сержанту Реймонду Коупленду расстрелять их всех.

Двадцатидевятилетний Коупленд, бывший капрал английских парашютных войск, заядлый алкоголик и садист, любил такие поручения. «Я готов убить любого, если мне заплатят как следует»,— любил он повторять. И теперь, получив приказ Кэллена, он тут же несколькими очередями из автомата уложил че-

тырнадцать человек. Не все они умерли сразу, и Коупленд приказал другим наемникам добить их. Тех, кто отказывался это сделать, он также расстрелял.

Возник скандал. «Полковник» Макэллис распорядился казнить Коупленда. Тот умолял пощадить его, но американский капитан Том Уотс заявил, что если Коупленд не будет расстрелян, то весь американский отряд наемников покинет фронт. «Приговор» был приведен в исполнение — в Коупленда всадили сорок пуль. Эта история произвела удручающее впечатление на всех наемников, и они отказались сражаться. Их распустили по домам, уплатив каждому по 600 долларов. «Таким образом,— писал по этому поводу журнал «Эуропео»,— антикоммунистический поход, финансированный ЦРУ, закончился как трагический фарс».

Но прошло всего два месяца, и этот «трагический фарс» начался снова.

Когда в апреле 1977 года в Заире разгорелась борьба против поддерживаемого Соединенными Штатами режима Мобуту, в США снова был приведен в движение механизм вербовки головорезов, прошедших школу человекоубийства во Вьетнаме. Как сообщила американская газета «Ньюсдей», этим делом занялся в Калифорнии некий Дэвид Бафкин. Вот что передало агентство Франс Пресс 17 апреля 1977 года:

«ЦРУ тайно поддерживает вербовку в Соединенных Штатах и в Англии сотен наемников, посылаемых в Заир, чтобы помогать войскам президента Мобуту Сесе Секо»,— пишет газета «Ньюсдей», выходящая в Лонг-Айленде, вблизи Нью-Йорка. «Ньюсдей» получила эту информацию от сотрудников разведывательных служб и сообщила, что ЦРУ поддерживает тесный контакт с калифорнийцем Дэвидом Бафкином. Последний, указывает «Ньюсдей», руководит в Соединенных Штатах кампанией вербовки наемников, предназначенных для Заира. Калифорнийская печать уже сообщала, что Бафкин начал вербовку людей, имеющих опыт ведения боев, пояснив, что их ежемесячное жалованье будет составлять 1200—2000 долларов».

«Ньюсдей» указывала, что ЦРУ оказывает финансовую поддержку кампании вербовки, а также что ЦРУ отказалось сотрудничать с министерством юстиции, которое проводило расследование деятельности Бафкина; последний, по-видимому, уже вербовал на-

емников для Анголы. Трое из наемников были там убиты, еще трое пленены и отданы под суд. Суд приговорил одного из них к смертной казни.

Газета «Сан-Франциско кроникл» сообщила, что Бафкин — бывший американский военнослужащий и что он был вовлечен в большое количество операций по посылке наемников в Латинскую Америку и в Африку в 60-х годах. Он рекрутировал и добровольцев в Анголу, публикуя рекламные объявления в газете, в которых говорилось, что требуются люди, обладающие «военной подготовкой», готовые идти на «большой риск» в Африке, за что им будет уплачиваться зарплата в размере до 2 тысяч долларов в месяц.

«Бафкин,— уточнила газета,— признался в том, что он публиковал эти объявления и готовил к отправке в Африку 100 американских наемников для войны против Анголы с территории Заира. Но он отказался сказать, кто ему предоставил деньги для проведения этой операции».

Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала сообщение под заголовком «ЦРУ отрицает, что оно помогает вербовке наемников», где говорилось:

«Вашингтон, 17 апреля. Сегодня Центральное разведывательное управление категорически опровергло, что оно связано с вербовкой солдат-наемников для помощи Заиру в отражении вторжения катангцев из Анголы, находившихся там в эмиграции».

«Мы нигде не вербуем наемников ни для каких войн,— сказал помощник директора Центрального разведывательного управления по связи с общественностью адмирал Стэнсфилд Тэрнер.— И мы не помогаем никому в подобной вербовке».

Однако это опровержение не было принято всерьез даже американской прессой. Передо мною лежит присланный мне из Калифорнии одним из противников агентуры ЦРУ номер газеты «Сан-Франциско кроникл» от 18 апреля 1977 года с большой статьей «Набор наемников для Заира», иллюстрированной портретом Дэвида Бафкина в военной форме. В ней говорится:

«Хотя ЦРУ отрицало свое участие в операции по набору наемников для посылки в Анголу, появились две улики, доказывающие, что это агентство было вовлечено в данную операцию. Во-первых, это письмо об отставке, посланное Тэрнеру на прошлой неделе агентом ЦРУ Джоном Р. Стокуэллом. В письме, которое Стокуэлл предал гласности в знак протеста против политики агентства, он отмечает, что в прошлом году он возглавлял боевой отряд ЦРУ в Анголе.

Во-вторых, источники, связанные с разведкой, передали в «Ньюсдей» документацию, из которой явствует, что один из американских наемников, убитых в Анголе, также был агентом ЦРУ. Это — Джордж В. Бэкон, который в официальных списках числился как бывший военный врач, находящийся на службе во Вьетнаме. В действительности же он действовал в Лаосе, участвуя в командовании антикоммунистическими вооруженными силами племени Мео, которые были вооружены ЦРУ в ходе одной из крупнейших акций, проводившихся этим агентством в Юго-Восточной Азии».

В августе 1977 года в западной печати появились бесчисленные репортажи о новой волне наемников, захлестнувшей Африку,— теперь они держали путь в Родезию, где обанкротившийся расистский режим Смита прилагал отчаянные усилия, чтобы любой ценой подавить все более усиливавшееся национально-освободительное движение.

Сообщения печати об отправке наемников в Африку вызвали замешательство у американской администрации, поскольку вербовка наемников в США запрещена законом. Но, как обычно, никаких мер против нарушителей этого закона не было предпринято.

3 декабря 1977 года вице-президент США Мондейл давал интервью группе редакторов американских газет. Редактор одной из газет, выходящих в Балтиморе, Мозес Ньюсон в упор спросил его:

— В связи с нашей ролью в Южной Африке не беспокоит ли вас, что американские наемники все еще воюют и работают бок о бок с родезийцами? Можем ли мы сделать что-либо в этой связи, вплоть до того, чтобы открыто высказаться против этого?

Вице-президент США несколько смущенно ответил:

— Нас это беспокоит, и, по-моему, были заявления протеста против этого. Мне думается, совершенно ясно, что вербовка наемников здесь, в Соединенных Штатах, противоречит закону. Если будет обнаружено, что что-либо подобное происходит здесь, в отношении этих людей будет проведено расследование и против них будет возбуждено судебное дело. Вербовать наемников в Соединенных Штатах — это противоречит законам страны. Мы возражаем против этого. Сейчас вопрос о том, каким образом решать эту

проблему: следить за соблюдением закона, пытаться добиться мирного разрешения конфликта в Родезии...

Но редактор из Балтимора не унимался. Он снова спросил:

— Но вы считаете, что министр юстиции может что-то сделать в отношении этих наемников?

И снова послышался смущенный ответ:

— Иными словами, мы не можем найти никаких свидетельств вербовки наемников здесь, в Соединенных Штатах.

— Говорят, что они отправляются по собственной воле? — продолжал свои вопросы Мозес Ньюсон.

Но вице-президент ограничился повторением того, что он уже сказал:

— Мне известно, что закон запрещает вербовку наемников в нашей стране. Мне известно, что это подвергается публичной критике. Я не знаю, каковы точные формулировки. Но законно ли вызываться ехать туда добровольцами не по вербовке (я сомневаюсь, что это так) — это уже другой вопрос. Но мы не только против этого — это противоречит закону, и, если мы обнаружим, что кто-то поступает так, против этих людей будет возбуждено судебное дело.

Увы, никакое судебное дело «против этих людей» так и не было возбуждено. Сверхбдительное, когда речь идет о слежке за прогрессивно мыслящими людьми, располагающее картотекой на миллионы американцев и изощренной системой «контроля над мыслями», Федеральное бюро расследований «не смогло найти» вербовщиков наемников, хотя они (тот же Бафкин, к примеру) действовали открыто и даже публиковали свои рекламные объявления в газетах и раздавали направо и налево интервью!

Тем временем отправка наемников в Африку продолжалась. О том, как они там действовали, помогая расистскому режиму Смита зверски подавлять национально-освободительную борьбу коренного населения Родезии, весьма откровенно рассказал американский писатель Робин Мур (автор нашумевших на Западе книг «Связь через Францию» — о спекуляции наркотиками и «Зеленые береты» — в этой книге он прославлял действия американских агрессоров во Вьетнаме). О деятельности наемников в Родезии писали

также американский журнал «Ньюсуик», западногерманский журнал «Шпигель» и парижская газета «Монд».

О, конечно же, буржуазные литераторы старались обойти острые углы. Робин Мур, к примеру, говорил, что «люди, едущие воевать в Родезию» (мне трудно называть их людьми, до такой степени они утратили человеческие черты), «не любят, чтобы их называли наемниками». Им милее выражение «профессиональные солдаты». Сам Мур именовал их «потерянными солдатами». Но в конце концов разве дело в этикетке? Суть-то дела ясна: это — профессиональные убийцы!

Вот перед вами майор Вильямсон, который ремеслу человекоубийства посвятил всю свою жизнь. Он охотно занимался им в Корее, потом во Вьетнаме, потом в Заире — под командованием пресловутого «сумасшедшего Майка» — «полковника» Хора. Теперь он в Родезии. И всюду одно и то же: стрельба, резня, кровавые карательные экспедиции.

В июле 1977 года карательная «рота безопасности», которой командовал Вильямсон (она не нравилась ему самому — солдаты пьянствовали и принимали наркотики), была наголову разгромлена партизанами Родезии, а сам он был ранен. Ну что ж, его увезли в Соединенные Штаты, подлечили во Флориде, и он снова оказался в Родезии — командовал «боевым подразделением» в районе Булавайо, на юго-западе страны.

Вот капрал Уэйн Уолкер из Виргинии — профессиональный убийца, начавший, как и Вильямсон, свою карьеру в Корее. Он командовал родезийской военной полицией в Умтала, на границе с Мозамбиком.

Вот лейтенант Боуэрс, бывший летчик американских ВВС, прошедший школу человекоубийства во Вьетнаме,— он три года бомбил и жег там деревни «вьетконговцев». В Родезии Боуэрс занимался тем же кровавым делом: двадцать дней в месяц проводил в джунглях, охотясь на чернокожих.

Вот супружеская чета — Джеффри и Маргарет Вассерманы из Хьюстона, штат Техас,— «сорвиголовы», как рекомендовал их Мур. Джеффри служил в родезийской «легкой пехоте», Маргарет — в «жен-

ской армии Родезии»: она научилась орудовать пистолетом калибра 9 миллиметров и израильским автоматом марки «Узи» — может разобрать и собрать их с завязанными глазами. Эти помоложе своих коллег, поэтому они не успели повоевать ни в Корее, ни во Вьетнаме. Но Джеффри важно говорил: «Я чувствую, что ситуация здесь схожа с вьетнамской»,— родезийские «черные» ему были столь же ненавистны, как и вьетнамцы. Вместе со своей воинственной супругой он был готов беспощадно их истреблять.

Вот наемники из ФРГ. Перед вами сержант Герман Хейнлих Хукке. Он восемь лет воевал во Вьетнаме и в Алжире, служил там во французском иностранном легионе. Теперь воевал в «специальной авиационной части»; выполняя боевые задания, совершил тридцать прыжков с парашютом. С ним его соотечественник Петер Шустер. Этот прошел школу в бундесвере и теперь муштровал солдат родезийской «легкой пехоты». Он уверял, что применяемые здесь «более жесткие» приемы военного обучения эффективнее тех, какие существуют у него на родине.

Вот французский капрал Жан Дебль. И он, как и Хукке, занимался человекоубийством в Алжире — служил парашютистом. Когда война там закончилась победой алжирского народа, Дебль вступил в ряды фашиствующей организации ОАС, пытавшейся свергнуть правительство де Голля. Провалилась ОАС — он отправился служить наемником в Габон. Потом опять же наемником служил в Заире. Теперь нанялся в так называемый «селусский разведотряд» [1], который особенно зверски расправлялся с негритянским населением Родезии. («Это специалисты по грязным трюкам»,— писал 18 июля 1977 года американский журнал «Ньюсуик».)

Еще один француз — Пьер Марэн. Он был относительно молод: ему исполнилось всего 34 года, но он уже успел дважды повоевать в Заире, а кроме того, в Биафре (Нигерия), Чаде и послужить в Джибути. Не важно, где убивать людей, лишь бы хорошо за это платили!..

---

[1] Эта отборная «специальная часть» вооруженных сил расистского режима Родезии названа по имени родезийского охотника Куртии Селуса, жившего на рубеже XIX и XX веков.

2 декабря 1977 года французская печать сообщила, что «в Лионе проводится вербовка французских наемников для Родезии». Стало быть, спрос расистов на пушечное мясо не иссякал!

Перечень наемных убийц можно было бы продолжать очень долго. Но и сказанного достаточно, чтобы представить себе подлинное лицо тех, кто выдавал себя за спасителей цивилизации от «марксистских террористов», как злобно именовали в беседах с журналистами участников национально-освободительной борьбы в Южной Африке.

Для наемников человеческая кровь что вода, и они, не задумываясь, а иногда и с садистским удовольствием лили и льют ее повсюду, куда их посылали,— раньше в Корее, во Вьетнаме, в Алжире, в Конго, в Анголе, потом в Южной Африке. За это платят, и платят неплохо — что ж тут церемониться? — рассуждают наемные убийцы.

Когда их спрашивали, почему все же они избрали это ремесло, они, не задумываясь, барабанили заученные фразы из статей растленной буржуазной прессы:

— Мы боремся против коммунизма.

— Мы спасаем западную цивилизацию.

— Мы уничтожаем террористов.

Иногда слышался и такой мотив: «Мы ищем приключений». Именно в этом духе объяснили свое поведение в беседе с журналисткой газеты «Монд» молодые французские наемники, не пожелавшие назвать своих фамилий и укрывшиеся под псевдонимами Жан и Пьер. В статье «Приключение на кончике винтовки», опубликованной 29 августа 1977 года, корреспондентка «Монд» Жозиана Савиньо писала:

— Война приносит им определенное удовольствие. «Конечно,— признаются они,— когда начинается огонь, в течение одной-двух минут испытываешь кошмар и тогда спрашиваешь себя: что же ты тут делаешь?» Но их колебания вскоре исчезают, потому что они любят (!) воевать.

А «один из друзей» Пьера и Жана — «более взрослый, более опытный, со шрамами от ранений» пояснил корреспондентке: «Они избрали такой путь, пото-

му что это приносит восторг (?), а кроме того, это рентабельно (!), о чем не следует забывать».

Да, забывать об этом не следует: в бездушном мире голого чистогана зверские расправы с людьми, виновными лишь в том, что они хотят свободы и равенства с другими народами, рентабельны — за них щедро платят. И те, кто получает эту щедрую плату, механически, без всяких угрызений совести и даже с «определенным удовольствием», как выразилась Жозиана Савиньо, занимаются этим чудовищным ремеслом. Один из этих наемников с циничной откровенностью сказал ей:

«Нам платят за то, что мы деремся. Так же, как платят каменщику за то, что он строит дом. Это одно и то же (?!). Во время боя в счет идет только техника. Делаешь необходимые жесты. Выполняешь свою миссию. Не спрашиваешь себя, справедлива эта борьба или нет».

Вот как оборачивается на практике «любовь к приключениям» этих авантюристов, ищущих в убийстве рентабельность!

Но были среди этих наемников и такие, которые искали в Родезии не только деньги. Кое-кто — например, тот же «сорвиголова» Джеффри Вассерман и его воинственная супруга Пегги из Техаса — рассуждали в духе модных в Вашингтоне теорий о важности мирового господства Соединенных Штатов:

«Пегги и я боремся за то же дело, которое американцы защищали во Вьетнаме,— говорил Джеффри.— Родезия должна остаться в свободном мире (читай: в мире капитализма.— *Ю. Ж.*). В случае войны Америке будет нужен родезийский хром высокого качества...»

«Я думаю,—вторила ему Пегги,— что наш долг состоит в том, чтобы оставить нашим потомкам мир по крайней мере столь же обширный, как тот, который мы сами получили в наследство...»

В свою очередь, воспитанник американских ВВС Боуэрс считал, как писал Мур, что «для него важно сохранить Родезию в зоне западного влияния, ибо это богатая и стратегически важная страна».

Видите, как все для этих «сорвиголов» просто и ясно: Америке нужен для военных целей родезийский

хром, она должна сохранить под своим господством «столь же обширный» мир, какой США контролировали раньше, а посему надо утопить в крови национально-освободительную борьбу народов Южной Африки! И вот ради этого в Родезию со всех концов страшного, больного гангреной совести мира капитализма — мира, имеющего бесстыдство именовать себя свободным, мчались тысячи наемников, ищущих «приключения на кончике винтовки».

«Каждую неделю,— писал Робин Мур,— десятки мужчин и женщин прибывают в Солсбери, чтобы записаться в родезийские войска. Среди них — англичане, французы, австралийцы, южноафриканцы, немцы, португальцы... И много американцев. Почти все — ветераны войны во Вьетнаме. В армии родезийского правительства американцы находятся на всех уровнях — от рядового солдата до майора. Они пилотируют вертолеты и истребители, они выполняют особые задания вдоль границы с Мозамбиком и служат в бригадах южноафриканской полиции. Их находишь в таких столь специальных частях, как РЛЛ («легкая пехота»), САС (ударные командос, перебрасываемые самолетами), и они часто участвуют в миссиях печально знаменитого «селусского разведотряда»...

Сколько их было там? По оценке Мура, этот «иностранный легион», состоящий на службе у родезийских расистов, насчитывал летом 1977 года две тысячи опытных солдат и офицеров, «воодушевленных антикоммунистическими чувствами». В их руках было командование. Им была доверена лучшая боевая техника. Как же действовали наемники? На этот вопрос с циничной откровенностью, и притом весьма обстоятельно, ответил служивший в качестве наемника в родезийской армии «один немец из ФРГ» на страницах журнала «Шпигель» — 24 октября 1977 года (фамилию его редакция журнала предусмотрительно не назвала). Вот что он рассказал. Я цитирую:

«Приказ о выступлении пришел в воскресенье. Люди идут сейчас в церковь, а мы будем убивать террористов,— сказал сержант.— Пока мы разбирали оружие и спешили к вертолетам, нам объяснили боевое задание. Все шло в соответствии с принятой системой: Селусский разведотряд выследил группу террористов и по радио информировал нашу базу. Теперь нам предстояло выполнить черную работу — уничтожить противника,

Пять вертолетов (четыре были оснащены пулеметами, пятый— 22-миллиметровой пушкой) стояли уже наготове; в каждом из них заняли места по три солдата и по одному унтер-офицеру. В пятом находился майор, который с воздуха управлял боем и из пушки расстреливал преследуемых. Операция напоминала охоту с облавой. Вертолеты высадили нас. Мы окружили обнаруженную группу и, растянувшись цепочкой, начали прочесывать местность. Затем прилетел вертолет, который стал палить из пушки. Нам оставалось лишь довершить дело.

Во время этой воскресной операции мы взяли шесть пленных. По-видимому, это были носильщики, так как при них не было оружия. Обычно мы пленных не брали. Я не могу сказать, почему. Но всех, кто сотрудничал с террористами [1], позднее так или иначе вешали по приговору суда. Поэтому не имеет значения, будет ли захваченный нами человек расстрелян на месте или осужден позднее в Солсбери».

В конце ноября 1977 года весь мир облетели взволновавшие честных людей телеграммы, из которых стало ясно, чем же занимались проникавшие в Мозамбик ландскнехты из «Селусского разведотряда» и частей САС. Вот некоторые из этих телеграмм:

— Солсбери, 28 ноября. Родезийское военное командование объявило, что более 1200 черных партизан были уничтожены в результате глубокого рейда на территорию соседнего Мозамбика, причем родезийская сторона потеряла одного(!) солдата...

— Лондон, 29 ноября. Газета «Таймс» сообщила, что мозамбикские солдаты в субботу похоронили в общей могиле, в 18 милях от Шимойо, около 100 детей в возрасте от 11 до 14 лет. Они были убиты родезийскими войсками...

Это была очередная злодейская атака расистского режима Солсбери на лагеря беженцев из Родезии, нашедших приют в соседнем Мозамбике.

Хладнокровное, поистине беспрецедентное истребление беженцев, в том числе детей, женщин и стариков, было осуществлено, как писала английская газета «Гардиан», «войсками ВВС специального назначения» — теми самыми САС, куда мечтал определиться западногерманский наемник, выступивший со своими откровениями в журнале «Шпигель».

Вот как описывал их действия в районе Шимойо корреспондент американского агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл: «Вертолеты выбросили десант,

---

[1] Так расисты клеветнически именуют партизан, борющихся за национальное освобождение.

и десантники начали методично (!) уничтожать тех, кто был в лагере...»

Таковы факты, и никакие словесные опровержения ЦРУ и прочих инстанций не смогли их поколебать. А что касается разговоров насчет того, что закон США запрещает гражданам становиться наемниками иностранных государств и что их в случае нарушения этого закона якобы ждет суровая кара, то американские ландскнехты, поступившие в распоряжение родезийских расистов, попросту смеялись над ними.

Вот что сказал, к примеру, Робину Муру американский наемник Боуэрс:

— Я изучил юриспруденцию, когда учился в университете штата Алабама. Недавно Верховный суд США постановил, что американец не может утратить американскую национальность, поступая на службу в иностранную армию. Вас могут обвинить в измене лишь в том случае, если вы сражаетесь против американских вооруженных сил либо против вооруженных сил страны, являющейся союзницей Америки, но это в Родезии случиться не может...

Чем все это кончилось, читатель, конечно, помнит. Как ни зверствовали войска расистов в Родезии, как ни усердствовали наемники, нанятые колонизаторами, народ этой страны завоевал свободу. Наемникам — в который уже раз! — пришлось бежать оттуда. К власти пришли подлинные хозяева этой страны, которой было возвращено ее исконное имя — Зимбабве.

Но и этот урок не пошел впрок тем, кто по-прежнему мечтает обратить ход истории вспять. Об этом выразительно напоминают события, разразившиеся в восьмидесятые годы в другом регионе земного шара — в Центральной Америке. В последнее время, как я уже упомянул, секретные службы ЦРУ, закамуфлированные под «частные предприятия», заняты вербовкой «псов войны» для организации диверсий в Никарагуа, именуемых руководителями США «освободительной борьбой».

Американская пропаганда, голословно отрицая общеизвестные факты грубого вмешательства агентуры ЦРУ во внутренние дела Никарагуа, твердит, будто

бы на территории этой страны сражаются против правительства этой страны «народные массы», желающие свергнуть его. Не далее, как 16 февраля 1985 года сам президент США в своем очередном обращении по радио к американцам пытался придать «законный» характер террористическим действиям засылаемых ЦРУ в Никарагуа бандам насильников и убийц, называя их «братьями» американцев и «борцами за свободу». «В конечном итоге,— сказал он,— их борьба — это наша борьба».

А что там происходит в действительности? По сообщениям американской печати, для организации необъявленной войны против Никарагуа в соседний с этой страной Гондурас было направлено 200 сотрудников ЦРУ и 400 нанятых по контракту бывших офицеров ЦРУ и военной разведки. Вдоль границ Никарагуа было создано около 25 баз наемников, именующих себя «контрас», что практически означает контрреволюционеров.

Главный центральноамериканский штаб ЦРУ находится там же, в Гондурасе, на военно-воздушной базе Агуаката. Оттуда американские летчики совершают свои бандитские налеты на Никарагуа. Один из вертолетов ЦРУ типа «Хьюз-500» был сбит 1 сентября 1984 года, когда он пытался атаковать военный центр Санта-Клара. Документально было установлено, что погибшие члены экипажа были не никарагуанцами и даже не гондурасцами, а чистокровными американцами, нанятыми ЦРУ из числа ветеранов вьетнамской войны. Они состояли в военизированной профашистской организации штата Алабама.

Отряды «контрас», сформированные главным образом из бежавших из Никарагуа после победы революции офицеров и солдат диктатора Сомосы, насчитывают около 18 000 человек. На их вооружение и обучение ЦРУ израсходовало многие миллионы долларов. Главный штаб этого воинства, как писал американский журнал «Тайм» 4 апреля 1983 года, находится в руках ЦРУ, он состоит из экспертов этого разбойничьего управления и представителей командования Южного военного округа США. Ему подчиняется «рабочий штаб», руководимый резидентом ЦРУ в Гондурасе по кличке «Карлос».

Характерно, что чем дальше, тем шире становится непосредственное участие американцев в этой необъявленной войне. Как писал 20 января 1985 года в газете «Вашингтон пост» ее обозреватель Дж. Андерсон в статье «Американские авантюристы в Никарагуа», там «появляется все больше американских добровольцев», как он именует наемников ЦРУ, причем администрация США «держит втайне» их присутствие там. Андерсон сообщил, что из «одного источника» ему стало известно о существовании «бригады (!) в составе 2—3 тысяч американцев, готовых отправиться в бой».

Не является секретом тот очевидный факт, что большинство этих наемников составляют те бывшие солдаты и офицеры, которые участвовали в «грязной войне» во Вьетнаме и превратились там в профессиональных убийц.

### Последний бой Джона Габрона

Время от времени в печать проникают сообщения и о таких людях, которых участие в «грязной войне» во Вьетнаме попросту довело до потери всякого человеческого облика. И это порой влечет за собой поистине страшные кровавые драмы — они совершают убийства ради убийства, у них развилась потребность убивать. Вот что я прочел в одном из номеров американского журнала «Тайм»:

«Было спокойное августовское утро, когда двадцатидвухлетний ветеран войны во Вьетнаме Джон Габрон отправился в свою последнюю разведку. Одевшись в военную форму, нахлобучив на голову стальную каску и вооружившись винтовкой со снайперским прицелом, он вскарабкался на покрытый густыми зарослями кустарника холм в лесопарке Гриффит у Лос-Анджелеса и засел там, наблюдая за дорогой, проходившей внизу. Вскоре на дороге появился легкий грузовичок,— двое лесничих ехали по своим делам. Габрон взял их на мушку и захватил в плен. Как рассказал потом один из лесничих, Габрон объяснил им, что «он жил с оружием и хотел умереть от оружия». К счастью, и его пленники и он сам уцелели: подоспела полиция, и после долгой осады ветеран вьетнамской войны сам сдался в плен...

Со страниц журнала глядел молодой усатый длинноволосый парень в стальных наручниках — снимок был сделан сразу же после ареста. Поражали какая-то странная пустота в его глазах и необычайно спокойное выражение лица. Психиатры, обследовав-

шие Джона Габрона, установили, что он абсолютно здоров, и вскоре он предстал перед муниципальным судом Лос-Анджелеса...

Америка поеживается, читая подобные сообщения, публикуемые в разделе «Поведение людей». Уж больно частыми становятся эти необъяснимые и опасные рецидивы страсти к насилию, ее носят в сердце многие тысячи молодых людей, научившихся в годы войны во Вьетнаме проливать человеческую кровь, словно водицу.

— Эта история далеко не единична,— заявил журналистам по поводу странной охоты на лесничих, затеянной Джоном Габроном в лос-анджелесском парке, доктор Леонард Нефф, главный психиатр государственного психиатрического центра для ветеранов, находящегося в калифорнийском городе Брентвуде.— В Соединенных Штатах сейчас тысячи джонов габронов. Наполняющий их души потенциал насилия столь велик, что это является предметом больших опасений нации...

Проходят месяцы, проходят годы после того, как молодые американцы вернулись домой из Вьетнама, где они вели постыдную, кровавую, агрессивную войну, опозорившую их страну и их самих, а раненые души их все еще не обрели покоя. По оценке бывшего главного психиатра госпиталя для ветеранов в Миннеаполисе Черри Седарлиффа, 50 процентов (половина!) из 2400 тысяч молодых американцев, принимавших участие в войне во Вьетнаме, нуждаются в «профессиональной помощи для приспособления к гражданской жизни», то есть, попросту говоря, в психиатрическом лечении. А ведь это были крепкие, физически закаленные и образованные парни — 85 процентов из них окончили среднюю школу.

Что же с ними сталось? Вот данные официальной статистики: каждый четвертый из 800 тысяч ветеранов войны во Вьетнаме, которых пришлось определить на лечение в госпитали по возвращении на родину, пытался покончить самоубийством. 50 тысяч ветеранов получают «правительственное пособие за психическое расстройство». 26 процентов ветеранов, служивших во Вьетнаме, пристрастились к героину и другим наркотикам, в которых они ищут забвения пережитого,— по ночам их гложет совесть.

Все это столь серьезно сказалось на душевном здоровье целого поколения американцев, что психиатрия в США открыла новую главу в своих изысканиях. «Послевьетнамский психиатрический синдром» — так названо новое психическое отклонение, с которым ей приходится бороться.

— Симптомы этого явления наблюдаются в двух версиях,— заявил осенью 1976 года психиатр из Лос-Анджелеса Сирил Барнерт.— Огромное большинство ветеранов просто впадает в депрессию и оказывается не в состоянии приспособиться к обычной жизни. Они болтаются без дела по улице, курят марихуану, иногда берутся за какую-нибудь легкую работу, но вскоре бросают ее. Время от времени они играют в войну. В Лос-Анджелесе, например, они собираются среди руин сгоревшего парка аттракционов и разыгрывают сражения. Некоторые ветераны целиком погружаются в мир кошмарных воспоминаний о своем военном опыте. Один ветеран из города Каспер в штате Вайоминг, который сжег напалмом детский дом во Вьетнаме, без конца вспоминает о том, как корчились и пронзительно кричали горящие дети. Другой ветеран из города Флинт в штате Мичиган целыми днями чистит свою винтовку, ничем больше не занимаясь.

— Но есть и более опасные проявления «послевьетнамского психиатрического синдрома»,— продолжал Сирил Барнерт.— Ветераны применяют методы военного террора к членам своих семей, друзьям и даже незнакомым людям. Они без всяких к тому причин избивают детей, пускают в ход оружие. У некоторых из них, когда они слышат шум реактивного самолета, происходит провал в сознании, и тогда они могут совершать преступления.

Специалисты отмечают, что действие «послевьетнамского психиатрического синдрома» усугубляется тем, что агрессия Пентагона против народа Вьетнама оставила в американском народе ощущение глубокого стыда и вины, и когда ветераны вернулись домой, их ждал негостеприимный прием. «Они смотрят на меня, как на убийцу и чудовище»,— сказал один ветеран из Лос-Анджелеса психиатру Хэмлину Эмори. «Ветераны озлоблены,— заключил другой специа-

лист.— Они хотят пустить кровь обществу так сильно, как только смогут».

Психиатр из Йельского университета Роберт Лифтон, автор книги «Домой с войны», подчеркивает, что американские ветераны войны во Вьетнаме живут отчужденно, избегая контактов с людьми. По данным опроса, проведенного фирмой Харриса, только 18 процентов из них вступили в реакционные организации бывших участников войн — «Американский легион» или «Ветераны войн за рубежом», в то время как в былые времена 43 процента американцев, возвращавшихся с войн, становились участниками этих организаций...

Но гангрена совести губит не только американцев, которые имели несчастье оказаться во Вьетнаме с оружием в руках. Дух цинизма и тяга к насилию все больше распространяются в Соединенных Штатах, а поскольку оружие там может запросто купить или даже выписать по почте любой, кому это вздумается, жизнь в этой стране становится все более опасной, особенно в больших городах.

**Города, объятые страхом**

Это мегалополисы, как их там называют. Их шестнадцать, и в каждом—более двух миллионов жителей. Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес, Филадельфия, Детройт и другие гигантские мегалополисы ширятся и ширятся из десятилетия в десятилетие, вытягивая во все стороны, словно щупальца, свои предместья.

Особенно быстро мегалополисы росли в 60-х годах. Растут они и сейчас, вытягивая все выше к небу свои семидесятипятиэтажные, стоэтажные, стодвадцатиэтажные дома из стали, алюминия, меди, титана, бетона, пластика, стекла. Накануне двухсотлетия Соединенных Штатов они прихорашивались — у подножия небоскребов бьют фонтаны, возвышаются модные скульптуры, зеленеют молодые деревья, посаженные в кадки с землей, привезенной издалека. Их часто приходится менять — растения быстро задыхаются в чаду.

Архитектура многих новых небоскребов велико-

лепна. Их силуэты часто фантастичны: иные напоминают пирамиды ацтеков, иные — круглые — похожи на гигантские стволы доисторических деревьев, иные — на застывшую вдруг волну океанского прибоя. Стало больше театров, музеев. В Вашингтоне, близ Смитсоновского института, вынесли на улицы и площади и живописно разбросали копии с подлинников скульптур Родена, Майоля и других великих мастеров. На скверах много белок — радость не только для детей, но и для взрослых.

Но вот озадачивающая на первый взгляд цифра: за последние пять лет около двух миллионов американцев покинули эти мегалополисы и переселились в маленькие городки — в одноэтажную Америку. Им уже не милы сверкающие своими ослепительными гранями небоскребы. Они готовы мириться с тоской провинции, столь блистательно показанной Льюисом Синклером в романе «Главная улица». Многие из них готовы даже сменить профессию, лишь бы убраться из больших городов.

Что же случилось? Причин тут много. Трудно стало жить в мегалополисе: трудно найти работу — безработица, неизменно растут и цены и налоги. Все труднее становится дышать и в самом прямом смысле этого слова — улицы мегалополисов заполнены густым, никогда не рассеивающимся чадом сотен тысяч автомобилей. Все это не ново: такие беды большие города Америки познали уже давно. Но вот что добавилось в них в 70-е годы: страх!

Да, именно страх все сильнее гонит людей из больших городов в провинцию. Великий, неуемный страх за свою жизнь, за безопасность своих детей, за свое жилище, наконец. О росте преступности в больших американских городах написано и рассказано очень много. Но надо побыть здесь самому, надо побродить (только не в одиночку, а в компании физически крепких, владеющих искусством самообороны друзей!) по улицам этих городов, чтобы отдать себе отчет в том, как далеко это зашло.

Из книги западногерманского журналиста, репортера журнала «Штерн» Рольфа Винтера «Кошмары Америки» я выписал вот эти строки, повествовавшие о бедах жителей столицы Соединенных Штатов:

«Когда поток автомобилей иссякает, вашингтонские тротуары пустеют, так как в столице державы, претендующей на установление порядка во всем мире, по вечерам они опасны, подобно змеиному гнезду. Дела владельцев отелей ухудшаются, поскольку посетители избегают останавливаться в этом городе. Кинотеатры вечером пустуют, ибо в округе небезопасно, как небезопасно во всем городе; не спасают ни тройной замок, ни злая сторожевая собака, ни электронная аппаратура, установленная в дорогих домах лучших кварталов города. Каждую ночь происходит примерно 60 ограблений, более 100 краж со взломом, но почти половина ограбленных и обкраденных не сообщают об этом полиции; просто не имеет смысла делать это, ибо полиция уже давно бессильна... Ежегодно в Соединенных Штатах нападениям подвергаются 33 604 полицейских, из них около 80 погибают. Вашингтон вносит в это свою лепту.

В Вашингтоне все возможно, ибо город, в котором принимаются решения, оказывающие влияние на самые отдаленные уголки земного шара, стал «городом с гнилым нутром», как писал своим избирателям в штате Арканзас член конгресса Джон П. Хэммершмидт. «Вашингтон,— писал он,— страшный город, где с наступлением темноты воцаряется анархия и хаос». Но вскоре он убедился, что страх испытывают там люди и днем — даже в самом сердце мировой державы — в зданиях, где делается мировая политика. Он слышал, что государственный департамент в ответ на жалобы своих сотрудников, которые подвергаются нападениям в коридорах своего же офиса, принял строгие меры безопасности и ввел строгую проверку посетителей этого учреждения.

Журналист, проживавший всего в километре от Капитолия, в течение одного года три раза подвергался ограблению. Трижды он обращался за помощью к полиции, и трижды полиция была бессильна помочь ему. Тогда же этот журналист переехал на другую квартиру и купил себе огнестрельное оружие, так как там, где нет законности, надо самому принимать меры; если и должна проливаться кровь, то пусть это будет по крайней мере чужая кровь; коль скоро Вашингтон стал диким Западом, то надо и стрелять.

В городе имеется сто тысяч единиц огнестрельного оружия, не считая стилетов, кастетов, кистеней и дубинок. Огнестрельное оружие имеют даже дети, очень многие дети. Были задержаны тринадцатилетние, нападавшие на прохожих, нападавшие умело, абсолютно спокойно, как их учили по телевидению, полные решимости, с недетским коварством, убийственным хладнокровием, и стреляли они порой потому, что у их жертв оказывалось меньше денег при себе, чем они надеялись. У кого нет оружия, тот может взять его напрокат, но за это должен отдать часть награбленного...»

Признаться, когда я это прочел, у меня зародилось сомнение: не преувеличивает ли автор развитие преступности в столице США? Но на всякий случай я сохранил эту выписку. И вот, когда я опять приехал в Вашингтон и собственными глазами увидел,

что там творится, вынужден был признать, что Рольф Винтер писал правду и только правду.

Начну с того, что в самом центре Вашингтона, в двух шагах от Белого дома, администрация фешенебельного отеля предупредила меня: не стоит выходить на вечернюю прогулку,— всякое может случиться. Лучше проехаться по улицам в автомобиле, но обязательно с поднятыми стеклами и с дверцами, запертыми на замок. И вот мы едем по вечернему Вашингтону. Сверкают ярко освещенные витрины магазинов. Пляшут разноцветные огни реклам. А на тротуарах — ни души. Лишь кое-где в укромных уголках какие-то подозрительные тени.

По телевидению непрестанно выступают полицейские чины — они ведут кампанию под лозунгом «Help us help you» («Помогите нам помочь вам»). Даются назидательные советы: какие замки надежнее; что делать, если к вам кто-то постучится в дверь — неважно, днем или ночью; что делать, если на вас нападут на улице.

Там же, в центре Вашингтона, в мае 1976 года я увидел необычное зрелище. Двое полицейских в отлично выглаженной синей форме с ярко начищенными бляхами, с револьверами у пояса раздавали прохожим отпечатанные типографским способом инструкции, как надо вести себя, чтобы хоть немного уменьшить риск, с которым связана нынче жизнь в больших американских городах. Подошел к этим стражам порядка и я, и они с ослепительными улыбками вручили мне целый пук листовок. Вот что я в них прочел:

«Насколько безопасен ваш дом? Пригласите полицейскую инспекцию. Мы проверим, насколько прочны и надежны ваши двери, окна, замки, насколько эффективно действуют установленные вами сигналы, предупреждающие об опасности. Мы дадим вам советы, как улучшить вашу личную безопасность и как спасти (!) ваше имущество. Помогите нам помочь вам. Сегодня же позвоните нам по телефону 626—2000».

А вот деловые советы из этой же литературы:

— Держите закрытыми двери и окна днем и ночью, даже если вы никуда не уходите.

— Никогда не открывайте дверь, услышав, что кто-то стучит. Требуйте, чтобы тот, кто постучался к вам, дал удовлетворяющую вас информацию о том, кто он такой,

Не впускайте в дом человека, который просит разрешения позвонить по телефону из-за несчастного случая. В крайнем случае позвоните сами по тому номеру телефона, который он вам сообщит.

— Когда вы едете в автомобиле по улице, следите в зеркале, не идет ли за вами следом какая-то подозрительная машина; увидев ее, притормозите и пропустите эту машину вперед. Если она продолжает идти за вами, езжайте сразу же к ближайшему полицейскому участку или пожарной команде, где могут прийти вам на помощь.

— Если вы воспользовались автобусом или метро, оглянитесь, выйдя на остановке, не идет ли за вами подозрительный человек. Если вы заметили что-то неладное, перейдите на другую сторону улицы. *Если на вас нападут, кричите и бегите* (эти слова в инструкции выделены крупным шрифтом).

— Приближаясь к дому, держите приготовленный ключ в руке. Быстро откройте дверь и немедленно заприте ее изнутри...

Я привел здесь лишь некоторые из советов, которыми полиция столь щедро одаривает американских граждан. Но и этого довольно, чтобы представить себе, какой страх и ужас наводят они на тех, кому полицейские любезно раздают эту литературу...

Наиболее удручающим явлением жизни в этих каменных джунглях нынче стал рост юношеских банд. Об этом много пишет американская печать. Например, в журнале «Пэрэйд» я прочел большую статью, автор которой бил тревогу по поводу того, что юношеские банды все чаще прибегают к использованию огнестрельного оружия, которое, как известно, в Соединенных Штатах продается свободно.

«Более половины всех серьезных преступлений в Соединенных Штатах совершаются юношами моложе 17 лет,— писал журнал «Ньюсуик» в своем специальном номере, посвященном этой теме.— Число преступлений, совершаемых подростками, растет вдвое быстрее, нежели число преступных актов, совершаемых взрослыми. В Сан-Франциско на долю подростков приходится 57 процентов всех преступлений (убийства, зверские избиения и т. д.) и 66 процентов грабежей. В Чикаго одна треть всех убийств совершается юношами моложе 20 лет. В Детройте подростки совершают так много преступлений, что власти были вынуждены запретить подросткам 16 лет и моложе выходить из дому после 10 часов вечера».

Другой американский еженедельник, «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», писал в статье под заголовком «Молодежь Америки — озлобленная, скучающая или просто сбитая с толку?»:

«По всей Америке на сцену выходит еще одно поколение встревоженной молодежи, с новой неудовлетворенностью и новыми проблемами, менее взрывоопасными, но, пожалуй, более глубокими, чем в 60-х годах. На самом высоком за все времена уровне находятся самоубийства среди подростков, жестокие преступления, вандализм, беременности несовершеннолетних, наркомания и алкоголизм... Ремонт школьных помещений, разрушаемых юными вандалами, обходится налогоплательщикам, как сообщает одна из подкомиссий сената, в 600 миллионов долларов в год... Еще ужаснее то, сообщается в докладе сената, что ежегодно по всей стране совершается 70 тысяч нападений на учителей. Юноши покупают мощные пистолеты и ружья. Часто такое оружие приносят в школу. Растет преступность несовершеннолетних. Это беспокоит родителей, работников просвещения и государственных чиновников».

(Добавлю попутно, что эти тревожные социальные явления наблюдаются не только в США, но и в других капиталистических странах. В июле 1977 года парижские газеты и журналы, к примеру, опубликовали выдержки из представленного президенту Франции министром юстиции Аленом Пейрефитом доклада на 700 страницах о насилиях и преступности.)

Комментируя этот доклад, еженедельник «Экспресс» писал: «На протяжении шестнадцати месяцев десять деятелей под руководством г-на Алена Пейрефита изучали проблему насилия. И все они без исключения явились жертвами того или иного акта насилия, даже сам министр юстиции: его квартира на улице Ранелаг в Париже была ограблена, исчезла его коллекция статуэток XVIII века... Никто не в состоянии уберечься от насилия».

В докладе, представленном министром юстиции президенту, подчеркивалось, что «несовершеннолетние более склонны к насилию, нежели взрослые», причем подростки, в том числе 12—13-летние, все чаще совершают наиболее серьезные преступления.

«Каждую минуту в Соединенных Штатах происходит одно злостное преступление, каждые две с половиной минуты — нападение с целью грабежа, каждые девятнадцать минут — изнасилование...— писал Рольф Винтер в уже упомянутой книге «Кошмары Америки».— С начала столетия от руки преступников погибло 800 тысяч американцев — на 250 тысяч больше, чем потеряла страна во всех войнах, в которых она участвовала со времени гражданской войны в США. Во что же превратились Соединенные Штаты? В то, чем они всегда были. Ведь для Соединенных Штатов насилие столь же типично, как широкополая шляпа для Техаса. Нынешний хаос не случаен, он всегда был в этой стране. С 1882 года по 1930 год в Америке были подвергнуты суду Линча по меньшей мере 4500 человек. Не будет

искажением истории увеличить это число в десять раз, чтобы представить себе, сколько всего было линчевано негров. Линчевали не только в крупных городах, а везде, если негр с вожделением посмотрел на белую женщину, проявил непослушание при работе на хлопковой плантации или, тем более, пытался сбежать. Насилие всегда считалось нормальным при обращении с рабами-неграми».

И далее Винтер сделал такой вывод:

«Нация, которая без насилия не могла бы обрести своего нынешнего могущества, не откажется от насилия. Страна, которая почитает свободу насилия со времен покорения Дикого Запада, не станет миролюбивой. Путь народа, который с приятным возбуждением смотрит по телевидению, как добрые белые убивают злых краснокожих, ведет в конце концов от 20 тысяч убитых в год прямо к Сонгми во Вьетнаме...»

Стоп, стоп! Вот тут я позволю себе не согласиться с моим западногерманским коллегой по перу. При всей остроте проблемы, породившей гангрену совести Америки, при всей сложности обстановки, порождающей насилие в этой стране, нельзя — ни в коем случае нельзя! — рапространять тяжкое обвинение в том, что там происходит, на весь американский народ.

Поступать так значило бы вольно или невольно освобождать от ответственности подлинного виновника — капиталистическую систему, уродующую душу Америки, класс капиталистов, власть которого построена на насилии и порождает насилие. Так и только так можно поставить правильный диагноз той тяжкой болезни, которой поражены Соединенные Штаты и которая во много раз усилилась в результате политики, приведшей американскую армию (но не народ!) на путь преступлений в Сонгми и в тысяче других мест, а затем превратила крупнейшие города Соединенных Штатов в опасные каменные джунгли, о которых так убедительно и точно рассказал в своей книге Рольф Винтер.

В июле 1977 года вся Америка была буквально потрясена и глубоко взволнована сообщениями, посыпавшимися из Нью-Йорка. Этот крупнейший в США город неожиданно на целых двадцать пять часов превратился в арену поистине страшных событий, которые лишний раз подтвердили, что термин «каменные джунгли», часто применяемый к мегалополисам Америки,— это не литературная метафора, а жестокая реальность.

Все началось с того, что вечером 13 июля в районе Нью-Йорка разразилась сильная гроза и ударом молнии была выведена из строя одна из электростанций. Казалось бы, заурядный технический инцидент — такое случается в любой стране; электрики в таких случаях тут же подключают другие мощности, и потребители электроэнергии даже не замечают последствий аварии.

Другое дело — в Америке, где продажей электроэнергии занимаются конкурирующие частные компании, которые между собой на ножах. Рынком электроэнергии в Нью-Йорке владеет монопольно компания «Консолидейтед Эдисон компани». Ее электростанции работают на пределе, и любая авария вызывает своего рода цепную реакцию, когда из строя выходят одна электростанция за другой и весь город может погрузиться во тьму. Так уже было в памятный американцам кошмарный день 10 ноября 1965 года, когда в 17 часов 30 минут не только Нью-Йорк, но и весь восточный берег США и даже юг Канады внезапно погрузились в темноту и вся жизнь замерла на долгие одиннадцать часов.

После той катастрофы много было сказано и написано о необходимости полностью реорганизовать и укрепить систему электроснабжения в США, но потом все успокоилось, и теперь вдруг «великое затемнение» повторилось, да еще к тому же приобрело значительно более длительный характер: оно началось в 21 час 30 минут 13 июля и закончилось лишь вечером 14 июля 1977 года.

Но дело даже не в самом этом «великом затемнении», хотя оно и само по себе потрясло Америку, и прежде всего район Нью-Йорка, где на целые сутки остановились все заводы, замерли в подземных тоннелях поезда метро, остановились железные дороги, прекратилась подача воды, вышли из строя телефоны, сотни тысяч людей застряли в лифтах.

Еще больше обеспокоило Америку другое: в Нью-Йорке вдруг под покровом темноты начались поистине страшные, буйные грабежи, насилие, террор. Десятки тысяч людей, разбив витрины, бросились грабить магазины и поджигать их. На улицах заполыхали подожженные автомобили и автобусы. Людьми

овладела внезапно, как взрыв, мания разрушения — специалисты по психоанализу потом говорили и писали, что тут сказалось многолетнее влияние пропаганды насилия, которой постоянно, начиная с самого раннего детства, подвергается каждый американец.

Вот как описывали события, происшедшие 13—14 июля 1977 года, крупнейшие телеграфные агентства — я привожу здесь полностью два из них:

Лондон, 15 июля. Корреспонденты агентства Рейтер Эвелин Леопольд и Джеймс Аутмен передают из Нью-Йорка:

Сотни разграбленных магазинов и несчетное число бездомных — так выглядит сегодня Нью-Йорк после прекращения подачи энергии, которое погрузило город в царство темноты, грабежей и пожаров.

Из одного магазина готового платья на Манхэттене унесли все, забыли лишь один ботинок, который одиноко лежал на полу магазина. В кассе другого магазина грабители оставили один цент. В районе Бронкса из автомагазина угнали 50 новых автомашин марки «Понтиак». Из витрин магазинов унесли даже задрапированные торсы манекенов, и только их непокрытые головы остались лежать в окнах витрин как напоминание о том диком разгуле преступности, который разыгрался после прекращения подачи электроэнергии. Город оставался без электричества примерно 25 часов.

Полицейские арестовали свыше 3 тысяч человек, предъявив им обвинение в участии в грабежах[1]. Мэр города Абрахам Бим поклялся, что все они будут наказаны.

Для жителей нью-йоркских районов Гринвич-Виледж и верхней части Ист-Сайда огни засверкали и холодильники снова зажужжали вчера примерно в 17.30 вечера (02.30 по Гринвичу сегодня). Они последними были подключены к системе энергоснабжения компании «Кон Эдисон».

Мэр города Бим устало сообщал корреспондентам, что грабежи и поджоги, в результате которых опустошены более бедные кварталы города, прекратились. «В этот час спокойствие на улицах города восстановилось»,— добавил он. В значительной своей части город вернулся к обычной деловой жизни. Открылись магазины, банки и биржи. Почти полностью восстановилось движение пригородных поездов. Однако в кварталах Манхэттена, Бруклина и Бронкса тысячи людей остались без крова после того, как в разграбленных магазинах, над которыми находились их квартиры, начались пожары.

Стихия грабежей и поджогов, которые начались после 9 часов 31 минуты вечера в среду (01.34 по Гринвичу в четверг), когда город погрузился в темноту, вызвала у более состоятельных нью-йоркцев возмущение и недоумение.

---

[1] По уточненным данным, всего в Нью-Йорке было разграблено более 2 тысяч магазинов, было подожжено 1037 домов.

Отчаянная нищета и постоянная безработица подтолкнули людей на грабежи. Трудно было устоять, видя витрины магазинов с новыми автомашинами, стереофоническими приемниками и проигрывателями, телевизорами и готовым платьем. «Золотая жизнь», которую предлагали покупателям рекламы на Мэдисон-сквер, сделала свое дело, и они решили устроить для себя эту золотую жизнь.

«Это предместье никогда не станет таким, каким оно было раньше. Просто непонятно, как все эти небольшие магазины возобновят свое дело»,— сказал один полицейский в Бронксе.

Мэр города обратился к Вашингтону за помощью, чтобы снова поставить на ноги мелких торговцев. Однако некоторые лавочники отрицательно качали головой и клялись никогда снова не открывать своего дела.

Никаких официальных данных об ущербе, причиненном погромами, сообщено не было, хотя наблюдатели, своими глазами видевшие пострадавшие от погрома районы, считают, что этот ущерб оценивается не менее чем в 1 миллиард долларов. Компанию «Кон Эдисон» (ее название уже стало бранным словом для многих нью-йоркских жителей, которым приходится платить самую высокую в Соединенных Штатах плату за электричество) буквально наводнили исками по возмещению ущерба.

Председатель компании Чарльз Льюс сказал, что этот инцидент — проявление «воли божьей». Молния ударила в высоковольтную линию передач, по которой с соседней подстанции электрический ток передавался в город, в результате чего подача электроэнергии была резко сокращена. Комментируя такое разъяснение, «Уол-стрит джорнэл» в редакционной статье заявила: «Интересно, почему «Кон Эдисон» стал проводником воли божьей в такой неподобающей манере...»

Нью-Йорк, 16 июля. Агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл передает:

При ярком свете дня «ночь зверей» в Нью-Йорке кажется просто мимолетным кошмаром. Президент, мэр и губернатор требуют расследования причин отключения электроэнергии, которое фактически закрыло на сутки этот крупнейший город Соединенных Штатов, а большинство ньюйоркцев просто радуются, что вновь зажглись их телевизоры, что кондиционеры охлаждают воздух и можно вновь слышать шум поездов подземки. В одном из душных баров, когда в четверг поздно вечером вновь зажегся свет, они, как лондонцы после бомбежки в 1940 году, вдруг разом запели песню.

Но для многих то, что произошло, явилось тяжелым испытанием.

В четверг ночью улицы города патрулировали 10 тысяч полицейских — вчетверо больше, чем обычно в ночное время[1]. Их задачей было не допустить повторения грабежей, стрельбы и поджогов, потрясавших Гарлем, южную часть Бронкса, Бедфорд-Стайвесант и другие районы Нью-Йорка за ночь до этого, причем в масштабах невиданных размеров после волнений середины 60-х

[1] Газета «Юманите» писала 16 июля 1977 года, что во время «ночи зверей» из 25 тысяч нью-йоркских полицейских осмелились выйти на ночное патрулирование лишь 8 тысяч.

годов. К вечеру в четверг было арестовано почти 3 тысячи человек.

Кто бы ни был виноват, темнота скрыла многих ночных грабителей — мужчин, женщин и детей. В городе раздавались выстрелы, слышно было, как разбиваются стекла витрин и завывают сирены. Из-за недостатка полицейских грабежи продолжались даже днем.

«В магазинах Гарлема не осталось ни одного телевизора»,— заявил полицейский Джон Райан. Грабители уносили и увозили оружие, спиртные напитки, мебель, одежду — так из одного магазина вывезли даже все бывшие на складе смокинги.

Среди бела дня в четверг в Южном Бронксе видели, как семьдесят человек грабили магазин самообслуживания. «Они просто вышли из магазина и подожгли его,— сказала одна женщина средних лет, наблюдавшая эту сцену.— Они берут все, что могут унести».

Во вторую ночь, когда подача электроэнергии еще не была полностью восстановлена, темнота принесла новые беды. На грязной полоске Бродвея в Бруклине полыхали пожары. Один магазин был взорван. Ранения получили не менее 22 пожарных.

В одном месте мужчина тащил по улице тележку. На ней стоял шкаф с еще видневшимся ценником в 199 долларов. По улице спешили и дети и взрослые, неся полиэтиленовые сумки, полные награбленного добра.

Тротуары Манхэттена были почти пусты. Было жарко — 92 градуса (33 градуса по Цельсию).

В отличие от того, что произошло в 1965 году, когда тоже прекратилась подача электроэнергии, сейчас сообщений о насилиях и грабежах было куда больше, чем рассказов о проявлении духа товарищества.

**А что сталось со старой, доброй одноэтажной Америкой?**

Стоит ли удивляться после этого, что у американцев пропадает желание жить в больших городах и их все более неудержимо тянет в старую, добрую одноэтажную Америку?

Но вот что вызывает растущую тревогу у американцев, ищущих безопасность и покой подальше от Вашингтона, Нью-Йорка и других мегалополисов: даже там, где они рассчитывают обрести покой и безопасность, насилие и террор усиливаются с каждым годом.

С Аризоной, где мне довелось побывать в связи с тем, что там проводилась очередная Дартмутская встреча американских и советских общественных деятелей, я до этого был знаком только по кинофильмам — это огромная, пока еще пустынная территория, пересеченная фантастически красивыми зубчатыми горными цепями, явилась находкой для режиссеров Голливуда, которые снимают здесь бесчисленные ковбойские и другие фильмы. Солнце светит в Аризоне круглый год, дождь здесь — редкость.

Не устаешь любоваться красотами этого удивительного и своеобразного края, который словно перенесен на землю с какой-то другой, неведомой планеты. Розовые и фиолетовые горы. Синее-синее небо без единого облачка. Причудливые леса из темно-зеленых кактусов, удивительно изогнутые стволы которых равны по высоте двухэтажному дому и украшены яркими цветами. Давно высохшие русла рек. Безмолвие, тишина. И воздух, кристально чистый воздух, какого уже давно нет на задымленном севере.

Но эта пустыня уже прорезана прямыми, как стрелы, широкими автострадами. Их сеть множится — огромные дорожные машины каждый день укладывают новые и новые километры асфальтобетона. В пустыне растут корпуса заводов. Ширятся поселки. Фермеры, перекочевавшие сюда откуда-то, спешат приобрести землю, бурят глубокие — по 200—300 метров — скважины, устанавливают ветродвигатели, и вот уже по бетонным лоткам бежит живительная влага, и там, где, казалось бы, и чертополоху не расти, расстилаются изумрудные поля низкорослой высокоурожайной пшеницы, сорго, кукурузы...

В Аризоне уже более 2 миллионов жителей.

Репортеры журнала «Тайм» опрашивали людей, переезжающих на юг: что влечет их в эти жаркие, безводные и пока еще все же пустынные места? Плотник Уолстер Мэтзингер из Филадельфии сказал: «Решение я принял два с половиной года тому назад — я начал задыхаться в проклятом бензинном чаду. Я сказал себе «Хватит!», упаковал вещички и укатил на юго-запад». Сегодня он живет и работает в Аризоне — стал подмастерьем каменщика. Такое же решение — бросить все и мчать на юг — приняли

аспирант юридического факультета университета в Беркли (Северная Калифорния) Скотт Сноуден, зубной техник Вильям Менцель из Олбани (штат Нью-Йорк) и многие другие. Их влекли к Солнечному поясу не только чистый воздух и широкие просторы — им хотелось более спокойной и, главное, безопасной жизни. Не случайно особенно сильную тягу на юг испытывала более зажиточная часть населения, напуганная ростом преступности в мегалополисах,— так считает, например, социолог Эндрю Хаккер.

«Преступность,— заключил журнал «Тайм»,— именно этот мотив чаще всего выдвигается жителями больших городов, решающими бросить все и ехать в пока еще пустынные районы Америки. Почти все они рассказывают ужасные истории об ограблениях на улицах, об опустошенных ворами домах, о детях, отравленных наркотиками».

— Да, здесь жить поспокойнее,— сказал нам один профессор университета города Тусона, оказавший нам самый радушный прием. Но вот не прошло и месяца после того, как мы услышали эти слова, а американская пресса начала публиковать одно за другим тревожные сообщения из столицы Аризоны — города Феникса,— и там вскрылась поистине ужасающая картина деятельности преступной мафии, причем нити от нее, как писали газеты, тянулись весьма высоко — к вашингтонскому Капитолию, где заседал небезызвестный сенатор Голдуотер, представляющий там штат Аризона.

Все началось с того, что 2 июня 1976 года в Фениксе раздался страшный взрыв: на воздух взлетел автомобиль, за рулем которого сидел известный в журналистских кругах опытный репортер — сорокасемилетний Дон Боллес,— с ним свели счеты бандиты, деятельность которых он разоблачил. Его коллеги, не на шутку обеспокоенные случившимся, приняли вызов мафии. Тридцать шесть репортеров из 27 газет и агентств примчались в Аризону, чтобы провести расследование и добиться наказания виновных. Они работали там полгода. Собранные ими поистине сенсационные сведения Ассоциация репортеров и редакторов предоставила в распоряжение всех американских газет в виде серии из 23 статей.

Однако всегда падкая на сенсации американская пресса на этот раз онемела. Задающие обычно тон выступлениям против преступности «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» отказались участвовать в этой кампании против гангстеров. Многие газеты согласились опубликовать лишь краткое изложение результатов расследования, опустив наиболее щекотливые факты, и даже газета «Аризона рипаблик», в редакции которой работал убитый бандитами журналист Дон Боллес, не пожелала напечатать серию статей, подготовленных его коллегами, желавшими отомстить убийцам.

Что же случилось? Оказывается, расследование вскрыло не только ужасающую картину безнаказанной деятельности бандитов в Солнечном поясе. Мало того, что переселившиеся в Аризону сто семьдесят один известный гангстер превратили этот штат в свой заповедник,— он стал коридором для поставщиков наркотиков из Мексики, а в Фениксе и Тусоне мафия получает огромные барыши от проституции, от содержания тайных игорных притонов, от вымогательства, именуемого в США рэкетом. Самое скандальное было в том, что банкиры были связаны с небезызвестным сенатором от штата Аризона Барри Голдуотером, который в Вашингтоне рекламировал себя как неподкупного борца за очищение Америки от всех зол и как самого непримиримого антикоммуниста.

И вот этот деятель, как оказалось, был замешан в преступных махинациях мафии! «И не только он один,— писал 28 марта 1977 года журнал «Тайм»,— заодно с ним были связаны с гангстерами брат сенатора — Роберт Голдуотер, торговавший землями и поместьями, и его ближайший друг Гарри Розенцвейг, который длительное время был председателем организации партии республиканцев в Аризоне. Как выяснилось, Розенцвейг сдавал свою квартиру проституткам, которым он же поставлял богатую клиентуру. В преступном мире он был известен под кличкой «Бриллиантовый человек»...

Барри Голдуотер попытался обвинить репортеров, проводивших расследование, в клевете. Он бросил вызов редактору газеты «Ньюсдей» Роберту Грину: «Назовите имя хотя бы одного гангстера, живущего

в Аризоне!» Роберт Грин ответил: «Пожалуйста, вот вам имя: Джо Бонанно, он живет в Тусоне. Если хотите, я вам назову еще 199 имен». Голдуотер прикусил язык. Но за кулисами давление на прессу усилилось, и скандал был погашен...

**Поклонники и преемники «Иисуса-сатаны**

После этого не приходится удивляться, что преступность в Соединенных Штатах усиливается, причем очень часто она принимает уродливые формы, когда убийства совершаются ради убийства, когда утратившие человеческий облик индивидуумы льют, как воду, кровь ни в чем не повинных людей, забавляясь их предсмертными мучениями.

Читатель, возможно, помнит чудовищную, кровавую бойню на вилле американского кинорежиссера Полански в Голливуде, которая произошла летом 1969 года. Банда последователей некоего Мэнсона, присвоившего себе странное имя «Иисуса-сатаны» и провозгласившего культ насилия и «право на убийство», зверски расправилась тогда с беременной женой Полански — Шарон Тейт и ее друзьями.

Процесс по делу Мэнсона и его «семьи», как он именовал свою банду, длился около года и закончился вынесением смертных приговоров этим опасным садистам. Но к тому времени, когда были вынесены приговоры, в штате Калифорния смертельная казнь была отменена, и эти убийцы коротают свой век в тюрьме. А тем временем в Америке процветает культ кровавого насилия.

В 70-х годах в зарубежной прессе участились сообщения о том, что у маньяка Мэнсона и теперь, после процесса над ним и его бандой, есть преемники и продолжатели, которые со спокойным цинизмом совершают убийства ради убийства, зверски расправляясь с ни в чем не повинными людьми... во имя «заветов» «Иисуса-сатаны».

Еще в декабре 1972 года калифорнийская полиция арестовала двух участниц «семьи» Мэнсона, которые все еще оставались на свободе, поскольку они не участвовали в убийстве Шарон Тейт и ее друзей. Аресто-

вали за то, что они убили бывшего солдата морской пехоты и его жену без всякой мотивировки, просто ради осуществления «права на убийство», которое проповедовал Мэнсон. Дело обстояло так.

Осенним вечером 1972 года некий житель Калифорнии, гуляя в лесу, расположенном в 100 километрах от Сан-Франциско, обо что-то споткнулся. Он наклонился, чтобы поглядеть, что там такое, и вдруг, испустив громкий крик ужаса, пустился бежать: из земли торчала человеческая рука.

В лес поспешила полиция. Она откопала труп тридцатилетнего ветерана морской пехоты Джеймса Виллета. Найти убийцу оказалось нетрудно: автомобиль, принадлежавший Виллету, был обнаружен перед домом в пригороде Стоктон, где жили две молодые женщины — Нанси Питмэн и Линн Элис Фромм. На лбу у каждой из них была вытатуирована свастика — знак, по которому обнаруживают учеников и учениц Мэнсона. В подвале дома был обнаружен второй труп. Это было тело жены Виллета — девятнадцатилетней Морин.

Выяснилось, что Питмэн и Фромм до ареста Мэнсона были членами его «семьи», причем одна из них в 1968 году родила от него ребенка. Полиция арестовала этих женщин, а также трех их соучастников — двух женщин и одного мужчину, тоже со свастикой на лбу.

Весть об этих арестах снова взбудоражила Калифорнию. Газеты писали о том, что даже из глубины своей камеры Мэнсон продолжает руководить действиями учеников, причем число их не уменьшается, а растет. Каким образом он оказывает это тлетвореное влияние на молодежь? Одни наивно утверждали, что это «телепатия». Другие, более трезвые, высказывали предположение, что он передает своим ученикам инструкции через каких-то сообщников, которых, как говорят, можно найти среди стражи любой американской тюрьмы.

Вспомнили, что во время процесса, несмотря на усиленно рекламировавшуюся строгость тюремного надзора за ним, Мэнсон ухитрялся неоднократно звонить по телефону (!) своим «рабам сатаны», оставшимся на свободе и продолжавшим занимать ранчо

Баркера в долине Смерти, в 200 километрах от Лос-Анджелеса. В те дни арестованная ныне Линн Элис Фромм пыталась отравить одного свидетеля по обвинению против Мэнсона, а несколько членов его «семьи» были схвачены в тот момент, когда они пытались ограбить оружейный магазин. Воспитанники «сатаны» готовились взять штурмом тюрьму, где он содержался, и освободить его.

Заговорили о том, что до сих пор остались нераскрытыми многие зверские убийства, которые явно были совершены учениками Мэнсона, что по Калифорнии по-прежнему кочуют банды разнузданных молодых людей в старых автобусах, что какие-то новые «семьи» и «племена» вроде мэнсоновского обосновываются в разрушенных зданиях, где давно уже никто не живет.

В газетах и журналах замелькали фотографии, изображающие чудовищные оргии и «черные мессы» (богослужения), посвященные... «сатане». Во французском журнале «Пари-матч» я прочел такие строки: «В Калифорнии — новая страсть: колдовство и черная магия. Рядом с магазинами, торгующими порнографической литературой, появляются магазины препаратов для магических церемоний: там продают волшебные напитки и талисманы... Появились маги, странные пророки, колдуны. В Сан-Франциско объявился «черный папа» «церкви навыворот», где поклоняются дьяволу. Его зовут Антон Лавей. Культы дьявола существовали и раньше, но они всегда оставались в подполье. Теперь же в Сан-Франциско эта странная религия признана официально. Ее исповедуют 15 тысяч верующих. Каждый платит взнос в размере 100 долларов, чтобы вступить в эту «церковь навыворот»...

Вдруг приобрела огромную популярность вышедшая массовым изданием книга, написанная Эдом Сандерсом, журналистом из Сан-Франциско, который заинтересовался Мэнсоном и его воспитанниками еще до убийства Шарон Тейт. Книга называлась «Семья». В то время внимание Сандерса привлекло промелькнувшее в газетах сообщение о полицейской облаве в долине Смерти, когда там были обнаружены двадцать семь странных молодых людей, в том числе

совершенно голые женщины, и восемь детей. Это и была «семья» Мэнсона.

Эд Сандерс изучал «семью» и ее нравы полтора года, выдавая себя то за продавца порнографических фотографий, то за наркомана, то за поклонника культа сатаны. Между прочим, он выяснил, что Линн Элис Фромм, которая уже после суда над Мэнсоном совершила вдвоем с Нанси Питмэн убийство Джеймса Виллета и его жены, была одной из первых учениц Мэнсона, которую он подобрал в Лос-Анджелесе. Она подверглась изнасилованию,— это называлось «обрядом посвящения».

Книга Сандерса изобилует описаниями оргий, которые учиняла «семья», сопровождавшихся «жертвоприношениями»,— ученики Мэнсона вначале убивали животных, а затем начали убивать и людей, причем эти убийства снимались на кинопленку и затем снова и снова просматривались участниками убийств в целях развлечения. «В одном из этих документальных фильмов,— писал Сандерс,— было заснято обезглавленное тело нагой женщины, рядом с которым лежала ее отрубленная голова, а вокруг танцевали люди в черных колпаках, разбрызгивая кровь...»

Читая эту книгу, калифорнийцы невольно поеживались: кто будет следующей жертвой после Джеймса Виллета и его жены? Людей страшило то, что «доктрина Мэнсона», как выразился Эд Сандерс, распространяется все шире среди одичавшей части молодежи, поверившей, будто ей и впрямь принадлежит «право на убийство».

Но вот что бросалось в глаза наиболее дальновидным людям. Расписывая во всех подробностях жуткие кровавые оргии поклонников этого нелепого культа «сатаны», автор книги «Семья» тем самым пропагандировал его. Случайно ли было это увлечение описанием чудовищных подробностей разгула похоти, разнузданных проявлений самых низменных инстинктов, наконец, кровавых расправ над ни в чем не повинными людьми? Нет, отвечали специалисты, это было необходимо для коммерческого успеха литературного произведения: в наш век без такого «перца» книга обречена на провал.

Почти одновременно с появлением книги «Семья»

на экраны вышел документальный фильм «Семейная жизнь», опять-таки посвященный Мэнсону и его ученикам. Поставил его Лоуренс Меррик. С рекламных плакатов глядела нагло усмехающаяся физиономия убийцы со свастикой на лбу. Газеты публиковали бесчисленные рецензии. Еще бы! Такая сенсация...

Я видел этот фильм в Вашингтоне летом 1973 года. Он шел вторым экраном — кинопрокатчики к тому времени уже выкачали из него запланированные доходы. Кинозал на окраине столицы был почти пуст, но фильм мерцал на экране с раннего утра до позднего вечера, собирая какие-то дополнительные сотни долларов. Что же показывал Лоуренс Меррик и зачем?

Во-первых, он старательно собрал все хроникальные кадры, заснятые во время процесса Мэнсона, кривляющегося псевдопророка; его фанатичных соучастниц вроде убийцы Шарон Тейт Сюзанны Аткинс, заявившей судьям: «Он — это я, я — это он, вместе мы царствовали, разделенные, мы рухнем. Я никогда не обсуждала приказов Чарли. Я ему подчинялась, и это все»; его учеников и последователей, которые устраивали у здания суда шумные демонстрации с требованием освободить «учителя».

Во-вторых, Лоуренс Меррик раздобыл записанные на кинопленку хулиганские интервью, которые Мэнсон давал журналистам во время судебного процесса, и записанные на пластинки его непристойные песенки, кстати сказать, пользовавшиеся большим успехом у покупателей.

В-третьих, кинорежиссер отправился в долину Смерти, разыскал там воспитанников Мэнсона, остававшихся на свободе, и заснял подробнейшие интервью с ними. Больше того, они в его присутствии исполняли свои грязные порнографические «обряды», показ которых должен был обеспечить коммерческий успех фильма.

Лоуренс Меррик уверял журналистов, что он предпринял средствами кинематографа серьезное «социальное исследование», желая разобраться в существе того явления, которое породило Мэнсона с его «учением» и кровавой практикой. Однако на деле получился заурядный коммерческий фильм, пропаганди-

рующий насилие, разврат и духовную деградацию.

Здоровому человеку было противно слушать заумную болтовню обритых наголо грязных девчонок со свастикой на лбу, которые, играя с оружием, твердили, что убийства закаляют их волю и дают им душевную радость, что распутство — это нормальный образ жизни, что наркотики украшают жизнь человека и что поэтому детей, родившихся в «семье» от неизвестных отцов, с младенческого возраста пичкают марихуаной и наркотиком ЛСД, а потом и героином. Но можно было наблюдать и другую реакцию — находилась молодежь, которая воспринимала такие поучения, идущие с киноэкрана как некое откровение.

Воспитанники Мэнсона, отвечая на вопросы тех, кто брал у них интервью, экзальтированно кричали, что этот убийца, наркоман и развратник — их «обожаемый учитель», что «благодаря ему можно подняться на небеса», что только тот дикий образ жизни, к которому он их приучил, составляет счастье человека.

«Результат?» — резонно спрашивал критик французской газеты «Комба» Шапье, анализируя фильм Меррика, шедший одновременно и в четырех кинотеатрах Парижа. И отвечал: «Морально извращенный и опасный фильм, который едва делает вид, будто он что-то разоблачает. Его околдовывающие образы могут оказать наихудшее воздействие на слабых и неопытных в жизни молодых людей».

В том же духе высказывались и многие другие кинокритики в США и в Западной Европе, куда на волне дурной сенсации приплыл этот фильм. Но кто их слушал? Молодежь шла в кинотеатры, привлеченная рекламой, и трупный яд преступной идеологии вливался в ее души.

И следует ли после этого удивляться, что в западной печати до сих пор мелькают вот такие, к примеру, сообщения, ставшие уже заурядными и поэтому даже не вызывающие сенсации,— я цитирую опубликованное тогда же в парижской газете «Фигаро» сообщение, переданное по телеграфу из Санта-Крус (Калифорния):

«Новое дело Мэнсона в Калифорнии? Тринадцать убийств в Санта-Крус за шесть недель. 45 тысяч жителей города Санта-

Крус охвачены страхом: за шесть недель здесь совершено тринадцать убийств, связанных с употреблением наркотиков и, по-видимому, под их влиянием. Полиция пока еще не выяснила, кто совершил эти убийства, но она задержала двух человек, подозреваемых в девяти других преступлениях. Один из них — Герберт Маллин, 25 лет, которого характеризуют как блестящего студента. Его подозревают в шести преступлениях, из которых по крайней мере пять, как утверждает полиция, связаны с наркотическими аферами».

А вот еще одно сообщение, рисующее продолжающийся упадок нравов в Соединенных Штатах,— журнал «Тайм» писал:

«Недавно в Детройте в зале суда в Доме правосудия адвокат неожиданно выхватил пистолет и направил его на судью и свидетеля. У судьи не было с собой револьвера, который он обычно носит, но трое полицейских успели выхватить оружие и убили адвоката. Несколько минут спустя в центре Детройта в одном из магазинов были обнаружены убитые хозяин и его клерк. Чуть позже известный негритянский психиатр был найден мертвым в багажнике своей машины. А еще позже, тем же вечером, в окрестностях Роузвилла полиция натолкнулась на тела молодой пары, ставшей жертвой убийства. За три с половиной месяца в Детройте произошло 187 убийств».

Все это стало таким обыденным, что пресса, как видите, ограничивается лишь беглой регистрацией подобных фактов. Лишь несколько позднее Америка вновь всколыхнулась — поводом для этого послужило сообщение о том, что в Хьюстоне (штат Техас) был побит рекорд (!) убийств: трое молодых людей ухитрились во время своих кровавых оргий истребить около сорока (!) подростков. (Прежний рекорд был поставлен в Калифорнии, где некий Хуан Корона убил и закопал двадцать пять человек.)

Все началось с того, что в штаб-квартиру полиции в Хьюстоне явился семнадцатилетний Элмер Уэйн Хенли, недоучившийся парень, бросивший среднюю школу, и сообщил, что он только что убил своего приятеля — тридцатитрехлетнего электрика Дина Алена Корлла и что это произошло во время очередной оргии, в которой, кроме Хенли и Корлла, участвовал восемнадцатилетний Дэвид Оуэн Брукс, также недоучившийся юноша.

Чем же занимались эти трое? Оказывается, они заманивали подростков в дом Корлла, мучили их на так называемой «доске пыток», а затем зверски уби-

вали. Эти «вечеринки» продолжались в течение трех лет. Убитых подростков засовывали в мешки из пластика и тайно отвозили хоронить. Но вот 8 августа во время очередной оргии Корлл направил пистолет на Хенли, а тот опередил его, выхватив собственный...

История эта показалась полицейским поистине невероятной. Но они начали расследование. Хенли привел их в сарай, предназначенный для хранения моторной лодки. Там откопали пятнадцать трупов. Потом Хенли указал тайные кладбища на берегу озера Сем-Райборн в 192 километрах от Хьюстона, на острове Хай-Айленд и на пляже... Число найденных трупов достигло двадцати семи. Далее начались поиски трупов на юге Техаса.

Портреты убийц появились на страницах газет и на экранах телевидения. У них брали интервью. Вот вам образчик такой публикации — я заимствую его из газеты «Франс-суар». Элмер Уэйн Хенли рассказывал:

— На протяжении трех лет я помогал Корллу в проведении оргий. Мне было поручено вербовать новые жертвы. В моем распоряжении их было больше, чем требовалось. Я знал всех парнишек нашего района, и мне было достаточно подъехать к автостраде, чтобы найти ребят, которые просили их подвезти. Я им обещал хорошую вечеринку с выпивкой и наркотиками, и они тут же охотно соглашались.

Как видите, Хенли рассказывал об этой «вербовке» жертв запросто, как о чем-то обыденном. Единственное, что его заботило,— это то, что Корлл не выполнял своих обещаний о гонораре, который он должен был платить «вербовщику».

— Корлл,— жаловался Хенли,— мне обещал платить по двести долларов за каждого новичка, которого я ему доставлял... Но он мне давал лишь по десять — двадцать долларов, да и то нерегулярно...

Что же произошло в тот вечер, когда Хенли застрелил Корлла? Об этом он рассказывал тем же будничным тоном:

— Я привел к Корллу парня двадцати лет и девчонку лет четырнадцати. Корлл разъярился, потому что он терпеть не мог женщин. Но потом он как будто бы успокоился, и мы, все четверо, нанюхались

наркотика. Когда я пришел в себя, я увидел, что парень и девушка уже связаны и лежат на жертвеннике. Но и на мне были наручники. Я сделал вид, что считаю это шуткой, и уговорил Корлла снять их с меня. Он освободил меня, но пригрозил, что в следующий раз не пощадит меня, если мне опять вздумается привести девчонку. Я тут же помог ему отправить на тот свет обоих. Затем, воспользовавшись удобным моментом, я влепил ему пять пуль в голову...

«Таким образом,— заключила специальная корреспондентка газеты «Франс-суар» в Хьюстоне Ева Фурнье,— Уэйн положил конец чудовищным оргиям Корлла не из жалости к его жертвам, а из страха за самого себя».

Когда читаешь бесчисленные и необычайно подробные сообщения буржуазных газет об этой чудовищной истории, невольно поражаешься именно этой невероятно будничной тональности, поразительной бесстрастности изложения. Видимо, таких историй там происходит столь превеликое множество, что журналистам они примелькались.

Больше того, ударение делается на том, что эти убийцы — палачи, пытавшие и убивавшие свои жертвы,— не какие-то ненормальные выродки, а самые обыкновенные, рядовые американцы.

«Очень вежливый юноша,— говорил журналистам о Хенли пастор, церковь которого стоит рядом с бунгало Корлла, где убивали подростков.— Он мне помогал в работе с молодыми прихожанами...»

«Дин был прекрасным соседом, по-настоящему хорошим парнем,— говорил человек, живший рядом с Корллом.— Остроумным, смешливым... Он ухаживал за газоном у своего дома и не лез в чужие дела...»

«У него всегда были в кармане конфеты, которыми он угощал ребятишек»,— вспоминал другой сосед.

«Такой милый, такой вежливый! — говорил о Корлле четвертый.— Всегда хорошо причесан и выбрит, хорошо одет... У него была такая подкупающая улыбка! И как он любил детей! Иногда по вечерам он сажал их на свой мотоцикл и катал. А в своем грузовичке он даже установил сиденья, чтобы возить ребятишек по воскресеньям на пляж». (На том самом пляже в Кальвертоне, на берегу Мексиканского зали-

ва, куда Корлл возил ребятишек, он закапывал по ночам их трупы. Их останки выкопал полицейский экскаватор.— *Ю. Ж.*)

«Брукс — обычный парень, высокий и спокойный»,—сказал еще один знавший его человек.

«Хенли — любящий сын и брат,— говорили о нем в семье.— Он всем помогал, никогда не забывал позвонить по телефону, если где-то задерживался...»

И еще одна деталь: встречая мать одного из убитых им подростков, Хенли всегда участливо спрашивал ее, не нашелся ли исчезнувший куда-то сынок, хотя он сам зарыл его в сарае еще два года назад.

Подростки пропадали в Хьюстоне часто, но полицию это не волновало. Ведь, по данным статистики, там убегает из дому в среднем 5 тысяч подростков в год, а всего в США ежегодно «исчезают» из родительских домов 1 000 000 (миллион!) юношей и девушек. И когда встревоженные родители требовали расследования, куда же делся их сын, полицейские чины невозмутимо отвечали:

— Ну что же, значит, сбежал и ваш...

Теперь выяснилось, что десятки подростков Хьюстона никуда не бежали и не собирались бежать. Они стали жертвами трех маньяков, которые уверовали в «доктрину» Мэнсона о «праве на убийство». И не только на убийство, но и на страшные пытки. В доме у Корлла были найдены ножи, которым резали детей, инструменты для истязания, огнестрельное оружие...

И еще одна кошмарная история, замыкающая круг последствий кровавых оргий «Иисуса-сатаны».— в Голливуде было раскрыто новое грязное преступление, которое совершил не кто иной, как тот самый Polански, которому когда-то все выражали соболезнования (у него на вилле были убиты жена и друзья).

Вот что написал об этом журнал «Тайм»:

«Даже для такого лихого места, как Голливуд, где действительность столь часто превосходит воображение, кинорежиссер Роман Полански является поразительной личностью. И его творчество и его жизнь изобилуют темными сторонами. Сейчас, к примеру, он работает над кинофильмом «Первый смертный грех», повествующим о высокопоставленном бизнесмене, одержимом сексуальной извращенностью и тягой к убийствам. И в то же время сам он оказался героем скандальной истории, достойной сцены

театра абсурда: его арестовали в холле гостиницы «Беверли-Уилшир» после того, как он изнасиловал тринадцатилетнюю «начинающую актрису».

Полански было предъявлено несколько обвинений: изнасилование, надругательство над несовершеннолетней, половые извращения, отравление детей наркотиками. Руководствуясь указаниями своего адвоката, он отрицал свою вину, но руководящий работник «Коламбия пикчерс» Билл Теннант сокрушенно заявил: «Роман заработал плохую репутацию».

Как утверждали следователи, из деталей дела, возбужденного против Полански, можно было бы создать сценарий для международного порнографического шоу.

Когда в феврале его попросили сделать фотоочерк для журнала «Вог», где он иногда сотрудничал, Полански выбрал в качестве модели тринадцатилетнюю девочку, старшую дочь одной женщины из Сан-Фернандо-Вэлли, с которой он был знаком. Полански заверил мать, что во время фотографирования «девочка будет полностью одета», однако уже во время первого «фотосеанса» она была полностью обнажена. Две с половиной недели спустя Полански привез девочку на своем «мерседесе» на второй «фотосеанс», который закончился на улице Мулхолланд-драйв в доме его хорошего друга, актера Джека Никольсона, тем, что и привело Полански на скамью подсудимых. Никольсона не было дома — он катался на лыжах в Колорадо; там находились его подруга Анжелика Хастон, дочь кинорежиссера Джона Хастона, и экономка живущего по соседству известного киноактера Марлона Брандо.

Согласно жалобе, поданной матерью потерпевшей, Полански уговорил девочку выпить несколько стаканов шампанского, а затем принять наркотическое средство (наркотики там часто употребляются профессиональными фотографами для успокоения юных натурщиц)...

Далее журнал «Тайм» подробно описывал все то, за что Полански должен был ответить перед судом,— я опускаю грязные натуралистические подробности изнасилования и сопутствовавших ему действий Полански, весьма обстоятельно изложенные журналом.

Мать девочки, над которой надругался Полански, узнала о том, что произошло, случайно, подслушав ее телефонный разговор.

Дело для Полански обернулось круто. Следствием была доказана его вина, и через несколько месяцев, опять-таки по подсказке своего адвоката, он сознался в том, что изнасиловал несовершеннолетнюю девочку, продолжая отрицать свою вину в сопутствовавших этому преступных действиях, столь грязных, что о них противно даже упоминать: адвокат считал, что этот шаг обвиняемого позволит ему добиться смягчения приговора и, быть может, добиться того, что суд ограничится решением о высылке Полански из США (если бы он продолжал отрицать все, ему грозило бы чуть ли не пожизненное тюремное заключение).

Некоторое время спустя Полански рассудил, что суд — дело для него опасное, и предпочел потихоньку удрать из Соединенных Штатов. Задумано — сделано! И вот Полански оказался в Париже, где его приветствовали как героя скандальной хроники. Вскоре он, вполне освоившись во французской столице, приступил к съемкам нового фильма.

Тем временем в Соединенных Штатах покровители этого кинорежиссера всячески добивались отсрочки процесса, а сочувствующая ему буржуазная пресса пыталась разжалобить общественное мнение, заявляя, что Полански — «жертва обстоятельств», поскольку его жизнь сложилась тяжело и в жизни ему довелось пережить много страшного и тягостного, а потому, дескать, к нему надо проявить снисхождение...

Такова реальная действительность страны, где стали возможными культ «Иисуса-сатаны» и режим «вседозволенности», пропаганде которых посвящают свои усилия и пресса, и телевидение, и кинематограф, и издательства, ссылаясь на пресловутую «свободу слова» и «свободу самовыражения».

Подумать только, находятся же на Западе люди, осмеливающиеся призывать и нас обзавестись подобными «свободами»! Нет уж, господа, держите их при себе. У нас, к счастью, иные, благородные и чистые, представления о свободе, иные нравы, иные обычаи. Их мы и будем беречь как зеницу ока!

# ЮНЫЙ ВЕРТЕР НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

— Вертер?.. На пороге XXI века?..— я уже вижу, как удивленно поднимаются брови у читателя, который помнит, что Иоганн Вольфганг Гете опубликовал свой чувствительный роман «Страдания юного Вертера» более двухсот лет назад, в 1774 году. О, конечно же, в те времена это было крупнейшее литературное — и не только литературное! — событие. О нем сам Гете написал в своей автобиографии полвека спустя: «Действие моей книжечки было велико, можно сказать, даже огромно — главным образом потому, что она пришлась ко времени. Как клочка тлеющего трута достаточно, чтобы взорвать большую мину, так и здесь взрыв, происшедший в читательской среде, был столь велик потому, что юный мир сам уже подкопался под свои устои...»

Это было очень точно сказано: юный мир разночинца Вертера, мир передовых слоев тогдашнего немецкого бюргерства, бунтовавший против мертвящего гнета пустоголовой, но невероятно амбициозной аристократии феодальных германских княжеств той далекой поры, сам подкапывался под свои устои — движение «бури и натиска» угасло, ибо «штюрмеры», как именовали себя его вожди, либо не понимали, что надо было опираться на трудовой люд, либо боялись сделать это.

Фридрих Энгельс писал: «Все прогнило, расшаталось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что нация

не имела в себе силы даже для того, чтобы убрать разлагающийся труп отживших учреждений»[1].

Гете сам был очень молод в ту пору — ему исполнилось всего двадцать пять лет, когда он написал свой роман, принесший ему сразу же мировую славу,— страдания юного Вертера были близки ему, да и сюжет романа во многом был навеян его собственными переживаниями. Вот почему ему так удался замысел проанализировать, как сказано во французском толковом словаре Робера, состояние души молодого человека, которого «чрезмерная чувствительность, колеблющаяся от экзальтации до отчаяния, и полная пассивность довели до самоубийства».

Анализ этот был осуществлен с такой силой и убедительностью, что он потряс современников Гете, и написанная им «исповедь сына века» дала побочные последствия, прозванные тогда же «вертеризмом»,— эпидемию самоубийств. Именно «вертеризм» имел в виду молодой Илья Эренбург, когда в своем памфлете «Белый уголь или слезы Вертера» с острой иронией писал в 1928 году, напоминая о том, что «слезы Вертера продолжают литься»:

> «Появление книги «Страдания юного Вертера» Германия отметила эпидемией самоубийств. Некая женщина бросилась в Ильм на глазах у автора. В Дрездене повесился портной, аккуратно дочитав последнюю строчку романа. Теперь нет ни таких книжек, ни таких портных. Среди статистики причин самоубийств значатся либо биржевая лихорадка, либо скука — этот общераспространенный продукт, благодаря успехам цивилизации переставший быть достоянием немногих снобов. Однако слезы Вертера продолжают литься. Я убежден, что в наши дни существуют и Вертер и дрезденский портной».

Я вспомнил об этом, увидев в Париже волнующий фильм маститого французского кинорежиссера Робера Брессона под странным названием «Возможно, дьявол...». Его главный герой — Шарль, его трагедия, его страшный конец живо напомнили мне если не Вертера, то проявление «вертеризма», который, как оказывается, дает о себе знать и сейчас.

Именно так прочли этот кинорассказ о юноше, покончившем с собой, и многие французские критики. «Это двусмысленное самоубийство, разумеется, имеет

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 562.

свое объяснение: оно выражает отказ от жизни, а не романтическое прославление смерти. Этот новый Вертер,— писал в «Фигаро» Филипп Нурри, подчеркивая, что фильм Брессона, «бесспорно, самый значительный из всех, какие французский кинематограф показал нам за многие годы».

Жан Баронселли в газете «Монд» тогда же заявил: «Ясно, что для Брессона Шарль — собирательный образ. Это — дитя нашего века, Вертер своего поколения... В присущей ему манере Брессон кричит нам о своей тревоге. Пожелаем, чтобы его услышали!»

Сейчас я лишь напомню, что этот фильм не был допущен к показу на традиционном французском кинофестивале в Каннах теми, кто составлял его программу. Правда, он все же проложил дорогу к экрану на кинофестивале в Западном Берлине, где Робер Брессон получил вторую премию — «Серебряного медведя» («Золотой медведь» достался советскому кинорежиссеру Ларисе Шепитько за кинокартину «Восхождение» по повести В. Быкова «Сотников»). Но, как это часто бывает в кинобизнесе, признания широкой аудитории этот фильм, который критик Анри Шенье в «Котидьен де Пари» по справедливости назвал шедевром, так и не получил. Он лишь мелькнул на Больших бульварах в Париже и исчез, а вдогонку ему понеслось улюлюканье менее разборчивых литераторов, которые явно выполняли социальный заказ тех, кто увидел в этом фильме «подкапывание под устои общества».

Вот почему мне показалось стоящим делом поглубже поразмыслить и над работой Робера Брессона, и над социальными проблемами, которым эта картина была посвящена.

### История одного «мятежного мученика»

Сначала о фильме. Его главный герой — бывший студент Шарль, бросивший учебу, которую он считал бессмысленной в предвидении неминуемого крушения окружающего его жестокого, холодного, человекоубийственного общества. Он тщетно пытался найти смысл жизни в этом обре-

ченном на гибель обществе. Конечно, Шарль не является двойником Вертера. (Тот был душевно богаче и неизмеримо интеллектуальнее.) Но его роднит с героем Гете, которого Пушкин сочувственно именовал «мятежным мучеником», сознание бессилия перед ненавистным ему обществом.

Несчастная любовь, исходом которой было самоубийство Вертера, играет свою роль и в судьбе Шарля, но теперь, два столетия спустя, нравы уже утратили тот пуританский и жесткий характер, которым они отличались в годы молодости Гете. И если бы Шарль и его друзья прочитали «Страдания юного Вертера», они не поняли бы этот роман и даже посмеялись бы над его интригой. Шарля волнует другое: зачем вообще жить в окружающем его грязном и черством мире, который к тому же обречен на гибель? И он, как и Вертер, не будучи в силах бороться за переустройство этого мира, решает уйти из него...

Фильм начинается как банальный детектив. На экране — полоса парижской бульварной газеты с сенсационным заголовком: на кладбище Пер-Лашез найден труп покончившего с собой выстрелом из пистолета юноши. Следующий кадр: назавтра та же газета публикует новое сообщение — оказывается, юноша был убит выстрелом в затылок. Стало быть, это вовсе не самоубийство? И начинается традиционное разматывание сюжета, которое должно дать ответ на вопрос, кто этот юноша, отчего и как он погиб.

Робер Брессон ведет кинозрителя в хорошо знакомый парижанам зеленый скверик у Нового моста на знаменитой стрелке, где Сена раздваивается на два рукава, обтекая остров, на котором когда-то был основан средневековый город Сите — столица французских королей. Когда я тридцать лет тому назад работал в Париже, эта стрелка была тихим уголком влюбленных и рыболовов. (Сена еще не была отравлена отходами химических заводов, и в ней водилась рыба.) Теперь здесь обосновалась бесприютная, опустившаяся молодежь, утратившая веру в моральные ценности; она не знает, куда себя деть, и ищет забвения в наркотиках. Такую молодежь называли поразному, но всякий раз кличка приходила из Соединенных Штатов, где рождались странные нравы,

которые усваивали юноши и девушки, бросающие вызов своему обществу: «битники», «хиппи», «племена».

И вот перед нами одно из этих «племен», ведущих пещерный образ жизни в центре французской столицы: нечесаные, грязные юноши и девушки, молча сидящие у костра, не знающие, куда себя деть и чем заняться сегодня — любовью, бесцельным блужданием по улицам, пьянкой или наркотиками...

Откровенно говоря, когда я начал смотреть этот фильм, у меня в душе шевельнулось досадное ощущение: еще один, тысяча первый, полицейский фильм о «хиппи»,— зря ты теряешь время, сидя в кинозале! Но и этот банально нарочитый «въезд» в сюжет был рассчитанным ходом Робера Брессона. Ему явно хотелось сказать пресыщенному поверхностными и фальшивыми фильмами зрителю: «Вглядись, вглядись повнимательнее! Ты привык с холодным равнодушием либо пугливо проходить мимо этих юношей и девушек, бездумно сжигающих свою молодость в огне нелепых костров на берегу Сены, а ведь под коростой их фальшивого безразличия к жизни бушует настоящий огонь скрытых страстей, снедавших когда-то Вертера, чья душа бунтовала против условностей окружавшего его мира. Вглядись и подумай: что надо сделать, чтобы помочь этим людям избежать трагической судьбы Вертера и найти свое место в жизни и борьбе...»

Кстати, Брессон не один размышляет над этой проблемой. На кинофестивале в Каннах весной 1977 года был показан взволновавший многих фильм швейцарского режиссера Патриции Мораз «Индейцы еще далеко». Он повествовал о необъяснимом самоубийстве одной школьницы. Самоубийство это было вызвано, как писали критики, «смертью при жизни». Мораз, как и Брессон, пыталась проникнуть в самую суть проблемы, показать пустоту духовного мира, в котором живет молодежь, утратившая интерес к реальной жизни и борьбе. Духовный мир этой части молодежи действительно пуст, хотя иногда кажется, что он напускной, наделенный идеями левацких лжепророков, которые пытаются стать властителями дум этой части молодежи.

Перед нами отнюдь не вся современная молодежь Запада, а лишь часть ее, в общем-то не очень большая. Это в основном молодежь уходящего класса, обреченного историей на гибель,— буржуазная молодежь, да и она далеко не вся избирает этот растительный, бездумный образ жизни.

Другая часть молодежи отчаянно ищет ключ к лучшей жизни — ей нужно несколько прочных ветвей, за которые можно уцепиться. Она пытается найти какой-то синтез, все более ускользающий от нее в расплавленной массе информации и стандартных формул, которыми ее бомбардируют изо дня в день...

**Молчаливая смерть**

Давайте же подойдем поближе к жалкому костру, в котором шипят и трещат сырые щепки, и вглядимся в хмурые лица сидящих вокруг него юношей и девушек, коротающих ночь на грязном, запущенном берегу такой же грязной и запущенной Сены. Не будем ни заранее осуждать их, ни вдаваться в рассуждения о романтике протеста против «общества потребления», которая иной раз проскальзывает в повествованиях о жизни таких молодежных «племен». Вглядимся в их худые, испитые лица, в их глаза, в которых застыла какая-то неизбывная тоска. Они мало говорят даже между собой, у них какой-то птичий язык — из междометий и словечек, заимствованных то в ученых сочинениях, которые они читали, учась в Сорбонне, то у неграмотных бродяг, ночующих тут же под мостами Сены.

Кто же эти люди, разучившиеся говорить? Кого поразила страшная «болезнь века»? Кое-кто из критиков, игнорируя реальность, подбрасывает упрощенный ответ: это болезнь всей современной молодежи, которая восстает против «индустриальной цивилизации» и ищет романтику в одичании.

«Страх перед завтрашним днем, который готовят нам технократы,— писал Мишель Морр в газете «Фигаро»,— питает романтизм сегодняшних молодых людей. Зло, которое ими владеет,— это вечное (!) зло молодежи, и эти молодые люди мне иногда напоминают отчаявшихся и вместе с тем нежных героев

Мюссе. Они бросают учебу, которая никуда не ведет. У них нет силы, нет веры, нет храбрости. Насмешливость и отказ действовать — единственное оружие, которое они в состоянии противопоставить окружающему их варварству. Покинув свои комнатушки либо родительские апартаменты, они собираются на берегу Сены, где обретают немного свежести. Вокруг костра, плечом к плечу, они ощущают братское сплочение».

И все-таки социальное явление, вызвавшее тревогу у Брессона, реально существует, и, заговорив о нем вслух, этот маститый режиссер — хотел он того или не хотел — обнажил смертельные язвы социальной системы, которая историей обречена на гибель.

И опять возникает вопрос: кто эти молодые люди, молча сидящие у дымного костра? У некоторых из них обеспеченные родители; одна из подруг Шарля катается в промежутках между бдениями на берегу Сены в белом открытом спортивном автомобиле, стоящем больших денег, и принимает этого юношу в роскошных апартаментах. Когда Шарлю нужны деньги, он без спроса лезет в ее письменный стол и вытаскивает оттуда пачку стофранковых билетов.

Есть в этой компании и уже вконец опустившиеся молодые люди — наркоманы, люди без определенных профессий, готовые на все, даже на преступление, чтобы раздобыть деньги на очередную дозу героина. Есть недоучки — тот же Шарль был студентом математического факультета. Есть и научные работники — друг Шарля Мишель занят проблемами экологии.

Что же объединяет эту пеструю толпу? Поиск смысла жизни Они бродят то гурьбой, то поодиночке по Парижу, пытаясь найти какую-то ниточку, которая привела бы их к пониманию мучающего их вопроса: зачем жить в этом бесчеловечном и жестоком мире?

В каком-то тесном подвале Шарль слушает напыщенные речи леваков, призывающих немедленно, сию минуту разрушить все на свете, чтобы остался голый человек на голой земле и начал историю с нуля. Эти речи кажутся ему несерьезными, фальшивая театральность ему претит, и он уходит прочь.

И вот уже «племя», к которому принадлежит Шарль, вваливается в церковь, где священник призы-

вает молодежь поверить в бога и ждать царства небесного. Шарль и его друзья забрасывают проповедника ядовитыми, насмешливыми вопросами. Фоном для этой полемики и одной из самых сильных в фильме сцен служат резкие, болезненные, дисгармоничные звуки неисправного церковного органа,— его в это время ремонтирует мастер. Эти звуки как бы символизируют то замешательство и смятение, которые царят сейчас в католицизме, все больше теряющем свою паству. Разочарованные, недовольные, злые, юноши и девушки шумно покидают храм.

Еще одна попытка уцепиться за какую-то ниточку, которая помогла бы этим молодым людям найти смысл жизни: эколог Мишель втягивает их в борьбу за сохранение окружающей среды. Эта тема особенно дорога для Брессона. «Я желаю от всего сердца, чтобы молодежь восстала против гигантского разрушительного процесса, который опустошает мир и за который ей придется расплачиваться»,— говорил он в своем интервью, опубликованном в газете «Котидьен де Пари».

И далее он запальчиво спрашивал: «Что вы будете делать на планете, где вам некуда будет поставить ногу? В атмосфере, лишенной птиц, в такой атмосфере, которой и вы не сможете дышать? Есть люди, которые не хотят видеть того, что происходит. Если вы хотите розовых фильмов — ставьте их. Я этого делать не могу. Есть серьезные вещи, значимость которых возрастает, и надо, чтобы кто-то ими занялся...»

Тут в киноповествование Брессона вплетаются страшные, нестерпимые для глаза документальные кадры, напоминающие о последствиях бездумного и варварского обращения человека с природой. Равнодушные охотники дубинами бьют новорожденных тюленей — их мех нужен на шубы модницам. Звучит резкий рев пилы — гигантские деревья редчайших пород с грохотом рушатся на землю; нужны были сотни лет, чтобы они выросли, требуются считанные минуты, чтобы их спилить. На детских кроватках госпиталя — несчастные дети, которые останутся калеками и умственно неполноценными на всю жизнь — их

погубили отходы химических заводов. И как зловещий апофеоз — взрыв водородной бомбы.

Но тщетно Мишель пытается пробудить у своих сверстников волю к борьбе за сохранение окружающей среды. Его рассказы о страшных последствиях бесчеловечных действий тех, кто использует научный прогресс для расправы с природой и людьми, дают обратный результат. Шарль и его друзья приходят к выводу, что теперь уж ничего не поделаешь,— весь мир идет к гибели, и помешать этому уже невозможно.

**Самоубийца или жертва убийства?**

И вот во время очередного бдения у костра на берегу Сены Шарль вытаскивает из кармана брошенного на камни пиджака своего приятеля заряженный пистолет и тихонько отходит в сторону, к воде. Склонившись к ней, он долго вглядывается в грязную рябь Сены, видимо, раздумывая о том, как вот-вот рухнет туда...

Всем ходом своего киноповествования, в котором Шарль выглядит как человек благородной души (вероятно, именно поэтому многие рецензенты называли его Вертером XX века), Робер Брессон подводит зрителя к мысли о том, что его юный герой вот-вот покончит с собой в знак протеста против мерзости окружающего его бездушного и грязного мира. И тут снова напрашивается параллель с Вертером, этим «мятежным мучеником», который, боясь упреков в слабодушии, сравнивал добровольный уход из жизни с проявлением законного бунтарства: «Если народ, стонущий под непосильным игом тирана, наконец взбунтуется и разорвет свои цепи — неужто ты назовешь его слабым?»

Но это был софизм, не более. Вертер отнюдь не был революционером, он даже не пытался сокрушить устои общества, пороки которого были ему ненавистны. Шарль еще слабее духом: у него не хватает сил даже на то, чтобы поднести пистолет к виску и нажать на курок. Его охватывает гнев на самого себя и на весь окружающий мир. Что же делать?

Раздается все же резкий звук выстрела... Друзья Шарля, хватившись, что он исчез, бегут на поиски.

Выстрел следует за выстрелом. Что это значит? Оказывается, Шарль, будучи не в силах убить себя, с какой-то одержимостью расстреливает грязную Сену. Его приятели в смятении: не сходит ли он с ума? Его ведут на прием к специалисту по психоанализу. И снова перед нами очень сильная, правдивая сцена. На экране — типичный модный шарлатан от науки, заинтересованный лишь в том, чтобы получить гонорар за визит.

Шарль с нескрываемой иронией и презрением слушает болтовню этого врачевателя человеческих душ. Из всей беседы, изобилующей сложной псевдонаучной терминологией, он запоминает лишь неосторожно оброненное психоаналитиком упоминание о том, что «человек может покончить с собой с помощью другого». «Случалось,— говорит он,— что древние римляне приказывали своим рабом убивать их».

Ах, так... Шарль быстро соображает, что и в XX веке «раба», готового выполнить такой приказ, найти не столь уж трудно. Он вспоминает своего приятеля-наркомана, которого ему довелось однажды выручить из беды, добыв для него героин,— пусть он отплатит услугой за услугу! Задумано — сделано. Шарль отправляется к своей богатой подруге, берет из ее письменного стола толстую пачку денег и находит приятеля-наркомана.

Разговор короткий: если приятель согласится выстрелить Шарлю в затылок,— пачка денег поступит в его распоряжение, и он сможет купить себе много героина. Тот без колебаний соглашается. Друзья отправляются ночью на кладбище Пер-Лашез, и там раздается выстрел, вызвавший те сенсационные заголовки в бульварной газете, которые были показаны на экране в начале фильма.

Так как же считать — покончил ли самоубийством или стал жертвой убийства юноша, чей труп нашли на кладбище? Брессон не дает прямого ответа на этот вопрос. Но все содержание фильма подводит зрителя к единственно правильному ответу: Шарль был убит тем злым и безжизненным обществом, отравленным воздухом которого ему пришлось дышать, и в этом отношении, как правильно отмечал критик газеты «Монд» Жан де Баронселли, между

судьбою этого юноши конца XX века и судьбою Вертера можно провести параллель. Он взволнованно пишет:

«Фильм проникнут,— это говорит сам Робер Брессон,— ощущением тоски, тревоги, страха, порожденных той цивилизацией, которая стала мерзкой и гнусной, превратилась в орудие разрушения и породила мир, где царствуют безумие и смерть. Она ведет нас к пропасти... быть может, мы уже погибаем. Но кого это заботит? Лишь нескольких заблудших пророков. Да еще иных представителей молодого поколения, которых невинность спасет от слепоты... Этот фильм — свидетельство двойного кризиса: кризиса современного мира и кризиса юноши, сталкивающегося с этим миром».

Я мог бы во многом согласиться с Жаном де Баронселли и другими французскими критиками, увидевшими в этой работе Робера Брессона свидетельство глубокого духовного кризиса, за исключением самого главного: это не кризис цивилизации, а кризис буржуазного общества, зашедшего в тупик.

**Дьявол, не названный по имени**

Кстати, на такую прямую постановку вопроса не отважился и сам постановщик фильма. В фильме пассажир в автобусе, скорбя о том, что все складывается неладно в «западном» мире, спрашивает соседа: «Кто нами потихоньку движет?», и тот уклончиво отвечает: «Вероятно, дьявол». Эти как бы мимоходом брошенные слова сделаны названием фильма, и зрителю остается гадать, кто же этот дьявол.

Но у дьявола, который толкнул Шарля к смерти, есть вполне точное и ясное имя: его зовут капитализм. Об этом правильно и своевременно сказал кинокритик коммунистической газеты «Юманите» Франсуа Морэн. Высоко оценив фильм Брессона как «горячий протест против общества, порождающего тоску и отчаяние в особенности среди молодежи, которой оно преграждает путь в будущее», Морэн выразил сожаление по поводу того, что Брессон не показал существо этого конфликта — классовую суть происходящего. «Следствия, которые он показывает, отделены от причин, их порождающих. Эти причины известны. Вот они: гонка за прибылями в обществе,

где доминируют монополии, безработица, отсутствие возможности найти место в жизни для молодежи, разложение буржуазии, у которой нет будущего, и много других причин, которые хорошо знают люди, чающие нового общества. Все это имеет очень мало общего с метафизикой безымянного Зла с большой буквы, пронизывающей фильм».

Новая работа Брессона вызвала переполох в стане блюстителей шатающихся основ капиталистического мира. Уже тогда, когда режиссер собирался поставить такой фильм, на его пути появились бюрократические рогатки. Началось с того, что ему отказывали в кредитах. Потом, когда деньги все же с большим трудом удалось раздобыть и фильм был снят, его не допустили к показу на кинофестивале в Каннах — туда были посланы более слабые, но безобидные киноленты. Наконец, когда решался вопрос о выпуске фильма в коммерческий прокат, комиссия по контролю за кинофильмами, собравшись на пленарное заседание, запретила его показ молодежи до 18 лет. А Брессона обвинили в том, что он занимается «подстрекательством молодых людей к самоубийству».

На пресс-конференции Брессон заявил:

— Мой фильм действительно обращен к молодежи, но он отнюдь не подстрекает ее к самоубийству. Скорее он рекомендует ей взбунтоваться...

Тогдашний министр культуры и по вопросам окружающей среды Мишель д'Орнано снял запрет с показа молодежи фильма «Возможно, дьявол». Но тут же фильм стали атаковывать многие газеты и журналы, стоящие на страже устоев буржуазного общества.

М. Флакон писал в журнале «Пуэн»: «Это разгневанная проповедь, как обычно. Тик (!) автора давно известен: атональные фразы, скрытое действие, тощая символика... Французский кинематограф не обретет нехватающих ему красных кровяных шариков, пережевывая до отвращения анемичные картины страданий юного Вертера».

Другой злобный критик, Андре Фроссар опубликовал издевательское «Открытое письмо Роберу Брессону», в котором ехидно писал, что негоже-де семидесятипятилетнему человеку браться за тему о молодежи.

Журнал «Нувель обсерватер» поместил заметку о выходе на экран фильма «Возможно, дьявол» под заголовком «Смотреть не надо» и безапелляционно заявил, что этот фильм представляет собой «карикатуру на молодежь».

Но всех переплюнула газета «Франс-суар», опубликовав от имени анонимных кинозрителей поистине хулиганские оскорбления в адрес автора фильма:

— Брессон — это старый дурак...

— Это фильм для маньяков, любящих смотреть скучные фильмы...

— Я пришел посмотреть этот фильм только потому, что о нем много говорят. Было бы лучше, если бы о нем не говорили. Он ничего не стоит. Это последнее бульканье старца, который страдает половым бессилием...

И еще «ответы», рассчитанные на то, чтобы отпугнуть зрителей:

— Уф! Присутствуешь при самоубийстве юноши. Ну и что?

— Я ужасно скучал...

— Меня этот фильм совсем не тронул...

— Это скучно...

А ведь речь шла об актуальном произведении большого мастера, многие фильмы которого уже вошли в золотой фонд французского кинематографа! Напомню, что Брессон успешно работал в кино свыше трех десятилетий. Он поставил двенадцать фильмов. Не так уж много, но каждая из его кинокартин оставляет глубокий след в памяти любителей кино: и «Дамы Булонского леса», и «Дневник сельского кюре» по книге католического писателя Бернаноса, и «Душенька» по Достоевскому, и фильм «Приговоренный к смерти бежал», и «Карманщик», и многие другие.

«Искусство не роскошь, а душевная потребность»,— сказал Брессон в одном из интервью, и действительно, каждый из его фильмов отвечал его душевной потребности. Больше того, его первейшая забота всегда состояла и состоит в том, чтобы увлечь за собою зрителя, добиться того, чтобы он сопереживал с автором фильма, а не попросту коротал время в кинотеатре, бездумно глазея на экран.

«Фильм делается не для того, чтобы глаза зрителя блуждали по его кадрам,— писал Брессон в своей книге «Заметки о кинематографе» (издательство Галлимар, 1975 год),— а для того, чтобы он сам втягивался в события, показанные в этом фильме, и был поглощен ими».

Добиваясь этой цели, Брессон соединяет глубину творческого анализа с высокой профессиональной требовательностью и к самому себе и к актерам. Говорят, что иной раз он снимает по 60—70 дублей одного и того же плана в поисках предельной простоты и выразительности. При этом Брессон решительно отбрасывает все, что так любят многие режиссеры,— зрелищность, живописность, любование деталями. Он чрезвычайно лаконичен, причем лаконизм этот часто перерастает в символику.

Брессон живет в старом мире и принадлежит ему. Но, будучи умным и тонким художником, он не может не видеть, что этот старый мир неуклонно движется к своей гибели. И ему не прощают того, что об этом он говорит вслух, хотя и не полностью раскрывает классовую суть рокового для капитализма процесса.

### «Вертеризм»

Такова поучительная история попытки старого кинематографиста по-новому прочесть печальную повесть о «Страданиях юного Вертера» и рассказать о «вертеризме», который с новой силой вспыхнул как социальное явление в капиталистических странах в преддверии XXI века. Давайте же теперь перейдем от повествования художника к реальности.

Проблема самоубийств непроста, и было бы большой ошибкой упрощать и вульгаризировать ее. Люди есть люди, и существуют тысячи причин, в силу которых в мозгу у некоторых рождается роковое решение покончить с собой: несчастливо сложившаяся семейная жизнь, какой-то моральный сдвиг, болезнь, материальные трудности, одиночество, отсутствие друзей, которые поддержали бы павшего духом в трудную минуту,— такое может случиться. Но когда самоубийства приобретают поистине массовый характер, как было в эпоху Вертера и как это происходит сейчас на

Западе, проблема утрачивает частный характер и должна рассматриваться уже как социальное явление и как явный симптом глубокой и опасной болезни буржуазного общества.

Вот что писала по поводу роста самоубийств и в Западной Европе парижская газета «Фигаро»: «Каждый день тысячи людей кончают жизнь самоубийством. В большинстве стран (Западной) Европы смертность от самоубийства занимает в статистике четвертое место после смертности от сердечных болезней, рака и несчастных случаев на дорогах. Эти сведения сообщил доктор Антони Мэй из Европейского регионального бюро Международной организации здравоохранения. В своем исследовании, опубликованном в Женеве, он указывал, что процент смертности от самоубийства повсюду повысился в сравнении с началом века и в среднем составляет 10 случаев на 100 тысяч жителей [1]. Мужчины чаще кончают самоубийством, чем женщины. Хотя в целом чаще всего убивают себя пожилые люди, а в последнее время растет число самоубийств среди молодежи».

Четыре с лишним года спустя эпидемия самоубийств в капиталистических странах усилилась еще больше и выступления западной прессы на эту тему стали еще более тревожными. Вот что писал, к примеру, американский еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», отмечая «резкое увеличение числа самоубийств среди молодежи и детей»:

«Всего за 10 лет число самоубийств среди детей в возрасте от пяти до четырнадцати (!) лет удвоилось... Тысячи студентов колледжей из восточных районов страны говорят: в отличие от самоубийств среди пожилых людей, которые в основном вызваны разочарованием в жизни и приближением смерти, самоубийства среди молодых чаще вызваны желанием не дать жизни развернуться. Это депрессия в ее крайнем выражении, а не обостренная случайными и внезапными изменениями, как среди большей части детей школь-

[1] В ряде стран этот показатель значительно выше. Так, по данным статистики, которые агентство Франс Пресс опубликовало 22 ноября 1976 года, число самоубийств на 100 тысяч жителей возросло до 20 в Швеции, до 23 в Финляндии, до 23,9 в Австрии и до 44 в Западном Берлине.

ного возраста; это — непрерывное отчаяние» (подчеркнуто мною.— *Ю. Ж.*).

Западная пресса буквально переполнена трагическими сообщениями о самоубийствах. Вот некоторые из них, заимствованные мною из парижских газет:

«Предприниматель Анри Вальбур, дела которого шли плохо, его жена Мишель, двое сыновей Жиль и Дидье, мать жены Роберта и тетка Алиса коллективно покончили с собой, оставив записку: «Мы решили совместно покинуть это общество». После обеда все, кроме главы семьи, уселись в кресла, завязав себе глаза. Анри Вальбур застрелил из карабина обоих сыновей — студента и лицеиста, жену, ее мать и тетку, а затем покончил с собой выстрелом в висок».

«Она спрыгнула с башни со своими двумя детьми. Все произошло очень быстро. Раздался детский крик. С семнадцатого этажа дома-башни упало и разбилось об асфальт одно тело, за ним еще два. Было 9 часов 30 минут утра, когда мадам Мартен из Монтрей покончила с собой, предав смерти обоих своих детей — четырех и пяти лет».

«Неизвестный молодой человек принес в Булонский лес канистру с пятью литрами бензина, вылил горючее на себя и поджег свою одежду. Заметивший это прохожий вызвал полицию. Самоубийца скончался в госпитале Фош. При нем не было документов, и опознать его не удалось».

«Три трагических случая: безработный молодой художник 22 лет, отец семьи, раздобыл револьвер и застрелился; безработная девушка 17 лет, которая хотела стать журналисткой, но не смогла получить образование, так как у родителей не было денег, покончила с собой, отравившись газом; существовавшая на случайные заработки девушка 20 лет, на руках у которой были больная мать и четверо братьев и сестер, не вынесла трудностей жизни и бросилась с моста высотой 50 метров».

«Попытка самосожжения на бирже труда. Двадцатитрехлетняя Ванда Денгло, красивая парижанка, по профессии секретарша, в течение года не могла найти работу, хотя она знала и иностранные языки. Через несколько дней истекал срок, в течение которого ей полагалось скромное пособие по безработице, служив-

шее для нее единственным средством существования. Придя на биржу труда, она вылила на одежду бутылку бензина и зажгла ее. С серьезными ожогами Денгло доставили в госпиталь. Ее лицо и грудь изуродованы навсегда».

«Застрелился тридцатитрехлетний депутат Национального собрания Симон Лорьер, потерпев поражение на выборах в мэрию Тулона».

«Три самоубийства в метро. Вчера утром на станции метро «Страсбург — Сен-Дени» неизвестный застрелился из обреза. Вчера же после 17 часов в метро покончили с собой, бросившись под поезд, еще двое неизвестных — один на станции «Лувр», другой на станции «Монмартр».

«Два новых самоубийства безработных. В дни празднования Троицы безработная стенографистка Жаклин Т. выбросилась из окна седьмого этажа в Курнев, а безработный рабочий Жан С. застрелился в Баньо».

«24 июня в Сен-Дени покончил с собой двадцатипятилетний безработный Ги. Он оставил письмо, в котором написано: «Я был студентом медицинского факультета. Заболел, лечился два года. Когда выздоровел, возобновить учебу не смог из-за тяжелого материального положения в семье. Записался на биржу труда. Мне обещали пособие. Но прошло шесть месяцев, а я не получил ни работы, ни пособия...»

«Тридцатишестилетний антрепренер Симон Вайнтроб, сделавший блестящую карьеру в мире «шоу-бизнеса», но затем погрязший в долгах и разорившийся, пустил себе пулю в лоб в одной из аллей Булонского леса».

«Сорокадевятилетний безработный инженер Стефан Анджеевский, который не мог найти работу уже два года, покончил жизнь самосожжением на лестничной площадке у своей квартиры в Ножансюр-Мари. Пятидесятичетырехлетний литейщик Марсель Жели в Девиле, район Арденн, застрелился, получив извещение об увольнении с завода Фондери Кошо, на котором он проработал 33 года».

«Тридцатитрехлетний квалифицированный рабочий Рене Леван из Шарлевиль-Мезьер покончил с собой, получив приказ об увольнении...»

Такими трагическими историями можно было бы заполнить целую книгу. Возвращаясь к грустной теме о «вертеризме» конца XX века, журнал «Пуэн» констатировал: «Каждый день во Франции пытаются покончить с собой более ста юношей и девушек. И каждый день двоим из них это удается. Таковы официальные цифры. Эта статистика далеко не полна: родственники скрывают многие самоубийства, выдавая их за несчастные случаи. И все же официальная статистика поражает: самоубийство является самой распространенной причиной смерти юношей и девушек в возрасте 20—24 лет».

Рост числа самоубийств породил обильную литературу, посвященную исследованию этого явления. Во Франции, например, вышли в свет труды Эмиля Дюркейма, Альбера Байе, Жана Бешлера, Дени Ланглуа, посвященные изучению его причин. И, пожалуй, ближе других к подлинной сути дела подошел Ланглуа в своей книге «Черное досье самоубийств», опубликованной издательством «Сэй»: он прямо заявил, что «социальная машина сокрушает личность и толкает людей к смерти».

Да, суть дела именно в этом. И не случайно число самоубийц начало бурно расти во второй половине 70-х годов, когда в капиталистическом мире разразился глубокий экономический кризис. Чем дальше, тем чаще буржуазная пресса вынуждена публиковать поистине ужасающие сообщения о том, что там происходит. Вот некоторые из этих вынужденных признаний.

— По данным того же еженедельника «Пуэн», опубликованным недавно, сейчас около четырехсот тысяч (!) американских подростков ежегодно совершают попытку самоубийства. Семи тысячам из них это удается, остальных спасают. В целом за последние двадцать лет число самоубийств среди подростков и молодежи возросло на 300 процентов. Одной из главных причин этого тревожного явления американские специалисты считают психологическую депрессию, вызванную во многих случаях экономическими проблемами. В качестве примера журнал привел попытку самоубийства, которую совершил шестилетний (!) мальчик, считавший себя «обузой» для семьи, оказавшейся в тяжелом финансовом положении.

— Парижская газета «Монд» 4 мая 1984 года сообщила, что за последние тридцать лет количество самоубийств среди молодежи во Франции удвоилось. Самоубийства составляют 10 процентов смертности юношей и девушек в возрасте от 15 до 20 лет. В 1983 году пытались покончить с собой более 130 тысяч молодых французов. 12 000 из них это удалось.

— Такая же картина в Японии. Как писал тот же американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» 18 июня 1984 года, «число самоубийств по традиции обычного (?!) в общем-то явления в японской жизни растет с пугающей быстротой. В прошлом году их было зарегистрировано более 25 200 — почти на 19 процентов больше, чем в предыдущем. В опубликованной главным полицейским управлением Японии Белой книге о самоубийствах за 1983 год подчеркивалось, что число учащихся в младших (!) классах средних школ, покончивших с собой в том году, возросло на 25 процентов.

— По сообщению газеты «Матэн» от 12 октября 1984 года, количество самоубийств в Италии также растет, теперь там каждые два с половиной часа кто-либо кончает с собой. Одна из главных причин этого явления, указывает газета,— безработица.

— Западногерманский журнал «Штерн», в свою очередь, сообщил, что повсюду в западных странах «потерявшая работу масса людей все чаще встает на путь насилия над собой» и что, в частности, в ФРГ «количество самоубийств молодых людей в возрасте до 25 лет растет в *три раза быстрее,* чем в среднем по всему населению».

Такой бурный рост этого поистине страшного явления встревожил многих в Западной Европе и в США, и там начали создавать наряду с обществами борьбы «за достойную смерть» «центры по предупреждению самоубийств». Любой человек, решивший покончить с собой, может позвонить в такой центр по телефону в любое время дня и ночи; он услышит участливый голос дежурного консультанта, который попытается отговорить его от рокового решения.

Только в Париже создана целая сеть таких центров под общим названием «SOS» («Спасите наши

души»). Некоторые из них — специализированные: есть центр, куда должны звонить решившие покончить с собой юноши и девушки; есть центр для отчаявшихся стариков; есть центр, куда должны обращаться жены, которые решили покончить с собой потому, что их зверски избивают мужья,— он так и называется — «центр для избиваемых жен», его телефон в Париже 731-31-69; есть и универсальные центры для любых самоубийц — «Помощь», «Феникс», «Открытые двери» и т. д.

В общей сложности эти центры только во Франции получают около 300 000 телефонных звонков в год. Кто звонит? Газета «Монд» на этот вопрос отвечает так: «Безработные, неудачники XX века, люди, не имеющие жилья, люди, у которых неудачно сложились семейные отношения, наркоманы, алкоголики и т. д.».

На курсах, где готовят работников для службы «Спасите наши души», их учат «быть внимательными ко всему, что может скрываться за словами человека, который звонит по телефону, решив с кем-то поговорить прежде, чем он покончит с собой». Это поистине тяжкие, действующие на нервы разговоры, никто из «отвечающих» по телефону не выдерживает более трех-четырех лет работы, и их приходится постоянно менять.

Но каков практический результат этой благотворительной деятельности? Американский социолог Дэвид Лестер провел любопытное сравнение статистических данных за восемь лет по 44 городам США — в семнадцати из них центры «Спасите наши души» работали, а в двадцати семи отсутствовали. И оказалось, вот что: из числа городов, где действовали эти центры, в восьми произошло незначительное снижение числа самоубийств, а в девяти, напротив, возросло. Из числа городов, где таких центров не было, в четырнадцати отмечено некоторое уменьшение количества самоубийств, а в тринадцати — увеличение.

Людей, которым не удалось убить себя, американские врачи нередко помещают в психиатрические лечебницы, пытаясь доказать, будто предпринятый ими роковой шаг является результатом психического заболевания. Однако, как признает отстаивающий «право на самоубийство» американский социолог Ричард Бо-

эт, которого я уже цитировал выше, тщательный анализ статистических данных доказал, что более двух третей из числа людей, пытающихся покончить с собой, совершают этот шаг в здравом уме. «Между численностью случаев так называемой психопатологии и количеством самоубийств,— пишет он,— нет определенной связи: самоубийцы раздавлены жизнью».

*Самоубийцы раздавлены жизнью!* Это брошенное мимоходом признание американского социолога дает ключ к пониманию проблемы, подлинный смысл которой пытаются извратить и скрыть от общественного мнения псевдогуманисты, столь яростно отстаивающие «право человека на смерть».

О, конечно же, самоубийство отнюдь не является актом мужества и твердой воли, как это пыталась изобразить еще в 1977 году газета «Монд», напротив, это проявление безволия. Но у кого поднимется рука, чтобы бросить камень в человека, сломленного жизнью в аду капитализма? Таких там — десятки и сотни тысяч, о чем повествует бесстрастным тоном статистика. Но десятки и сотни миллионов предпочитают этой капитуляции перед смертью путь активной борьбы с классом угнетателей. И когда у сломленного этими угнетателями человека исчезает последняя капля сил и он погибает, накладывая на себя руки, эти десятки и сотни миллионов борцов проявляют к нему сочувствие и еще теснее смыкают ряды для борьбы с подлинным виновником этой трагедии — бездушным социальным строем, обрекающим десятки и сотни тысяч людей на самоубийство.

Но есть еще одна черта у этого явления, мимо которой нельзя пройти. Я имею в виду все учащающиеся самоубийства в среде того самого класса, который несет тяжкую моральную ответственность за гибель этих людей,— класса эксплуататоров. Это — явление совершенно иного порядка. Люди этого класса стреляются, травятся, вешаются, топятся не из-за нищеты, не из-за отчаяния, вызванного невозможностью найти работу или накормить голодных детей. Там отчаяние другого рода, продиктованное состоянием обреченности класса, осужденного историей, духовной пустотой жизни, отсутствием идеалов, ради которых стоит жить и бороться.

В американском журнале «Тайм» я прочел статью «Пояс самоубийств», в которой содержалось горькое признание, что *наибольшее* число самоубийств в Чикаго происходит не в его трущобных кварталах, а на знаменитом Северном берегу озера, у которого раскинулся город,— там живут богатые люди Чикаго. Вот что говорилось в этой статье:

«Протянувшиеся на 20 миль вдоль озера чикагские пригороды Северного берега — один из богатейших районов нации. Юноши и девушки здесь живут без забот, учатся в перворазрядных колледжах. Богатство гордо выставляется напоказ. Многие разъезжают на «Мерседесах». Однако дела у молодежи, живущей в таком раю, складываются неладно: среди местных терапевтов этот район слывет как «пояс самоубийств». За 17 месяцев здесь 28 юношей и девушек покончили с собой. 18 из них застрелились, 8 повесились и двое бросились под поезд.

В масштабе нации самоубийства теперь занимают уже третье место в статистике причин смерти юношей и девушек в возрасте от 15 до 19 лет — после несчастных случаев на дорогах и убийств. При этом в богатых районах процент самоубийств выше, чем в остальных.

Группа пригородов Чикаго, расположенных на Северном берегу, занимает в этой статистике первое место — здесь количество самоубийств среди молодежи выросло на 250 процентов по сравнению с минувшим десятилетием. И это вопреки всем усилиям, направленным на то, чтобы помешать такому бедствию: готовятся кадры специалистов, которые должны бороться с самоубийствами, проводятся семинары и дискуссии между родителями и детьми, 24 часа в сутки функционируют «горячие телефонные линии» службы «Спасите наши души».

«Здесь слишком много самоубийств,— говорит Лаура Пфельцер, 19 лет, которая знала одного студента, вскрывшего себе вены, и двух других, которые покончили с собой, врезавшись на своих автомобилях в деревья,— когда растешь здесь, тебе все преподносится на серебряном подносе, но чего-то не хватает». Айседора Шерман добавляет: «Люди создают своим детям все материальные блага, ожидая, что получат за это многое в отдачу. Никто не допускает мысли о том, что сын или дочь могут оказаться простыми, средними людьми, а тот, кто не в состоянии отличиться, рассматривается как провалившийся неудачник».

Кончают с собой многие студенты, которые не в состоянии добиться высоких академических показателей. В районе Виннетка большой резонанс вызвала смерть привлекательного, интеллигентного и популярного девятнадцатилетнего студента Ронда Альтера, который повесился. На прошлой неделе один житель Виннетки услышал, как двое подростков хладнокровно обсуждали способ покончить с собой, «как будто бы речь шла о покупке пары носков»...

Согласно одной из теорий, говорит женщина-психиатр Мэри Гиффин, занятая лечением переживающей депрессию молодежи Северного берега, значительную долю ответственности за рост самоубийств юношей и девушек несет телевидение: «В его про-

граммах поверхностно затрагиваются серьезные проблемы и тут же они решаются в какие-нибудь полчаса. Но в жизни так не бывает».

Другие эксперты ссылаются на распад семейного уклада и на послевьетнамское разочарование в политике. «Молодые люди утрачивают веру в правительство, и это разочарование распространяется на все институты общества, включая семью»,— говорит психиатр из Чикаго Гарольд Высоцки.

Но почему процент самоубийств наиболее высок среди молодежи из богатых семей? Высоцки на этот вопрос отвечает так: «Люди низов используют другие средства протеста — бунты. Что касается юношей и девушек из богатых семей, то в 60-е годы, когда процент самоубийств был ниже, недовольство молодежи выражалось, с одной стороны, в виде демонстраций против войны во Вьетнаме, а с другой — в виде распространения наркомании». «Но сегодня уже ничто не может развлечь нашу молодежь»,— говорит психиатр из Лос-Анджелеса Ирвинг Берковиц».

Этот анализ, сделанный специалистами, привлеченными редакцией журнала «Тайм», конечно, не отличается ни глубиной мысли, ни широтой анализа. Но уже сам по себе факт его публикации говорит о многом. И прежде всего о том, что молодежь «богатых семей», то есть правящего класса Америки, охватывает безверие, она падает духом, становится пассивной, начинает терять перспективу, утрачивает интерес к жизни.

И хотя то, что происходит в богатых пригородах Чикаго, пока еще отнюдь не может рассматриваться как всеохватывающий процесс разложения «смены» класса капиталистов, в этом можно видеть симптомы серьезного духовного кризиса буржуазной молодежи, который из года в год, из десятилетия в десятилетие становится все острее.

Следует ли удивляться после всего этого, что в газетах капиталистических стран все чаще и чаще появляется информация о самоубийствах — они стали скорбной приметой времени. Характерная деталь: в последнее время учащаются *коллективные,* групповые самоубийства.

Буржуазная печать особенно охотно преподносит как сенсацию сообщения о таких прискорбных фактах. Вот как это делается. Приведу лишь заголовки из двух французских изданий.

Журнал «Нувель обсерватер»: *«Путешествие на край скуки. Они не видели ничего интересного в жизни. Четверо юношей решили умереть, когда им испол-*

*нилось по 21 году. Без видимой причины (?) и с улыбкой(!)на устах».*

Газета «Монд»: *«Самоубийство трех молодых людей в районе Мозеля. «Нам все осточертело. Это все».*

Газета «Матэн»: *«Путешествие к смерти Изабеллы и Пьера. «У нас нет больше желания играть». После сорокадневной поездки по Испании и Франции в поисках идеального для самоубийства места — могила на обочине автострады».*

Та же газета «Матэн»: *«Коллективное самоубийство в Алесе. В городе Алес, департамент Гард, Жан-Клод и Жоэль Фис с обоюдного согласия заставили своих детей проглотить смертельную дозу снотворных пилюль. Затем Жоэль сама проглотила такие пилюли, а Жан-Клод, дождавшись, пока они умрут, пустил себе пулю в лоб»...*

**«Право на смерть?»**

Естественно, возникает вопрос: как же расценивают воскрешение «вертеризма» идеологи капиталистического мира? Какие выводы делают они из данных статистики, бесстрастно регистрирующей неуклонный рост числа самоубийств?

Однажды я прочел в журнале «Ньюсуик» большую статью, глубоко поразившую меня. Она называлась «Право на самоубийство?» И хотя в заголовке присутствовал вопросительный знак, автор статьи пытался всем содержанием своей статьи доказать, что в современном мире право на самоумерщвление якобы должно быть причислено к основным правам человека, а в подтверждение этого автор ссылался на некий «манифест гуманистов (!), подписанный более чем 200 знаменитыми интеллектуалами». Эти «гуманисты», видите ли, прокламировали «абсолютное право каждого контролировать свою физическую судьбу, что касается воспроизводства, лечения или отказа от лечения, прекращения жизни, включая умерщвление безнадежно больных и самоубийство».

Напомнив о том, что еще не так давно, в 20-х годах прошлого столетия, труп англичанина, совершившего самоубийство, разгневанная толпа протащила по улицам и закопала за городом в могиле без всякого

указателя, только с колом, которым было пробито сердце самоубийцы.

А теперь, писал автор статьи, «немало американцев, размозживших себе головы, было отпето похоронными службами... Что-то действительно новое носится в воздухе. В былые времена в Соединенных Штатах законодательство поддерживало отрицательное отношение церкви к попыткам самоубийства, и любой, кто пытался покончить с собой, но не сумел этого сделать, мог угодить в тюрьму как преступник. В последнее время, однако, юридические санкции стали ослабевать (только в 9 штатах самоубийство все еще считается преступлением)». И далее он всерьез пытался доказать, что «право на смерть» должно стать общепризнанным».

Читатель ошибся бы, если бы подумал, что эта статья американского автора представляет собой единичное явление. Нет, она отражает целое направление в буржуазной социологии, которая чем дальше, тем чаще обращается к теме о «праве на смерть». Иные из них ратуют даже за включение этого права в конституции государств.

Не верите? Прочтите вот это требование действующего во Франции общества «За право умереть достойно» (его адрес: Париж, бульвар Порт-Ройяль, 92), опубликованное 11 сентября 1980 года в газете «Матэн»: общество это требует *«включить в конституцию право каждого человека свободно распоряжаться своим телом и своей жизнью, свободно выбирать момент для того, чтобы покончить с собой и средство достижения этой цели».*

Вот так-то!

Газеты и журналы, выходящие за рубежом, изо дня в день рассказывают о том, что там сейчас действуют «общества», ставящие своей целью оказание практического содействия тем, кто хотел бы воспользоваться «своим правом на смерть».

Дико? Согласен. Бесчеловечно? Конечно же. Невероятно? Ну нет,— такое развитие беспросветно мрачного мышления вполне соответствует горькой реальности бытия агонизирующего общества капиталистического мира конца двадцатого века. Знаете ли вы, например, что в Англии первая ассоциация сторонников

добровольного самоумерщвления «Экзит», что значит по-русски «Выход», была основана еще в 1935 году и что сейчас такие ассоциации функционируют уже в десяти странах, в том числе в Англии, Соединенных Штатах, Франции, Швеции, Голландии, Австралии и Японии?

Спрос рождает предложение, гласит старая, как мир, поговорка, имеющая хождение в обществе частной инициативы. И следует ли удивляться тому, что там уже сложилась целая наука о смерти — *фанатология* (от древнегреческого слова «фанатос», что и означает «смерть») и выращены кадры специалистов, разрабатывающих эту науку, что разработана методика, помогающая приучать людей с раннего детства к мысли о том, что жизнь и смерть — понятия равновеликие и что не стоит придавать большого значения бренному существованию человека, расстаться с которым можно и даже желательно запросто в любую минуту, ежели нет сил бороться с трудностями бытия.

«Смерть — это высшее (?) явление биологии,— гласил манифест общества фанатологии, опубликованный еще в 1966 году.— Сама по себе смерть носит вневременной и метафизический характер».

На страницах западной прессы ведутся систематические дискуссии на тему о том, как должен человек, не желающий прослыть несовременным, относиться к идее умерщвления своих больных родственников, рассматриваемых как обуза для семьи, и самоумерщвления. Этим проблемам посвящается еще одна наука, носящая название *эвфаназия* (Euthanasie).

Во втором томе французского толкового словаря Робера я нашел такое определение этого понятия, произведенного от того же древнегреческого слова «фанатос»: «В *медицине* данный термин означает легкую, без страданий, смерть, происшедшую естественно или благодаря использованию снотворных или наркотических средств. В *расширенном толковании* это слово используется как наименование теории, согласно которой умерщвление неполноценных личностей или ускорение смерти тяжело больных является законным... Термин эвфаназия также означает метод, которым пользовались нацисты в целях уничтожения не-

полноценных личностей и очищения того, что они именовали «расой».

Мы хорошо помним, как осуществляли эсэсовцы это «очищение расы» в своих лагерях смерти, где были уничтожены миллионы славян, евреев, цыган и людей других национальностей, в том числе и немцев, неугодных Гитлеру. Помнят это и в Западной Европе и во всем мире. И можно только поражаться тому, что сейчас в определенных кругах Запада вновь с хладнокровным бесстыдством заговорили об эвфаназии как о вполне достойном для применения, хотя и не в массовых масштабах, методе.

**Об одной странной дискуссии**

Передо мною лежат страницы крупнейшей буржуазной газеты Франции «Монд» за 1974, 1977, 1979, 1980 годы, за февраль, сентябрь и октябрь 1984 года, на которых с удивительным постоянством эта газета отводит видное место для статей проповедников «права на смерть». Еще 2 июля 1974 года эта газета открыла дискуссию на тему о самоумерщвлении статьей «Болезнь века». В той большой статье говорилось, что «ежегодно на нашей планете самоубийством кончают 400 тысяч человек, в том числе 16 тысяч во Франции». Ее автор доказывал, что если человек решил, что жизнь ему не мила, он вправе убить себя и мешать ему не следует.

В 1977 году «Монд» несколько раз возвращалась к этой теме. 17 августа, например, она опубликовала большую статью «Умирать по-шведски», в которой ознакомила своих читателей уже не с отвлеченными рассуждениями на сей счет, а с конкретным «опытом» осуществления «права на самоубийство». Оказывается, в то время в Швеции уже действовала некая «клиника», где совершенно легально «помогали» (!) человеку, решившему покончить с собой, безболезненно отправиться к праотцам — его «усыпляли», словно бездомную кошку или собаку.

Правда, газета позволила себе выразить некоторое сомнение насчет законности и целесообразности такой практики. Но не прошло и месяца, как она,— на этот раз уже без всяких комментариев,— напечатала настоящий панегирик этому «шведскому опыту» под кри-

чащим заголовком «Умереть — это первейшее право человека». В ней говорилось, в частности:

«Разве первейшее право человека не состоит в том, чтобы располагать самим собой? Разве решение покончить жизнь самоубийством, принятое по зрелому размышлению, является проявлением безумия? Разве тот, кто способен преодолеть инстинкт самосохранения, не является храбрым героем и мудрым человеком?.. Если решение о самоубийстве было хорошо продумано, то почему же не оказать всю возможную помощь тому, кто принял это решение?»

17 ноября 1979 года и 2 августа 1980 года газета «Монд» посвятила теме о смерти специальные полосы, пометив их рубрикой *«Умереть»,* — видные знатоки фанатологии и эвфаназии использовали щедро предоставленную в их распоряжение газетную площадь для пропаганды своих идей.

Писатель Габриэль Мачнев цитировал Лукреция: «Пока мы живы, смерти нет. Когда смерть наступает, нас уже нет. Следовательно, смерть для нас — ничто».

Писатель Мишель Ланда, бывший президент общества «За право умереть достойно», в статье, озаглавленной *«Право»,* требовал свободы самоумерщвления, которую он приравнивал к основным правам человека, и в этой связи — свободной продажи ядов. «Если страдания, нищета и одиночество обладают какой-либо покупной стоимостью,— писал он 17 ноября 1979 года,— то уже давно они оплатили право на смерть, которое должно быть записано в конституции рядом с другими признанными свободами».

Научный работник Жак Колетт в статье *«Желанный конец»* заявлял, что он считает вполне закономерным «желание небытия».

В марте, сентябре и октябре 1984 года газета продолжала вести дискуссию о праве врачей «прекращать жизнь пациентов», если они и их родственники просят об этом. В дискуссию о «праве на смерть» включились в последнее время и другие газеты, в частности «Фигаро».

В сентябре 1984 года в Ницце общество «За право умереть достойно» провело свой конгресс, требуя, чтобы правительство разрешило «добровольное прекращение жизни». Этим обществом сейчас руководит доктор Поль Шове; в рядах его насчитывается уже 12 000 членов.

На экраны Запада выходят фильмы, в которых демонстрируется в наукообразной форме процесс умирания человека. В свое время там приобрела скандальную известность кинолента, на которой было запечатлено — неделя за неделей, потом день за днем, потом час за часом (!) умирание безнадежно больного человека,— его наследникам хорошо заплатили.

В ноябре 1979 года на парижские экраны вышел фильм трех предприимчивых бельгийских кинематографистов — Жан-Поля Фербюса, Тьерри Зено и Доминика Гарни — под названием «Мертвые». В погоне за весьма специфической сенсацией авторы этого фильма совершили экспедицию в США, Мексику, Непал и Таиланд, чтобы, как писал восторженно встретивший этот фильм рецензент газеты «Фигаро» Кристиан Дюранте, «с помощью прекрасных и простых образов показать разнообразную реакцию людей перед лицом смерти».

Год спустя, в ноябре 1980 года, на парижские экраны вышел шумно разрекламированный и показанный до этого на фестивале в Канне американский фильм «Nick's movie» («Фильм Ника»), именовавшийся в США «Lightning over water» («Молния над водой»). Кинорежиссер Вим Вендерс заснял во всех деталях последние дни жизни своего друга, тоже кинорежиссера, Николаса Рея, безнадежно больного раком, включая последние минуты его предсмертной агонии. Газеты и журналы посвятили этому чудовищному фильму восторженные рецензии. Журнал «Нувель обсерватер», например, опубликовал статью о «Фильме Ника», озаглавленную так: «Великолепное (!) бесстыдство. Идите слушать зимнюю сонату Николаса Рея и Вима Вендерса».

Насчет того, что это бесстыдство — выставлять напоказ перед кинозрителями страшные минуты агонии своего друга,— я согласен. Но именовать это бесстыдство «великолепным» и призывать людей идти на просмотр такого бесстыдного фильма, по-моему, просто подло. Но так уж принято в том удушливом мире — любая сенсация, пусть самая отвратительная и страшная, находит своих потребителей... А вот газета «Монд» придерживается другого мнения. 1 декабря 1980 года она опубликовала статью *«Смерть под на-*

*блюдением»,* в которой содержатся похвалы и в адрес покойного Николаса Рея, согласившегося на этот страшный киноэксперимент, и в адрес Вима Вендерса, который его осуществил «при участии» Рея.

Напоминая о том, что еще несколько лет тому назад канадский режиссер Ив Дион снял и показал в кино отвратительный натуралистический документальный фильм о болезни, агонии и смерти одной женщины, рецензент «Монд» Клэр Деварье пыталась доказать, будто кинолента Вендерса «совсем другое дело», поскольку Рей якобы активно участвовал в ее съемке, помогая советами. Но разве сама суть фильма, смакующего смерть человека, от этого изменилась?

Прилавки книжных магазинов там завалены аналогичной литературой. Филипп Ариес, например, сочинил объемистое эссе «История смерти на Западе от средних веков до наших дней». Тот же Габриэль Мачнев провозглашает: «Когда смерть постучится к нам в двери, мы должны встретить ее как подругу». Жан-Люк Хенниг в своей книге «Морг», поднятой на щит тем же Кристианом Дюранте, пропагандирует ту же идею.

Одним словом, все делается для того, чтобы вбить людям в головы противоестественную мысль, что жизнь не стоит того, чтобы за нее держаться, и что в наш век, пожалуй, даже лучше побыстрее от нее отделаться (примечательно,— заметим в скобках,— что сами-то теоретики фанатологии и эвфаназии отнюдь не спешат последовать собственным советам и продолжают пребывать в добром здравии!).

Когда листаешь газеты с такими откровениями, смотришь фильмы, в которых прославляется прекращение человеческой жизни как желанное освобождение от бед и трудностей земного существования, невольно рождается мысль: а ведь это — вовсе не блажь кучки свихнувшихся интеллектуалов, это — жестокая и циничная политическая линия, продиктованная далеко идущими расчетами. Не случайно, к примеру, автор газеты «Монд» Тереза Лючиани, выступая за свободу самоумерщвления, пишет, полемизируя с теми, кто не разделяет этой идеи: «Эвфаназия — это великое слово произнесено. Его не осмеливались употреб-

лять с тех пор, как эта практика применялась нацизмом...»

Да, *именно нацисты,* как об этом напоминает даже бесстрастный толковый словарь Робера, отправляли в газовые камеры тяжело больных, инвалидов — людей, которых они считали лишними. Сейчас, конечно, сторонники «новой» эвфаназии не выступают в пользу таких грубых приемов,— они выступают «всего лишь» за то, чтобы вопрос о «прекращении жизни» решали родные больных и к тому же, по возможности, с согласия самих кандидатов на умерщвление.

До сих пор такие действия во всех странах преследовались по закону. Но счел же возможным, к примеру, французский сенатор Кайаве внести в сенат законопроект, в котором предлагалось совершенно официально «прекратить преследование лиц, несущих ответственность за пассивную эвфаназию» (речь идет о случаях, когда больных обрекают на смерть, отказывая им в активных средствах лечения). В мае 1980 года этот законопроект был отклонен. Но общество «За право умереть достойно», как сообщают парижские газеты, требует пересмотреть это решение, выступая в поддержку законопроекта Кайаве.

Эгоистическое буржуазное общество хочет освободиться от тех, кого оно считает балластом. К черту гуманность! Хочет человек покончить с собой,— скатертью дорога. Хотят родственники освободиться от больных,— ради бога!..

**Проповедники самоумерщвления**

И вот плодятся, множатся ассоциации, цель которых — подсказать людям, оказавшимся лишними в том жестоком мире, способ убраться побыстрее с лица земли. И самое чудовищное при этом — проповедники «добровольного» самоубийства прикрываются личиною борцов за права человека, включая рекламируемое ими с невероятным бесстыдством «право на смерть»...

Французское общество борцов «За право на достойную смерть» далеко не одиноко. Как я уже сказал, такие общества созданы уже в десяти странах Запада. И наиболее активны из них — голландское и английское.

В Голландии «Ассоциацию за добровольное самоумерщвление» возглавляет некий Экельманс. «Это движение в Голландии,— писала парижская газета «Монд» 7 августа 1980 года,— приобрело значительный размах, хотя [пока еще] оно не разрешено законом. В него входят десятки тысяч голландцев».

Экельманс и его сторонники первыми в Западной Европе поставили вопрос об издании пособий для тех, кто желает воспользоваться «правом на смерть». Для начала связанный с ними «Информационный центр по вопросам добровольного самоумерщвления» опубликовал в своем бюллетене, именуемом «Фанатос», рекомендательный список медикаментов, способных вызвать «безболезненную смерть». Затем Экельманс пошел дальше. В августе 1980 года он объявил, что вскоре поступит в продажу «Учебник (!) безболезненной смерти»,— текст его уже был подготовлен, но ассоциация ждала «разрешения юридических властей».

Эта предосторожность оказалась не лишней. Голландские власти не спешили с выдачей такого разрешения. Более того, Экельманс и его сотрудники столкнулись с неприятностями: их «Информационному центру по добровольному самоумерщвлению», опубликовавшему в своем бюллетене рекомендации фармакологических средств, способных вызвать «безболезненную смерть», было предъявлено обвинение «в преднамеренном подстрекательстве людей к самоубийству». Впрочем, никаких мер к прекращению деятельности «Ассоциации борьбы за достойную смерть» в Голландии принято не было. Она продолжает функционировать.

Активно действует и английская «Ассоциация борьбы за достойную смерть» под названием «Экзит». Пожалуй, она наиболее активна из всех западноевропейских организаций этого профиля. Особенно бурно эта ассоциация начала развивать свою деятельность начиная с 1977 года, когда ее возглавил тридцатитрехлетний преподаватель истории в университете Николас Рид — он буквально обрел свое новое призвание на этом поприще.

Ранее она насчитывала всего около тысячи членов, и о ее деятельности мало кто знал. Но после прихода

к руководству Рида все мгновенно переменилось: он, как писала английская газета «Санди таймс», «взялся за пропаганду добровольного самоумерщвления в агрессивной манере ловкого торговца мылом», применяя самые наиновейшие методы «маркетинга»: зондажи общественного мнения, кампании в прессе, использование кулуарных бесед с парламентариями, работу с деятелями церкви и так далее.

Парижская газета «Матэн» 25 июля 1980 года опубликовала весьма красочный репортаж о деятельности Николаса Рида, посвящающего свои весьма энергичные усилия борьбе за осуществление «права на смерть»:

**Пособия для самоубийц**

«В штаб-квартире общества «Экзит», находящейся в квартале Кенсингтон, напротив Гайд-парка, телефон звонит без умолку. Требования интервью, просьбы о консультациях поступают со всех сторон и все чаще. И по крайней мере один раз в день доносится голос: «Как я должен это сделать?»

Ассоциация боролась за принятие закона, который разрешал бы врачам помогать (!) людям умирать. Но разработанный ею законопроект в 1969 году был отклонен парламентом. Пока еще оставался в силе закон 1961 года, запрещающий такую «помощь». И вот, чтобы обойти его, было решено издать *самоучитель* для самоубийц, чтобы они сами могли покончить с собой,— ведь самоубийство законом не запрещено!

Когда была распространена реклама этого самоучителя, ассоциация начала процветать. Сейчас она насчитывает уже 8000 членов. Если в прошлом году сумма членских взносов, полученных ассоциацией, составила всего 7000 фунтов стерлингов, то только за шесть месяцев этого года было получено 40 000. 85 процентов новых членов — вдовы...»

Американский еженедельник «Тайм», посвятивший деятельности британских борцов за «право на смерть» 7 июля 1980 года большую статью под заголовком «Как совершить самоубийство», сообщил, что подготовленный специалистами этой ассоциации самоучитель рекомендует пять различных методов самоумерщвления, подчеркивая, что предпочтение должно быть отдано безболезненным «мирным, ненасильственным средствам». «Не рекомендуется стреляться из огнестрельного оружия, вскрывать вены или прыгать с верхних этажей здания». «Не рекомендуется использовать аспирин в смеси с алкоголем, так как это вызывает страшные предсмертные страдания». «Мы предлагаем на выбор различные пилюли, вызы-

вающие мгновенную смерть»,— заявлял в интервью Николас Рид.

Лозунг общества «Экзит» — «борьба за право на добровольное самоумерщвление для каждого взрослого человека — за право, если он того пожелает, обрести немедленную и безболезненную смерть». Чтобы стать членом общества, требуется немногое: надо уплатить вступительный взнос в размере трех фунтов стерлингов, после чего остается подождать три месяца, пока будет прислано пособие для совершения самоубийства, именуемое так: «Руководство к самоосвобождению или пять способов покончить с жизнью». По сообщениям печати, общество к тому времени уже получило 10 000 заявок на это пособие.

— Трехмесячный срок,— объяснял журналистам один из руководителей общества, Марч Диксон,— дается на размышления. Обычный самоубийца — тот, кто страдает от депрессии вследствие какого-либо шока, вызванного, например, экономическими трудностями. Возможно, в течение трех месяцев он оправится от этого шока, и тогда самоубийство уже не понадобится...

Далее он уточнил:

— Наш сборник рецептов самоумерщвления составлен квалифицированными врачами. Предисловие к нему написал писатель Артур Кестлер...

20 октября 1980 года парижский журнал «Нувель обсерватер» сообщил новые, весьма красочные детали о деятельности английского общества «Экзит» и его деятелей. Вот что рассказал о посещении его штаб-квартиры корреспондент журнала Фабиен Грюйер в статье под заголовком *«Смерть по выбору. Как покончить с собой, не стесняя соседей? Британская ассоциация публикует пособие, гарантирующее успешное самоубийство»:*

«Обстановка здесь отнюдь не мрачная. Вас обслуживают предупредительно, в шикарной обстановке викторианской эпохи. Трупами отнюдь не пахнет. И хотя здесь агитируют в пользу кладбищ, общество борьбы за право на достойную смерть чрезвычайно респектабельно... Оно обладает всеми чертами, присущими филантропическим организациям, которыми буквально кишит Лондон.

Общество привлекло к своей деятельности многих крупнейших британских психиатров, множество врачей, немало аутентич-

ных лордов и даже священников, в том числе одного епископа, что выглядит немного шокирующе в стране, где всего лишь девятнадцать лет тому назад попытка к самоубийству рассматривалась как преступление, наказуемое повешением...

Две тысячи членов в 1979 году и десять тысяч в 1980-м — рост в пять раз! Это подлинная лихорадка. Люди спешат вступить в общество. До недавнего времени оно занимало лишь скромный подвал. Теперь пришлось занять первый этаж того же дома, чтобы принимать толпы гостей, вести административную работу, разъяснять задачи общества, распространять брошюры.

Николас Рид, его генеральный секретарь, стал звездой Би-би-си и газет. В подвале кипит работа более лихорадочная, чем когда-либо. Армия секретарей регистрирует вступающих, рассылает бюллетень «Право на смерть», ведет бухгалтерию.

Бюллетень общества публикует множество историй о том, как неумелые самоубийцы, решая покончить с собой, только причиняют и себе и родным неприятности. Отсюда извлекается мораль: в таком деле импровизация недопустима. К самоубийству надо тщательно готовиться.

Недавно в Лондоне член общества доктор Джон Гоундри демонстрировал изготовленную в ФРГ «пилюлю отставки», вызывающую смерть через три секунды. Эту пилюлю в аптеках Англии пока еще не продают, но общество борется за ее распространение...»

Дела ассоциации, таким образом, быстро пошли в гору, но тут вдруг, как и в Голландии, возникло одно непредвиденное обстоятельство: ее деятельностью заинтересовалась полиция. Дело в том, что как раз в эти дни покончила с собой леди Рандольф Черчилль — вторая жена сына покойного британского премьера Уинстона Черчилля, причем возле ее мертвого тела были обнаружены проспекты ассоциации «Экзит».

Николаса Рида пригласили в Скотланд-Ярд и допрашивали там в течение четырех часов. Газеты преподнесли сообщение об этом как сенсацию, напомнив, что по английскому закону действия того, кто помогает самоубийце покончить с жизнью, караются тюремным заключением на срок до четырнадцати лет.

Впрочем, как писала по этому поводу парижская газета «Матэн», «британское правосудие в таких случаях проявляет милосердие: с февраля 1972 года по май 1980 года судами было рассмотрено всего 12 случаев «добровольного самоумерщвления с помощью других лиц», причем в одиннадцати случаях обвиняемые были оправданы. Только один мужчина в возрасте 62 лет был приговорен к двум годам тюремного заключения».

«Милосердие» было проявлено и по отношению к Николасу Риду и руководимой им ассоциации — никакие репрессивные меры, запрещающие или хотя бы ограничивающие их бизнес, приняты не были. Осмелев, ассоциация возобновила свою борьбу против стесняющего ее деятельность закона. Марч Диксон заявил представителям прессы: «Проведенные в последнее время опросы общественного мнения показали, что большинство (?) британцев поддерживает наше требование».

Тем временем активизировались сторонники добровольного самоумерщвления во Франции. В начале 1982 года издатель Ален Моро выпустил в свет книгу двух авторов — Клода Гийон и Ива Ле Бонниек под названием «Самоубийство. Способы покончить с собой. История, техника, актуальность».

Эта публикация вызвала сенсацию. Одни газеты ее осуждали, другие приветствовали. Книга шла буквально нарасхват. Она стала бестселлером и до сих пор без конца переиздается. Газета «Монд» 4 мая 1984 года сообщила, что в Париже вышло в свет уже восьмое ее издание. Этот справочник для самоубийц был переведен на иностранные языки и издан в ряде стран.

Вскоре начали сказываться последствия этой широко рекламировавшейся операции. 18 июля 1982 года двадцатисемилетний Патрик Буди, сын служащего коммунального хозяйства, покончил с собой, приняв пилюли, рекомендованные авторами пособия. Рядом с его бездыханным телом лежала эта книга — Патрик, видимо, скрупулезно следовал рецепту самоубийства. Две недели спустя, 3 августа, так же точно покончил с собой двадцатичетырехлетний Мишель Фазийо, сын другого скромного служащего. 3 ноября воспользовался «правом на смерть» молодой человек двадцати одного года, фамилия которого — очевидно, по просьбе родителей — опубликована не была,— газета сообщила только, что она начинается на букву Ш.

Газеты зашумели — что будет дальше? Этот шум особенно усилился в марте 1983 года, когда покончил с собой тридцатидевятилетний Мишель Боннель,— выяснилось, что он не только изучал перед этим

пособие для самоубийц, но и дважды письменно консультировался с одним из ее авторов — Ле Бонниеком о том, какой способ добровольного самоумерщвления является наименее болезненным. Ле Бонниек аккуратно отвечал ему, давая свои советы.

Когда эта переписка была опубликована, в прессе началась бурная дискуссия: не пора ли запретить распространение учебника для самоубийц? Одни утверждали, что идти на это ни в коем случае нельзя, дабы не нарушать свободы печати. Другие писали, что такие публикации надо рассматривать как уголовное преступление.

Авторы книги держались весьма агрессивно. В распространенном ими коммюнике они писали: «Чего от нас требуют? Чтобы мы молчали? Чтобы мы в ответах на письма наших читателей употребляли из осторожности и лицемерия стереотипные формулы насчет того, что самоубийство одобрять не следует? Но тогда нас упрекали бы в двоедушии, и читатели относились бы к нам с презрением...»

Издатель книги Ален Моро заказал институту опросов общественного мнения исследование — что думают на сей счет французы. Как сообщила газета «Монд» 4 мая 1984 года, это исследование будто бы показало, что 51 процент опрошенных заявили: «Самоубийство является фундаментальным правом (!) человека...»

Родители самоубийц, использовавших рецепты, предложенные авторами пособия, обращались в суды. Реакция судей была неоднозначна. Одни отказывались принять эти жалобы к рассмотрению, другие соглашались. но в конечном счете ни авторы книги, ни ее издатель никаким карательным мерам не подвергались.

Книга «Самоубийство. Способы покончить с собой» оставалась на прилавках книжных магазинов, и торговля ею шла бойко. Одни покупали это пособие по самоумерщвлению из любопытства, вызванного скандальной сенсацией, возникшей вокруг него, другие всерьез заинтересовались рекомендациями «безболезненного ухода из жизни», предлагаемыми авторами. И газетная хроника снова и снова подтверждала, что рекомендации эти не остаются втуне:

— Пьер Массе был найден мертвым в лесу близ города Тур. Рядом лежала книга «Самоубийство. Способы покончить с собой».

— Оттерман покончил с собой в Страсбурге — он также использовал рецепт, предложенный в этой книге.

— Мишель Мань, известный композитор, написавший музыку ко многим фильмам, пользовавшимся большим успехом у кинозрителей, отравился в номере гостиницы в Сержи-Понтуаз пилюлями, рекомендованными в той же книге. Раскрытая книга эта, кстати сказать, лежала рядом с самоубийцей...

Все эти факты вызывают серьезные раздумья: нельзя не видеть, что бессовестные люди, выступающие в роли адвокатов смерти, находят клиентуру. Иначе они не взялись бы за это грязное дело... Факты говорят о том, что ассоциации, ставящие своей целью оказание содействия тем, кто хочет покончить с собой, не только не намерены свертывать свою активность, но, наоборот, готовятся всемерно расширить ее.

Не так давно они, как о том сообщала зарубежная печать, провели в Оксфорде свою очередную международную конференцию. Борцы за «право на смерть» стремятся полностью легализовать свои действия, выступая под фальшивым флагом поборников прав человека. Как писала по поводу этой международной конференции газета «Монд», ее участники «действуют во имя свободы личности». Не больше и не меньше!

Вот уж поистине нет предела лицемерию людей, которые делают свой бизнес на самоубийствах...

Трагедия юного Вертера, которую изобразил в своем романе двадцатипятилетний Иоганн Вольфганг Гете, потрясла весь мир. В ней люди увидели симптом безнадежной болезни тогдашнего общества, влачившего безрадостное существование на стыке двух эпох — умирающего феодализма и нарождавшегося капитализма. Сегодня газеты изо дня в день рассказывают о трагедиях десятков и сотен тысяч молодых людей, живущих на Западе,— им выпало на долю жить опять-таки на стыке двух эпох — умирающего капитализма и растущего социализма.

Так что же, история повторяется? Нет, нет и еще раз нет! Хотя и в наше время находятся такие безвольные молодые люди, как изображенный в фильме Робера Брессона «Возможно, дьявол» Шарль, у которого не хватило духу даже для того, чтобы покончить с собой и который поэтому нанял убийцу, чтобы тот выстрелил ему в затылок,— вовсе не эта история является типичной для современной молодежи капиталистического мира. Миллионы, десятки миллионов сверстников Шарля предпочитают путь борьбы.

Ладно, скажет иной читатель. Ну, а как же с теми, кто все же выходит из борьбы и предпочитает ей добровольную смерть? Ведь вы же сами говорите, что число самоубийц на Западе исчисляется десятками и сотнями тысяч! Да, это так. Но было бы поистине бессовестно обвинять в безволии и слабости духа Ванду Денгло, которая пыталась сжечь себя на бирже труда после того, как она год не могла найти работу, или же Ги, который из-за нищеты не смог осуществить своей мечты о высшем образовании и потому покончил с собой, или тысячи и десятки тысяч их сверстников, оказавшихся в столь же трудном положении.

О, конечно же, мы отнюдь не оправдываем их роковых решений,— пока у человека остается хоть капля духовных сил, он может и должен драться за лучшее будущее, против социальной несправедливости. Но когда у него исчезает эта последняя капля сил и он гибнет, мы говорим: подлинный виновник этой гибели — бездушный и безжизненный социальный строй, обрекающий десятки и сотни тысяч людей на самоубийство.

**Растление умов малолетних**

Мне остается сказать еще об одном довольно знаменательном аспекте фанатологии, этой мрачной науки о смерти. Если, с одной стороны, прилагаются все более настойчивые усилия к тому, чтобы помочь капиталистическим государствам избавиться от слабых духом, больных, усталых, отчаявшихся людей, подталкивая их к самоубийству или же подсказывая их родственникам возможность разделаться с ними методом эвфаназии, то наряду с этим все отчетли-

вее дает о себе знать стремление воспитать людей совершенно иного пошиба — способных с полнейшим равнодушием взирать на смерть,— бесчувственных и циничных.

Я уже не говорю о том, какое влияние оказывают, к примеру, на американцев их кинематограф, литература и телевидение, воспевающие убийства, пытки, кровавые расправы. Об этом написано и рассказано предостаточно.

Скажу о другом, сравнительно недавно получившем широкое распространение в Соединенных Штатах поистине страшном методе воздействия на детскую психику — школьникам сызмальства начинают методически прививать легкое и, я бы добавил, легкомысленное отношение к смерти.

Когда статьи об этом впервые появились еще в декабре 1979 года в американской печати, я сначала просто не поверил глазам своим, настолько дико и страшно выглядела эта практика сознательного растления детских умов. Но в дальнейшем в печать проникли подтверждения этой практики, и я считаю своим долгом в заключение этого повествования о деятельности поборников «права на смерть» привести почти полностью вот эту бесстрастно изложенную историю, напечатанную в американском еженедельнике «Тайм» под сухим, чисто информационным, заголовком *«Флорида: уроки жизни и смерти»:*

Примерно в двадцати минутах езды от Гейнсвилла, штат Флорида, есть одно старинное сельское кладбище. Автомобилист, спешащий по своим делам, стремительно промчится мимо этого заросшего дубами уголка, занимающего шесть акров. Но если ездок приглядится к нему, его взорам откроется удивительное зрелище.

Под ветвями покрытых испанским мхом дубов, вокруг могил шныряет группа ребятишек, увлеченных возней, словно они находятся на своем, таком знакомом им школьном дворе. На желтых фуфайках можно прочесть отпечатанные коричневыми буквами надписи в таком роде: «Где же, черт возьми, находится этот Гейнсвилл?». Ребятишки жуют резинку, привычно отплевываясь. В общем, жизнь идет своим чередом.

Для Юдит Шаак, темноволосой молодой женщины, которая поодаль наблюдает внимательными глазами учительницы за происходящим, этот невероятный контраст между явлениями жизни и смерти не представляет собой ничего удивительного. И маленькая девочка, которая охотится на ящериц у сложенного из пес-

чаника надгробия Медисон Старк Перри (1814—1865), четвертого губернатора Флориды, и мальчишки, которые сосут кока-колу, деловито расписывая другие надгробия красными фломастерами, находятся на уроке «духовного обогащения по вопросам жизни и смерти» начальной школы Миры Тервиллигер. И госпоже Шаак, которая уже третий год ведет эти уроки, нет ничего приятнее, нежели то, что открывается ее взорам.

У надгробия с надписью «Нашей мамочке» Криста Баркер, нагнувшись, внимательно изучает украшения, сделанные из ракушек. Марта Хэйл, подпрыгивая, вопрошает: «Разве он не очарователен?» Ее восхитила скульптура пса, который как бы охраняет чей-то фамильный склеп. Уилли Кон заинтересованно разглядывает почерневший от времени и непогоды надмогильный камень, на котором высечены слова: «Не умер!» Посасывая конфетку, он говорит: «Он в самом деле не хотел умирать».

Деловито прохаживаясь среди могил, словно домохозяйка, пришедшая на рынок за покупками, Кевин Джонсон отыскивает имена, совпадающие с именами ее подруг. Увидев имя «Марта», она командует Марте Хэйл: «Ложись, Марта! Ты мертва». Это шутка, и всеобщий смех оглашает кладбище.

Арнольд Тойнби однажды заявил, что смерть — это нечто антиамериканское. Но сегодня он этого не сказал бы. Образовательные курсы по вопросам смерти сейчас процветают по всей стране (!), в колледжах, средних школах и даже начальных. Философия, которой они вдохновляются, похожа на ту, которая оправдывает обучение вопросам секса — больше говорите вслух о предмете, который вчера был почти запретным и потому таинственным и пугающим, и вы будете чувствовать себя гораздо лучше.

Один из учебников (!), составленный Джинной Стэнфорд и Деборой Перри, так и называется: *«Смерть, вынутая из шкафа»*. Преподавание этой дисциплины должно сделать смерть в представлении школьников чем-то ординарным...

Классная комната, в которой госпожа Шаак преподает уроки жизни и смерти, на первый взгляд ничем не отличается от других. На стенах вывешены ученические работы, но они совсем не похожи на обычные школьные упражнения: это *проекты их собственных эпитафий*, сочиненные ими для своих будущих могильных памятников.

Николь Карпентер написала: «Здесь лежит Николь, которая упала в эту яму и, без сомнения, ей уже оттуда не выбраться». Эпитафия Дана Смита гласит: «Здесь покоится Дан. Его сбил грузовик, когда он жил в Японии». У входа в класс выставлены некрологи, сочиненные учениками: «Алек Тилли умер в возрасте 87 лет. Он скончался от старости в своем собственном доме... Сохраним о нем память как о выдающемся спортсмене. Шлите цветы на его могилу»...

Очаровательная и решительная женщина, госпожа Шаак приглашает на свои уроки врачей. Неутомимые дети расспрашивают их: «Как вы определяете, кто из ваших пациентов умрет?», «Взаправду ли есть духи?», «Как вы производите вскрытие покойников?»

Приглашаются для консультации юристы. Тема: «Как составить завещание». Одна девушка пишет: «Я оставляю свою кровать моей кузине Милли». Мальчик выражает пожелание: «Моего щен-

ка отдать Тиму». Другой завещает свою книжку комиксов брату, но тут же пишет: «А мой горн, мою палку и веревку положите вместе со мною в гроб».

Устраиваются игры («Вам только что сообщили, что вам остался год жизни. Что вы сделаете?»). Используются все средства, стимулирующие детское воображение, для того чтобы приучить детей к восприятию смерти. Но ничто не может заменить встречи с нею лицом к лицу. И вот наступает час выезда класса на место действия — школьники направляются в похоронное бюро фирмы Вильямс и Томас. Их встречает улыбающийся, похожий на херувимчика директор Микки Милем. Он произносит речь о работе похоронного бюро, описывая ее во всех деталях: как сшивают губы, если у мертвеца раскрывается рот, как делается разрез, чтобы вытекла сукровица...

Воспитанники класса жизни и смерти слушают внимательно. Когда наступает время задавать вопросы, сразу поднимается дюжина рук: «Бывают ли случаи, когда мертвец оживает?», «Есть ли спрос на стеклянные гробы?», «А вы хотели бы, чтобы вас сожгли в крематории?», Микки покачивает головой: «Нет». Ему всего 39 лет, но когда ему задают этот вопрос, по его лицу пробегает тень. Он поясняет, что в его роду люди обычно начинают умирать после 62 лет.

Директор ведет школьников в зал выбора гробов. Они деловито интересуются ценами: «Ух! 5700 долларов!» — «Но это из бронзы».— «Я куплю такой, когда мой папа умрет»...

И, наконец, главный момент визита: детей вводят в зал, где стоит гроб с подготовленным к погребению телом одной 72-летней вдовы,— она уже одета в нарядное платье, причесана и загримирована. Какие же вопросы задают школьники? «Почему у нее выросли усы?», «Ее похоронят в очках?», «А отчего она умерла?» — «В силу естественных причин»,— отвечает Микки...

Кончается долгий учебный день. Школьники возвращаются домой. Две девочки поют дуэтом арию из оперетты «Анни», мальчишки дерут друг друга за волосы...

И автор иронически завершает свое повествование: «Смерть, где твое жало? Не в Гейнсвилле, штат Флорида...»

Прочел я этот нарочито бесстрастный, с претензией на юмор репортаж, и невольно подумалось: вот как формируются поколения, из которых выходят бездушные люди, способные, не рассуждая, стать наемниками Пентагона и выполнять самые варварские деяния вроде тех, какие учиняли во Вьетнаме исполнители пресловутой операции «Феникс», стреляя во «все, что движется», заливая напалмом и отравляющими веществами леса и поля, сжигая хижины крестьян...

Эти люди понимают придуманное на Западе «право на смерть» по-своему: для них оно — право *сеять* смерть!

# ЧЕРТОВЩИНА

Среди сотен рабочих папок, заполняющих шкафы, стоящие вдоль стен в моем кабинете в редакции «Правды», есть и такая: «Чертовщина». Я завел эту папку, помнится, еще в 1948 году, работая корреспондентом в Париже. По молодости лет и по недостаточному знанию образа жизни Запада я поразился тогда обилию материала, который заполняет день за днем, год за годом страницы газет, о гадалках, прорицателях, колдунах, знахарях, шарлатанах-проповедниках, «слугах дьявола» и основателях новых и новых религий и сект.

Откладывая эти сообщения как курьезы в свою папку под столь лихим названием, я тогда, по правде сказать, не придавал им большого значения, но затем мало-помалу понял, что в действительности речь идет вовсе не о мелочишках из области забавных газетных деталей и отнюдь не о каких-то пережитках прошлого, а об одной из немаловажных сторон продуманной и целеустремленной системы воздействия на умы людей в совершенно определенном идейно-политическом направлении.

И вот мне подумалось: пожалуй, советскому читателю будет небезынтересно познакомиться и с тем, сколь изощренно и ловко действуют подчас те, для кого все средства хороши, чтобы оболванить людей, отучить их мыслить и превратить в бездушные машины, которые верят в бредни очередного проповедника антикоммунизма.

**«Бум светопреставления»**

10 января 1977 года журнал «Ньюсуик» опубликовал статью «Бум светопреставления», в которой сообщалось о невероятном размножении сект, объединяющих людей, которые наивно ждут, что вот-вот придет Антихрист, затем на землю спустится Христос и начнется чудовищная и страшная война между ними — Армагеддон, в итоге которой, понятное дело, победит Христос и на земле возродится тысячелетнее царство божие.

Одним из самых преуспевающих дельцов, спекулирующих на этой идее, в то время был, по словам журнала «Ньюсуик», некий Хэл Линдсей, бывший капитан речного суденышка, плававший по Миссисипи. Он заработал большие деньги, выпустив восьмимиллионным тиражом свой манифест, озаглавленный «Скончавшаяся великая планета Земля», а затем еще восемь книг в этом роде общим тиражом 12 миллионов экземпляров.

Как это ни невероятно, находится множество доверчивых американцев, которые принимают весь этот бред за чистую монету и ударяются в панику. Их панические настроения усилил в начале 1977 года выход на экраны дичайшего кинофильма, который повествовал о четырехлетнем мальчике, в которого вселился не кто иной, как сам Антихрист...

Темные силы, которым международный климат разрядки не по душе, не жалеют никаких средств на содержание таких модернизированных проповедников христианства и на рекламу их деятельности. Искусство «Продажи Иисуса» («The selling of Jesus»),— сей диковатый термин я заимствую из того же американского журнала «Ньюсуик», опубликовавшего 14 марта 1977 года статью под таким же названием,— поднято на уровень самых современных коммерческих операций.

Приведу пример. Весной 1977 года лидеры «Всеобщей баптистской конвенции», охватывающей 2 миллиона верующих Техаса, обеспокоенные тем, что в их штате — четыре миллиона шестьсот тысяч людей не ходят в церковь, причем число неверующих растет быстрее, чем их духовная паства, предприняли небывалую по размаху рекламную кампанию с привлечением

прессы, телевидения, радио и разного рода наглядных пособий.

Проведение этой кампании было поручено самой мощной рекламной компании «Блум адвертайзинг». Президент этой компании, еврей по национальности, Боб Блум осторожно осведомился: «Будет ли приемлема наша фирма для организации рекламы христианской религии?» Ему ответили, что различия верований в бизнесе значения не имеют. Тогда Блум заявил: «Ну что ж, мы организовываем сбыт любого товара, и Иисус Христос для нас такой же товар, как и другие».

Для начала фирма провела обычное «исследование рынка», чтобы узнать, почему этот «товар» утрачивает свою популярность. Выяснилось, что проблемой номер один для церкви является «утрата надежды». Тогда было решено, что для оживления «продажи Иисуса» надо провести рекламную кампанию под лозунгом «Хорошие новости Техаса» («Good News Texas»). Как это сделать? В первую очередь было мобилизовано телевидение. На голубом экране в течение двух месяцев появлялись известные в Техасе люди, каждый из которых по 30 секунд повторял одно и то же: ему было плохо, он утратил было всякую надежду, но бог вернул ему силы. А чтобы не было скучно, эти слова сопровождались самой модной мелодией.

К делу «продажи Христа» предприимчивая фирма Боба Блума привлекла даже бывшего вожака ультрареволюционных «черных пантер» Элдриджа Кливера, который потом эмигрировал из США, долго скитался по свету и наконец вернулся на родину, заявив, что он уверовал в господа бога и разочаровался в революции. И вот теперь этот перебежчик регулярно стал появляться на экранах техасских телевизоров и вещать:

«Меня зовут Элдридж Кливер, 22 года я изучал и применял на практике коммунистическую идеологию (кстати сказать, Кливер никогда коммунистом не был.— *Ю. Ж.*). Но теперь я встретился лицом к лицу с иным революционером. Его зовут Иисус Христос. Можно ли ему доверить приведение запутанных дел в мире и втоптанной в грязь жизни в порядок? Можно! Я — живое доказательство этого».

Так же высказывались популярная певица Джанни Рили, заявлявшая, что она обрела мир и счастье «не от продажи своих популярных пластинок, а в результате общения с Иисусом Христом», директор крупной фирмы по продаже сосисок Аллен Мейер, провозглашавший свою веру в бога, и прочие «звезды» Техаса.

В рекламной кампании самым активным образом участвовали все четыре тысячи баптистских церквей штата, которые предпринимали самые невероятные вещи. В городке Перис, например, поставив своей целью удвоение численности верующих, местный священник организовал «День Двойного Чуда, изображающий четыре одновременных возрождения», который провели помощник тренера футбольной команды «Далласский ковбой», художник по интерьерам, мисс «несовершеннолетняя Америка» и чемпион мира по танцу в манере йо-йо. В Эль-Пасо двадцать четыре священника призвали всех верующих останавливать на улице прохожих и объяснять им, почему надо ходить в церковь...

**Поиски «теологического авторитета»**

Такие рекламные кампании, естественно, стоят громадных денег. Они, видимо, окупаются — ведь капиталисты зря деньгами не сорят. Но кто озабочен будущим своего общества и занят поиском каких-то новых путей сохранения и усиления духовного контроля над людьми, в том числе и над теми, которые уже разочаровались в христианстве? Вот тут-то и открывается простор перед лжепророками нового стиля, которые чаще всего вытаскивают свой «товар» из сундуков так называемой «восточной мудрости».

Что движет идеологами Запада, которые вновь и вновь начинают искать пути к какому-то новому «духовному пробуждению»? Американский социолог Дэниел Белл, обеспокоенный распадом морали, характерным для современного буржуазного общества с его пресловутой «вседозволенностью», утверждает в книге «Культурные противоречия капитализма», что нынешним «первородным грехом» является разрыв культуры

с религией, разрушение ее «теологического авторитета», что только религия, понимаемая как трансцендентальная концепция, существующая вне человека, способна позитивно направлять его поведение. И Белл с серьезным видом утверждает, что возврат к той или иной форме религии — единственно возможный путь преодоления кризиса общественного сознания в современном буржуазном обществе.

Белл не случайно говорит не о простой реставрации средневековой церковной схоластики, а о становлении новых религий. В век освоения космоса и атомной энергии трудно найти людей, которые приняли бы на веру миф о непорочном зачатии девы Марии или о воскрешении из мертвых и вознесении на небеса Иисуса Христа. Нет, нынче идеологи капитализма, озабоченные духовным кризисом своего общества, пытаются найти нечто иное, во что поверили бы люди эпохи научно-технической революции.

Спрос рождает предложение — таков закон капитализма. Вот почему сейчас, когда Америка устремилась на поиски нового, более удобного и более современного боженьки, там сразу же, словно грибы после дождя, выросли тысячи новых религий самого разного свойства и характера, появились сотни новомодных пророков и проповедников. Пошли в ход и буддийская философия дзэн, и древнеиндийские культы, и поклонение дьяволу.

Пристрастие к так называемым оккультным наукам, а точнее говоря, к шарлатанским лженаукам всегда было свойственно определенной категории людей — частично темным и необразованным, ищущим какого-то прибежища и защиты у сверхъестественных сил, частично снобам, щеголяющим приверженностью к моде,— вспомните, как беспощадно высмеял занимавшихся модным в начале века столоверчением господ из петербургского общества Лев Толстой в «Плодах просвещения»!

Помню, как в 1946 году, впервые попав в Париж, я с удивлением разглядывал на бульваре Сен-Жермен витрину специализированного книжного магазина, где лежали пожелтевшие и покоробившиеся на солнце книжонки с сочинениями пропагандистов «черной» и «белой» магии. Они тогда не имели успеха у скепти-

чески настроенных парижан, и лишь редкие чудаки переступали порог этого магазина.

Другое дело — нынешний торговый «бум» в области оккультных наук за океаном.

«Школа мистических наук. Кабалистические знаки и астрология», «Каникулы йога в компании пророка Вишнуда Вананда», «Духовное паломничество в горы Кэтскилл (близ Нью-Йорка) и уединение в монастыре дзэн Даи Безатцу», «Вечер у йога Гунта», «Встречи в чувственной манере йога», «Представьте Роджеру возможность открыть ваше сердце и высвободить любовь, которая там скрыта», «Приходите на ближайшую встречу Группы духовного сознания» — такие объявления буквально заполонили целые страницы нью-йоркских газет.

Перенесемся через весь американский континент — в Лос-Анджелес, претендующий на роль духовной столицы западного побережья. На желтых страницах солидного справочного ежегодника Лос-Анджелеса вы насчитаете шестьдесят колонок (колонок!), содержащих перечень различных «церквей», действующих в этом городе.

И на востоке и на западе Америки люди ищут спасения у сверхъестественной силы, которая освободила бы их от удушающей, мертвящей атмосферы общества, где «человек человеку — волк», где погоня за долларом стала единственным смыслом жизни. В период острого экономического кризиса, больно ударившего по судьбам трудящихся, американцу хочется спрятаться куда-то от повседневных неурядиц, забыться, отвлечься, найти какое-то прибежище, островок в мутном житейском море. И вот уже возникает подлинная индустрия мистики...

В 1976 году я рассказывал на страницах журнала «Огонек» о поразительном увлечении чертовщиной на Западе, о некоторых странных и чудовищных сектах, возникших в США и Западной Европе. Тогда могло показаться, что это явление носит все же ограниченный характер,— есть, конечно, свихнувшиеся люди, сбитые с толку лихорадочной и многотрудной жизнью в мегалополисах капитализма, но их не так уж много.

Но вот уже год спустя тот же Гэллап сообщил, что уже 12 процентов (двенадцать процентов!) всего аме-

риканского населения отдается чарам средневековой магии, и чем дальше, тем это поветрие распространялось все шире. «Интерес к оккультизму,— писал в начале восьмидесятых годов американский журнал «Ньюсуик»,— в течение десятилетий не выходивший за пределы крайне ограниченного круга избранных, внезапно превратился в поистине массовое явление».

Растущая угроза войны, затяжной экономический кризис, все усиливающаяся безработица, утрата надежды на лучшее будущее, крушение моральных и нравственных ценностей — все это содействовало тому, что люди начали искать утешения в мистике, «черной» и «белой» магии, хиромантии, спиритизме, колдовстве. Как писал с горечью в 1984 году французский писатель Роже Икор, «цивилизованные люди, устрашенные будущим, начали поспешно возвращаться в пещеры».

Рисуя мрачную картину возрождения средневековых суеверий в Соединенных Штатах, корреспондент газеты «Монд» Луи Вицнатцер писал несколько лет тому назад: «Нью-Йорк превратился в постоянную ярмарку-универсам, где торгуют ритуальными предметами этих культов. Эзотерические секты и движения кишат на западе города и в Ист-Виллэдже. Они теснятся друг к другу, как ателье портных в Сэвилл-Роу или как магазины ювелиров на Рю де ля Пэ в Париже. Здесь представлены ЭСТ («Эрхард семинарс трейнинг») — очень модная среди интеллектуальной элиты секта, которая заставляет своих последователей сидеть неподвижно 15 часов подряд; здесь «Арика», где все внимание уделяется дыхательным движениям (без них никакого спасения души); здесь поклонники Зороастры; здесь «суфисты», которые посвящают уикэнды чтению библейских текстов о светопреставлении и страшном суде, танцам и священным песнопениям; здесь «науковеды», во главе которых стоит махараджа Джи. Дальше — через два подъезда — тибетский лама, очень популярный, очень шикарный...»

Я привел здесь лишь половину перечня новомодных церквей, сект и «духовных школ» Нью-Йорка, составленного корреспондентом «Монд», но и этого, пожалуй, достаточно, чтобы представить себе, как

широко распространились там новомодное богоискательство, мистицизм, страсть к поискам новых, самых фантастических религий. На службу этому влечению поставлены индустрия книгопечатания, пресса, кинематограф, телевидение, радио.

Теперь уже не в захудалых лавчонках, как бывало, торгуют литературой, посвященной оккультным наукам,— ее выставляют в своих витринах крупнейшие книжные магазины: ходкий товар! Взгляните на эти книги в ярких обложках: «Тайна перевоплощения», «Трансцендентальное духовное раздумье для бизнесменов», «Понять себя духовно, используя свой духовный мотор», «На пути перевоплощения», «Семьдесят пять трансцендентальных рецептов, чтобы хорошо жить и вкусно питаться», «Трансцендентальная производительность», «Путеводитель для внутреннего развития», «Нирвана, доступная каждому» (эта книга стала бестселлером!).

На экранах кинематографа и телевидения один фильм таинственнее и «трансцендентальнее» другого. Не успела утихнуть шумиха вокруг кинокартины об изгнании дьявола из души девочки, в которую он вселился, как поднялась еще более громкая шумиха вокруг фильма о мальчике, в образе которого выступает сам вельзевул.

Мистицизму, оккультным наукам, пропаганде всевозможных религий посвящают свои полосы не только специализированные газеты и журналы — а таких бесчисленное множество! — но и «большая», многотиражная пресса, всерьез обсуждающая эти проблемы «Третьего Великого Пробуждения» Америки, внезапно ринувшейся на поиски нового боженьки либо дьявола.

### Колдуны XX века

«Оккультизм на подъеме, — писал французский журнал «Экспресс».— Сегодня больше колдунов, чем их было в средние века. И не только в Калифорнии, где колдовство идет об руку с сексуальным «освобождением». В буржуазных квартирах Лондона на оскверненных престолах горят черные свечи, при свете которых голый пророк приносит в жертву черного петуха на теле девственницы. В моду вошли кол-

дуньи Патриция Кроутер, Элеонора Бон и леди Ольвин. Мадлен Монтальбан руководит курсами заочного обучения черной магии... XX век становится великой эпохой оккультизма так же, как им был XVI век, и в силу той же причины: кризис религии и общества...»

Что касается общественного кризиса — точнее было бы сказать кризиса капиталистической системы,— то он становится все более явным и очевидным даже для тех, кто хочет любой ценой сохранить эту систему. Отсюда и судорожные попытки затуманить сознание людей всяческой чертовщиной, болтовней о сверхъестественных явлениях, запугать их россказнями об опасности материалистических воззрений, свойственных коммунизму,— неверующих, дескать, зверски покарает бог, а день страшного суда близок, как уверяют лжепророки.

Французская газета «Фигаро» посвятила целую серию статей этому явлению в духовной жизни капиталистического мира. В большой статье «Америка между богом и долларом» Жак Ренар писал, что в Соединенных Штатах бурно расцветают секты — и старые вроде мормонов, «свидетелей Иеговы» или «адвентистов седьмого дня», и «новые религии». Почему? Обозреватель «Фигаро» писал: «Объяснение этому явлению найти непросто. Некоторые говорят: оно подобно движению маятника. Верующие отворачиваются от традиционных религий, так как они не отвечают больше их чаяниям и не дают ответа на вопросы, которые возникают в современном мире. Поэтому они ищут новых духовных отцов... Современный человек, уставший от одиночества, ищет новых учителей и новую дисциплину жизни. Его больше привлекают требовательные, суровые религии, принуждающие людей отказываться от пагубных привычек».

Правильнее было бы сказать обратное: не сами люди, взбунтовавшиеся против векового ига духовных тюремщиков — попов всех мастей, ищут новых «мудрецов» и «пророков», а шарлатаны, претендующие на роль самозваных «духовных отцов», пытаются перехватить вчерашнюю клиентуру «традиционных» церквей, выполняя тем самым социальный заказ буржуазии, обеспокоенной развитием радикальных настроений в народе.

И вот ловцы человеческих душ закидывают в бушующее человеческое море все новые и новые сети, оснащенные самыми разнообразными и подчас поистине невероятными приманками. В 70-х годах, например, в Соединенных Штатах возникла ультрамодернистская религия обожателей неопознанных летающих предметов, верящих, будто мифические «летающие тарелки» суть воплощение божества. Осенью 1976 года там же, в Соединенных Штатах, много шуму наделало таинственное исчезновение примерно пятидесяти человек, попавших в духовные сети другой модернистской религии, во главе которой стояли анонимные «двое» — «он» и «она», уверявшие своих последователей, что они «зародыши (!) космоса». Начиная с весны 1975 года «двое» начали вербовку желающих принять участие в «путешествии к более высокой (!) жизни», что, как они поясняли, означало бы «перемещение на высший вибрационный уровень, который христиане именуют раем».

В порядке подготовки к этому перемещению в горние кущи верующие должны были отрешиться от всех материальных благ и от всех земных удовольствий. «Двое» объехали со своими проповедями Калифорнию, Орегон, штат Вашингтон, Аризону, Техас, Висконсин, заглянули даже в Канаду и, представьте себе, нашли немало людей, решивших последовать за ними, оставив семьи, даже детей, покинув свои дома и работу. Они сообщали родным, что отправляются к месту старта чудодейственной машины, которая доставит их в рай.

Эти доверчивые люди словно в воду канули. Исчезли и анонимные «зародыши космоса». На их поиски устремилась полиция, но было уже поздно. Следы искателей рая затерялись. Удалось установить лишь, кем были таинственные «двое». «Он» оказался бывшим преподавателем музыки. «Она» — медицинская сестра, увлекавшаяся астрологией. Ему было 44 года, ей — 48. Но так и осталось загадкой, то ли «он» и «она» были наводчиками банды гангстеров, которые уничтожили без следа «путешественников в рай», обобрав их, то ли они сами в припадке фанатического транса вместе со своими последователями совершили

где-либо коллективное самоубийство. Во всяком случае, все они исчезли бесследно.

Еще страшнее многие истории поклонников дьявола. Ссылаясь на первую поправку к американской конституции о свободе религии, каждый человек в Соединенных Штатах может провозгласить и даже официально зарегистрировать любой, даже самый абсурдный культ, в том числе и культ дьявола. «Великим мэтром» этого культа в США является некий Антон Шандор. Он утверждает, что главной целью основанной им «Церкви сатаны» является «освобождение людей от лицемерия». «Рассматривая сатану как героя,— заявляет он,— мы провозглашаем, что он не является носителем зла; он представляет собой составную часть той двойственности, которая характерна для мировоззрения человека».

Впрочем, многие ученики дьявола меньше всего интересуются философской стороной этого культа. Вспомним того же пресловутого Мэнсона, который, провозгласив, что в его лице соединились Иисус Христос и сатана, создал из фанатических юношей и девушек банду, которая по его приказу совершала зверские и бессмысленные убийства в Голливуде. Мэнсон сейчас сидит в тюрьме, но его последователи, оставшиеся на свободе, по-прежнему исполняют его волю. Одна из первых и самых преданных «рабынь» Мэнсона, Лайнетт Алис Фромм, в 1975 году пыталась убить президента Дж. Форда,— она уже подняла пистолет, находясь от него на расстоянии шага, но агент секретной службы успел выбить его из ее руки.

«Ах, всем этим фальшивым пророкам нетрудно убеждать молодых,— сокрушенно писал в своей книге «Эти секты» доминиканский монах Шери.— Даже если их философия ничтожна, сам современный мир дает им все необходимые аргументы. Идет ли речь об угрозе атомной войны или об опасности загрязнения окружающей нас среды, о материализме индустриального общества или об отсутствии взаимопонимания между поколениями, о захвате заложников, о наркотиках, о насилии или порнографии, эти лжепророки, что называется, выигрывают на всех досках, привлекая к себе чувствительных, утративших ориентацию молодых людей».

## Астрологи и политика

Но картина эта была бы неполной, если бы мы не учли, что нынешние поклонники оккультных наук ищут у воображаемых потусторонних сил не только успокоения и забвения своих повседневных бед и трудностей, но и прорицания будущего, которое рисуется им мрачным и полным опасностей.

Когда-то в 1947 году на Бродвее в дешевых магазинчиках, где для ищущих забавы были выставлены различные игорные автоматы, я видел механических гадалок, которые за 10 центов выбрасывали отпечатанные типографским способом предсказания на будущее. Молодежь, толпившаяся вокруг этих механических гадалок, весело смеялась, рассматривая эти предсказания как забавную причуду.

Времена изменились, и нынче астрология в США да и в других капиталистических странах, стала весьма мощной (и, добавим, весьма доходной) отраслью идеологической обработки населения. Та же газета «Монд» по этому поводу писала, что «индустрия» (!) астрологии «испытывает как в Нью-Йорке, так и в Вашингтоне поразительный подъем». Напомнив о том, что когда-то в древние времена высокопоставленные деятели восточных держав не принимали важных решений без консультации с астрологами, газета заявила:

«Так происходит сейчас и в американской столице, где астрологи занимают место, которое долго удерживали психоаналитики. Самая знаменитая из астрологов — Светлана Годилло, которая прославилась тем, что якобы предсказала скандал Уотергейта».

4 декабря 1984 года другая парижская газета «Фигаро» опубликовала большую статью под заглавием «Является ли астрология наукой?». Напомнив о том, что еще в 1666 году министр Людовика XIV Жан Батист Кольбер запретил преподавание астрологии в Парижском университете как лженауки, газета констатировала, что нынче эта лженаука процветает в Париже, как никогда.

По самым серьезным оценкам, издатели, поддавшиеся искушению подзаработать на этом увлечении, говорилось в этой статье, за последние десять лет продали от 12 до 15 миллионов экземпляров раз-

личных произведений, посвященных астрологии. «Гороскоп на 1983—1984 годы», выпущенный в свет издательством Ашетт, был отпечатан тиражом в 200 тысяч экземпляров. Гороскоп, опубликованный издательством Сэй, был издан тиражом в 120 тысяч экземпляров. Огромным успехом у покупателей пользуются журналы, посвященные астрологии, гаданию и прочей чертовщине. Тираж журнала «Вы и ваше будущее» во Франции — 140 тысяч экземпляров, журнала «Гороскоп» — 100 тысяч.

Прорицатели и гадалки собираются нынче на собственные международные конгрессы, где на полном серьезе обсуждают свои проблемы,— за десять лет они ухитрились провести 45 таких сходок. К их услугам нынче электронно-вычислительные машины, радио, телевидение. Среди них есть свои наиболее прославленные «звезды», зарабатывающие огромные деньги на одурачивании людей, верящих их пророчествам.

«Одна из наиболее знаменитых гадалок, Элизабет Тейсье,— писала «Фигаро»,— ведет специализированную рубрику, посвященную астрологии, в десяти европейских периодических изданиях,— у нее есть свои поклонники повсюду — во Франции, Швейцарии, Италии, Швеции. Она получает сто писем в день».

Шокированные этим воскрешением средневековых предрассудков, ученые пытаются остановить этот процесс. Еще в 1975 году большая группа деятелей науки, в числе которых было 18 лауреатов Нобелевской премии, выступили с заявлением, в котором указали, что «астрология не имеет под собой никакой научной базы». Но поклонники «черной» и «белой» магии пропустили это заявление мимо ушей, и клиентура астрологов продолжает расти («Фигаро», 4.10.84).

В сентябре 1984 года в самом центре Парижа, на улице Риволи в отеле «Лувр-Конкорд», был торжественно открыт «Салон ясновидцев», организованный неким Франсуа-Шарлем Рамбер, «медиумом и президентом ордена советников в области психики». За вход туда брали 110 франков — билет давал право на одну-единственную «консультацию» о своем будущем. Вот как описывал не без иронии эту процедуру хро-

никер газеты «Фигаро» Жан Шалон 14 сентября в статье «Триумф ясновидения».

«Все ясновидцы предсказывали победу правых сил во Франции в 1986 году. Что касается меня, то я решил поинтересоваться своим собственным будущим. Я избрал средство предугадывания, с которым еще не был знаком,— «ооскопию», что означает гадание на яичном белке. Франсуа-Шарль Рамбер представил меня ясновидящей мадам Леа, специалистке в этой области. «Вы умеете разбивать яйца?» — спросила меня мадам Леа. «Конечно»,— ответил я. Но моя самоуверенность тут же была наказана: когда я, подчиняясь указаниям ясновидящей, пытался отделить белок от желтка, желток выскользнул и упал в ее кубок, в котором она готовилась гадать по белку.

Я извинился. «Ничего,— сказала мадам Леа,— желток предсказывает заботы». И она философски добавила: «У каждого свои заботы»...

Западные социологи и журналисты, изучая поразительный «взрыв», как теперь принято выражаться, мистики, знахарства, увлечения астрологией и прочей, попросту говоря, чертовщиной, задаются вопросом: что это? Очередная модная блажь или за этим кроется нечто более серьезное? И многие приходят к выводу: уж если даже американцы, которые всегда бравировали своим прагматизмом, практичностью, верой в силу доллара, ставившегося превыше любых, в том числе и религиозных ценностей, ищут нынче успокоение и уверенность в общении с воображаемой потусторонней силой, то, значит, действительно хваленый «западный» образ жизни терпит серьезную аварию.

В 60-е годы многие там говорили и писали о другом «взрыве» — о молодежном движении хиппи, которые бравировали своим полным презрением к буржуазной морали, да и к морали вообще, отрицали «машинную цивилизацию», осуждали войну, проповедовали возврат к земле, более того — к первобытному состоянию. Я встречался с участниками этого движения в Калифорнии в 1968 году. Помню, что среди них было немало по-своему честных, одаренных парней и девушек, которые уходили в эти кочевые племена, странно и диковато выглядевшие на фоне ультрасовременного штата, где родилось их движение,— уходили в знак протеста против бессердечия буржуазного общества, против войны во Вьетнаме, против гонки вооружений.

Они не понимали одного: общество не в состоянии давать задний ход, оно может двигаться только вперед. Мечта о возвращении к первобытному строю была утопией, и она выглядела столь же наивно и нелепо, как разукрашенные изображениями цветочков автомобили, на которых разъезжали по Америке эти парни и девушки, одетые в картинные рубища.

Теперь это движение угасло. Кварталы Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, служившие его штаб-квартирами, опустели. Былые вожаки хиппи и прочих анархиствующих «племен» и организаций, став генералами без армий, сами ищут какой-то новой опоры.

В США в середине семидесятых годов вышли мемуары всеми забытого Джерри Рубина, который когда-то гремел, пугая телезрителей своей взъерошенной шевелюрой и бунтарскими речами, в которых он грозился перевернуть мир вверх дном. В этих мемуарах, озаглавленных «Расти в 37-летнем возрасте», он писал:

«За пять лет, с 1971-го по 1975-й, я испробовал ЭСТ, Гесталт, Биоэнергию, массажи, длительные пешие прогулки, вегетарианство, школы Тай чи, Эсален, гипноз, сосредоточенное молитвенное самосозерцание, контроль над сознанием по методу Сильвы, секту «Арика», иглоукалывание, сексологию и прочее...»

Увы, нигде для Рубина не нашлось теплого местечка: новые времена — новые пророки! Однако проблемы, которые волновали американскую молодежь 60-х годов и которые заставляли многих юношей и девушек уходить в «племена» хиппи, остались, и новые идеологи, размахивая, как приманкой, мистическими рецептами спасения души, влекут к себе новое поколение американцев.

Но эти рецепты стары как мир.

## Встреча с Ага-Ханом

Мне вспоминается сейчас, как теплым летним вечером 1949 года после премьеры в парижской Гранд-Опера, где присутствовал, как говорится, «весь Париж», из зала выходил невероятно толстый пожилой господин в смокинге об руку с красивой женщиной. Толпа почтительно расступилась перед ними. Эта

чета медленно и важно проследовала к роскошной, видимо, сделанной по особому заказу автомашине «роллс-ройс». Шофер в парадной униформе почтительно открыл дверцу, чета уселась, дверца захлопнулась, и машина умчалась.

— Кто это? — спросил я знакомого парижанина.

— Как? Разве вы не знаете? Ведь это сам Ага-Хан...

И я сразу вспомнил опубликованный в газетах удивительный снимок: этот же самый господин, только в ритуальной одежде, сидит на чаше огромных весов, а на другой чаше уравновешивающие его слитки платины. Это был глава знаменитой секты исмаилитов, распространенной в Азии и Африке; верующие, видевшие в нем святого, были обязаны весь год копить деньги и вносить их представителям главы секты; на эти деньги приобреталась платина, и в конце года Ага-Хану вручалась дань в размере веса его могучего тела...

Эта история уходит своими корнями в глубь веков. Секта исмаилитов представляет собой одно из самых экстремистских, наиболее фанатичных течений шиитского ответвления мусульманской религии. Оно возникло еще в VIII веке нашей эры. Исмаилиты следуют учению имама Исмаила (арабское слово «имам» означает «находящийся впереди»), который, согласно религиозному преданию, происходил от дочери Магомета Фатимы и ее мужа Али, основателя шиитской ветви ислама.

Толкуя коран на свой манер, теологи исмаилитов придали в средние века своей секте тайный, конспиративный характер. В ней было семь ступеней посвящения, причем рядовым верующим разрешалось пройти только две ступени, а к высшей ступени посвященных относились лишь немногие руководители — феодалы, которым все члены секты должны были беспрекословно повиноваться и платить дань.

Ловкие исламские деятели не раз использовали фанатичных исмаилитов для своих политических целей. Во главе секты в разные времена стояли разные династии халифов, королей, султанов, причем духовные центры исмаилитов перемещались из страны в

страну. Вначале таким центром был Египет, потом Йемен, потом Сирия, потом Ирак, потом Индия.

В начале XIX века духовным вождем исмаилитов стал Хасан Али, губернатор персидской провинции Керман, пользовавшийся благосклонностью шаха. Он-то и был первым руководителем секты, который присвоил себе титул Ага-Хан. Ага-Хан Первый отплатил черной неблагодарностью шаху, который ему мирволил,— в 1838 году он поднял своих последователей на священную войну против него, но был разбит и бежал в Индию. Там его приметили английские колонизаторы, смекнувшие, что этот духовный вождь может им пригодиться для того, чтобы ослабить сопротивление покоряемых ими мусульманских государств.

Ага-Хан согласился им служить и, в частности, помогал Англии в 1839—1842 годах вести войну против Афганистана и завоевывать индийские территории в 1842—1843 годах. За эти свои сомнительные заслуги он получил право именоваться «его высочеством». После этого Ага-Хан Первый обосновался в захваченном англичанами Бомбее и присвоил в Индии огромные земельные угодья, которыми его потомки распоряжаются до сих пор. Правил исмаилитами он долго, до самой смерти в 1881 году. История свидетельствует о том, что исмаилиты бунтовали против своего духовного вождя, который посылал их на смерть за дело колонизаторов, но он с помощью своих покровителей восстанавливал командные позиции в секте.

Сын Хасана Али, которого тоже звали Али, придя на смену папаше, принял имя Ага-Хана Второго, но хозяйничал недолго — умер он в Пуне, неподалеку от Бомбея, в августе 1895 года, и его сменил восьмилетний (!) сын Мохаммед, ставший Ага-Ханом Третьим,— с ним-то и свел меня случай пятьдесят четыре года спустя на мраморных ступенях Гранд-Опера в Париже.

Разумеется, пока Ага-Хан Третий рос и учился, его именем правили приставленные к нему английскими колонизаторами попечители. Воспитывали его, как нетрудно догадаться, в духе рабской покорности Лондону. «Ему было дано не только религиозное и восточное обучение, но и западное,— говорится в Британской энциклопедии.— Старательно занимаясь делами

своей собственной секты, он быстро завоевал ведущую роль среди всех индийских мусульман и в мире ислама в целом».

Доверие своих попечителей Ага-Хан Третий полностью оправдал. Когда началась первая мировая война, он разослал всем руководящим центрам секты исмаилитов на территориях, находившихся под британским контролем, телеграммы с требованием беспрекословно подчиняться любым приказам колониальных властей.

Как известно, мусульманская Турция в той войне выступила против христианской Англии и ее союзников, которые к тому же были угнетателями колоний, населенных последователями ислама. Тем не менее Ага-Хан Третий издал манифест с требованием, чтобы все мусульмане, живущие в пределах Британской империи, оставались лояльны.

Колонизаторы не забыли его услуг. Когда война окончилась, в честь Ага-Хана Третьего был дан салют из одиннадцати орудий. Вскоре ему представился случай еще раз продемонстрировать свою верность британской короне. В 20-х годах он по подсказке своих английских друзей отдал приказ исмаилитам начать священную войну против безбожного Советского Союза. Люди старшего поколения хорошо помнят их вторжения в Советскую Среднюю Азию — эти посланцы Ага-Хана Третьего именовались басмачами...

В годы второй мировой войны этот духовный вождь исмаилитов счел за благо удалиться в нейтральную Швейцарию, чтобы выждать и поглядеть, как развернутся события. Он поселился там в чудесном курортном городке Версуа. Свои досуги он посвящал наблюдениям за лошадиными скачками — это был его любимейший вид спорта. Коль скоро Ага-Хан был феноменально богат, ему удалось скупить самых лучших коней, и его жокеи 5 раз выигрывали дерби в Великобритании.

В послевоенные годы Ага-Хан Третий часто приезжал погостить и приятно провести время во Франции. Пока двадцать миллионов верующих в Азии и Африке гнули спину, умножая богатства этого человека, который именем аллаха был волен распоряжаться их жизнью и смертью, сам он беззаботно проводил время

с красавицей женой, бывшей манекенщицей модного портновского дома, то на фешенебельном северном курорте Довиле, то на южном Лазурном берегу.

Газеты в ту пору пестрели сенсационными сообщениями светских хроникеров о том, где и как развлекается Ага-Хан Третий, но еще больше внимания уделялось скандальным похождениям его старшего сына — Али Хана, который по положению должен был в будущем стать Ага-Ханом Четвертым, возглавляя исмаилитов.

Родившийся в 1911 году в Турине, Али Хан был весьма далек от религиозных материй. Его матерью была первая жена Ага-Хана — бывшая итальянская балерина Тереза Мальяро. Когда Ага-Хан с нею развелся, Али был отправлен на учебу в Англию. Но об образовании он думал мало. Колоссальное богатство отца давало ему возможность удовлетворять любые прихоти.

Унаследовав от Ага-Хана Третьего страсть к лошадям, Али увлекся скачками — сам выступал в роли жокея и завоевывал призы. Потом занимался автомобильными гонками, авиаспортом, охотой на диких зверей в Африке. Его женили на баронессе Чарстон, но радости семейные его не интересовали, и, когда жена родила ему двух сыновей, он развелся с баронессой и начал вести привольную жизнь беглого холостяка. Газеты присвоили ему кличку «playboy», что можно перевести как «шалун», но шалости эти были отнюдь не невинными.

В 1957 году Ага-Хан Третий серьезно заболел, и пришло время решать вопрос о его преемнике. Влиятельные лидеры исмаилитов воспротивились тому, чтобы им стал лихой Али Хан. Тогда Ага-Хан вызвал из Соединенных Штатов своего молодого внука Карима, обучавшегося в Гарвардском университете. Как и Али Хан, он меньше всего думал об исмаилитах и их религиозных проблемах. Карим был британским подданным и даже не знал арабского языка, на котором написан коран. Сын Али Хана и английской баронессы Чарстон, родившийся в Женеве в 1937 году, он был, по сути дела, европейцем, к тому же воспитывавшимся на американский лад. Он увлекался игрой в

футбол и хоккей и совершенно не интересовался высокими материями.

Но суровый дед и слушать не хотел возражений внука против перехода к религиозной карьере. Он завещал ему пост имама, и 11 июля 1957 года, когда Ага-Хан Третий скончался, Карим был провозглашен Ага-Ханом Четвертым. Соответствующая торжественная церемония состоялась в Дар-эс-Саламе, в тогдашней британской колонии Танганьика (ныне Танзания), затем эта церемония была повторена в Кении, Уганде, Индии, Пакистане и в других странах, где живут исмаилиты.

В сентябре 1958 года новый владыка этой двадцатимиллионной секты вернулся в Гарвард заканчивать образование. Одновременно ему пришлось спешно осваивать премудрость корана и заниматься отправлением религиозных обрядов. Однако от прежних страстей ему отделываться было трудновато, и он все же находил время для игры в футбол, играя левого крайнего в нападении.

Год спустя Кариму, то бишь Ага-Хану Четвертому, вручили диплом, и ему пришлось снова отправляться в паломничество по мусульманскому миру для встреч с поклонявшимися ему верующими. Как дед, как прадед и как прапрадед, он сохранил свою верность правителям Великобритании, и в знак признательности королева Елизавета Вторая разрешила ему, как и его предкам, именоваться «его высочеством» и наградила его экзотическим орденом — «бриллиантовой звездой Занзибара».

Живет этот Ага-Хан Четвертый то в Лондоне, в доме своей матери, английской баронессы, то в Париже, а двадцать миллионов африканцев и азиатов вынуждены поклоняться ему как духовному учителю, который строго предупреждает их, что «религия несовместна с коммунизмом», и платить ему дань, как платили их предки его деду и прадеду.

Странно? Удивительно? Но вот в справочнике «Текущие биографии» я прочел такие строки: «Ага-Хан (Четвертый) не видит парадокса в том, что, будучи человеком Запада, он является лидером 20 миллионов мусульман. «Часто,— говорит он, — можно лучше понять их проблемы, если живешь вдали от

них и посещаешь их лишь от случая к случаю». Поскольку его визиты в мусульманские страны более чем редки, он, возможно, является идеальным человеком для своих последователей в XX веке».

С тех пор как я встретил «живого бога» в парижской Гранд-Опера, прошло более трех десятилетий. В ту пору трудно было представить, что дикие религии вроде верования секты темных исмаилитов могут всерьез привиться в странах, которые считаются цивилизованными. Но вот сегодня мы являемся свидетелями чего-то подобного.

15 февраля 1985 года парижский журнал «Экспресс» посвятил деятельности Ага-Хана Четвертого большую статью, полную комплиментов этому вождю исмаилитов и ловкому бизнесмену, обученному в американском университете. Он не ограничивается получением дани в золоте, платине и алмазах от своих подопечных и не хранит этих сокровищ в сундуках, а искусно приумножает свои и без того поистине баснословные богатства, вкладывая капитал в многочисленные предприятия, созданные в Азии и Африке, где рабочая сила очень дешева.

Его предприятия находятся в Кении, Танзании, на Берегу Слоновой Кости, в Индии, Пакистане, Бангладеш. Кроме того, он владеет акциями банков, страховых компаний, газет, гостиниц. В общей сложности ему принадлежит около ста различных предприятий, на которых в поте лица своего трудятся 10 000 человек. Не доверяя своим управляющим, «живой бог» сам регулярно инспектирует их, летая из страны в страну, как пишет «Экспресс», он «проводит в самолете шестьсот часов в год».

## «Миссия божественного света»

В начале семидесятых годов на улицах городов Западной Европы и США появились обритые наголо, босые, одетые в оранжевые хитоны молодые люди с колокольчиками и барабанами, объявившие себя приверженцами Будды, разного рода индийских богов, в частности Кришны, древней японской философии зен.

Толком о существе этих полузабытых религий они ничего не знали, но их привлекала экзотика, причем им очень нравилось то, что появившиеся словно из-под земли пророки и наставники, посвящавшие их в тайны своих вероучений, разъясняли им, что тем, кто пойдет за ними, не придется утруждать себя теологическими науками, достаточно ограничиваться несколькими простейшими ритуалами.

Одной из первых на тусклом небосводе буржуазной прессы взошла звезда лжепророка, нареченного вождем новой религии, именуемой «Миссия божественного света». Это был ввезенный в Европу из Индии мальчишка по имени Бальогешвар Парам Хан Сатгуру Дев Шри Сант Джи Махарай.

Вокруг него была поднята невероятная шумиха. Газеты и журналы уверяли, что интеллект этого мальчишки, родившегося в маленьком городке на берегу священной реки Ганг, представляет собой невероятный духовный феномен. Он, видите ли, уже в возрасте двух с половиной лет произнес речь (!) о познании бога, а когда ему исполнилось шесть лет, он якобы вдруг заговорил перед десятками тысяч своих поклонников на английском языке, хотя его никто этому языку не учил.

Его отец, который сам слыл пророком и предсказателем судеб, провозгласил: «Хотя Сант Джи еще мал по своему возрасту, он велик в своей мудрости и озарении. Он будет сиять над миром, как солнце сверкает над землей». Тут же начали действовать таинственные и притом весьма могучие силы, которые быстро состряпали доктрину новой религии,— ее основателем был провозглашен этот мальчик.

Было объявлено, что необычайный дар нового пророка объясняется тем, что в нем воплотилась древнейшая душа, завершающая цикл бесчисленных переселений из одного бренного тела в другое, именуемый «карма» и, таким образом, достигшая наивысшего совершенства. Стало быть, это гений.

Пресса назвала Бальогешвара Парам Хан Сатгуру Дев Шри Сант Джи Махарая «супергуру». А слово «гуру» означает дословно «тот, кто источает свет». Отсюда и название новой религии — «Миссия божественного света». Далее толкователи этой миссии

объяснили, что учение, которое будет проповедовать «супергуру», будет представлять собою «духовное посвящение, позволяющее путем размышлений войти в прямой контакт с богом». Его ставили в один ряд с Кришной, Магометом, Иисусом Христом и Буддой.

Мальчишку начали возить по белу свету. Он бормотал что-то невнятное, а толкователи его мыслей разъясняли его «учение» слушателям. В 1971 году, когда этот «супергуру» в возрасте 13 лет совершил свое первое турне по Соединенным Штатам, мэр Лос-Анджелеса торжественно провозгласил в его честь «всемирный (!) день размышлений и молитв». На следующий год во время своего второго американского турне «супергуру» был принят в муниципалитете Нью-Йорка, и ему были торжественно вручены ключи от этого крупнейшего американского города. В том же году мэр города Токио преподнес «супергуру» ключи от японской столицы.

В 1973 году этого пророка, уже пятнадцатилетнего, привезли в Западную Европу. Здесь его, как и в Америке и на Дальнем Востоке, ждал невероятно пышный прием. Журнал «Пари-матч», например, на самом видном месте опубликовал под огромным заголовком «Супергуру прибыл» пространный репортаж, в котором говорилось, что у Сант Джи «насчитывается уже шесть с половиной миллионов учеников во всем мире», что повсюду создаются «ашрамы» — места поклонения этому новому святому, где его ученики собираются для размышлений и молитв, и что даже во Франции, которую он еще не посетил ни разу, нашлось 1300 последователей «Миссии божественного света», штаб-квартира которой находится в Бри-сюр-Марн.

Все эти путешествия, как утверждала пресса, были организованы якобы «Миссией божественного света», основанной его отцом, который, кстати сказать, умер еще в 1966 году, когда мальчишке было всего восемь лет. Откуда брались средства? Организаторы турне об этом умалчивали, хотя было известно, что религиозные гастроли «супергуру» стоили бешеных денег. Один лишь его трехдневный «фестиваль» в Лондоне, учиненный в 1973 году, обошелся, как писал «Пари-матч», организаторам в 520 тысяч франков

в переводе на французские деньги: почитатели «супергуру» жили в кемпинге, их возили автобусами на сборища в арендованный для этой цели зал «Александра пэлэс» и к тому же кормили. Стало быть, нашлись достаточно богатые источники финансирования новой религии — кто-то решил, что и она пригодится для того, чтобы соответствующим образом воздействовать на умы молодежи.

Вот как пресса описывала первое явление этого «супергуру» его британским поклонникам: «Объект этой веры, которую не в состоянии поколебать никакое разочарование,— чудо-ребенок «божественного света»: пятнадцать лет, рост — 1 метр 35 сантиметров, вес — 84 килограмма (!). Бальогешвар Парам Хан Сатгуру Дев Шри Сант Джи Махарай собрал на трехдневный фестиваль в лондонском «Александра пэлэс» шесть тысяч охваченных экстазом учеников. Учителя жизни эскортировало его «священное семейство». Мать «супергуру» — маленькая женщина с округлымы формами в белом сари и в очках в черепаховой оправе — занимала почетное место на балконе, затянутом бледно-голубой тканью. Сам он восседал на своем троне, который был как бы подвешен над эстрадой, замкнутой в круг семи цветов радуги. Над ним красовался его гигантский портрет — в 25 раз больше натуры. «Супергуру» выглядел как маленький невозмутимый будда в ожерелье из ноготков и маргариток. Он даже не отвечал на истерические крики: «Гуру Махарай Джи! Мы тебя любим!»

Примерно полчаса «супергуру» молчал, как будто погрузившись в размышления. Потом он заговорил. Речь его было почти невозможно расслышать. Но слова не имели никакого значения: по лицам впавших в транс учеников текли слезы — они переживали общение с богом. Это не были хиппи, и тщетно было бы искать следы воздействия марихуаны. Большая часть последователей «Миссии божественного света» работает, но свою зарплату они отдают руководителям ашрамов — их храмов размышлений и молитв».

Эта одержимость чем-то в высшей степени неопределенным и неясным, эта отрешенность от окружающей действительности как раз то, что требуется тем, кто озабочен растущей политической активностью мо-

лодежи. И вот уже в награду «супергуру» и его семье на них, как и на других лжепророков, сыплется золотой дождь. В распоряжение этой семьи были предоставлены роскошная постоянная резиденция в Лондоне, великолепный «роллс-ройс» и... неограниченное количество мороженого — не следует забывать, что «супергуру» в это время было всего лишь 15 лет.

Год спустя очередной фестиваль «божественного света» был организован в Копенгагене, куда специальные поезда, пароходы и самолеты доставили со всех концов Западной Европы его поклонников. К этому времени в жизни «супергуру» произошли важные события: ему исполнилось 16 лет, и он женился на своей двадцатичетырехлетней секретарше.

Репортер парижской «Фигаро» так описывал этот «фестиваль» 18 июля 1974 года, захлебываясь от восторга:

«Не хватает слов, чтобы описать это соообщество любви... Потрепанные джинсы здесь соседствуют с солидными костюмами, длинные волосы с седыми шевелюрами. В течение целой недели, несмотря на усталость, вызванную длительными путешествиями и малокомфортабельными условиями пребывания здесь, несмотря на плохую погоду — дождь льет не переставая,— я не видел ни малейшего признака недовольства или разочарования. Все время, везде и повсюду — все то же братство, все та же терпеливость, отражение глубокого внутреннего умиротворения. Как тут не вспомнить первых христиан, о которых говорили: «Вы видите, как они любят друг друга?» Источник, их объединяющий,— этот юный индус, большой любитель спортивных автомобилей и реактивных самолетов. Гуру Махарай Джи — господь вселенной, король мира, хранитель света, божественное воплощение, так именуют его верующие. Это невозможно объяснить. Это надо видеть...»

Но Махарай Джи был не одинок. Нашлись и другие предприимчивые выходцы из Индии и из Тибета, которые также основали свои собственные религии. К числу их относился, например, некий Мукнананда Парамаханза, чьи успехи разрекламировал журнал «Ньюсуик» 26 июля 1976 года. Это был, как сообщал «Ньюсуик», новейший модный пророк Америки, увлекший за собою более 20 тысяч поклонников, с тех пор как приехал сюда в 1974 году. Ему с уважением наносили визиты такие знаменитые люди, как тогдашний губернатор Калифорнии Джерри Браун, певцы

Джеймс Тейлор и Карли Саймон, антрополог Карлос Кастанега и астронавт Эдгар Митчелл. Он основал в Северной Америке 62 храма... «Американцы — хорошие,— говорит пророк,— любящие и признательные, законопослушные и дисциплинированные».

В чем же была причина успеха этого пророка? В том, что он не утруждал своих последователей ни изучением сложных философских концепций, ни долгими, изнурительными богослужениями. Бывшая танцовщица Джой Андерсон, которая вместе со своим мужем руководила храмом Мукнананды в Кэтскилл близ Нью-Йорка, говорит: «Это превосходный пророк для Запада. Обычно, если мы что-то даем, мы рассчитываем тут же что-то получить взамен — как растворимый кофе (!), и вот от него вы получаете незамедлительно в готовом виде — как растворимый кофе — урок жизни».

Действительно, получение урока жизни у Мукнананды было предельно просто и легко: чтобы приобщиться к высшему блаженству, деловой американец, для которого время —деньги, затрачивал на это всего два дня, уплачивая 100 долларов. Мукнананда быстренько разъяснял ему, что он должен познать самого себя, помня о том, что «честь и верование внутренне присущи человеческому существу» и что «бог живет внутри каждого». Затем он тут же передавал новообращенному верующему «шакти» — «энергию или элементарную силу». Как пояснял «Ньюсуик», делалось это следующим образом: верующий закрывал глаза, и пророк тыкал в них пальцами. «Верующий при этом ощущал, что в него вливаются силы, подобно тому, как если бы это был заряд электричества». Вот и все!

Третий модный «пророк с Востока», которому тот же «Ньюсуик» посвятил статью «Драгоценный учитель с гор» 14 февраля 1977 года, выходец из Тибета, некий Чочьям Трангпа Талка. «От рождения он был предназначен к великим деяниям,— торжественно вещал этот журнал.— Сын бедных кочевников, он родился в палатке из шкур яка близ Паго-Пансам, одной из священных гор Тибета. Когда он родился, то, согласно легенде, вода в ведрах обратилась в молоко и радуга зажглась в небе. Было провозглашено, что

этот ребенок — десятое воплощение Трангпа Талка, божества, почитаемого одной из сильнейших буддийских сект Тибета».

Теперь этот живой бог, одетый в европейский костюм, восседал за полированным столом из красного дерева в небольшом, но роскошном офисе в Боулдере, штат Колорадо, и руководил оттуда своими последователями, заявляя журналистам, что он мечтает осуществить в Америке «великое буддийское возрождение». Ранее он пытался сделать это в Англии, но там провалился, так как неосмотрительно женился на шестнадцатилетней девочке, а люди, малость разбирающиеся в буддизме, напомнили, что жениться — смертный грех для живых богов. Последователи Чочьяма взбунтовались, и он перебрался в Америку, где нравы повольнее. В 1977 году у него уже было несколько тысяч «учеников». Бюджет созданного им религиозного центра достиг 600 тысяч долларов.

Однако коммерческие успехи этого «пророка с Востока» бледнеют перед необычайно удачливой карьерой четвертого «пророка с Востока», некоего йога Махеша, которому нынче посвящаются на Западе бесчисленные статьи и книги. Кстати, сейчас он известен уже не как Махеш, а как носитель присвоенного им себе пышного титула — «величайший и святейший гуру Шри Раджнеш Бхагван».

## Об одной удивительной карьере

Вот что поведал об удивительной карьере этого человека парижский журнал «Пуэн» 31 июня 1982 года:

«Все началось в знаменитом центре паломничества верующих индусов Ришикеше, расположенном у истоков Ганга, этой великой водной магистрали, которую многие в Индии считают священной. В 1968 году туда вернулся из поездки за границу никому не известный йог Махеш, который еще в пятидесятые годы был юным послушником в ашраме (своего рода монастыре) этого тихого городка.

Этот молодой человек был весьма честолюбив и упорно искал пути, идя по которым он мог бы обрести славу и богатство. Вначале он изучал физику, по-

том бросил ее и решил последовать примеру религиозных проповедников, которым удавалось объединить вокруг себя немало последователей и затем использовать их в качестве бесплатной или почти бесплатной рабочей силы и таким образом нажить богатство. Но как приступить к решению этой задачи? С чего начать?

В 1957 году,— повествовал журнал «Пуэн», — Махеш принял посвящение в монашеский орден и отправился в далекую Америку попытать счастья — он слыхал, что там входят в моду теологи. Добрался он до Калифорнии, но там с печалью констатировал, что его опередили другие лжепророки. Шесть лет болтался Махеш в Америке, но большого успеха, о котором мечтал, не добился. Пришлось пересечь Атлантику в обратном направлении, чтобы попытать счастья в Западной Европе.

В 1964 году этот искатель счастья познакомился в Англии с весьма популярными в то время молодыми английскими музыкантами и певцами из Ливерпуля, создавшими ансамбль «Битлз». И тут его осенила идея: а что если попытаться соединить воедино «поп-музыку» с индийскими музыкальными мотивами и насытить эти представления мистицизмом? Кстати, в это время на Западе началось увлечение индийскими вероучениями, индийской музыкой, индийской одеждой, индийской пищей. Хиппи, наркоманы устремились в Индию и в Непал.

Не знаю, как Макешу удалось уговорить «Битлз» составить ему компанию, но факт остается фактом: в 1968 году он вместе с членами этого ансамбля и их семьями прибыл в Индию, и начались их совместные выступления. Успех был оглушительным. «Битлз» провели в Индии всего несколько месяцев, но Махешу было этого вполне достаточно — он стал знаменит и дальше мог работать уже самостоятельно.

Он обосновался в городе Пуне и создал там свой ашрам, который стал одним из самых популярных центров, притягивавшим к себе главным образом западноевропейскую молодежь, искавшую утешения в общении с индийскими гуру. Вот как описывал то, что там происходило, специальный корреспондент журна-

ла «Пуэн» Паскаль Брюкнер, не поленившийся туда слетать, чтобы своими глазами поглядеть на ашрам Махеша, который теперь был уже Шри Раджнешем Бхагваном:

«Каждый день Бхагван (живой бог) читал своим приверженцам лекцию либо на английском языке, либо на хинди. Эта лекция сразу же записывалась на пленку и пускалась в продажу. Рекомендовалось прибыть на место за час до начала, чтобы вас обыскали и чтобы вам нашли место. Меры предосторожности объясняются тем, что летом 1980 года некий сикх пытался убить «учителя». После того, как вас подвергнут досмотру с помощью электронной аппаратуры и обыщут крепкие охранники, внешне похожие на Христа, вы устраиваетесь в холле Будды — большой крытой террасе. Из громкоговорителя раздается электронная музыка, и настойчивый голос рекомендует не кашлять, не сопеть, не плевать, а тем, кто нездоров или у кого болит горло, советует покинуть помещение, так как «учитель» требует полной тишины в зале.

Скоро нас набралось около 3000 человек, мужчины и женщины всех возрастов сидели вперемежку полукругом. Все были из стран Запада, поскольку в ашрам допускалось очень мало индийцев ввиду их... «отсталости». Преобладали белокурые арийцы — большинство «учеников» составляли немцы и голландцы. По мере приближения момента появления «учителя» напряжение возрастало. Все откашливались, прочищали горло, чтобы быть чистыми от всех миазмов во время лекции. Наконец поднялся гул голосов, послышался издалека шум мотора, трепет охватил аудиторию, и, когда из-за группы банановых растений показался великолепный роллс-ройс кремового цвета, я в изумлении увидел, как все эти бунтари Запада склонились и простерлись ниц перед автомобилем, как перед божеством. Отметим, что Раджнешу достаточно было пройти всего 80 метров от своего дома до зала но он, как самый заурядный нувориш, выставлял напоказ свой автомобиль только для того, чтобы подчеркнуть, какого успеха он добился в жизни.

Когда объявивший себя живым богом уселся на троне, раздались исступленные крики, аплодисменты, какая-то девица разразилась диким хохотом и рухнула в припадке на землю. Потом началась сама лекция — невероятная эклектика разных культур, поставленная на службу беспредельной мании величия. Принцип Раджнеша заключался в том, что он представлял себя равным Христу, Моисею, Будде, Магомету, которые изображались им как собратья, творившие добро, но заслуживающие, однако, суровой критики, ибо все они умалчивали о важнейшем аспекте жизни — о половом инстинкте...»

Раджнеш объявил себя пророком сексуальной революции. На этом он в значительной степени обеспечил себе полную и абсолютную поддержку той части западной молодежи, которая в тот период буквально

помешалась на «свободной любви», порнографии, свободе любого распутства.

А что еще он проповедовал? Прежде всего в качестве компенсации за тотальную «свободу» половых связей он требовал соблюдения «принципа абсолютного повиновения», при этом он не останавливался ни перед чем, чтобы подавить свободу личности у своих последователей — начиная с упражнений по затемнению разума и ослаблению памяти, когда его слуги рассаживали их группами по двадцать человек, и эти бедняги в течение суток (!) сидели лицом к лицу и исступленно задавали друг другу один и тот же вопрос: «Скажи мне, кто ты?» Когда же они падали от усталости или впадали в истерический транс, гуру объявлял: «Это начало освобождения!»

Далее этот предприимчивый делец заставлял своих последователей бесплатно отработать на его предприятиях шесть рабочих дней продолжительностью по 8—10 часов. «Его приверженцы,— констатировал с иронией Паскаль Брюкнер,— обрели счастье в добровольном рабстве, поскольку все эти люди в оранжевых одеждах платили за то, что их эксплуатировали! С мастерством заклинателя змей Раджнеш создал вокруг себя обстановку такого идолопоклонства и такого обожествления, что был способен вызвать коллективное самоубийство».

Чистый доход, получаемый от оболваненных последователей этого очередного «живого бога» в виде пожертвований, от продажи магнитофонных записей его проповедей, книг и видеофильмов, уроков и лекций, составлял 6 миллионов долларов в год. Но и этого ему было мало. И вот в ночь на 1 июня 1981 года Раджнеш неожиданно покинул «город спасения», как он именовал свой ашрам, и в сопровождении дюжины своих верных помощников уехал в Бомбей, а оттуда вылетел в США, которые уже давно манили его к себе.

На сей раз он прибыл туда уже не как никому не известный йог, а как популярный «живой бог». В штате Орегон созданная им фирма «Раджнеш траст фаундейш» уже приобрела участок земли размером в 26 тысяч гектаров, выложив за него шесть миллионов долларов. «Живой бог» основал там свой новый аш-

рам, назвав его «Раджнешпурам», действующий по образу и подобию оставленного им в Пуне «города спасения».

Тут масштабы обогащения «живого бога» резко возросли. Начать с того, что за десятидневное пребывание в ашраме каждый паломник обязан заплатить пятьсот долларов, а их тысячи. Но это лишь второстепенный источник дохода. Теперь Раджнеш уделяет больше внимания настоящему бизнесу. Он создал крупный транснациональный финансово-промышленный концерн. Только в ФРГ функционируют 30 его филиалов. Раджнешу там принадлежат строительная фирма «Раджнеш-Бау Кох и партнеры», туристическая фирма «Раджнеш орандж коннекшн», двести ресторанов. В Лондоне функционирует его компания «Боард оф Раджнеш сервисез интернэшнл лимитед», финансирующая осуществление новых проектов концерна.

В то же время секта этого «живого бога» продолжает свою «миссионерскую» деятельность, поставляя ему даровую рабочую силу. По подсчетам, опубликованным во французской прессе, «духовная власть» Раджнеша сейчас, когда пишутся эти строки, распространяется на 2 500 000 человек. В распоряжении секты созданный ею в Зеелисберге (Швейцария) Международный центр и 2000 различных учреждений в 140 странах. В этой системе работают 15 000 проповедников, главным образом американцев.

### Гаре Кришна, Гаре Кришна...

Продолжает развиваться на Западе еще одна шумливая «восточная» секта — секта поклонников индуистского бога Кришны. Ее адептов я встречал и у стен Белого дома в Вашингтоне, и на улицах Западного Берлина, и в Париже. Бритоголовые, завернутые в оранжевые полотнища, с барабанчиками и колокольчиками, они приплясывают и поют, собирая пожертвования и вербуя сторонников. «Международная ассоциация по распространению познания Кришны» была основана на Западе в 1966 году неким Бхактиведанта Свами Прабхунада, который объявил, что он

является потомком духовных учителей Индии. Приехав в США за два года до этого, Бхактиведанта начал с чтения лекций об индуизме, но вскоре перешел к «оргработе». За десять лет он создал более восьмидесяти центров новой религии, основанной на «мудрости вед», в которых излагается индуистское учение.

Однако для создания новой религии требовалось что-то действительно новое, и Бхактиведанта «уточнил» это древнее учение, провозгласив, что Кришна не был лишь одним из воплощений бога Вишну, а сам являлся богом, к тому же высшим и единственным, и что поклоняться надо только ему. Для того чтобы постичь высшее блаженство под эгидой Кришны, уверял новый пророк, надо каждый день пропеть 1728 раз (тысячу семьсот двадцать восемь!) «мантру», похожую на детскую песенку: «Гаре Кришна, Гаре Кришна, Кришна, Кришна, Гаре, Гаре, Гаре Рама, Гаре Рама, Рама, Рама, Рама, Гаре, Гаре». Пение этой «мантры» сопровождается стуком барабанчиков и позваниванием колокольчиков.

Излагая эту абракадабру словно некую ученую доктрину, парижская газета «Фигаро» с самым серьезным видом писала: «Бесспорно, в основе этого мужественного поиска аскетической (?) жизни лежат реальные духовные ценности, хотя и существует также некоторый риск утраты свободы личности и отупения (еще бы! Попробовал бы автор этой статьи исполнить «мантру» 1728 раз в день.— *Ю. Ж.*), в особенности для очень юных подростков, которые могут превратиться в «мельницы молитв» («moulîns a prîêres»)».

Но есть, видимо, достаточно солидные силы, которые заинтересованы в том, чтобы люди превращались в бездумные «мельницы молитв».

Одобренные милостивым отношением властей, поклонники Кришны продолжают самым активным образом развивать свою деятельность.

4 марта 1984 года я прочел в газете «Монд» глубоко поразившую меня статью, в которой подробно рассказывалось о том, что секта «Гаре Кришна» создала свою штаб-квартиру в знаменитом поместье Эрменонвилль, которое все образованные французы почитают как одну из святынь своей культуры — там

жил и трудился великий французский просветитель Жан-Жак Руссо.

В начале пятидесятых годов я нередко бывал в этом изумительно красивом уголке близ Парижа. Владела им тогда туристская фирма «Туринг клуб де Франс», зарабатывавшая немалые деньги на допуске в замок и парк посетителей, желавших ими полюбоваться. Но вот грянул экономический кризис, фирма обанкротилась, а богатая «международная ассоциация поклонников Кришны» была тут как тут...

И вот уже это поместье в их руках. Специальный корреспондент газеты «Монд» Ален Вудроу так описывал то, что там теперь происходит:

«Когда в большом салоне замка в Эрменонвилле поднимают шторы, в толпе посетителей раздаются восторженные возгласы. Здесь не пожалели средств на восстановление пришедших в упадок помещений. На протяжении нескольких недель члены секты работали буквально день и ночь, превращая этот зал в свой храм.

Пол покрыт шлифованным розовым мрамором, который подогревается снизу системой отопления. Под потолком — хрустальные люстры, сияющие тысячью огней. На стенах — картины, иллюстрирующие легенду о Кришне. Но самое поразительное — это раззолоченный алтарь в стиле рококо — роскошная оправа для двух статуй — перед нами сам Кришна и его любимая фаворитка Радха.

Начиная с четырех часов утра поклонники Кришны на голодный желудок с великим усердием предаются радости общения с этим богом. Они поют свои песнопения, пляшут и без конца повторяют: «Гаре Кришна, Гаре Кришна». Потом учиняется торжественная процессия — члены учрежденного в Эрменонвилле сообщества сектантов несут портрет основателя этой секты Свами Прабхупада, скончавшегося в 1978 году, и устанавливают его на одном из двух позолоченных кресел, стоящих у алтаря. На втором троне немного погодя усаживается нынешний духовный вождь секты — Шри Бхачван Госвами Махарадха — это американец, принявший индийский титул.

Праздник длится весь день. В нем участвуют пятьсот поклонников Кришны, из них сто будут жить в замке постоянно. Гости съехались сюда из других центров секты. Здесь французы, индийцы, несколько африканцев. Слышится испанская, немецкая речь. Но доминирует английская. «Это пока что небольшой семейный праздник,— поясняет один из организаторов торжества.— Подлинное открытие храма состоится в июне. Вот тогда вы увидите, что мы понимаем под словом «праздник!»

Корреспондент газеты «Монд» счел нужным отметить, что местные жители Эрменонвилля крайне обеспокоены вторжением этой публики в очаровательный

уголок центральной части Франции, тем более что руководители секты намерены приобрести еще и огромный парк.

«Мы протестуем против того, что здесь обосновываются эти господа, которые под вывеской религиозных действий занимаются, по сути дела, бизнесом, эксплуатируя дешевую рабочую силу. К тому же они не хотят платить налогов и нарушают социальные законы,— заявляют в своем протесте жители Эрменонвилля.— Мы не желаем, чтобы наш мирный уголок превратился в центр мракобесия. Мы хотим защитить наших детей от зловредного влияния».

Но этот протест остался гласом вопиющих в пустыне...

Проходят годы. Одни лжепророки, изобличенные в мошенничестве, сходят со сцены, другие, более ловкие, вроде того же Раджнеша, напротив, укрепляют свои позиции. Появляются новые и новые «живые боги», претендующие на роль духовных наставников молодежи. И чем активнее эти авантюристы действуют на отведенном им участке борьбы против коммунистических идей, тем милостивее относятся к ним власти, глядящие сквозь пальцы на их мошенничества.

Лишь время от времени, когда протесты родителей, возмущенных тем, что «миссионеры» сект похищают юношей и девушек и превращают их в своих рабов, подвергнув безжалостной обработке их психику, власти делают вид, будто и они озабочены этим явлением, но заявляют, что ничего поделать не могут: существует-де свобода религии и свобода личности и каждый юноша и каждая девушка вправе выбирать такой образ жизни, какой им нравится.

Приведу конкретный пример. В марте 1982 года во Франции разразилась драма, привлекшая к себе внимание широких кругов общественности: «миссионеры» одной из сект — так называемой «объединенной церкви некоего южнокорейского «живого бога» Сан Мьюнг Муна (о деятельности этой секты я расскажу подробнее в следующей главе, поскольку она является сейчас существенным элементом психологи-

ческой войны против социалистических стран) похитили студентку Сорбонны Клер Шато.

«Миссионеры» Муна подцепили Клер Шато в Париже на бульваре Сен-Мишель. Они увезли ее в одно из своих «сообществ» и в течение недели с помощью ловкой обработки внушили ей, что «преподобный» Мун — духовный отец и спаситель человечества, а все, кто ему не поклоняется, в том числе и ее родители, околдованы дьяволом.

Родители разыскали Клер и «похитили» ее у сектантов. Она была неузнаваема: рвалась обратно к сектантам, билась в истерике, кричала родителям, что они — исчадия сатаны. Когда мать прикасалась к ней, она злобно визжала. Увидев на глазах отца слезы, восклицала: «Это слезы дьявола! Преподобный Мун! Помогите мне».

Тем временем сектанты узнали, где находится «их сестра», и сообщили в полицию, что она «похищена» родителями. Полиция тут же отняла ее у них и вернула сектантам. Более того, суд постановил привлечь родителей к ответственности за нарушение свободы личности их дочери.

Эта удивительная история была подробнейшим образом описана всеми газетами, журналами и показана по телевидению. О ней говорила вся страна. Мнения разделялись: одни возмущались поведением властей, потворствующих деятельности сект, другие осуждали родителей, пытавшихся спасти свою дочь от влияния сектантов.

Вице-президент Национального собрания, депутат от социалистической партии Ален Вивьен провел расследование деятельности сект во Франции и в феврале 1983 года вручил премьер-министру доклад, написанный на двухстах страницах. В нем сообщалось, что в стране действуют 250 сект, объединяющих полмиллиона последователей разного рода «пророков», возглавляющих их. Доклад был составлен в весьма осторожных выражениях — его составители явно опасались, как бы и их не обвинили в покушении на свободу совести и свободу личности.

Вивьен рекомендовал создать «межминистерскую комиссию по согласованию позиций» во главе с высокопоставленным чиновником. Далее он предлагал

предпринять «информационную кампанию» путем проведения конференций и издания брошюр в целях разъяснения проблем, вытекающих из деятельности сект. Рекомендовалось создать группы «посредников» из числа врачей, психологов и депутатов местных выборных органов власти для урегулирования «конфликтов» между родителями и их детьми, завербованными сектами.

«Одной из главных идей этого доклада была забота об уважении закона о свободе мысли, принятого в 1901 году,— писала 23 февраля 1983 года парижская газета «Матэн».— Ни в коем случае не допускается мысль о том, чтобы попросту запретить деятельность сект. Речь идет лишь о том, как ограничить ущерб от их деятельности и помочь тем, кто сам пожелает покинуть секту».

Но даже такая — более чем мягкая — реакция на преступную деятельность сектантов вызвала бурю протестов со стороны всех этих гуру, магов и пророков. «Это омерзительно, это фашизм. Это покушение на свободу религии»,— заявили представители секты «последователей бога Кришны». «Вивьен, как социалист, руководствовался своими политическими соображениями»,— процедил представитель секты «преподобного» Муна, не скрывая, что его симпатии принадлежат правым партиям, находящимся в оппозиции.

Отдавая себе отчет в том, что все усиливающаяся деятельность сект играет на руку крайним реакционным силам, находящиеся у власти во Франции социалисты предприняли кое-какие административные меры, чтобы взять их под контроль. Выполнение этой задачи было поручено полицейским органам, и в ноябре 1984 года дивизионный комиссар контрразведки Ги Пьера опубликовал в № 21 журнала «Ревю де ля полис насьональ», издаваемого министерством внутренних дел, свой доклад о деятельности сект во Франции. Расследованием было установлено, что многие секты, действующие в стране, представляют собой «филиалы» многонациональных формирований, штаб-квартиры которых находятся «за границей» и главным образом в США».

«Основная трудность в борьбе с ними,— констатировал дивизионный комиссар Ги Пьера,— заключает-

ся в том, что трудно подобрать уголовную квалификацию некоторым сомнительным и опасным действиям их. Преследование по суду возможно лишь в том случае, если удастся обнаружить мошенничество, нарушение кодекса законов о труде или о социальном обеспечении либо нарушение правил уплаты налогов. Что же касается манипуляций с рассудком людей или насилия над психикой взрослых лиц, вступающих в секты, то на эти действия уголовные преследования не распространяются и бороться с ними трудно».

Комментируя итоги этого расследования, газета «Юманите» 6 ноября 1984 года выражала тревогу по поводу фактической безнаказанности деятельности сект, под влиянием которых, как она подчеркнула, находится немало людей, главным образом молодежи — по одним подсчетам — 150 000, по другим — 250 000, по третьим — 800 000.

«Так же, как и наркомания, деятельность сект,— писала «Юманите»,— привлекает к себе не удовлетворенную своим положением молодежь, жертвы экономического кризиса, безработных. Попадая под влияние сект, они отказываются от борьбы и предаются ложному душевному покою. Их одурачивают, делают безмозглыми и эксплуатируют подлые люди. Одним из самых ужасных аспектов их деятельности являются манипуляции над рассудком завербованных и даже насилие над их психикой».

И далее газета французских коммунистов заключила: «Насилие над совестью пока еще не считается преступлением, но это не может служить оправданием бездеятельности властей перед лицом пагубного и все усиливающегося распространения этого зла».

Тем не менее пока не видно, чтобы во Франции, Англии и других странах Западной Европы, а тем более в США принимались строгие меры против преступной деятельности сект. Они подвергаются преследованиям только в тех случаях, когда вскрываются факты очевидного мошенничества или нарушения налоговой дисциплины.

Объяснить это можно лишь тем, что все эти лжепророки оказались нужны буржуазному обществу как противоядие против коммунистических идей, которые

для его властителей куда страшнее, чем, скажем, действия американской банды Мэнсона. Они рассматривают такие явления лишь как издержки — досадные, но, быть может, неизбежные — при осуществлении большого и поистине дьявольского плана, целью которого является оболванивание молодежи с помощью лжепророков, квинтэссенцией проповедей которых является антикоммунизм.

Главное, как они считают,— отучить людей мыслить, внушить им, будто борьба против социальной несправедливости не нужна, заставить их быть «послушными овцами божьего стада». А какой бог имеется в виду,— это неважно. Им могут быть и Иисус Христос, и Кришна, и Вельзевул, и даже «летающие тарелки».

**Культ собственного «я»**

Еще одно важное обстоятельство надо иметь в виду. На Западе — и прежде всего в Соединенных Штатах — в качестве лейтмотива всех этих новых псевдорелигий все громче звучит призыв к отказу от коллективной борьбы за лучшее будущее, призыв к индивидуальной борьбе за местечко под солнцем. Те, кто организует и направляет «Третье Великое Пробуждение» Америки, стремятся, каждый действуя на свой лад, создать совершенно новый религиозный культ, отвечающий современным потребностям буржуазного общества,— культ собственного «я».

Бесчисленные ультрасовременные секты, которые сейчас плодятся как грибы в Америке, и особенно в Калифорнии, ставят своей целью именно эту задачу: укрепить веру американца в самого себя, вбить ему в голову, что святее всего его собственная личность, его «эго», что и означает «я».

«Эта культурная революция,— писал 6 февраля 1977 года французский журнал «Экспресс» в статье, озаглавленной «Культ собственного «я»,— вспыхнула в начале нынешнего десятилетия. Со своим кортежем пророков, психотерапевтов, лам, дервишей, биосоветников, «экологов души», торговцев божествами, опасных прорицателей и шарлатанов она потрясает сегодня благонамеренную Америку. Говорят, что сейчас на-

считывается уже более восьми тысяч рецептов постижения мистической нирваны, откровения истины и тотального сознания».

«Мы сделаем вас более эффективным» — обещают новые пророки.— «Мы повысим вашу интеллектуальную квоту», «Ваша нервная система станет более стабильной! Ваше кровообращение замедлится, ваш расход энергии уменьшится!» Реклама по всем правилам американского бизнеса. Да и сами новые секты сейчас строятся по таким же правилам. Общение с потусторонними силами расценивается в долларах, как любой товар, и на этом бизнесе, как показывает опыт, ловкие дельцы зарабатывают огромные деньги.

Типичный пример — баснословная карьера бывшего торговца подержанными автомобилями Вернера Эрхарда, основателя и руководителя одной из весьма распространенных новых сект — ЭСТ (речь идет об уже упомянутой секте «Эрхард семинарс трейнинг».— *Ю. Ж.*). Он начал воспитывать искателей своего высшего «я» в крохотной комнатке в октябре 1971 года, взимая с каждого своего последователя 300 долларов за «духовные тренировки» в течение уик-энда. К концу семидесятых годов у него уже было тринадцать центров ЭСТ, разбросанных по всей Америке. На службе у него состояли 164 «специалиста» плюс пять тысяч «добровольцев». Он стал знаменитым: только в 1976 году вышли в свет девять книг (!), посвященных «духовной школе» Эрхарда.

В чем же заключались эти столь активно рекламируемые «духовные тренировки ЭСТ»? Вот как описывала их обстоятельно изучавшая деятельность новых сект в Калифорнии французская журналистка Жаклин Реми:

«Сеанс «тренировки» проводится в большом салоне отеля, вмещающем 250 человек. Ее участники пребывают в сидячем и лежачем положении с 8 часов утра до полуночи, разрешаются лишь две короткие паузы. Запрещается: сидеть рядом со своим другом; иметь при себе часы, сумочку, украшения; курить; выходить из помещения, даже если человек ощущает в этом необходимость... Что же дальше?

— Мы легли на пол,— рассказывает Питер С., специалист по градостроительству, который принял участие в этих «тренировках».— Затем мы закрыли глаза. Лидер спрашивал: «Что вы чув-

ствуете?» Люди начали говорить. Кто-то сказал, что ему хочется убить своего ближнего, кто-то сказал, что он желает покончить с собой — ужасные вещи! Человек, лежавший рядом со мной, был не в состоянии поднимать руку. Вдруг в конце сеанса он смог это сделать и закричал: «Смотрите!» Тут возникла коллективная истерика. Люди начали исповедоваться...

Один из руководящих работников ЭСТ, Морти Лепко, наставительно утверждал, что главный принцип подобных «духовных тренировок» состоит в том, чтобы люди не пытались понять, что с ними происходит, верили на слово своим «наставникам» и все воспринимали как должное. *«Ничему не учиться, ничего не понимать, ни во что не верить»* — вот циничная молитвенная формула этой «духовной школы», а провозглашаемая ею цель существования предельно проста и столь же цинична: «To get it!» — заполучить. Что именно заполучить? «То, что удастся поймать на лету!» Вот и вся философия ЭСТ.

В той или иной форме такая, с позволения сказать, философия, в результате освоения которой человек якобы постигает высочайшее значение собственного «я», пропагандируется многими новыми «духовными школами», процветающими в США. Вот описание «духовного уик-энда» в секте под названием «Елисейские поля», возглавляемой бывшим декоратором из киностудии «Парамаунт» Эдом Лэнджем.

Находящаяся в Топанге, крупном пригороде Лос-Анджелеса, штаб-квартира этой секты именуется «центром человеческого потенциала» («human potential centre»). Этот «центр» организован, словно клуб для игры в гольф: можно записаться на год, можно приехать, когда тебе захочется. За дополнительную плату можно посещать курсы, где обучают «технике развития собственного «я». Здесь вы приобщаетесь к культу Я, ТЫ, МЫ. Это новая «духовная гигиена»: руководители центра заявляют, что она обновляет ваше тело, ваше сердце, вашу душу и ваши чувства. Бог, говорят они, это Я, это ВЫ...

Что же происходит на этих «Елисейских полях»? Об этом рассказала та же Жаклин Реми на основе собственных впечатлений:

— Перед тем как подняться на «Елисейские поля», вы должны оставить внизу, в каньоне, свою автомашину и записаться на приемном пункте. Несколько смущаясь, пятнадцать новичков ждут, что будет дальше. В старом желтом автобусе нас везут среди высушенных солнцем гор к оазису — «Елисейскому саду», в клуб досуга блаженных. Здесь разрешается оставаться одетым, но уже через пять минут все раздеваются догола: как-то неудобно оставаться одетым среди двухсот обнаженных завсегдатаев «Елисей-

ских полей». В это воскресенье организовано около полдюжины мероприятий — каждое возглавляет «пророк». Он произносит короткую приветственную речь, потом добавляет: «Далее вы сами увидите, что произойдет». Это звучит таинственно и многообещающе. «Вы здесь никогда не были? — говорит он мне.— О, с вами произойдут необычайные вещи!»

Там и сям на траве расставлены «кинетические скульптуры». Какая-то девушка в набедренной повязке корчится под аккомпанемент барабана «тамтам». С десяти до тринадцати часов — первое ателье: «Самогипноз. Искусство и молитвенное сосредоточение»... Мы идем через поле за нашим «пророком», маленьким, черноволосым, с бородкой, в очках, похожим на фавна. С ним — маленькая черноволосая женщина, тоже в очках, с которой он часто целуется.

Вот и хижина, к которой мы направлялись. Над входом надпись: «Это не храм молитвенного сосредоточения. Однако рекомендуем не предаваться здесь сексуальным играм. Секс на «Елисейских полях» является частным делом».

Мы входим в хижину и располагаемся на толстом ковре и больших цветастых подушках. «Пророк» раздает нам листки бумаги, и мы начинаем рисовать — что кому вздумается. Затем он приказывает закрыть глаза и «следовать» за ним.

«Пророк» ведет отсчет, словно при запуске космического корабля: «Двадцать... Девятнадцать... Восемнадцать... Вы удаляетесь...— бормочет он.— Двенадцать... Одиннадцать... Вы успокаиваетесь все больше... Пять... Четыре... Вы уходите все дальше, дальше, дальше». «Пророк» бормочет все тише, растягивая слова: «Три... Два... Один... Ноль! Вы хотите следить за полетом моей фантазии? Я карабкаюсь вверх. Я чувствую тяжесть своего тела. Тяжело, тяжело. Я поднимаюсь на гору. Выше! Еще выше! Вот уже снега. Я тру свое лицо снегом. Холодно. Холодно! Но холод меня обжигает. Жарко! Жарко!»

Через полчаса мы начинаем вместе с «пророком» воображаемый спуск с горы: «Восемнадцать... Девятнадцать... Двадцать...»

И тут «пророк» спрашивает: «Кто хочет поделиться своим опытом?» «Поделиться» — это, оказывается, ключевое слово «психомистического счастья»; каждый должен рассказать о своих сопереживаниях во время закончившегося воображаемого путешествия. «Это было чудесно! Поразительно!» — восклицают некоторые. Другие признаются, что они ничего не почувствовали. Им «пророк» говорит: «Если вы не следовали за мною, то это означает, что у вас слишком большая сила воли».

После этого желающие могут уединиться в хижинах, именуемых «санктуариями». У входа в них табличка: «Это храм молитвенного сосредоточения. Не следует занимать его более тридцати минут. Он создан не для того, чтобы спать в нем ночью...»

После обеда — посещение ателье «Психодрама». Вначале поломники, разбитые попарно, очень долго, поистине бесконечно глядят в глаза друг другу. Потом они танцуют, обнимаясь и поглаживая при этом друг друга. «Лидер» по имени Билл, инструктирующий паломников, объясняет, что через эти объятия «выходит вся тоска и входит вся любовь, какая существует в мире». Далее происходит нечто вроде театральной игры: каждый выступает в какой-либо роли. Одна брюнетка вдруг принимает себя

за собственного отца. Она долго говорит что-то, потом со слезами на глазах благодарит присутствующих за то, что они ее выслушали. «Лидер» баюкает двух девушек, заключив их в свои объятия. Его жена Труди баюкает сорокалетнего толстяка. Все снова обнимаются. Это называется почему-то «медвежьи объятия». На этом сеанс «самоудовлетворения» заканчивается.

— Мы — в раю,— иронически заканчивает свой рассказ Жаклин Реми, которой галльский скептицизм не позволяет принять всерьез все эти поиски «психо-мистического счастья».— Мы в раю. Доказательством этого служит красующееся на стене изображение Адама и Евы, которые держатся за руки. Не хватает только змия — его выбросили. Бог-отец именуется в миру Эдом Лэнджем. Этот директор «Елисейских полей» в возрасте примерно шестидесяти лет принимает меня, вытянувшись в шезлонге; одежду ему заменяет его седая борода. Его собственное «я» проявляется весьма выразительно: «Я профессионал в области коммуникабельности,— говорит он.— Мои последователи располагают здесь полной свободой действий. Они могут участвовать в любых мероприятиях, а могут просто загорать, лежа на траве. Каждый может предаваться любым экспериментам...»

Таких самоновейших «духовных школ» развелось в Америке великое множество — они оказались весьма доходным делом. В Биг-Суре, между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско, предприимчивые дельцы Майкл Мерфи и Ричард Прайс основали «Эсален», где «учителем» является некий Фриц Перлс, придумавший «гесталтотерапию». Основы своего «учения» он формулирует донельзя просто: «Ты — это Ты, я — это Я. Если мы встретимся, хорошо. Если нет — ничего не поделаешь». Сам Майкл Мерфи, следуя примеру «бога-отца» Эда Лэнджа, создал в этом центре лабораторию «развития человеческого потенциала», где, помимо всего прочего, применяются для усиления «духовной активности» массаж и серные ванны.

Американские «необуддисты» обещают своим последователям нирвану, если они отрешатся от своих повседневных тревог и забот. Церковь «наукологии» утверждает, что самоудовлетворение придет к человеку, когда он станет... прозрачным. Духовная школа «экологического молитвенного сосредоточения» пред-

лагает своим клиентам обрести тотальное познание собственной личности путем «интеграции плоти и мышления». И везде и всюду в центре всего — хотя и в различных формах — культ собственного «я».

«Этот возврат к мистике, к обожествлению собственного «я» раздражает интеллигенцию и всех, кто осуждает уход от политической деятельности,— писал французский журнал «Экспресс».— Они считают «поп-психологию» (так журнал иронически называет американские школы «духовной активности», развивающие культ собственного «я».— *Ю. Ж.*) столь же безответственной, сколь демобилизующей. Публикуются гневные книги. «Декадентство, радикальная ностальгия, нарциссизм и упадок» — так назвал свой труд Джим Хоугэн; «Западня!» — восклицает Эдвин Шур; Отто Кернберг оплакивает нынешний «патологический нарциссизм». Полемика бушует...»

Ну что ж, полемика бушует, но это нисколько не мешает лжепророкам делать свое дело, все больше расширяя сферу своего влияния, возводя поистине патологический «нарциссизм», самолюбование, культ собственного «я» в догму новых шарлатанских религий; они действительно уводят своих последователей от участия в политической жизни, в борьбе против несправедливостей капиталистической системы. И как бы в награду за это они получают баснословные барыши от своего «психомистического» бизнеса.

Если вдуматься, их деятельность при всей своей внешней примитивности и даже нелепости, вызывающей иронические улыбки у знакомящихся с нею европейских журналистов, скроена не столь уж глупо. Она рассчитана на среднего американца, которого пресса, телевидение и вездесущая реклама приучили глотать до предела упрощенные понятия и формулы, принимая их на веру без долгих рассуждений. И когда ему говорят, что не надо «ничему учиться», что не надо «ничего понимать», а надо лишь «ловить на лету» удачу; когда его убеждают, что превыше всего собственное «я», а на все остальное можно наплевать; когда в его распоряжение — разумеется, за плату! — предоставляют какие-нибудь «Елисейские поля», или «гесталтотерапию», или «психомистические семинары» Эрхарда,— он клюет на эту приманку.

Таковы факты, убедительно рисующие нравы общества, все глубже погружающегося в болотную трясину полной бесперспективности. Не от хорошей жизни страна, законно гордящаяся своими великими достижениями в технике, прикладных науках, своей деловитостью, организаторскими навыками, вдруг поднимает покрытый пылью столетий, рваный, грязный, похожий на тряпку стяг средневекового мистицизма, оккультизма, шаманства, шарлатанства.

Мы трезво смотрим на вещи и понимаем, что отнюдь не все американцы подпадают под влияние этих бесчисленных «сект», «духовных школ», «психомистических семинаров» и прочей нечисти. Но и таких, как показывают факты, немало, и их становится все больше. И еще — вспомним приведенную мною выше цифру, заимствованную из опроса, проведенного в США Гэллапом: 94 процента американцев так или иначе верят в сверхъестественную силу и, стало быть, не в состоянии отделаться от представления, будто их судьбы зависят то ли от господа бога, то ли от дьявола.

И вот находятся люди, способные назвать это «Великим Пробуждением» сознания! Но не правильнее и не честнее ли было бы сказать, что это поистине «великое усыпление» сознания народа, живущего в обществе без будущего — в капиталистическом мире?

В этом «великом усыплении» кровно заинтересованы те, кто всерьез обеспокоен бесспорным усилением влияния прогрессивных идей в современном мире. И не случайно нынешнее поколение лжепророков все более откровенно претендует на роль борцов против коммунизма, а наиболее шумливый из них — провозгласивший себя воплощением Иисуса Христа — Сан Мьюнг Мун из Сеула, сделавший антикоммунизм основой и самой сутью своего «учения».

Его деятельность, как я уже говорил, заслуживает особого изучения, ей и посвящается следующая глава.

# ИИСУС ИЗ СЕУЛА

— Что за чепуха! — воскликнет читатель, прочитав этот заголовок.— При чем тут Сеул? Ведь христианская легенда гласит, что Иисус Христос родился в Назарете, а распят был в Иерусалиме.

Нет, дорогие товарищи, никакой ошибки тут нет, речь сейчас пойдет именно об Иисусе из Сеула, явление коего народу возвестил французский журнал «Пари-матч» 1 марта 1975 года под заголовком, который гласил: «Новая религия, возглавляемая новым богочеловеком, пришедшим с Дальнего Востока, ведет вербовку последователей во всех странах Запада».

**Кто он такой?**

Да, в отличие, скажем, от подростка Махарая Джи, объявленного всего лишь носителем «божественного света», «новый богочеловек» из Сеула по имени Сан Мьюнг Мун без лишней скромности назвал себя новым Иисусом Христом. И, представьте себе, преуспел!

Преуспел потому, что ему и тем, кто его наставляет, финансирует и рекламирует, пришла в голову удачная мысль — проповедь Апокалипсиса с его бесконечными угрозами человеку соединить со сладенькими речами о всеобщей любви и братстве и, взболтав этот идеологический коктейль, использовать его как патентованное средство для затуманивания мозгов. А поскольку этот «Иисус из Сеула» без всяких стеснений, совершенно открыто провозглашает, что главная суть его новой религии — антикоммунизм, у него нашлось особенно много богатых покровителей, и по

финансовой части он добился, пожалуй, больших успехов, чем кто-либо другой из его коллег и конкурентов, подвизающихся на этой ниве.

Нынче Мун — мультимиллионер. Его состояние создано трудами покорной паствы, которую он заставляет работать на своих предприятиях по шестнадцать часов в сутки без всякой оплаты.

В 70-х годах Сан Мьюнг Мун обосновался в Соединенных Штатах. Его любимая резиденция — купленный за 615 тысяч долларов замок Бельведер Эстейт с парком в 20 гектаров, возвышающийся над Гудзоном неподалеку от Нью-Йорка.

Поскольку сей «богочеловек» ведет свои дела в мировом масштабе, он обзавелся персональным реактивным самолетом, сделанным по специальному заказу; газеты именуют этот самолет «летающим дворцом» — такому комфорту, говорят, может позавидовать сам Хефнер, миллионер, сказочно разбогатевший на издании порнографического журнала «Плейбой» и на содержании злачных мест (Хефнер тоже обладает «летающим дворцом»). Для своего отдохновения Мун приобрел несколько яхт и автомобилей.

Впрочем, о бизнесе Иисуса из Сеула мы поговорим позднее, а сейчас давайте повнимательнее познакомимся с той пищей духовной, которой он кормит своих последователей и на которой он разбогател.

Сей ловкий кореец из Сеула, бывший инженер-электрик, начал приобретать известность во второй половине 50-х годов. Именно тогда в газетах было объявлено, что Мун оказался богочеловеком. Его вдруг начали рекламировать с великим усердием, словно речь шла о новой марке зубной пасты или мыльной пены.

Было объявлено, что еще в 1936 году, когда Муну исполнилось всего шестнадцать лет, ему на склоне холма в Корее явился собственной персоной сам Иисус Христос, который сказал, что отныне он, Мун, является новым его, Иисуса, воплощением и что ему поручается «создать небесное царство на земле». Не более и не менее! Восемнадцать лет Мьюнг якобы размышлял, как бы подступиться к выполнению этого поручения. За эти годы он попытался без особого успеха сделать инженерную карьеру, потом предпринял

еще более неудачную попытку сделать карьеру военную — вместе с американцами участвовал в войне против Корейской Народно-Демократической Республики, попал в плен, пробыл три года в лагере, вернулся домой и тут окончательно решил, что пора воспользоваться наказом Иисуса Христа.

Как бы случайно рядом оказался более удачливый по части военной карьеры полковник Бо Хи Пак, игравший важную роль в южнокорейской разведке и связанный напрямую с американским ЦРУ. Он популярно разъяснил Муну, что его ждет головокружительная карьера, если он не будет валять дурака и без колебаний объявит себя богочеловеком, миссией которого является борьба с коммунизмом. Долго уговаривать Муна не пришлось, и дальше все пошло, как по маслу.

Быстренько было сочинено новое евангелие с той разницей, что оно было издано не от имени апостолов, а от имени самого Иисуса Христа в образе Муна.

Это новое евангелие было выпущено в свет в 1957 году под названием «Божественные принципы», и в нем было дано объяснение всему на свете, включая причины грехопадения Адама и Евы и неудачи Иисуса Христа во время его первого появления на земле в образе человека.

«Согласно книге откровений Муна «Божественные принципы»,— писал журнал «Ньюсуик» 14 июня 1976 года,— его идеология основана на новой интерпретации Библии. Еву соблазнил, вступив с нею в половую связь, сатана, а она передала эту первородную грязь Адаму и его потомству. Миссия Христа заключалась в том, чтобы жениться и таким образом очистить женщину, освободив ее, а через нее все человечество от первородного греха. Но Христос не выполнил эту миссию, так как его распяли. И поскольку он не смог ее осуществить, подчеркивает Мун, силы сатаны все еще действуют в их современной форме — в виде коммунистических государств и движений».

Поскольку Иисус Христос не справился со своей задачей, теперь он возвращается на землю в лице Сан Муна, чтобы с учетом допущенных первым Иисусом ошибок навести на сей раз порядок на земле. Ну а для этого, ясное дело, надо искоренить коммунизм...

Ради достижения этой цели, утверждает Мун, любые средства хороши — вплоть до использования ядерного оружия. «Царство божие могло бы существовать на земле уже с 1951 года, если бы генерал Макартур сбросил атомные бомбы на Северную Корею»,— заявил новый «богочеловек», как свидетельствовал парижский журнал «Нувель обсерватер» от 26 января 1976 года.

Конечно, Мун говорит и о мире, без этого обойтись нельзя, если хочешь увлечь за собой паству. «Мы помогаем нашим ученикам осуществить свои духовные чаяния,— заявлял он в своих интервью журналистам.— Грядет новый мир, новая форма жизни в любви. Мы здесь — для счастья народов». Но в его голосе тут же начинал звучать металл: «Чтобы укрепить мир, нужна армия. Надо быть сильными». При этом новый «богочеловек» не делал секрета из того, что он имеет в виду для начала помочь южнокорейскому режиму завоевать Корейскую Народно-Демократическую Республику, а дальше... Дальше видно будет.

Все эти воинственные поучения, с которыми выступал и выступает Мун, звучат настолько невероятно, что, когда читаешь американские, английские, французские, западногерманские газеты и журналы, в которых они охотно и в изобилии цитируются, невольно ловишь себя на мысли: полно, да разве можно говорить такие вещи в наше время всерьез? Вероятно, это какой-то дикий или нелепый розыгрыш, которому поддалась западная пресса, надеясь на сенсации!

Очевидно, такие сомнения появились у многих. И вот два руководящих работника журнала «Ньюсуик» — Executive editor Ричард З. Чеснофф и General editor Эндрю Нагорски (я привожу названия их должностей по-английски, так как в аппарате нашей прессы адекватных должностей нет.— *Ю. Ж.*) — летом 1976 года попросили у Муна аудиенцию с тем, чтобы он дал им интервью. Одновременно корреспонденты направились в руководящие центры «церкви объединения» в Вашингтоне, Сеуле, Бонне, Париже, Нью-Йорке, чтобы ознакомиться с деятельностью последователей Муна на местах.

«Иисус из Сеула» милостиво согласился их принять. Беседа длилась долгих три часа. Ее результа-

том был выпуск специального номера журнала «Ньюсуик» с портретом Муна на обложке. В нем был опубликован огромный богато иллюстрированный очерк под названием «Жизнь с Отцом Муном» и — самое главное! — интервью с этим «отцом», без лишней скромности озаглавленное «Моими устами глаголет бог». Я позволю себе привести здесь весьма длинную выдержку из этого экстраординарного документа, подлинность которого невозможно поставить под сомнение. Послушайте, как развивался этот примечательный диалог двух руководящих работников «Ньюсуика» с Муном:

«*Вопрос.* Чем «церковь объединения» отличается от других христианских церквей?

*Ответ.* Мое новое откровение сделало волю бога кристально ясной. А что это за воля? Спасти мир. Поэтому «церковь объединения» — это не просто новая церковь, а движение за спасение мира.

*Вопрос.* Как вам открылась воля божья?

*Ответ.* В возрасте шестнадцати лет я испытал глубокое душевное переживание, встретив Иисуса Христа в корейской деревенской местности. Это было начало откровения. Начиная с этой встречи, я в своих поисках правды нахожусь в постоянном контакте с живущим богом и живущими святыми в духовном мире, включая Иисуса, это нельзя хорошо объяснить словами.

*Вопрос.* Почему бог говорил именно с вами?

*Ответ.* Бог выбрал меня в соответствии со своим божьим расписанием. Почему он так поступил? Мы должны спросить об этом его самого. Я знаю только одно: эта миссия моя. У бога три большие неприятности: первая — безудержное моральное разложение; второе — христианские церкви разъединены и переживают упадок, их духовную силу нужно восстановить; и третье: коммунизм — эта дьявольская сила в глазах бога — поднимается. Коммунизм представляет собой первейшее препятствие на пути к созданию царства божьего на земле.

*Вопрос.* Вы называете себя пророком, но считаете ли вы себя также новым мессией?

*Ответ.* Мы сейчас, как и во времена Христа, живем в мессианской вере. Но 2 тысячи лет назад сам Иисус Христос никогда не говорил о себе как о мессии, зная, что это не будет служить его цели. Я тоже не говорю: «Я мессия». Я лишь честно выполняю инструкции бога.

*Вопрос.* Но вы не исключаете возможность того, что вы — мессия?

*Ответ.* Пусть бог ответит вам, пусть бог ответит миру.

*Вопрос.* Вы однажды сказали, что второй мессия, который, по вашим словам, является женатым корейцем, уже пришел на землю и что новая идеология родится в Корее. Почему Корея?

*Ответ.* Корея — избранная богом нация. Корея разделена. Разграничительная линия Паньмыньчжона — это рубеж между

миром неба и миром сатаны. Мы должны предпринять решающую битву в Корее. Победа в Корее — победа в борьбе с коммунизмом — будет не только корейской победой. Я приехал в Америку, чтобы вернуть ее на арену этой борьбы. Сейчас Америка уходит от своей ответственности за положение дел в мире. Именно это произошло во Вьетнаме. Америка будет решать судьбы мира, включая судьбу бога, ибо бог нуждается в непобедимом борце. Судьбой Америке предназначено бороться с коммунизмом в мировом масштабе. Идеологическая конфронтация неизбежна» [1].

Даже газета «Фигаро», которая в своей ненависти к коммунизму отнюдь не уступает Муну, однажды отметила, что, хотя он говорит о всеобщей любви и мире, у него «в голове другие идеи, нежели забота о великом братстве людей. И прежде всего стремление захватить власть и создать бригады добровольцев, готовых сражаться под его знаменем. Ведь это сам Мун сказал: «У меня три миллиона молодых людей, готовых отдать свою жизнь за Корею». Это недалеко от тех принципов ненасилия, которые проповедуют его вербовщики, ищущие воспитанников».

В Соединенных Штатах, где уже привыкли к откровенным призывам к «крестовому походу» против коммунизма, с которыми там выступали и выступают

---

[1] Журнал «Ньюсуик» следующим образом прокомментировал эти ответы Муна: «Силы бога и сатаны противостоят друг другу в Корее — на земле, которую бог избрал для создания нового Израиля»,— так говорит Мун своим последователям. Задача объединить божьи силы и повести их [в бой] возложена на «третьего Адама», который превратится в мессию и завершит миссию Христа, женившись, создав превосходную семью и переместив царство божие на землю. Мун не говорит прямо, что именно он является мессией, но откровения, сделанные ему Христом, включают информацию о том, что новый мессия родился в Корее в 1920 году и что он возглавляет движение, цель которого состоит в том, чтобы объединить весь мир. У последователей Муна нет никаких сомнений в том, что этим мессией является он сам — Мун родился в Корее в 1920 году. После того, как он развелся со своей первой женой, этот новоявленный мессия женился вторично на другой кореянке, и таким образом была создана «превосходная семья». После этого Мун развелся еще раз, затем женился на третьей кореянке, потом опять развелся и женился в четвертый раз. 12 июля 1982 года американский журнал «Ньюсуик» опубликовал такое сообщение: «У Сан Мьюнг Муна, именующего себя мессией и являющегося основателем «объединенной церкви», насчитывающей 3 миллиона прихожан во всем мире, и его супруги, кореянки по рождению, Хак Я Хан родилась дочь, тринадцатый по счету отпрыск Муна. Вес — 7 фунтов 8 унций».

не только кликуши вроде Муна, но и ответственные политические деятели, он нашел более благоприятную почву для своей деятельности. Его приняли там с распростертыми объятиями, тем более, что туда он явился в сопровождении уже хорошо знакомого Пентагону политического советника Бо Хи Пака, который в прошлом работал помощником военного атташе южнокорейского посольства в Вашингтоне.

**«Бог избрал Америку»**

«Как провозглашает новый южнокорейский мессия,— писал «Пуэн»,— «бог избрал Америку» из-за «ее валюты», из-за ее «изобилия автомобилей», из-за ее «руководящей роли», но в особенности «чтобы поднять весь мир против коммунистического атеизма».

И сам Мун в интервью нью-йоркской газете «Дейли ньюс», ставя все точки над «i», заявил: *«Надо бороться с коммунизмом, потому что коммунизм — это сатана.* Америка — на стороне бога. Если же в Америке будет развиваться коррупция, я назначу в должный момент мунистов (то есть последователей его, Муна, идей.— *Ю. Ж.*) в палату представителей и в сенат, потому что мое царство (!) должно быть создано в 1981 году». 1981 год пришел и прошел, а «царство Муна» не наступило и не наступит. Но это нимало не смущает «Иисуса из Сеула». Он упрямо продолжает твердить свое: коммунизм должен быть уничтожен.

Вот какие амбиции у этого «богочеловека»!

Давайте теперь поглядим, как он с помощью полковника Бо Хи Пака приступил к осуществлению этих, скажем откровенно, бредовых замыслов. Опираясь на неограниченное анонимное финансирование, источники которого тщательно скрывались (а ведь миллионы долларов, в которые обходилось осуществление его затей, с неба не падали!), Мун вначале создал свое «предмостное укрепление» в Южной Корее. Затем его «апостолы» разлетелись во все концы света проповедовать «божественные принципы» нового мессии.

Во второй половине 60-х годов было объявлено, что новый «богочеловек» создал «Ассоциацию за объединение мирового христианства». В 1974 году она

была переименована в «церковь объединения». К этому времени опорные пункты новой религии были созданы уже в 50 странах [1]. Вербовка почитателей нового мессии осуществлялась с большим размахом и целеустремленностью. Отборные отряды вербовщиков бросались прежде всего туда, где, по мнению «мозгового треста» новой «церкви», возникала наибольшая угроза распространения коммунистических идей.

Характерно, что одним из главных объектов этой вербовки явился французский народ — туда вербовщики Муна устремились сразу же после памятных майских событий 1968 года. Правда, больших успехов они там не добились — их ждали во Франции одни неприятности. Об этом я расскажу поподробнее ниже.

Более теплый прием был оказан вербовщикам Муна и ему самому в Соединенных Штатах. Свой первый визит за океан новый «богочеловек» совершил в 1972 году. По сему поводу в его честь была организована шумная пропагандистская кампания [2]. В 1973 году Мун снова прилетел в США — по сему поводу там был проведен в общенациональном масштабе «день надежды» — новая, еще более шумная кампания в пользу придуманной им религии. Год

---

[1] По данным, опубликованным в журнале «Ньюсуик» 14 июня 1976 года, число его последователей в 123 странах уже тогда достигло двух миллионов, а его капитал, который он именует божьим, вырос до 75 миллионов долларов. Согласно этим данным, в Южной Корее на 1 июня 1976 года насчитывалось 400 тысяч «мунистов», в Японии — 260 тысяч, в США — 30 тысяч, в ФРГ — 6 тысяч, в Англии — 3 тысячи, в Голландии — 2 тысячи и т. д. 8 лет спустя были опубликованы сведения о том, что число «мунистов» возросло до трех миллионов, а Мун стал миллионером.

[2] В издаваемой американскими «мунистами» газете «Нью-Хоп геральд», которая распространялась бесплатно, я прочел в феврале 1976 года такое официальное объяснение, почему в то время Мун избрал Америку как базу своей деятельности:

«В своей жизни преподобный Мун всегда выполняет лишь волю божию. Три года тому назад бог приказал ему поехать в Америку. Подобно тому как поступил в аналогичном случае Моисей, он запротестовал: «Я кореец, я даже не говорю по-английски. Как же я смогу передать послание божие Америке?» На это бог сказал: «Я проложу тебе путь и дам тебе силы — Америка должна услышать мой призыв, пока не слишком поздно». И он отправился туда».

спустя состоялась третья, весьма длительная, серия его гастролей в Америке.

1 февраля 1974 года новый мессия был официально принят в Белом доме. Как писали газеты, он «обнял Никсона, посвятил несколько минут молитве — на корейском языке,— которую тот внимательно выслушал, а затем сказал, обращаясь к президенту: «Держитесь хорошо и защищайте свои убеждения». В дальнейшем Мун выступил с проповедями в 32 американских городах, в том числе в Нью-Йорке (сентябрь), Вашингтоне (октябрь), Чикаго (ноябрь). На этот раз рекламным лозунгом его турне было: «Новое будущее для христианства».

Наконец, в 1976 году Мун снова появился в США, причем на сей раз он остался здесь надолго. Его покровители и наставники, действующие за кулисами, явно решили, что именно там ему следует обосноваться, чтобы оттуда развивать свою деятельность в глобальном масштабе.

Комментируя гастроли «преподобного» Муна в США, газета «Монд» подчеркивала, что их организаторы не скупились на рекламу. «Г-н Мун не поколебался,— писала она,— закупить для своих объявлений целые страницы «Нью-Йорк таймс» и других крупных ежедневных газет, расклеить сотни тысяч афиш и листовок, отпечатанных на меловой бумаге с цветной фотографией «учителя»,— на это было израсходовано 350 тысяч долларов».

1 июня 1976 года Мун организовал на стадионе «Янки» в Нью-Йорке грандиозный праздник-митинг, на подготовку и проведение которого был израсходован миллион долларов. Участников бесплатно доставляли туда на автобусах. Желающих принять участие в этом празднике нашлось 38 тысяч. Для них был организован грандиозный концерт. Звучали песни «Ты мой солнечный луч», «Когда святые маршируют», «Боже, благослови Америку».

На трибунах разместились почетные гости — руководители «мунистов» из сорока стран, в том числе из Франции, Андорры и Монако. Из Канады приехало несколько сот адептов «церкви объединения». Большая делегация прибыла на специально зафрахтованных самолетах из Бразилии. Здесь же находи-

лись восемьдесят родителей молодых «мунистов», давших согласие на вступление своих детей в «церковь объединения»,— Мун создал организацию своих сторонников из числа представителей старшего поколения, в противовес ассоциации, борющейся против него.

Симпатизирующий Муну парижский журнал «Пари-матч» впоследствии опубликовал интервью с этими американцами, которые всячески восхваляли «церковь объединения» и выражали радость по поводу того, что их сыновья и дочери вступили в нее ради борьбы с коммунизмом. Один из них, сотрудник библиотеки конгресса, тридцатисемилетний Джордж Эдвардс, заявил даже: «Мы все готовы умереть за новый порядок».

Выступивший в заключение этого праздника Мун произнес одну из самых агрессивных своих речей. Вначале он предал анафеме пороки Америки. «В 1950 году,— сказал он,— Америка была надеждой всего мира и Нью-Йорк символизировал Америку. Сегодня мир утратил веру в Америку, а Нью-Йорк превратился в джунгли аморальности... Если вы позволите богу покинуть Америку, здесь воцарится Сатана».

«Иногда меня спрашивают,— продолжал он,— почему я вмешиваюсь в американские дела. И я отвечаю: разве не разумно, когда в доме воцаряется болезнь, позвать врача извне?» Набавляя себе цену, Мун воскликнул: «Короли, королевы, главы государств падут ниц передо мною, потому что я буду руководить миром».

И он снова и снова призывал Америку, «страну, зачатую богом», бороться против «стран Сатаны: Советского Союза, Китая и особенно Северной Кореи...».

Все шло, как обычно, когда вдруг среди присутствовавших раздались выкрики: «Мун, убирайся домой». Это прорвались на стадион противники «Иисуса из Сеула». На них набросились охранники Муна. Началась жестокая битва. «Мунисты» быстро и жестоко подавили своих противников — один был убит, двадцать ранены. Но праздник был испорчен, и газеты вышли с заголовками, враждебными «церкви объединения».

Мун решил повторить свое политическое представление — на сей раз в столице США. Там, у памятника Джорджу Вашингтону, он собрал 18 сентября 1976 года около 30 тысяч человек, которых также привезли сюда бесплатно,— число немалое, но оно было вчетверо меньше того, какое ожидал «Иисус из Сеула», снова затративший на это мероприятие огромные деньги. И этот митинг прошел под знаком провозглашения крестового похода против коммунизма, в котором Мун отводил особое место «стране, зачатой богом»,— Соединенным Штатам Америки.

«Монд» добавила, что еще бо́льшие деньги были израсходованы на создание «материальной базы» новой религии в Соединенных Штатах. «Церковь объединения», учрежденная Муном, за три года потратила более 10 миллионов долларов на приобретение земельных участков и зданий в одном только штате Нью-Йорк. В 1974 году она купила за полтора миллиона монастырь, принадлежавший «христианским братьям»,— он был превращен в духовную семинарию для подготовки кадров проповедников «божественных принципов» нового мессии.

Руководство американским филиалом своей «церкви «Иисус из Сеула» поручил тридцатилетнему выпускнику университета Карнеги некоему Салонен [1]. Этот «президент американской ветви церкви объединения», нимало не смущаясь, заявил корреспондентам, спрашивавшим его, откуда у мессии берутся такие бешеные деньги: «Из благотворительных взносов верующих и от торговли цветами, сувенирами и женьшенем, доставляемым из Южной Кореи».

Это объяснение не удовлетворило скептически настроенных журналистов, и газеты написали: «В действительности секта имеет и другие источники доходов».

Какие? Об этом пресса умалчивала, но об источниках нетрудно было догадаться, если вспомнить, что новый «богочеловек» не только пользовался активной поддержкой южнокорейского диктаторского режима,

---

[1] Сейчас во главе американского филиала «объединенной церкви» Муна стоит некий Моуз Дарст, опытный бизнесмен и политик. (БПИ № 53, 18.3.85, с. 17.)

но и напрямую был связан через полковника Бо Хи Пака с ЦРУ Южной Кореи, чего газеты не скрывали. «Монд» в этой связи писала 24 января 1976 года:

— Полковник Бо Хи Пак сопровождает преподобного Муна во всех его поездках по Соединенным Штатам. Официально он ему служит переводчиком. На своих митингах Мун говорит по-корейски, а полковник Пак переводит его выступления на английский язык. В остальном, что касается «церкви объединения», полковник Пак не несет никаких обязанностей. Зато он является президентом «Фонда содействия свободе и культуре Кореи», штаб-квартира которого находится в Вашингтоне. Этот фонд, в частности, финансировал «Радио свободной Азии» во время войны во Вьетнаме и различные «программы борьбы с коммунизмом».

Попутно газета сочла нужным напомнить, что таинственный полковник, вдруг решивший убивать свое время на перевод проповедей Муна с корейского языка на английский, четырнадцать лет прослужил в южнокорейской армии, а теперь «служит связующим звеном между преподобным Муном и президентом Южной Кореи. Один в Сеуле борется против коммунистов Севера; другой борется вне Кореи, стремясь пробудить уснувший (!) Запад».

Следует признать, что «новый мессия» преуспел в Америке. Его проповеди пользовались успехом «среди охваченной метафизическими исканиями американской молодежи, часть которой,— как писал парижский журнал «Нувель обсерватер»,— превратила его в своего идола». Но только ли «среди охваченной метафизическими исканиями молодежи»? Есть все основания полагать, что политическая операция «нового мессии» преследовала весьма далеко идущие цели, о чем я сейчас расскажу.

Помнится, когда я приехал в Соединенные Штаты в мае 1976 года, я был поражен размахом пропаганды в поддержку Муна. Стены домов Нью-Йорка были залеплены тысячами многокрасочных плакатов с изображением улыбающейся физиономии этого лжепророка. Газеты и журналы публиковали множество статей, посвященных его деятельности. Улыбающиеся точно так же, как «Иисус из Сеула»,— улыбка до ушей! — молодые люди и девушки раздавали на улицах листовки, призывавшие американцев поддержать его «крестовый поход» против коммунизма. В городе функционировало немало рекламных контор, в которых посетителей бесплатно снабжали литературой, посвященной Муну.

Я зашел в одну из этих контор, и стоило мне сказать, что меня интересует деятельность «церкви объединения», как тут же гостеприимные хозяева начали наперебой разъяснять мне важность борьбы с коммунизмом и доказывать, что Мун и его последователи — наиболее энергичные и наиболее эффективные солдаты войска божьего, сражающегося против красной рати сатаны.

Мне охотно вручили отлично отпечатанную брошюру в многокрасочной обложке с изображением развевающегося звездно-полосатого американского флага. Эта брошюра содержала тексты двух речей Сан Мьюнг Муна «Бог надеется на Америку» и «Божий план для Америки».

Наибольший интерес представляла вторая речь, произнесенная, как сообщалось в этой брошюре, в здании конгресса США 18 декабря 1975 года. Заявив, что бог послал его, чтобы «поднять по тревоге Америку и воодушевить ее», Мун с самым серьезным видом уверял слушавших его сенаторов и конгрессменов, что они должны воспринять его указания как волю бога.

В чем же заключался изложенный им «божий план для Америки»? Слушатели Муна могли убедиться, что этот план как две капли воды похож на те замыслы, которые вынашивали начиная с октября 1917 года наиболее реакционные и агрессивные круги Америки: речь шла о том, чтобы любой ценой и любыми средствами бороться с коммунизмом. Для этого, утверждал «Иисус из Сеула», необходимо объединить силы всех религий, какие есть в «свободном мире», с силами государств и под руководством нового мессии бросить это божье воинство в крестовый поход за создание «единого царства господня на земле».

Начал Мун издалека — с первородного греха Евы, с которого, по его словам, начались все беды человечества. Бог, уверял он, вот уже шесть тысяч лет прилагает усилия, чтобы помочь людям вернуть блаженство рая. Сначала он четыре тысячи лет готовил к этому избранный им народ Израиля, поддерживая его религию — иудаизм. Он даже послал к израильтянам на помощь своего сына Иисуса Христа, чтобы тот искупил первородный грех Евы и помог «возро-

дить царство небесное на земле». Но израильтяне, уверял Мун, оказались глухими к его голосу. «Избранный богом народ Израиля,— заявил он,— отбросил руководство Иисуса и в конечном счете пригвоздил его к кресту».

Тогда разочарованный бог возложил свои надежды на Римскую империю, принявшую христианство как «официальную религию», и на возглавлявшее ее папство и на протяжении четырехсот лет помогал им объединить весь мир под их господством. «Однако римские папы использовали свою власть лишь в целях своего собственного прославления,— печально констатировал Мун.— Это было противно воле божией, и бог отказался поддерживать папство».

После долгих раздумий, уверял он далее сенаторов и конгрессменов, бог сделал ставку на британское королевство и протестантскую религию. Он дал английским королям и протестантским епископам свое «экстраординарное благословение», благодаря чему «менее чем за четыреста лет маленькая островная нация распространила свое влияние на все пять океанов и шесть континентов, превратившись в величайшую нацию мира, о которой говорили: солнце никогда не заходит над Британской империей!» Но и руководители Британской империи подвели бога. «Вместо того, чтобы осуществить божью мечту о спасении мира,— наставительно говорил Мун,— они начали преследовать пуритан и выкачивать богатство из многих колоний».

Что оставалось бедному богу? Он отказался поддерживать Британскую империю, и она рухнула, как рухнули ранее Израиль и Римская империя. И вот теперь, видите ли, бог послал Муна за океан, чтобы он возвестил «потомкам английских пуритан — отцов пилигримов, которые из-за преследований ушли в новую землю Ханаанскую, на американский материк»,— что теперь все его упования возложены на них.

Мун призвал сенаторов и конгрессменов понять, что «божий план для Америки» предусматривает соединение сил американского государства и всех существующих в США церквей, которые должны сплотиться под его, Муна, руководством для борьбы с коммунизмом, который представляет собой «царство сатаны».

«Теперь Америка стала новым Израилем,— сказал Мун.— Христианство и Соединенные Штаты вместе могут осуществить волю божию и создать единый мир, в котором все нации сольются в одну... Америка не должна повторить ошибок Израиля, Римской империи и Британской империи... Ее космополитический характер дает то преимущество, что она может послужить моделью для создания царства господня в мировом масштабе».

Мун, однако, предостерег своих слушателей, отметив, что и Америка допускает ошибки. Бог, например, «подсказал Соединенным Штатам (!), что надо организовать ООН. Организация Объединенных Наций должна была (?) явиться предтечей всемирного правительства, которое руководствовалось бы христианской идеологией. Вступление коммунистических организаций в ООН абсолютно не отвечало божьей воле». А их «допустили», и получилось нехорошо.

И это была не единственная ошибка, сокрушался Мун. «После победы союзников во второй мировой войне,— сказал он,— бог ожидал от Америки дальнейшего усиления ее руководства союзниками и спасения и восстановления стран, потерпевших поражение, и их протекторатов. Если бы Америка ясно усвоила желание божье, она ничего не уступила бы Советскому Союзу, вождю сатанинского мира. Америка укрепила бы единство свободных наций и добилась бы восстановления царства божьего на земле...»

«Я знаю,— предостерегающе воскликнул Мун,— что если Америка будет и дальше предаваться апатии, бог оставит ее, а когда бог покинет Америку, исчезнет и его благословение, и тогда Америка погрузится в нищету».

Вывод: надо безотлагательно взяться за выполнение «божьего плана» борьбы с коммунизмом и за создание «единого царства господня» на земле под руководством США. Особой «помощи» Мун требовал для сеульского режима в завоевании «сатанинской» Корейской Народно-Демократической Республики.

Не требуется быть особо проницательным человеком, чтобы понять, что речь шла, в сущности, о воскрешении старого, давно провалившегося плана «отбрасывания коммунизма», который вынашивался пос-

ле войны Даллесом и который потерпел позорный провал. Мун лишь придал ему мистическую окраску, выдавая идею мирового господства США за создание мифического «царства божия на земле».

Может быть, бредни этого пройдохи из Сеула и не заслуживали бы столь подробного изложения, если бы не одно весьма немаловажное обстоятельство: они излагались не на каком-либо частном сборище, а в конгрессе США, где этого самозваного «божьего посла» принимали вполне официальные представители высшего органа законодательной власти Соединенных Штатов Америки, к которым Мун торжественно обращался так: «Достопочтенные члены конгресса, уважаемые гости, леди и джентльмены».

Стало быть, весь этот бред в конгрессе воспринимался всерьез. И, видимо, не только в конгрессе.

1 августа 1977 года в Вашингтоне были опубликованы важные заявления на сей счет, сделанные тогдашними руководящими деятелями США — государственным секретарем С. Вэнсом и министром обороны Г. Брауном, который тогда, кстати сказать, только что вернулся из поездки в Сеул. Касаясь отношений Вашингтона с южнокорейским режимом, С. Вэнс заявил, что США в течение многих лет являются «сильным и верным союзником» Сеула, который, в свою очередь, является «верным союзником» США. «Мы неоднократно заявляли, что США полностью сохраняют свои обязательства по договору с Южной Кореей»,— сказал государственный секретарь. Он добавил при этом, что во время поездки в Пекин обсудит там «целый ряд вопросов, в том числе и положение на Корейском полуострове». В том же духе высказался и Г. Браун.

Как известно, тогдашний президент США Картер обещал в ходе избирательной кампании вывести американские войска из Южной Кореи. Но в дальнейшем речь пошла лишь о сокращении сухопутных сил, причем министр обороны США Браун заявил на пресс-конференции, проведенной после переговоров с диктатором Пак Чжон Хи, что Соединенные Штаты «будут сохранять за собой роль ведущей державы в этом районе» и что они, в частности, увеличат численность своих военно-воздушных сил, базирующих-

ся в Южной Корее, на 25 процентов. Напомнив о том, что в южном районе Тихого океана США держат крупные соединения сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, он сказал, что Соединенные Штаты намерены оставаться «восточной державой».

Что же касается помощи режиму Пак Чжон Хи, ходатаем которого являлся «божий посол» Мун, то, как тут же сообщила американская печать, уже было решено передать ему новейшие самолеты, эсминцы, ракеты и артиллерию на общую сумму 8 миллиардов долларов.

Выходит, что «божий план для Америки», изложенный «Иисусом из Сеула» членам американского конгресса,— это вовсе не какой-то поповский бред, а хорошо рассчитанный и, видимо, заранее согласованный политический замысел, не имеющий ничего общего с теологией. И не случайно Сан Мьюнг Мун был принят на Капитолийском холме столь уважительно...

**Десант Муна в Западной Европе**

Что касается Западной Европы, то ей в «божьем плане» Муна отводилась не менее важная роль, чем Азии,— ведь там, как он заявлял в ряде своих речей, весьма велико «бесовское влияние» коммунизма. Однако влияние его «церкви объединения» пока распространяется весьма неравномерно.

Наибольшего успеха добились западногерманские вербовщики последователей нового мессии, возглавляемые бывшим членом гитлер-югенда Паулем Вернером. Вот интересная история этого подручного Муна, рассказанная гамбургским журналом «Шпигель». После войны, став совершеннолетним, он отправился искать счастья в США. Добрался до Калифорнии и стал в столице этого штата маклером по продаже домов. Там он и познакомился с Муном.

«Иисусу из Сеула» приглянулся этот выкормыш Гитлера, и он, присмотревшись к Вернеру, присвоил ему титул «преподобного отца» и отправил его обратно в ФРГ, назначив своим наместником. Тот довольно быстро создал целый ряд центров, где живут

и трудятся на «Иисуса из Сеула» молодые граждане ФРГ.

Кто эти люди? На этот вопрос «Шпигель» отвечал так: «Основной контингент составляют выходцы из среднего сословия. Согласно наблюдениям теолога из Виттена Рюдигера Хаута, это «молодые люди, которые ощущают духовную пустоту в родительском доме»; или те, кто, по словам другого священника, «провалился на экзаменах на аттестат зрелости, пережил неудачную любовь или разлад с родителями»; наконец, это молодые люди, которым обычное богослужение «дает слишком мало мистики», как выражается Хаут. Учебные центры «мунистов» все больше становятся прибежищем для людей, социально и религиозно не удовлетворенных».

«На Вернера Мун возлагает большие надежды,— писал «Шпигель».— Федеративная Республика Германии должна стать центром Муна в Европе. Вернер вербует сторонников («У нас сейчас здесь около тысячи верных людей»,— говорит он) на спортивных площадках, играет с ними в волейбол, время от времени забивает корову из собственного хозяйства или же объявляет пост «во имя воссоединения Германии». При такой «групповой активности» непритязательные кандидаты в миссионеры становятся воском в руках руководителей секты. Скудная пища, жесткая постель, многочасовые молитвы и проповеди, строгая изоляция от внешнего мира — в таких условиях послушники узнают о Муне и его доктрине».

«Вместо обещанной свободы,— продолжал «Шпигель»,— завербованные молодые люди обретают в религиозных сектантских группах фанатизм, вместо спасения души — групповую муштру, вместо милосердия — беспощадность... А тому, кто хотел бы все же покинуть этот мир принуждения, там, как записано в одном из протоколов уголовной полиции Эссена, грозят: «Бог говорит, что, если ты повернешь назад, тебя ждет вечный ад или добровольная смерть, другого для тебя не существует». Таинственные «самоубийства» бывших «детей бога» (другая фанатичная секта, почитающая живущего в подполье американского лжепророка Д. Берга, предрекающего конец света.— *Ю. Ж.)* свидетельствуют о том, в каком от-

чаянном положении могут оказаться поначалу ничего не подозревавшие сектанты».

В ФРГ «мунисты» особую активность проявляли перед выборами в бундестаг, выступая по преимуществу там, где сильны левые силы. Они всячески стращали избирателей «угрозой коммунизма». С большим размахом они вели работу среди студенчества. Созданная Вернером «университетская ассоциация» занималась изгнанием из студенческих городков «дьявола, облаченного в марксистскую одежду».

Хуже идут дела во Франции, где, по данным полиции, опубликованным в 1984 году, насчитывается менее тысячи «мунистов», хотя в этой стране активнейшая пропаганда в пользу «Иисуса из Сеула» ведется вот уже более пятнадцати лет.

Первый десант миссионеров новой религии высадился в Париже вскоре после памятных майских событий 1968 года, не на шутку перепугавших хранителей устоев капитализма. Во главе этих миссионеров стоял некий Винцент Рейнер. Он не преуспел в своей миссии, и в дальнейшем вместо него подыскали другого миссионера — на этот раз француза. Это был тридцатидвухлетний Анри Бланшар из Бретани, бывший семинарист. Одним из активнейших его помощников стал Жан Пепар, руководитель своеобразного монастыря французских последователей новой религии, основанного в замке Флери. Эти люди координировали деятельность сотен (сотен!) вербовщиков, по большей части иностранцев, которые периодически приезжали большими группами в страну для проведения массовых кампаний в пользу новой религии[1].

---

[1] Издающаяся в США газета «мунистов» «Нью Хоп геральд» 4 февраля 1976 года, излагая деятельность миссионеров «церкви объединения» в 1975 году, писала: «В мае молодые миссионеры из Японии, Америки и [Западной] Германии были посланы в 120 стран. На протяжении всего года 1500 молодых людей 25 наций вели вербовку в [Южной] Корее, Японии, Америке и [Западной] Европе. Это была составная часть всемирного крестового похода. Для того чтобы привлечь молодежь к богу, они проводили массовые собрания, выступали с речами, устраивали артистические мероприятия. 7 июня в Сеуле собрались 1200 тысяч верующих из 60 стран. Мун выступил перед ними с речью против коммунизма. Это было Всемирное собрание за свободу Кореи. В сентябре на-

«Какая организованность! — восклицал обозреватель журнала «Нувель обсерватер» Анри Шабалье в одной из своих статей.— Существует Global team (команда мирового масштаба), составленная из проповедников, которые объезжают весь мир, распространяя доброе (?) слово, существует европейская team, в состав которой входят 150 тщательно отобранных «мунистов»,— им поручено постоянно укреплять деятельность сообществ, уже существующих в Европе. Эта команда только что объехала Великобританию и ФРГ. Во Францию она приезжала дважды. В дальнейшем европейская team направится в Италию. «Мунисты», которые живут постоянно во Франции, разделены на четыре teams: «команда радости», которая продает газету «Новая надежда» и торгует почтовыми открытками,— доход от этой продажи поступает в фонд «церкви»; «команда победы», которая с той же целью торгует гончарными изделиями и фарфором; «команда типографии», которая занята печатанием пропагандистских материалов; наконец, команда, которая занимается продажей женьшеня[1]. И все они в то же время заняты вербовкой верующих. Сейчас насчитывается от 800 до 1000 «мунистов», сгруппированных вокруг 10 центров — в Воскрессоне, Ренне, Лилле, Страсбурге, Лионе, Гренобле, Тулузе, Бордо, Нанте».

Разработана инструкция для вербовщиков, которая гласит: «На первой стадии контактов нужно избрать мишень (!). Надо быть психологом, научиться читать лица. Мы должны производить на людей впечатление спокойствием, уверенностью в себе, нашим умением концентрировать свои мысли... Надо хорошо усвоить, что мы выше других. И надо действовать так, что они что-то выигрывают, слушая нас».

---

чала работать теологическая семинария «церкви объединения». В ней учатся аспиранты из Японии, Америки и [Западной] Европы. В ноябре преподобный Мун открыл Четвертую международную конференцию, в которой приняли участие 350 ученых (?) из 57 стран».

[1] Торговля женьшенем, выращиваемым в Южной Корее, является одним из немаловажных источников доходов «финансовой империи» Муна. Общий доход Муна от экспорта женьшеня из Южной Кореи, по некоторым данным, превышает 10 миллионов долларов в год.

И вот хорошо одетые, безупречно вежливые молодые люди с улыбкой на лице подходят на улице к обеспокоенным чем-то прохожим и, извинившись за беспокойство, заводят с ними разговор: «Простите, вас, кажется, что-то тревожит... Я хотел бы вам помочь...» И дальше разговор идет о трудностях жизни, о ее смысле, о бренности всего земного и о величии духовной жизни. Дальше следует предложение: «Может быть, вы зайдете к нам — мы помогаем людям... Это недалеко... Кстати, вот автомобиль, я вас подвезу... Сегодня у нас как раз состоится интересная беседа... Если она вас не заинтересует, конечно, вы сможете уйти...»

Юноша или девушка, тронутые участием,— не столь уже часто случается там встретить на улице такого заботливого человека! — соглашаются. В зале, куда их приглашают, уже сидят несколько человек, приглашенных такими же «миссионерами». Начинается опять-таки участливый, долгий разговор. В заключение приглашенным предлагается пройти трехдневный «стаж» в рабочем центре «церкви объединения». А там эти ловцы человеческих душ опять-таки действуют в соответствии с разработанной для них точной инструкцией. Она была опубликована в журнале «Пуэн» еще 26 января 1976 года:

«1. Надо изолировать молодого человека или девушку, побудить их порвать связи с прежними друзьями и семьей.

2. Нельзя оставлять новичку ни минуты на размышление. Подъем — в 7 утра. Отбой в 2 часа ночи. От 7 часов утра до 2 часов ночи — четыре лекции, пение песен, молитвы, работа.

3. Жизнь в сообществах должна быть очень суровой. Питание ограниченное, без протеина,— это ослабляет личность.

4. Воспитание должно осуществляться путем внушения теоретических концепций, которые надо заставлять заучивать наизусть: есть Добро и Зло, Бог и Сатана. Сатана — это коммунизм. Мун — это новый Христос, миссия которого — освободить мир.

5. Наконец, надо пробудить у новичка желание ничего не скрывать и в особенности откровенно излагать свои сомнения в ценности доктрины. Он должен самопроизвольно раскрывать перед лидером любые сомнения, какие могут у него возникнуть».

Как все это выглядит на практике? Давайте послушаем рассказ восемнадцатилетней парижанки Ариан Жеро, которая попала в сети, расставленные «мунистами», шесть недель прожила в одном из их «сооб-

ществ» и потом сбежала оттуда. Добавлю тут же, что случаи бегства не столь уж часты,— многие, попав в сети «мунистов», превращаются в бездумных роботов и даже тогда, когда их находят родители, отказываются вернуться под кровлю отчего дома. Итак, вот рассказ этой девушки:

— Я возвращалась домой, в Леваллуа, на метро, когда ко мне обратился молодой человек. Он улыбался, у него было открытое симпатичное лицо. Он завел разговор о проблемах молодежи, о будущем, о безработице, потом о том, что люди должны с любовью относиться друг к другу. Мы поспорили. Он сказал, что живет в сообществе таких же, как он, и предложил мне приехать и провести уик-энд с ними. Сказал, что живет в замке, за городом, что рядом там парк и лес. Меня это заинтересовало.

Надо сказать, что в то время дела мои были плохи. Мой отец умер. Мне было семнадцать с половиной лет. Я еще не работала. Кроме того, у меня была печальная сентиментальная история... И я согласилась.

Вначале мы отправились на какую-то виллу в Париже. Группа молодых людей угостила меня чаем с пирожными. Ко мне проявили большое внимание,— когда туда попадаешь, начинаешь чувствовать себя хорошо: о тебе так заботятся, что тебе самой кажется, будто ты — важная персона. Меня и других гостей, таких же, как я, спросили, знаем ли мы песни. Начали петь. Девушки играли на гитарах. Была очень симпатичная атмосфера.

Потом заговорили о боге. Я в этом ничего не понимала — ведь я была неверующей. Но все же я слушала. Помнится, что поведение лидера, который вел беседу, меня поначалу удивило: он топал ногой и размахивал кулаком. Я подумала: «Какой чудной тип!».

После этого разговора поужинали. Нас угостили цветной капустой и салатом со странным соусом. Потом я узнала, что это приправа с настоем из женьшеня. После ужина поехали в Воскрессон. В машине нас было пятеро или шестеро. Мы веселились. Когда приехали, я поразилась: действительно мои новые друзья жили в роскошном доме, похожем на замок. Я удивилась: как небольшое сообщество молодежи смогло заполучить такое великолепное жилище?

Выглядела эта молодежь весьма пристойно: молодые люди были коротко острижены, одеты в белые рубашки и брюки из тергаля, девушки были в плиссированных юбках. Я до этого не имела никакого представления о том, что делает молодежь в таких сообществах.

Мы вошли в большой, почти пустой зал. Его украшали фотография какого-то типа — мне сказали, что это Мун,— неизвестная мне эмблема в рамке и какой-то флаг. Это был, как я потом узнала, флаг Южной Кореи. Все уселись на пол. Каждого спросили, кто он и откуда. Потом нас повели спать,— девушки спали на втором этаже, в большой комнате, на полу, в спальных мешках. Кроватей не было.

Назавтра я проснулась рано. В окно, на котором не было занавесок, бил свет. Снизу слышалось какое-то пение. Мы умылись, сошли вниз. Нам предложили кофе, шоколад, бутерброды. За нами опять внимательно ухаживали. Мною занималась девушка по имени Надя.

После завтрака нас собрал руководитель. Он начал говорить о первородном грехе, об Адаме, Еве и Люцифере. Я ничего этого не знала, и мне история, которую он рассказывал, показалась туманной. Но тут же руководитель заговорил о другом — о проблемах современного мира. Меня поразило то, что он не позволял нам задавать вопросы. Все время говорил: «Потом... потом...»

Кончилась эта долгая лекция, нас отвели в парк, мы там позавтракали, была музыка, было очень весело. Потом опять была лекция о религии. Я говорила себе: «Ладно, ладно, если им доставляет удовольствие, пусть рассказывают. Это мне неинтересно — я просто провожу здесь уик-энд».

Второй день начался с коллективной молитвы. Читали — очень быстро — что-то вроде «Отче наш», но почему-то была путаница между «Отче нашим» и господином Муном. Молящиеся по-прежнему улыбались, в то же время на их лицах была какая-то печаль. Меня охватило чувство какой-то тревоги. Мне стало вдруг трудно говорить, перехватило горло. Мне казалось, что я была полна энергии и в то же время я испытывала крайнюю слабость. Они мне говорили: «Это потому, что тебя осенило откровение божье».

Мною особенно активно занялась Надя. Она как-то сумела войти ко мне в душу, заботясь обо мне, и на третий день я решила остаться в сообществе. Мне объяснили: «Мы братья и сестры. Все, что у нас есть, общее. Мы отрешились от всего, что нас окружало раньше,— от родителей, от приятелей, потому, что они все во власти Сатаны. Все, кто остается в сообществе, приносят клятву «отдавать свою кровь, свой пот, свое имущество — настоящее и будущее во имя бога и его мессии — Муна».

Вначале у меня многое вызывало сомнения. Я знала, например, что в Южной Корее фашистский режим, а здесь ее все время хвалили и говорили, что Мун спасет мир. Нам показывали фильмы о нем, читали лекции о нем, мы пели молитвы, в которых его называли богом. Но времени на то, чтобы подумать, оставалось все меньше и меньше. Мы почти не спали — все время были заняты работой, молитвами, лекциями, песнями. Мы превратились в роботов, перестав мыслить».

Ариан Жеро все же вырвалась из этой «обители психологического насилия», как именует сообщества «мунистов» капитан Жан-Пьер Морэн в своей книге, посвященной разоблачению нового мессии и его подручных. Но сотни тысяч других жертв политико-религиозной мафии Муна остались у них в лапах. В числе этих жертв — и рядовые рабочие и работницы, и бывшие студенты, и подававшие надежды молодые научные работники.

**Тревога родителей**

Хотя Мун на словах является сторонником и даже защитником демократии, но со своими последователями он обращается самым бесцеремонным образом, как подлинный диктатор фашистского толка. Он распоряжается их судьбами так, как считает это нужным. Даже семьи своих верующих формирует он сам. До 24 лет юношам и девушкам запрещается жениться и выходить замуж. Когда же они достигают этого возраста, «богочеловек» сам (!), изучив их личные дела и фотографии, решает, кого на ком женить. Затем подобранные им жених и невеста, уплатив своему богу по 400 франков за эту милость, отправляются в Сеул, туда прилетает новый «мессия» и благословляет их браки.

1 марта 1975 года журнал «Пари-матч» опубликовал сенсационные фотографии: 1800 пар новобрачных — все мужчины в одинаковых костюмах, все женщины в одинаковых подвенечных платьях — стоят шеренгами. И Сан Мьюнг Мун в каком-то странном балахоне с короной на голове их благословляет. В этот день он под звуки музыки духового оркестра полиции Сеула сочетал браком 891 чету южнокорейцев, 797 пар японцев, 2 китайские и 111 западноевропейских пар. Эти снимки вызвали подлинный шок в семьях, у которых были похищены эти юноши и девушки.

С тех пор эти «массовые бракосочетания» Мун совершает регулярно, причем они проводятся с большим шиком и широко освещаются массовыми средствами информации. Вот что писала, к примеру, парижская газета «Матэн» 3 июля 1982 года в сообщении, напечатанном в рубрике «Событие» с фотографией под разверстанными на пять колонок заголовками: *«Мун: 2075 свадеб в Мэдисон Сквер Гардене. Основатель секты «преподобный» Сан Мьюнг Мун благословил их сам вместе со своей женой».*

*«Преподобный» Сан Мьюнг Мун, основатель Ассоциации за объединение всемирного христианства (АЗОВХ), более известной под именем секты Муна, председательствовал в четверг в Нью-Йорке, в помещении Мэдисон Сквер Гардена, на крупнейшей в мире свадебной церемонии, соединив сразу 2075 пар... Так он начал очередную большую кампанию, в ходе*

*которой до конца года осуществит бракосочетания еще 8000 пар на всех континентах».*

И далее газета подробнейшим образом описала эту странную и, прямо скажем, дикую церемонию, состоявшуюся в крупнейшем спортивном зале Нью-Йорка, арендованном за бо́льшие деньги Муном.

«С раннего утра,— сообщала «Матэн»,— подступы к этому храму бокса были блокированы полицией, опасавшейся инцидентов. Главный зал Мэдисон Сквер Гардена был украшен флагами пятидесяти четырех стран, откуда съехались женихи и невесты. Руководитель действующего в США ответвления «церкви объединения» произнес несколько наставлений, которым его слушатели бурно аплодировали. Затем на возвышение, устланное красным ковром, торжественно поднялись сам преподобный отец и его жена в белоснежных, расшитых золотом одеяниях.

Церемония началась. 2075 невест в белых платьях и 2075 женихов в синих костюмах и красных галстуках дефилировали шеренгами по четыре человека между трибунами, на которых стояли Мун и его супруга. Они благословляли сочетающихся браком. Процедура эта длилась пятьдесят минут. Двенадцать раз подряд прозвучал свадебный марш Мендельсона. В заключение Мун произнес напутствие новобрачным на корейском языке.

Мужья и жены, в большинстве своем отобранные руководителями секты, не выражали обычной при бракосочетании радости. Лишь немногие из них обменялись взглядами. Казалось, они чувствуют себя скорее жертвами этой процедуры, нежели ее действующими лицами. В соответствии с установленным сектой порядком будущие супруги до свадьбы не знакомятся друг с другом. Пары формирует сам преподобный отец»...

Это демонстративное подчинение людей воле самозваного «живого бога», естественно, вызывает понятную тревогу у родителей и друзей юношей и девушек, оболваненных «миссионерами «церкви объединения». В газеты и журналы сыплются такие, например, письма:

«Я вам пишу как мать одной из жертв южнокорейской секты Муна, опасность которой не следует недооценивать, потому что это новая нетерпимая форма агрессии против человеческой личности,— взывала француженка Лядус из города Ренн.— Мой сын был завербован этой сектой обычным для нее манером: контакт на улице, лекция в городской штаб-квартире, бесплатный уик-энд в Ольнэ-су-Буа. Полностью распропагандированный за три дня, он решил там остаться. Поскольку ему не было еще 18 лет, мы заставили его вернуться. Он продолжал свою учебу и как будто бы образумился. Но когда он стал совершеннолетним, агенты секты снова начали охотиться за ним и в конце концов уговорили его вернуться в «сообщество». А ведь у него были блестящие способности. Он отлично окончил лицей, стал бакалавром и готовился к поступлению в высшую школу. Я встретилась с сыном на не-

сколько часов и увидела, до какой степени он умственно деградировал. Он говорил мне: «Через два года половина мира станет коммунистической, а другая половина будет следовать «божественным принципам». Но те, кто против нас, умрут».

Большую тревогу у родителей вызывают сообщения о том, что юноши и девушки, которым так или иначе удается вырваться из объятий апостолов нового мессии, оказываются духовно искалеченными людьми,— их психика, как правило, не выдерживает длительного и безжалостного «промывания мозгов», которому они подвергаются в сообществах «мунистов», и их приходится лечить в психиатрических больницах.

В том же Ренне доктор Шамполлион, у которого «мунисты» увели сына, основал Ассоциацию защиты семей; в нее вступили сотни родителей, чьи сыновья и дочери попали в лапы нового мессии. Протесты множились. И вот 7 июня 1975 года в газете «Монд» было опубликовано сообщение: «Секта Муна стала объектом юридического расследования». Под этим заголовком газета напечатала ответ тогдашнего министра внутренних дел Мишеля Понятовского на запрос сенатора Поля Карона:

«Объединенная церковь», более известная под названием «Ассоциация мирового христианства», сейчас является объектом юридического расследования вследствие ряда жалоб, поступивших от семей, чьи дети вступили в это движение.

Пока что,— добавил министр,— никакое судебное следствие начато не было, поскольку деятельность движения не отражается (?) на общественном порядке. Однако власти с особым вниманием следят за этой деятельностью, поскольку многие семьи проявляют обеспокоенность. В случае, если окажется, что эта ассоциация преследует цели, противные законам и добрым нравам, трибунал может начать рассмотрение вопроса о ее роспуске, как это предусмотрено статьей 7 закона от 1 июня 1901 года».

Вербовщики нового мессии нисколько не были обеспокоены этой информацией. Они были уверены, что, коль скоро в основе их религии лежит антикоммунизм, жалобы родителей, чьи дети стали солдатами провозглашенного «Иисусом из Сеула» нового похода, для них не опасны.

В ноябре 1975 года во Францию пожаловал сам Мун, чтобы приободрить своих учеников. Он собрал их в Воскрессоне, чтобы, как писали газеты, «вручить своему ученику Анри Бланшару полномочия на руководство миссией спасения Франции от коммунизма».

Обращаясь к своим последователям, Мун сказал (цитирую дословно):

— Наполеон осуществил потрясающее дело, задумав покорить весь мир ради выгоды своей нации... Ваш лидер Анри поставит всю французскую нацию и весь мир под власть бога... Ваш лидер, следовательно, должен быть еще более амбициозным, еще более могучим, чем Наполеон. Он должен быть более активным, должен работать еще больше...

И, повернувшись к Бланшару, этот «богочеловек» патетически вопросил:

— Анри! Хочешь ли ты быть более сильным, чем Наполеон, и распространить свою работу на весь мир?

— Да! — воскликнул Бланшар. И Мун удовлетворенно завершил:

— Ваш лидер — настоящий человек. Человек сердца. Он должен работать, преодолевая все трудности...

В апреле 1976 года во Франции разыгралась трагедия, которая вновь обеспокоила многие семьи, и без того озабоченные тем, что «мунисты» похищают молодых людей и, по сути дела, превращают их в рабов «церкви объединения». 15 апреля в городке Сан-Люпер (департамент Иль-э-Вилен) двадцатилетний юноша, сын крестьянина, Патрик Эсно, который был завербован «мунистами», покончил с собой мучительным методом самосожжения.

Этот молодой человек, выполняя волю своих новых хозяев, отдал им все деньги, какие у него были (1700 франков), и пытался завербовать своих родителей, но это у него не получилось. Напротив, отец сумел убедить его в том, что он зря связался с «мунистами»; он даже вернул им листовки, которые обязан был распространить. Но вскоре после этого его встретили двое подручных Бланшара. Они о чем-то с ним «серьезно поговорили», и после этого Патрик Эсно сжег себя.

История эта, естественно, наделала много шума. О ней писали газеты «Монд», «Юманите», «Котидьен де Пари» и другие. «Ассоциация защиты личности» вновь и вновь требовала принятия решительных мер против «мунистов». Но и на сей раз «мунистам» все сошло с рук — они заявили, что «Патрик Эсно никогда не был членом Ассоциации за объединение всемирного христианства», что встречи с ним были лишь «спорадическими» и что они, следовательно, знать не знают и ведать не ведают, почему он сжег себя...

И секта продолжала «работать». «Что думает полиция о Муне и «мунистах»? Ничего. Она наблюдает. Следит. Собирает информацию. Полиция не нашла ничего предосудительного,— писал журнал «Пари-матч».— Все молодые люди и девушки — взрослые, они вступают [в секту Муна] добровольно... Стало быть, полиция бессильна».

Любопытно, что сам «Пари-матч» оказался не чужд нарочитым попыткам продемонстрировать невинность и даже привлекательность новой антикоммунистической религии. Строки, которые я только что процитировал, взяты мною из опубликованного в этом журнале большого репортажа под названием «Она счастлива у Муна», в котором в самом розовом свете изображалась жизнь в «сообществах» учеников Муна.

Но такие сообщения никого не успокоили. Родители похищенных «мунистами» юношей и девушек начали бомбардировать письмами депутатов Национального собрания, за которых они голосовали. Те начали обращаться в правительство за разъяснениями. 29 июня 1976 года в парижских газетах был опубликован очередной весьма уклончивый ответ тогдашнего министра внутренних дел на коллективный запрос группы депутатов.

С одной стороны, министр заявил, что «методы поучений, которые дороги Муну, не носят характера, который оправдывал бы юридическое преследование». С другой стороны, он признал, что «ритм лекций, постоянное присутствие последователей Муна, которые осуществляют своего рода моральную опеку над новичками, суровые условия повседневной жизни, скудная пища могут создать психологические и материальные условия, содействующие повышению восприимчивости».

И далее последовал вывод: «Однако свидетели, участвовавшие в процессе посвящения, не смогли представить доказательства незаконной практики. Поэтому в настоящее время нет никаких оснований для того, чтобы предпринять какие-либо административные меры против Ассоциации за объединение всемирного христианства».

А между тем судьба этих учеников отнюдь не столь счастлива, как это пытался показать «Пари-матч». Любопытная деталь: 6 января 1976 года сто пятьдесят молодых французов, подвергшихся основательной «промывке мозгов» и ставших послушными исполнителями воли Муна, были вывезены в Японию, где их использовали в целях «политического мессианизма», как выразился токийский корреспондент «Монд» Робер Гиллэн, который еще 31 мая 1975 года писал:

— Молодые европейцы, которых Мун посылает на Дальний Восток, используются для поддержки массовых манифестаций, организуемых властями Южной Кореи «для защиты родины, находящейся в опасности», против коммунистического режима Северной Кореи. Цели Муна чисто политические...

Отчаявшиеся родители пытались выручить своих детей доступными им средствами. В январе 1976 года мать двадцатидвухлетней девушки из Лиона Марии-Кристины Амадео, бывшей воспитательницы детского сада, попавшей в сети Бланшара и ставшей его рабыней в том же замке Флери в Сен-Жермен-дю-Мон-д'Ор, из которого вырвалась ранее Ариан Жеро, уговорила своих родных и знакомых силой вернуть свою дочь. 17 января они ухитрились схватить Марию-Кристину в парке и доставить ее домой. И что же? Ослепленная привитым ей фанатизмом, девушка, улучив минуту, когда возле нее никого не было, позвонила по телефону в полицию, и тут же явились два инспектора «спасать» ее от собственной семьи. Оторвав от Марии-Кристины рыдавшую мать, полицейские вернули ее в замок Флери, и новоявленный «Наполеон» — Анри Бланшар,— торжествуя, заявил представителям печати:

— Французское правительство так же, как и мы, является другом южнокорейского правительства. По-

лицейские нам заявили, что их задача облегчилась бы, если бы все молодые французы были такими же чистыми и послушными, как наши.

2 февраля родственники снова захватили Марию-Кристину Амадео и вернули ее домой. Но в тот же день после обеда она была опять возвращена в сообщество «мунистов»...

Неутешным родителям детей, сбитых с толку новой религией, не помогли даже протесты руководителей католической церкви, в частности кардинала Марти, осудившего действия «мунистов» как опасную для морального здоровья нации ересь...

Столь же безуспешны протесты американских отцов и матерей против превращения их детей в рабов «Иисуса из Сеула». 11 января 1976 года в газете «Нью-Йорк таймс» было помещено занявшее целую полосу платное объявление, озаглавленное так: «Официальная декларация церкви объединения». Под большим портретом Муна был помещен следующий текст:

«Как большая часть пророков на всем протяжении истории человечества, святой отец Мун подвергается атакам со стороны ревнивых вождей религии. Быстрое развитие его движения беспокоит и еще кое-кого. До сих пор наша церковь хранила молчание, но недавно эти атаки приобрели столь неприятный оборот и дали публике столь фальшивое (!) представление о нас, что мы должны сегодня заговорить и восстановить правду...»

В чем же заключается «правда» «мунистов»? А вот в чем, послушайте:

«Святой отец Мун получил от бога полномочия подготовить мир к светопреставлению. Это откровение дает ответ на все вопросы».

Видите, как это просто? Далее в этой «официальной декларации» следовал перечень пороков современного американского общества: преступность, участившиеся разводы, наркотики, порнография, погоня за прибылями и за властью, пропаганда насилия и т. д. и т. п. Авторы этого хитро составленного документа уверяли, что только новый мессия спасет Америку от всех бедствий. И тут же они демонстрировали деланную обиду и возмущение:

«Родителей, обманутых утверждениями, искажающими природу нашей церкви, подстрекают нанимать гангстеров, чтобы в бук-

вальном смысле слова похищать наших воспитанников и грубо принуждать их отречься от нашей веры». Это, заявляли сочинители декларации, нарушение первой поправки американской конституции, которая гарантирует свободу религии.

И в заключение на самых высоких нотах была провозглашена анафема коммунизму, борьба с которым является, как уверяют авторы декларации, главной задачей новой религии. Стало быть, дают они понять американцам, вы должны отдать своих детей Муну, чтобы он сделал их хорошим пушечным мясом для этой борьбы.

Но родители юношей и девушек, попавших в сети «мунистов», не унимались. Так-де, как во Франции, они создали Ассоциацию для борьбы против «церкви объединения». Одновременно были предприняты более решительные меры в чисто американском стиле: предприимчивые дельцы, которым родители платили за это большие деньги, организовывали «контрпохищения» молодых «мунистов» и их психологическую обработку.

Первым взялся за это дело молодой адвокат из города Тусон (штат Аризона) Майкл Траушт, создавший «Фонд свободы мышления». Затеянная им операция называлась «депрограммированием». Он запасся решением местного суда, который распространил на «мунистов» действие старого закона, разрешавшего насильное взятие под контроль выживших из ума стариков и сумасшедших, и начал охоту на молодых людей, ставших адептами «церкви объединения».

Этих молодых людей хватали полицейские и отвозили в «Фонд свободы мышления», где их подвергали «депрограммированию», убеждая в том, что идеи Муна опасны и вредны. После первой обработки их отвозили на «ранчо свободы», где их дополнительно перевоспитывали на протяжении 30 дней до того, как вернуть в отчий дом. Родителям такая операция стоила 10 тысяч долларов.

Траушт объявил, что он спас восемьдесят «мунистов» из их калифорнийского лагеря в Буневилле. И хотя 10 тысяч долларов — сумма немалая, у него не было отбоя от клиентов: по его словам, ему звонили со всех концов Америки по пятьдесят человек в день — все они умоляли спасти их детей, ушед-

ших к Муну. «Спасением» молодежи, ушедшей к Муну, занялись и другие столь же предприимчивые дельцы.

Но вскоре «церковь объединения» перешла в контрнаступление. Она подала на Траушта в суд, обвинив его в незаконных действиях. Нанятый «мунистами» адвокат Ральф Бейкер заявил, что толкование закона, которое дал суд в Тусоне, неправильно и опасно, поскольку оно якобы ставит под угрозу свободу личности юношей и девушек, добровольно принявших веру в нового мессию — Муна. Исполнительный директор Американского союза защиты гражданских свобод Ариех Нейер поддержал его, утверждая, что такое толкование закона опасно.

А тут еще в газеты попала драматическая история о том, как подвергнувшаяся «депрограммированию» молодая «мунистка» Жанна Аппельбаум вновь вернулась в «церковь объединения» и подала в суд на «похитителей». Начались бесчисленные затяжные судебные тяжбы, причем, как это обычно бывает в США, в разных штатах суды давали разные и притом противоречивые толкования закона...

Надо сказать, что Мун и его подручные показали себя ловкими дельцами, которые понимают толк в бизнесе. Как писал западногерманский журнал «Шпигель», их «церковь объединения владеет настоящей промышленной империей» — ей принадлежат многие заводы, фабрики, поместья и торговые фирмы, находящиеся на территории Южной Кореи, Японии, США и Западной Европы.

Вот весьма любопытные сведения о масштабах бизнеса этой секты, опубликованные в февральском номере за 1985 год французского ежемесячника «Монд дипломатик»:

«Империя Муна — это пока еще плохо изученная туманность, однако свидетельства перебежчиков или сведения, полученные в ходе судебных процессов, возбужденных против «Объединенной церкви», проливают на нее какой-то свет. Своим могуществом она обязана прежде всего почти полной монополии на обработку и торговлю женьшенем. Заводы расположены в Корее, а все импортно-экспортные компании, которые торгуют их продукцией во всем мире (причем они занимаются не только этим), принадлежат Муну. Например, во Франции и франкоязычной Америке женьшень продает компания «Альфа-Омега». Мун также располагает

интересами в южнокорейской тяжелой и легкой промышленности, и он участвует в усилиях по производству вооружений, вмененных в обязанность всем отраслям индустрии правительством Сеула. Так, компания «Тонгхилл» выпускает по американским лицензиям автоматическую винтовку М-16 и гранатомет М-79. Мун также контролирует «Кориан титаниум индастриал компани».

Обосновавшись в США в 1972 году, «преподобный» Мун сколотил себе круглый капитал и на американской земле: в 1977 году, используя корейских, китайских и японских посредников, он установил контроль над банком «Дипломат нейшнл бэнк»; затем обратил свой взор к рыболовству: ему принадлежат верфи в Байу (Алабама), на которых строятся плавучие рыбозаводы, две судовладельческие компании «Оушн энтерпрайзез» на восточном побережье и «Голден гейт си фуд» на западном. Выловленная и тут же замороженная рыба отправляется в Японию. «Мун располагает также флотилией из 70 траулеров в Гайане»,— признает один из ближайших помощников Муна, некий Хулиан Сафи.

К этому надо добавить, что недавно Мун вложил огромные капиталы в экономику Уругвая, который он хочет превратить в плацдарм для расширения своего влияния в Латинской Америке. Как сообщала газета «Монд» 1 ноября 1984 года, он приобрел там третий по значению банк этой страны, издательство «Эдиториал Поло», публикующее 80 процентов всех газет Уругвая, радиостанцию, самый крупный отель в столице страны Монтевидео, рестораны, завод, занятый упаковкой расфасованного мяса.

Предприятия, которыми владеет «живой бог» Мун, приносят огромный доход. Глава американского филиала «Объединенной церкви» Муна Моуз Дарст сообщил в 1984 году в интервью агентству ЮПИ, что «различные владения» секты приносят ежегодный доход в 500 миллионов долларов. К этой сумме нужно добавить доходы от продажи ее приверженцам цветов и предметов культа во всем мире. По словам того же Дарста, эта торговля только в США дает 30 миллионов долларов доходов в год.

«По приблизительной оценке,— писал французский ежемесячник «Монд дипломатик» в своем февральском номере за 1985 год,— ежегодные доходы от

всей деятельности церкви составляют в общей сложности 700 миллионов долларов — примерно столько, сколько приносит [японская монополия] «Тоёта» и больше, чем [американские монополии] ИТТ или «Крайслер».

Весьма ловко орудуют доверенные люди Муна в банковской системе. Дополнительный свет на эту сторону их деятельности проливает опубликованная в свое время в гонконгском журнале «Фар истерн экономик ревью» корреспонденция Брюса Нусбаума из Нью-Йорка, в которой разоблачается их темная деятельность под крышей банка, именуемого «Дипломат нэшнл», в состав акционеров которого входят сам Мун и девятнадцать его помощников.

«Утверждают,— писал Нусбаум,— что деятельность этого банка находится под сильным влиянием [Южно] Корейского Центрального разведывательного управления и других правых южнокорейских сил, действующих внутри американских финансовых, торговых и политических организаций». «Этот новый банк,— продолжал он,— стал частью необычной сети ассоциаций, связывающих принадлежащего к числу правых деятелей японского предпринимателя Носио Кадаму, против которого были выдвинуты обвинения по делу о подкупах, осуществлявшихся американской фирмой «Локхид», бывшего премьер-министра Южной Кореи и основателя корейского ЦРУ Ким Чон Пиля; президента Южной Кореи Пак Чжон Хи, который приходится дядей Ким Чон Пилю; преподобного Муна; Анну Ченнолт — вдову создателя пиратской авиационной компании «летающих тигров» — американского генерала Клера Ченнолта; по меньшей мере двух членов американского конгресса».

Нусбаум далее писал, что «различные организации преподобного Муна, как и посольство Южной Кореи [в США], проявляют особый интерес к конгрессу», поддерживая рабочие контакты с наиболее консервативными сенаторами и членами палаты представителей. Остается добавить, что, как подчеркнул этот корреспондент «Фар истерн экономик ревью», подкомиссия конгресса, которой было поручено расследование подозрительной деятельности банка «Дипломат нэшнл», вела его «крайне осторожно» (!), учитывая,

что некоторые из лиц, поддерживающих данный банк, занимают видное положение».

Значительная часть доходов от разнообразных предприятий, использующих, по сути дела, рабский труд многих тысяч оболваненных «миссионерами» Муна несчастных людей, уходит на финансирование психологической войны против социалистических стран.

Организаторы этой психологической войны самым активным образом вели и ведут кампанию в поддержку «божьего плана», изложенного Муном 18 декабря 1975 года на встрече с деятелями американского конгресса, причем этот новый «крестовый поход против коммунизма» все больше напоминает аналогичные кампании, проводившиеся в тридцатые годы гитлеровцами.

Невольно вспоминается в этой связи наделавшее немало шума в Париже выступление 13 мая 1976 года упомянутого выше «президента» французской ветви «церкви объединения» Анри Бланшара на организованном им фестивале «Бог и демократия». Освещенный ярким светом прожекторов, он стучал кулаком по трибуне и кричал, что сейчас происходит «упадок наших демократий», усиливается опасный «критический дух», ширится «подрывная деятельность» и «безответственность». Даже Америка, говорил Бланшар, «уклоняется от борьбы с коммунизмом, замыкается в себе, забывая о своей подлинной миссии». И он призывал своих сторонников:

— Надо остановить продвижение коммунистической идеологии, воскресив бога в наших сердцах. Наркотики — это серьезная проблема, но усиление коммунизма — гораздо опаснее!

Эти призывы находят отклик у авантюристически настроенных представителей правящих классов, для которых коммунизм действительно страшнее дьявола. Об этом предупреждающе писал 14 июля 1976 года французский журналист Рене Байе в «Юманите диманш», присутствовавший на сборище «мунистов» 24 июня, проходившем в салоне Боргезе парижского отеля «Лютеция», и собственными ушами слышавший там такие, к примеру, откровения участника этого сборища — преподавателя Сорбонны,— я цитирую: «Как жаль, что Гитлер потерпел поражение. Если бы

нацисты выиграли войну, университеты не были бы захвачены марксистской гнилью».

Когда же один из молодых участников собрания робко заметил по этому поводу, что фашисты использовали «не очень хорошие средства в борьбе за свои идеалы», этот «мунист» резко возразил: «Вы наивны. Иисус изгнал торговцев из храма ударами бича». И он начал по памяти цитировать целые разделы из книги Гитлера «Моя борьба», в которой цинично излагались планы истребления целых народов во имя построения «тысячелетнего рейха»...

**Что такое «Кауза»**

С тех пор Мун и его советники значительно усовершенствовали приемы своей политической борьбы. Теперь они уже не цитируют Гитлера, а используют фразеологию лидеров американской администрации. И вот что любопытно: чем дальше, тем реже Мун распространяется на тему о своих личных связях с господом богом. Все свои усилия «объединенная церковь» сосредоточивает на борьбе с коммунизмом. Именно поэтому службы психологической войны США всячески содействуют ее рекламе и материальному обогащению.

В 1980 году Мун основал международную американскую организацию под названием «Кауза интернэшнл». Председателем ее он назначил все того же полковника Бо Хи Пака, работавшего ранее в ЦРУ Южной Кореи. Объектом особых забот этих деятелей была избрана на первых порах Южная Америка, и вскоре «Кауза интернэшнл» объявилась в Уругвае, где господствовала тогда жестокая военная диктатура.

Уже в апреле 1981 года в столице Уругвая был проведен первый семинар «Каузы». С программной речью там выступил Бо Хи Пак. Участниками семинара были виднейшие уругвайские генералы. В своей речи Бо Хи Пак заявил (я цитирую эту речь по тексту, опубликованному в № 72 журнала уругвайской армии «Сольдадо»):

— Все люди и все народы должны совместно восторжествовать над коммунизмом... Вести борьбу

с международным коммунизмом должно международное движение. Дорогие друзья, я хочу, чтобы в этой битве Уругвай служил примером для остального мира. Ваша страна первой в Южной Америке подверглась коммунистическим атакам и успешно отбила их. Поэтому вполне логично, что «Кауза» прежде всего обращается к Уругваю. Я полагаю, что учение «объединенной церкви» может породить в вашей стране динамичных и благочестивых лидеров, которые помогут миру освободиться от коммунистического империализма.

Из Уругвая Бо Хи Пак отправился в Парагвай. Там его принял 2 марта 1981 года фашиствующий диктатор Альфредо Стресснер. Они быстро нашли общий язык, и Бо Хи Пак заявил: «Я считаю, что это необыкновенный человек, избранный богом, чтобы управлять страной». В столице Парагвая Асунсьоне этот гонец Муна также провел семинар «Каузы», призывая и парагвайских генералов к борьбе против коммунизма.

Третий семинар Бо Хи Пак провел в столице Боливии. Стоявшие там в то время у власти генералы встретили его с распростертыми объятиями: они не забыли, что «объединенная церковь» Муна помогла им совершить государственный переворот 17 июля 1980 года — как сообщил впоследствии западногерманский журнал «Штерн», туда с этой целью прилетал член руководства «Кауза интернэшнл» Томас Уорд, принимавший непосредственное участие в организации это переворота[1]. Он сотрудничал с руководством боливийского филиала так называемой «Всемирной антикоммунистической лиги».

Из Боливии Бо Хи Пак направился в Чили, где его приняли с распростертыми объятиями. Приветствуя на банкете посланца Муна, представитель Пиночета генерал Клаудио Лопес воскликнул: «Мы знаем, что такие люди, как преподобный Мун и вы сами, являются столпами борьбы против международного коммунизма!»

---

[1] После того, как генеральская хунта в Боливии была свергнута, были опубликованы документальные данные о том, что Мун и его «Кауза», помогая генералам-заговорщикам, предоставили им в 1980 году 4 миллиона долларов.

Далее Бо Хи Пак посетил Аргентину и Бразилию. Генералы этих двух крупнейших государств Южной Америки также приветствовали представителя Муна, но более сдержанно: их режимы уже, как говорится, дышали на ладан. Тем не менее и сам Бо Хи Пак и его подручные продолжали прилагать огромные усилия для того, чтобы помочь военным диктаторам южноамериканских стран удержаться у власти.

Мун и его люди активно действовали и в Центральной Америке, всячески стараясь помочь диктаторским режимам душить угнетавшиеся ими народы. С этой целью «Кауза интернэшнл» начала, в частности, проводить международные антикоммунистические конгрессы. Один из них состоялся в Монтевидео в феврале 1984 года. В нем приняли участие около 400 реакционнейших деятелей, прибывших из стран Америки, Европы и Азии. Основное ядро этого сборища составляли 55 уругвайцев, а главным руководителем был опять-таки Бо Хи Пак.

Явно по подсказке вашингтонских друзей и покровителей Мун уделил в эти годы особое внимание созданию собственной политической прессы антикоммунистического толка. Он учредил подлинную «газетную империю», во главе которой поставил все того же Бо Хи Пака. Даже в Соединенных Штатах, где на газетный рынок новому издателю пробиться очень трудно, Мун ухитрился создать несколько газет. Наибольшее значение он сам и его покровители придают газете «Вашингтон таймс» — самой реакционной из всех реакционных газет США,— она была основана Муном весной 1982 года.

В американских журналистских кругах открыто говорят, что этот печатный орган учрежден для того, чтобы создать конкуренцию газете «Вашингтон пост», хозяева которой сочувствуют демократической партии и поэтому позволяют ей время от времени довольно остро критиковать нынешнюю республиканскую администрацию США.

За один только год сотрудникам «Вашингтон таймс» дали интервью постоянный представитель США при ООН Джин Киркпатрик, бывший президент Ричард Никсон, директор ЦРУ Уильям Кейси, министр обороны США Каспар Уайнбергер и сам

Рональд Рейган. Все это делалось для того, чтобы поднять престиж новой антикоммунистической газеты. Тем не менее «Вашингтон таймс» не смогла завоевать популярности у читателей — ее тираж все еще не достиг 100 000 экземпляров. Чтобы удержать ее в строю, Мун за два года вложил в нее 150 миллионов долларов.

Обзавелся Мун своей прессой и в ряде других стран. В том же Уругвае, который он рассматривает, как свой плацдарм в Латинской Америке, он, как сообщила парижская газета «Монд» 1 ноября 1984 года, основал газету «Ультимас нотисиас». Во Франции в конце 1984 года Мун начал издавать журнал «Политика и культура». Там же издаются его газета «Нувель эспуар», журнал «Кауза-Франс» и другие публикации.

Все эти и другие газеты и журналы Муна самым активным образом участвуют в поддерживаемом ими «крестовом походе» против коммунизма, провозглашенном президентом США. Использует эта секта в своих целях и милостиво предоставляемое ей телевидение ряда стран. Между прочим, 1 ноября 1984 года деятельности «Каузы» была посвящена специальная получасовая программа французского телевидения, сенсационно названная «Мун против Маркса». Участники этой телепередачи, патентованные антикоммунисты, что называется, взахлеб расхваливали «живого бога» и его пропагандистскую службу.

В феврале 1985 года «Кауза» на деньги Муна организовала все там же, в Париже, сборище, цель которого заключалась в том. чтобы, как писала газета «Матэн», «разработать стратегию борьбы против коммунизма». Это сборище, в котором приняли участие более ста генералов и высокопоставленных офицеров, а также реакционные политические деятели, привлекло к себе внимание средств массовой информации. Его показывали по телевидению, комментировали в газетах.

Еще бы! Там высказывались весьма сенсационные предложения. «Один из французских участников встречи», фамилия которого осталась неизвестной, предлагал, к примеру, «убить Фиделя Кастро». Об этом сообщила 19 февраля газета «Котидьен де Па-

ри». На следующий день телевизионная станция «Антенн-2» передавала: «Встреча должна показать, что политическое крыло секты [Муна] — организация «Кауза», закрепившаяся особенно прочно в Латинской Америке, наметила для себя теперь целью Европу. Секта проповедует самый чистый (?!) и жесткий антикоммунизм».

Более подробно информировало общественность о том, что происходило на этом сборище, 21 февраля официальное агентство Франс Пресс:

«Около ста занимающих высокие посты генералов и офицеров из нескольких стран, находящихся в отставке и на действительной службе, открыли в воскресенье в Париже конференцию, направленную на «разработку боевой стратегии против распространения коммунизма», сообщил один из участников конференции. Конференция была организована международным советом безопасности (?!), действующим в рамках организации «Кауза», которая была основана священником Муном, руководителем «церкви объединения».

Темой конференции, на которой председательствуют генерал в отставке Гордон Сампер (США) и Альваро Валенсиа Товар из Колумбии, является «Район Карибских островов и безопасность в мире. Стратегические последствия советской угрозы». Участники осудили коммунизм, назвав его «самым большим злом нашего времени», и подчеркнули необходимость бороться против советского экспансионизма. Кроме того, они осудили различные религии и церкви, назвав их «сообщниками коммунизма».

«Мы собрались здесь, чтобы разработать нашу боевую стратегию против распространения коммунизма»,— сказал, в частности, южнокорейский полковник в отставке Бо Хи Пак, директор газеты «Вашингтон таймс», основанной «церковью объединения».

Помимо генералов, контр-адмиралов и офицеров, занимающих высокие посты, отставных и состоящих на действительной службе, из Аргентины, Бразилии, Перу, Колумбии, Чили и Гондураса, на конференции присутствуют южнокорейские генералы Чой Йонг Хи, бывший министр обороны, Чунг Иль Кван, бывший премьер-министр, а также Ли Хон Кон. Японию представляют отставные военные: контр-адмирал Тадаши Тахири и генерал-лейтенант Акира Кашигави».

**Что же будет с Муном дальше?**

Такова поистине невероятная, но абсолютно точно описанная на основе документов история стремительного возвышения вульгарного жулика из Сеула, прошедшего путь от глуповатой игры в живого бога ради дешевой славы и безбедного житья до орга-

низации в мировом масштабе антикоммунистического альянса. Я изложил эту историю столь подробно потому, что она служит наглядным примером подлинной нищеты духа того общества, у которого нет и не может быть будущего.

Не от хорошей жизни хватаются идеологи капитализма даже за таких ничтожеств, как этот Мун, в попытках найти сильнодействующие средства, которые одурманили бы людей, отучили их критически мыслить, приучили к безотчетному подчинению и заставили бы их безропотно нести бремя чудовищной эксплуатации.

Я уверен, что в своем кругу те, кто позволил Муну нажить многие миллионы долларов на эксплуатации своей «паствы» и на награбленные капиталы создать международную организацию для борьбы с коммунизмом, презрительно посмеиваются над ним, не ставя ни в грош его примитивные приемы «промывания мозгов» своим жертвам. Больше того, когда он наглеет и начинает задирать свой нос, его тут же, без церемоний ставят на место, напоминая ему, что он не принадлежит к кругу господ, а его место в лакейской.

Удобный повод осадить «живого бога» представился американской администрации и французскому правительству, когда он, зарвавшись и решив, что ему теперь все дозволено, не стал платить налоги, которых требовали от него министерства финансов этих государств.

В начале 1982 года американская налоговая служба установила, что Мун скрыл от нее часть своих доходов в США на сумму 162 000 долларов. Его вызвали в окружной суд Нью-Йорка. Процесс длился шесть недель. Вина Муна была документально установлена. За сокрытие своих доходов от налогообложения он по американскому закону должен был бы поплатиться 14 годами тюремного заключения. Но друзья Муна, орудовавшие за кулисами, добились сокращения этого срока до 18 недель.

Тем не менее «живой бог» отказался признать себя виновным. Он устроил скандал, обвиняя американский суд в том, что тот занимается «преследованием его за религиозные убеждения» и тем самым

нарушает американскую конституцию. Адвокаты, нанятые Муном, немедленно апеллировали к вышестоящим судебным инстанциям, а сам он был тут же освобожден под залог. Спор Муна с правосудием длился около двух лет. Дело дошло до Верховного суда США, и тот, явно желая проучить зарвавшегося «живого бога», подтвердил приговор нью-йоркского суда присяжных.

Любопытно, что такие же события параллельно развивались во Франции. 8 июня 1982 года полиция по указанию министерства внутренних дел предприняла обыски в «сообществах» «мунистов», действующих в Париже, Лионе, Лилле, Руане, Новом Орлеане, Страсбурге и Ренне: шла проверка финансовых дел секты.

Следствием было установлено, что и во Франции, как и в США, «объединенная церковь» скрыла от налоговых органов значительную часть своих доходов. Узнав об этом, Мун, который сам находился в это время под судом за неуплату налогов, срочно командировал в Париж из Нью-Йорка своего «посла» М. Дарста, и тот провел там пресс-конференцию, атакуя французское правительство за «покушение на свободу религии».

— Демоны нетерпимости,— заявил он,— проводят против церкви операцию насилия. Я был шокирован, узнав, что проведение такой операции во Франции возможно.

Но недаром мудрая пословица гласит: «Как веревочке ни виться, а конец придет». Убедившись, что его протесты не помогают, Мун на заключительной стадии своего спора с судебными установлениями пошел на некоторые «уступки». 14 июля 1984 года газеты сообщили, что Мун согласился выплатить американской казне 42 000 долларов в возмещение неуплаченного им налога, причитавшегося государству с его 83 яхт, находящихся в портах Вирджинии. Раньше он отказывался платить этот налог, ссылаясь на то, будто эти яхты «служат религиозным и воспитательным целям». Налоговые инспектора, разумеется, эти деньги взяли, но суд своего приговора не смягчил.

Некоторое время спустя Мун объявил, что он жертвует полмиллиона долларов одной организации,

занятой систематической антисоветской пропагандой. Как писала газета «Вашингтон пост», эти деньги были предназначены на финансирование серии телевизионных передач, участники которых требовали прекращения торговли с Советским Союзом.

Однако и этот широкий жест Муна не разжалобил американские судебные власти — кто-то явно решил поставить «живого бога» на колени и заставить его стать безропотным исполнителем любых приказов, какие ему будут даны.

Как сообщили газеты, «неумолимый» судья Геттель приказал Муну явиться не позже 20 июля 1984 года в тюрьму города Денбери (штат Коннектикут). За час до истечения назначенного срока «Иисус из Сеула» выполнил этот приказ. Он прибыл в тюрьму со своим багажом на трех автомобилях и сделал такое заявление журналистам:

— Я готов страдать в американской тюрьме, если это поможет богу пробудить Америку от духовного сна. Поэтому я решил перенести штаб-квартиру моей церкви в тюрьму. Я буду молиться здесь за Соединенные Штаты...

Он приказал своим помощникам немедленно передать это заявление телеграфом в редакции всех газет тех стран, где имеются филиалы «церкви объединения», что и было сделано. Я цитирую его по тексту, опубликованному во французской прессе.

Что произошло с Муном вслед за этим, я еще не знаю. Известно только то, что пока Мун отбывал свое наказание в тюрьме, созданная им и полковником корейского ЦРУ Бо Хи Паком машина антисоветской и антикоммунистической пропаганды продолжала работать. Продолжала функционировать и созданная им и его подручными «промышленная империя», доходы от которой идут на финансирование этой машины.

Ну а что касается самого Муна, то я ни на минуту не сомневаюсь, что рано или поздно — скорее раньше, чем позже, он выйдет из тюрьмы и будет продолжать свою вредоносную деятельность, в которой заинтересованы и те, кто упрятал его туда в июле 1984 года, чтобы он стал малость послушнее.

# ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Этот вопрос все чаще ставят перед собой люди, которым судьбой было предрешено жить в капиталистическом обществе. На него нет однозначного ответа.

Те, кто все еще мечтает остановить развитие исторического процесса, задушив железной рукой все, что есть прогрессивного в том сложном и противоречивом мире, принадлежат прошлому.

Те, кто, взяв на вооружение бессмертные идеи Маркса и Ленина, последовательно и упорно, проявляя подлинный героизм, борется за создание условий, которые сделали бы возможной победу идей научного социализма, принадлежат будущему.

Те, кто страшится политических бурь, объявляют себя нейтральными и, как сказал профессор Корнеллского университета Эндрю Хэккер в своей статье, опубликованной в журнале «Ньюсуик», «не проявляют более того духа, который превращает людей в граждан, а территорию в нацию», погружаются в болото «потребительского общества», рискуя захлебнуться в его грязи.

Еще в декабре 1921 года, когда молодое Советское государство — тогда единственный оазис социализма на нашей планете — переживало неимоверные трудности, капиталистический мир был еще силен, В. И. Ленин, выступая на IX Всероссийском съезде Советов, произнес проникнутые высочайшим оптимизмом пророческие слова: «Капитализм гибнет; в своей гибели он еще может причинить десяткам и сотням миллионов людей невероятные мучения, но удержать его от падения не может никакая сила»[1].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 329.

С тех пор прошло много лет. Лицо нашей планеты изменилось коренным образом. Соотношение классовых и политических сил круто изменилось в пользу сил социализма, мирового рабочего класса и национально-освободительного движения. XXV съезд КПСС в своем политическом анализе международной обстановки сделал вывод, подтверждающий прозорливое ленинское предвидение: «Коммунисты далеки от того, чтобы предрекать «автоматический крах» капитализма. У него есть еще немалые резервы. Однако события последних лет с новой силой подтверждают, что капитализм — это общество, лишенное будущего»[1].

Идеологи старого мира, не желающие считаться с реальными фактами, пытаются оспаривать анализ марксистов-ленинцев. На это коммунисты, да и все здравомыслящие люди отвечают так: ну что ж, предоставим истории разрешить этот спор путем соревнования двух противостоящих социальных систем. И пусть каждый народ получит возможность свободно и по зрелом размышлении избрать свой путь в будущее, без вмешательства извне в его внутренние дела.

Тут мы подходим к коренному вопросу современности, решение которого гениально предопределил великий Ленин,— к вопросу о мирном сосуществовании государств, принадлежащих к различным социальным системам, которые противостоят друг другу.

Мы не забыли и никогда не забудем: самым первым декретом, который принял Второй Всероссийский съезд Советов, взяв на себя всю полноту власти в результате победы Октябрьской революции, был Декрет о мире.

Уже в своем первом воззвании к «Рабочим, солдатам и крестьянам!», провозглашенном в пять часов утра 8 ноября (26 октября) 1917 года, Второй Всероссийский съезд Советов заявил, что Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. И менее чем через сутки — в тот же день, вечером,— Владимир Ильич Ленин поднялся на трибуну съезда, чтобы произнести волнующие слова, вошедшие в историю:

[1] «Материалы XXV съезда КПСС», с. 29.

«Вопрос о мире есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство» [1].

И далее Ленин огласил текст Декрета о мире, содержавший предложение всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире, которого жаждало, как было сказано в ленинском документе, подавляющее большинство истощенных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— мира без аннексий (то есть без захвата чужих земель) и без контрибуций.

«От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души,— писал в своей знаменитой книге «Десять дней, которые потрясли мир» присутствовавший на этом заседании прогрессивный американский журналист Джон Рид.— Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорил Ленин».

И на страницах номера «Правды» от 10 ноября в отчете о том, как съезд принял Декрет о мире, мы читаем: «Обращение к народам и правительствам принято единогласно. После голосования энтузиазм собрания проявился в шумных и продолжительных аплодисментах, после которого собрание стройно спело «Интернационал». Затем были устроены овации тов. Ленину, по предложению одного члена собрания, как автору обращения и стойкому борцу и вождю Рабоче-Крестьянской победоносной революции. Затем был пропет Похоронный марш в память жертв кровавой бойни».

Прошли считанные минуты, и радиотелеграфист стоявшего на Неве крейсера «Аврора» передал в эфир текст Декрета о мире, первого в истории государственного документа, обращенного не только к правительствам, но и к народам воевавших тогда стран, с выражением уверенности, что «рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее послед-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 13.

ствий» и «всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира».

Ленин и его соратники были глубоко убеждены: мир может быть установлен и упрочен, если на борьбу за него поднимутся широчайшие народные массы. Еще до революции Ленин заявлял, что мир — это идеал рабочего класса. И теперь, с трибуны Смольного, он провозгласил: «...Мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира» [1].

Впереди был долгий и тернистый путь борьбы за мир. Впереди были гражданская война и интервенция капиталистических государств, пытавшихся «задушить нашу революцию в колыбели», как цинично выразился Черчилль. Впереди была попытка создать «санитарный кордон» вокруг Страны Советов и удавить ее экономической блокадой. Впереди были еще одна мировая война и за ней «холодная война», представлявшая новый вариант «санитарного кордона» 20-х годов. Но партия Ленина упорно и неутомимо продолжала свою борьбу за осуществление идеала рабочего класса, помогая народам вмешиваться в вопросы войны и мира, активно борясь против сил агрессии.

«Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается...» — писал Ленин в своих заметках по вопросу о задачах советской делегации на Международном конгрессе мира в Гааге в декабре 1922 года. И хотя руководство тем конгрессом находилось в руках враждебных Стране Советов людей, наша делегация сумела выдвинуть и широко распространить свою программу борьбы за мир, призывавшую к разоблачению агрессивной политики международного империализма.

Ленинская стратегия борьбы за мир отнюдь не ограничивалась организацией широчайших народных масс против войны и агрессии. Эта борьба занимала первостепенное место во всей внешнеполитической деятельности Страны Советов, в ее отношениях с зарубежными странами. Важность этого направления борьбы Ленин подчеркнул еще 8 ноября 1917 года,

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 16.

представляя Второму Всероссийскому съезду Советов Декрет о мире.

В ходе обсуждения Декрета участник съезда товарищ Еремеев в запальчивости сказал, что он будет голосовать за него только в том случае, «если будут выброшены слова о том, что мы будем рассматривать всякие условия мира. Это не должно быть,— заявил он,— так как могут подумать, что мы слабы, что мы боимся. Наше требование о мире без аннексий и контрибуций должно быть ультимативным» [1].

И Ленин возразил: «Я буду высказываться решительно против того, чтобы наше требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела... Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать» [2].

Даже в самый трудный период нашей истории Ленин предвидел, что сама жизнь заставит руководителей капиталистических государств пойти на то, что много лет спустя один из вдохновителей империалистической политики, Даллес, назовет «мучительным пересмотром» политики. Уже в сентябре 1919 года Владимир Ильич в своем втором письме к американским рабочим писал, что «будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства» [3], а почти через полгода, 18 февраля 1920 года, он сказал в интервью корреспонденту американского информационного агентства: «Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем» [4].

Перспективу мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам, Ленин всесторонне разработал в 1922 году в ходе подготовки к Генуэзской конференции по экономическим и финансовым вопросам — первой международной конференции, в которой участвовала Советская Россия. Наша делегация в соответствии с инструк-

---

[1] «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.», М.-Л., 1928, с. 18.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 19, 20.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 197.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 145.

циями Ленина выступила с широкой программой сотрудничества между капиталистическими и социалистическими государствами в экономической, политической и культурной областях, невмешательства во внутренние дела, признания принципа ненападения, полного равноправия и взаимной выгоды, разрешения всех конфликтов мирными средствами, разоружения.

Представители империалистических держав в Генуе отклонили советскую программу мирного сосуществования и экономического сотрудничества. Благодаря умелым действиям ленинской дипломатии удалось расколоть антисоветский фронт и оторвать от него Германию,— ее представители подписали в Рапалло, недалеко от Генуи, договор о нормализации политических и экономических отношений с Советской страной.

27 марта 1922 года на XI съезде нашей партии Ленин с величайшей убежденностью и уверенностью говорил:

«...Самые неотложные, насущные, практические и резко обнаружившиеся за последние годы, интересы всех капиталистических держав требуют развития, упорядочения и расширения торговли с Россией. А раз такого рода интересы есть, то можно поспорить, можно повздорить, можно разойтись в разных комбинациях — весьма даже правдоподобно, что доведется разойтись,— а все же, в конце концов, эта основная хозяйственная необходимость сама себе проложит дорогу. И я думаю, что мы можем быть на этот счет спокойны» [1].

Как свежо, актуально и злободневно звучат эти ленинские слова и сегодня, более полувека спустя! Тщетно «спорили» и «вздорили» с нами господа империалисты, тщетно пытались давить на нас, тщетно пустили в ход против нас самое крайнее средство — военную агрессию фашизма, а за нею «холодную войну». Сама жизнь вынудила и вынуждает их идти на установление с СССР и другими социалистическими странами отношений мирного сосуществования.

Именно на этой реалистической основе была осуществлена в семидесятые годы разрядка междуна-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 71.

родной напряженности, достигнутая в итоге поистине титанической борьбы за упрочение мира, которую вели наша партия и государство, братские партии и государства, все прогрессивные силы земного шара.

Огромную роль в достижении этой цели сыграли важные договора и соглашения, заключенные в начале семидесятых годов между СССР и рядом других социалистических стран, с одной стороны, и США и рядом их союзников по Атлантическому договору,— с другой. Достойным увенчанием этого построения основ разрядки явилось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое было завершено встречей всех руководителей государств Европы и Северной Америки в Хельсинки летом 1975 года.

Заключительный акт этого Совещания, подписанный главами 33 государств Европы, а также США и Канады, был воспринят во всем мире как подлинная хартия мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам. Тогда же Советский Союз призвал все государства, подписи руководителей которых стоят под этим историческим документом, к неуклонному соблюдению принципов межгосударственных отношений, сформулированных в нем, и к материализации разрядки.

Слово нашей великой социалистической державы никогда не расходится с делом, и это было выразительно подтверждено в новой Конституции СССР, принятой на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. В этом Основном законе Советского Союза с исчерпывающей ясностью сказано: наша внешняя политика направлена на обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, на укрепление позиций мирового социализма, на поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс, на предотвращение агрессивных войн и последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Эти положения, как и содержащееся в Конституции напоминание о том, что у нас пропаганда войны запрещена законом, нашли самый широкий положительный отклик во всем мире. В мире капитала на-

роды, знакомясь с Советской Конституцией, невольно сравнивают ее с основными законами своих государств. И сравнивают отнюдь не в пользу буржуазных конституций. В них содержатся подчас красивые слова о правах и свободах граждан (не существующих на практике) без всякого упоминания о реальных гарантиях этих прав. Начисто игнорируется самое главное право человека — *право на жизнь*, борьбе за которое и посвящается внешняя политика СССР.

В связи с этим огромное значение приобретают статьи нашей Конституции, где говорится, что СССР строит и будет строить свои отношения с другими государствами на основе соблюдения всех десяти принципов международных отношений, сформулированных в Заключительном акте общеевропейского Совещания. Вспомним их:

— суверенное равенство;

— неприменение силы или угрозы силой;

— нерушимость границ;

— территориальная целостность государств;

— мирное урегулирование споров;

— невмешательство во внутренние дела;

— уважение прав человека и основных свобод;

— равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой;

— сотрудничество между государствами;

— добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

В итоге обсуждения проекта Конституции в нее было дополнительно внесено положение о том, что Советский Союз стремится к достижению всеобщего и полного разоружения.

Включение в новую Конституцию СССР десяти принципов, составляющих сердцевину Заключительного акта общеевропейского Совещания, произвело большое впечатление во всем мире.

Ну, а как действовали после подписания Заключительного акта общеевропейского Совещания правительства Соединенных Штатов и их союзников по НАТО? События минувших с той поры лет у всех в памяти, и сейчас нет необходимости подробно распространяться на эту тему. Напомню о самом глав-

ном: вскоре после встречи глав государств Европы и Северной Америки в Хельсинки там обозначился крутой поворот на сто восемьдесят градусов от курса на разрядку и взаимовыгодное сотрудничество с социалистическими странами к курсу на конфронтацию с нами.

Уже президент Форд, подпись которого стоит под Заключительным актом общеевропейского Совещания, вскоре после возвращения на родину заявил, что он отказывается даже произносить слово «разрядка». Сменивший его на посту президента Картер поначалу обещал многое сделать для прекращения гонки вооружений и нормализации международной обстановки в духе идей, заложенных в Заключительном акте, но затем и он отрекся от своих обещаний и занял открыто враждебные позиции по отношению к социалистическим странам. Когда же Картера в Белом доме сменил Рейган, он и его министры еще больше ухудшили американо-советские отношения, довели гонку вооружений до невероятно высокого уровня и возвели государственный терроризм в ранг официальной политики своего государства.

Обратите внимание: в эти годы в Вашингтоне сменилось три администрации — Форд представлял республиканскую партию, Картер был выдвинут демократической партией, Рейган, как и Форд, является ставленником республиканцев,— а все трое причастны к тому крутому повороту в политике, который осуществили Соединенные Штаты, грубо и вызывающе ломая все предыдущие соглашения и договоренности.

Демократ Картер, подписавший в 1979 году в Вене договор об ограничении ядерных вооружений, известный под названием ОСВ-2, вскоре после этого отрекся от него и снял договор с обсуждения в конгрессе, который должен был ратифицировать его. Он же запретил продавать хлеб СССР. Он же попытался сорвать проведение Олимпиады в Москве, запретив своим спортсменам участвовать в ней, и пытался уговорить правительства других капиталистических стран последовать его примеру.

Республиканец Рейган, действуя в том же духе, пошел еще дальше. При нем Соединенные Штаты завершили возврат к «холодной войне», бесцеремонно

нарушая все те договоры и соглашения, которые были заключены в семидесятые годы и которые создавали вполне реальную возможность для дальнейшей нормализации американо-советских отношений и международной обстановки в целом.

Пожалуй, давно уже человечество не было свидетелем такого откровенного саморазоблачения государственной системы, бесстыдно рекламирующей себя, как образец демократии. В самом деле, о какой демократии, о каком народовластии может идти речь в стране, где две основные политические партии, выступающие якобы с различных политических позиций и защищающие якобы различные интересы голосующих за них избирателей, если деятели и той и другой партии послушно выполняют указания реальной власти, действующей за кулисами,— власти денежного мешка?

Когда оглядываешься на минувшее десятилетие, явственно видишь: политика США после того как их хозяева — капиталистические монополии, и прежде всего военно-промышленный комплекс, пришли к выводу, что разрядка им не подходит,— и при республиканской администрации Форда, и при демократической администрации Картера, и при новой республиканской администрации Рейгана действовали, по сути дела, в одном направлении. Это был и есть курс на отказ от сотрудничества с нами и на конфронтацию. Различия между их действиями можно обнаружить лишь в отдельных нюансах, в деталях.

Тем важнее помнить и никогда не забывать, что мир — это не манна небесная. Мир завоевывается в упорной борьбе. «Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит только лишь заикнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек» [1],— предупреждал В. И. Ленин вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции.

Памятуя об этом, ЦК КПСС еще в 1977 году в своем постановлении о 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции предостерегал:

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 116.

«...Партия учитывает, что нынешний этап мирового развития характеризуется усилением классовой борьбы на международной арене. Агрессивные империалистические силы подхлестывают гонку вооружений, представляющую серьезную угрозу для мира и безопасности народов, пытаются всячески помешать разрядке напряженности. Реакционные круги организуют идеологические диверсии против Советского Союза и других социалистических стран, клеветнические антисоветские, антикоммунистические кампании, пытаются вмешиваться во внутренние дела социалистических и других стран. Нагнетая антикоммунистическую истерию, империалистическая реакция проводит гонения и террор против демократических, прогрессивных движений».

Конечно, такая политика империалистических держав недальновидна и бесперспективна.

Если империалисты оказались не в состоянии сломить нас военной интервенцией сразу же после Октябрьской революции, когда наша страна была слабой и экономически отсталой;

если гитлеровская Германия и ее союзники, мечтавшие поработить нас, потерпели сокрушительный разгром;

если Соединенные Штаты и их друзья не посмели осуществить планы ядерной войны против нас в ту пору, когда они обладали монополией на атомную бомбу;

если потерпели провал их планы подорвать социалистические страны изнутри в пятидесятые годы, когда на их стороне все еще был перевес в военной силе,—

то на что они могут рассчитывать сейчас, когда СССР и братские социалистические страны героическими усилиями ликвидировали это неравенство в силах и добились паритета?

Властители капиталистического мира на всех этапах своих отношений с миром социализма допускали одну и ту же роковую для них ошибку: они переоценивали силу оружия и недооценивали силу идей, воодушевляющих народы, борющиеся за правое дело, силу решимости народов, освободившихся от гнета капитала и отстаивающих свою свободу. Сила эта тем более велика, что вторая половина XX века озна-

меновалась созданием сообщества народов и стран нового, ранее невиданного типа — содружества социалистических государств.

Об этом вновь напомнил в своей речи на внеочередном Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года Генеральный секретарь ЦК нашей партии товарищ М. С. Горбачев:

«Первая заповедь партии и государства — беречь и всемерно укреплять братскую дружбу с нашими ближайшими соратниками и союзниками — странами великого социалистического содружества. Мы будем делать все от нас зависящее для расширения взаимодействия с социалистическими государствами, для повышения роли и влияния социализма в мировых делах».

«Советский Союз,— продолжал он,— всегда поддерживал борьбу народов за освобождение от колониального гнета. И сегодня наши симпатии — на стороне стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые идут по пути укрепления независимости и социального обновления. Они для нас — друзья и партнеры в борьбе за прочный мир, за лучшие, справедливые отношения между народами».

«Что же касается отношений с капиталистическими государствами,— заявил товарищ М. С. Горбачев,— то хочу сказать следующее. Мы будем твердо следовать ленинским курсом мира и мирного сосуществования. На добрую волю Советский Союз всегда ответит доброй волей, на доверие — доверием. Но все должны знать, что интересами нашей Родины и ее союзников мы не поступимся никогда».

Важнейшей задачей нашей внешней политики сегодня остается борьба за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, за устранение ядерной угрозы. И хотя международная обстановка остается очень сложной и во многом опасной, мы с оптимизмом смотрим в будущее. В борьбе за укрепление международной безопасности СССР и его союзники взаимодействуют со всеми миролюбивыми силами земного шара.

Весь ход мировой истории в последнюю четверть XX века неопровержимо доказывает, что идеологическая борьба, представляющая собой неотъемлемую

сторону мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам, приобретает все большее значение.

Вот почему защитники капитализма чем дальше, тем больше стараются уйти от честной борьбы идей, а их пропаганда все чаще и откровеннее приобретает характер идеологических диверсий. Эти господа отдают себе отчет в том, что их социальная система, построенная на угнетении человека человеком и на неслыханном обогащении эксплуататоров за счет эксплуатируемых, *незащитима.*

Отсюда они делают вывод: надо всячески избегать открытого сопоставления идей, лежащих в основе противоборствующих социальных систем, маскировать классовый характер общества. И неспроста по страницам книг буржуазных социологов и политологов вот уже четверть века гуляет невероятно неуклюжий и по сути своей бессмысленный лозунг «деидеологизации», якобы происходящей в современном мире.

Само по себе появление такой концепции является симптомом бессилия буржуазной социологии и философии. Но дело не только в этом. Все учащаются попытки забросить эту концепцию в мир социализма. Те, кто этим занимается, рассчитывают на то, что иные незрелые люди клюнут на гнилую наживку,— отмычка «деидеологизация», дескать, откроет двери для подрывной деятельности врагам социализма.

В последнее время мы являемся свидетелями нового усиления этой деятельности, лицемерно маскируемой под «борьбу идей». Предпринимаются тщетные попытки ослабить социалистическое содружество, расшатать социалистический строй. Наши противники хотели бы найти хоть какие-нибудь силы, выступающие против социализма внутри наших стран. Поскольку же таких сил нет и не может быть, ибо нет в социалистическом обществе ни угнетенных, эксплуатируемых классов, ни угнетенных, эксплуатируемых национальностей, то буржуазная пропаганда пытается создать хотя бы видимость «внутренней оппозиции» в социалистических странах, поднимает шумиху о так называемых «инакомыслящих», о мнимых нарушениях прав человека в странах социализма.

Конечно, ржавое оружие клеветы и подрывной деятельности неспособно принести победу. Пуская его в ход, черная сотня буржуазии лишь разоблачает собственные грязные замыслы.

Отношения социалистических государств с капиталистическими были и остаются отношениями непрекращающегося соревнования. Классовая борьба двух систем — капиталистической и социалистической — в сфере экономики, политики и идеологии продолжается и обостряется. Иначе и быть не может, ибо мировоззрение и классовые цели социализма и капитализма противоположны и непримиримы. К тому же нельзя забывать, что мирное сосуществование государств предполагает не только деловое, взаимовыгодное сотрудничество, но в то же время и борьбу, столкновение противоречащих интересов, неутихающую схватку идей, идеологий.

Вопрос, следовательно, не в том, будет или не будет идти борьба двух систем,— она исторически неизбежна. Вопрос в том, какие формы она примет. Советский Союз всемерно стремится к тому, чтобы исторически неизбежная идеологическая борьба велась в русле, не угрожающем войнами, опасными конфликтами, бесконтрольной гонкой вооружений. За это мы боремся. Такой и только такой курс обеспечит человечеству лучшее будущее!

## СОДЕРЖАНИЕ

**Жуков Ю.**

Ж 86 Нищие духом. Записки политического обозревателя.—М.: Правда, 1985.—368 с.

Советский журналист-международник, политический обозреватель «Правды» в своих публицистических заметках, охватывающих период с начала 70-х до середины 80-х годов, рисует на большом фактическом материале картину ужасающей нищеты духа современного буржуазного общества. Собранные им и подвергнутые анализу фактические данные убедительно иллюстрируют гневные слова В. И. Ленина: «Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо».

Ж $\frac{4702010200-1056}{080(02)-85}$ 1056—85 84 Р 7

**Юрий Александрович ЖУКОВ**

НИЩИЕ ДУХОМ

Редактор В. Т. Фомичев

Оформление художника Н. Н. Каминского

Художественный редактор В. В. Масленников

Технический редактор Т. Б. Слизун

ИВ 1056

---

Сдано в набор 07.05.85. Подписано к печати 25.06.85. Б 04338. Формат 84х108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,53. Уч.-изд. л. 20,05. Тираж 500 000 экз. (1-й завод: 1—150 000 экз.). Заказ № 4590. Цена 1 р. 10 к.

---

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

---

Отпечатано в типографии изд-ва «Советское Зауралье». 640627, г. Курган, ул. Карла Маркса, 106.

